Российская академия наук
Уральское отделение
ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

XI Уральский демографический форум

Международная научная конференция

(г. Екатеринбург, 4-5 июня 2020 г.)

XI Уральский демографический форум. Том I

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

XI Уральский демографический форум

Международная научная конференция

Сборник статей

Том I

Екатеринбург
2020

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
С 69

Ответственный редактор: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова; д-р истор. наук, проф. Г. Е. Корнилов
Рецензенты: д-р экон. наук, проф. Т. А. Коркина, д-р экон. наук, проф. И. А. Кулькова

Институт экономики УрО РАН, Россия; Институт истории и археологии УрО РАН, Россия; Уральский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Россия; Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, Кыргызстан; Институт исследований населения и человека Болгарской академии наук, Болгария; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия; Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей, Россия; ФИЦ комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова УрО РАН, Россия; Институт демографии и социологии Государственного университета Ильи, Грузия; Институт прогнозирования и макроэкономических исследований, Узбекистан; Уральский государственный медицинский университет Минздрава, России; РОО «Форум женщин Урала», Россия

С 69 **Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов** [Текст]: сб. ст. XI Уральского демографического форума: в 2-х томах / отв. ред. д-р экон. наук О. А. Козлова; д-р ист. наук Г. Е. Корнилов. Том I. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2020. — 303 с.
ISBN 978-5-94646-635-6

Сборник статей представляет интерес для экономистов, специалистов в области управления демографическими процессами, социологии и психологии воспроизводства населения, медицины и здоровьесбережения населения, историков, географов, преподавателей, аспирантов и представителей общественных и некоммерческих организаций, интересующихся вопросами демографической и семейной политики.

В первом томе размещены материалы научных докладов дискуссионных площадок: «Перепись населения как инструмент регулирования демографических процессов: исторический опыт» и «Социоэкономические факторы демографического развития».

Во втором томе размещены материалы научных докладов дискуссионных площадок: «Институты воспроизводства человеческого капитала: семья, школа, вуз», «Здоровье как ресурс социально-экономического развития» и «Миграция: современные вызовы».

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN 978-5-94646-635-6 © Институт экономики УрО РАН, 2020.

Содержание

I. Перепись населения как инструмент регулирования демографических процессов 5

Араловец Н. А. Статистика онкологических заболеваний населения РСФСР в 1970-е годы 5

Батырбаева Ш. Д. Особенности «Обзоров» статистических комитетов областей как источника изучения этнодемографической ситуации в Кыргызстане в конце XIX — начале XX века 12

Жиров Н. А. Школьное образование в дореволюционной России как средство модернизации социально-экономических отношений сельского общества (по материалам отчетов по образованию в Орловской губернии) 22

Жиромская В. Б., Корнилов Г. Е. К истории переписного дела в России: Всеобщие переписи населения XX века 28

Жумалиева С. Ч. Предпринимательство и торговля в начале XX веке в Северном Кыргызстане и формирование новых социальных групп населения (по данным учета промысловых занятий) 43

Каменских М. С. Болгарские политэмигранты на Урале в 1920–1930-е годы: обстоятельства и мотивы миграции, адаптация и судьбы (по материалам судебно-следственной документации) 51

Корнилов Г. Е., Тараканов М. Ю. Демографические структуры Нижнего Тагила в материалах переписей населения (конец XIX — первая половина XX в.) 64

Кругликова Г. А. Демографический фактор в культурной политике Российской Федерации 76

Пешина Э. В. Ретроспективный анализ формулировок переписей населения о национальности (народности) и родном языке с 1897 г. по 2010 г. 83

Уваров С. Н. Влияние антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на брачность и разводимость в Удмуртии 89

II. Социально-экономические факторы демографического развития 95

Акрамова Ш. Г. Демографическое окно возможностей в Узбекистане: вызовы и перспективы развития 95

Архангельский В. Н. Изменения возрастной модели рождаемости в России: условные и реальные поколения 103

Бобаназарова Ж. Х. Социально-экономические и воспитательные особенности женской рабочей силы 113

Ворошилова А. И. Эволюция брачно-репродуктивного поведения как фактор демографического развития 122

Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Ситковский А. М. Приоритеты качества жизни в нормализации социально-демографических процессов территорий 129

Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И., Красинец Е. С. Миграционные проблемы союзного государства в период пандемии 136

Иконников Д. В. Практика коттеджного пригорода для России 142

Калачикова О. Н., Груздева М. А. Детерминация моделей отцовства: экономический подход 146
Кулькова И. А. Весомость повышения пенсионного возраста как фактора сокращения рождаемости 154
Логинов В. Г. Демографический потенциал арктических районов: особенности формирования 161
Лопаева В. А. Продолжительность жизни, факторы, мировой опыт 170
Макарова М. Н. Оценка ресурсообеспеченности здравоохранения в российских регионах 182
Мельникова А. С. Перспективы занятости лиц старшего возраста на рынке труда 190
Новак М. А., Козлова Е. И. Улучшение демографической ситуации в регионе за счет снижения смертности: возможности и проблемы (на примере Липецкой области) 196
Оболенская А. Г. Социально-демографические показатели эффективности государственной политики в отношении молодых семей 202
Пациорковский В. В. Движение населения сельской местности Среднего Урала 210
Саитова Д. Г. Оценка эффективности мер пронаталистской политики: актуальность и подходы 218
Сафиуллин М. Р. Социоэкономический и демографический потенциал Уфимской агломерации Республики Башкортостан 227
Седельников В. М. Влияние ценностных ориентаций населения на современные форматы предприятий общественного питания 235
Симагин Ю. А. Демографические проблемы эксклавных приоритетных геостратегических территорий России 239
Соловьев А. К. Демографические факторы государственного управления развитием пенсионной системы России 246
Сулаберидзе А. В., Арчвадзе И. С. Демографические аспекты пандемии и трансформация государственной функции в период постпандемии 251
Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В. Мотивация и социально-экономические предпочтения молодёжи как фактор демографического развития 259
Тонких Н. В., Антонов Д. А., Семерикова Д. А. Востребованность активных инструментов содействия занятости женщин с малолетними детьми в контексте демографической политики 267
Трушкова Е. А., Макарова М. Н. Социально-демографическая асимметрия развития территориальных образований: понятие и факторы асимметрии 273
Шамова Е. А. Реакция рынка труда российских регионов на введение ограничительных мероприятий в связи с пандемией COVID-19 281
Шмарова И. В. Материальные ресурсы российской демографической политики: динамика объемов и обеспеченность ими семей с детьми 288
Шубат О. М., Багирова А. П. Динамика показателей прародительского труда в Свердловской области 295

I. ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

УДК 314.4

Н. А. Араловец

СТАТИСТИКА ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РСФСР В 1970-Е ГОДЫ[1]

Изучение онкологических заболеваний населения РСФСР и, прежде всего, злокачественных новообразований в 1970-е гг. особенно актуально в условиях их широкого распространения в последующие годы. Автор на основе преимущественно архивных данных показал основные факторы такого распространения. Особое внимание было уделено исследованию экологических факторов. Автор представил динамику, а также рассмотрел локализацию злокачественных заболеваний в городах и сельских местностях РСФСР. Раскрыл особенности проявления этих болезней у мужчин и женщин в зависимости от возраста. Показал основные методы лечения злокачественных болезней. Подчеркнул важную роль в их лечении ранней диагностики и пришел к выводу, что злокачественные болезни стали ведущим классом в причинах смерти российского населения, что соответствовало современному типу заболеваемости и смертности населения РСФСР.

Ключевые слова: злокачественные новообразования, факторы распространения, состав больных, лечение

Онкологические заболевания связаны с образованием в организме человека доброкачественных и злокачественных опухолей. Эти болезни, по сути, объединяют разнообразные заболевания. В статье рассматриваются особенности заболеваемости населения РСФСР злокачественными новообразованиями в 1970-е гг.

В 1970-е гг. в РСФСР, как и в СССР в целом, отмечалось дальнейшее распространение заболеваемости населения злокачественными новообразованиями. Это явление было связано с совокупностью факторов. Одним из них было увеличение в возрастном составе населения средних и старших возрастных групп. Медики отмечали негативное влияние курения на состояние здоровья человека. В РСФСР, прежде всего, в городах нарастали острые экологические проблемы. Экологическое неблагополучие, наряду с другими факторами, способствовало быстрому развитию злокачественных новообразований. Исследователи пришли к выводу об отрицательном влиянии на организм человека канцерогенных веществ, содержавшихся в окружающей среде. Одним из источников такого загрязнения

[1] © Араловец Н. А. Текст. 2020.

были промышленные предприятия, в том числе электродной промышленности, где в качестве сырья использовались смолистые вещества и бензапирен. В воздухе таких производственных помещений накапливалось высокое содержание бензапирена, что самым негативным образом влияло на состояние здоровья работников данных производств. В 1960–1980-е гг. в Челябинске были проведены специальные обследования, показавшие влияние электродного производства на заболеваемость его работников злокачественными новообразованиями. В ходе их проведения было выявлено заметное превышение уровня заболеваемости злокачественными опухолями среди работников электродного производства по сравнению с населением Челябинска в целом. На 100000 чел. населения заболело злокачественными новообразованиями пищевода работников электродного производства — 9,0, жителей Челябинска — 5,4, желудка — 172,0 и 39,7, легких — 267,9 и 38,9, шейки матки — 35,8 и 14,8, молочной железы — 19,4 и 17,3; кожи — 37,5 и 16,7; лимфатических и кроветворных тканей — 26,5 и 8,9 [1, с. 21, 26, 30, 31].

В 1970-е гг. в РСФСР увеличилось число больных злокачественными болезнями, состоявших на учете в лечебно-профилактических учреждениях. Из данных статистики видно увеличение в РСФСР численности больных злокачественными новообразованиями, состоявших на учете онкологических учреждений (система Министерства здравоохранения). На 100 000 чел. населения состояло на учете лечебно-профилактических учреждений (система Министерства здравоохранения) в 1970 г. — 749,9 чел., в 1975 г. — 813,9 чел. В СССР отмечалось аналогичное явление соответственно — 675,1 и 726,5 чел.

В то же время в РСФСР отмечалось повышение численности выявленных больных с впервые установленным диагнозом злокачественного новообразования. На 100000 чел. населения такие больные составляли в 1970 г. — 197,9 чел., в 1973 г. — 201,3, чел. в 1975 г. — 217,6 чел., в 1979 г. — 218,4 чел.[1]

Следует отметить, что в 1970-е гг. в СССР показатели заболеваемости населения злокачественными заболеваниями были ниже, чем в РСФСР: в 1973 г. — на 100000 чел. населения было зарегистрировано больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного заболевания — 187 чел. Вместе с тем высокий уровень заболеваемости данными болезнями отмечался в Эстонии — 268 чел., в Латвии — 246 чел., в Литве — 210 чел., на Украине — 200 чел. В последующие годы в СССР заболеваемость населения злокачественными новообразованиями повысилась.

Онкологические болезни наиболее широкое распространение получили в городах. Это явление было характерно и для злокачественных

[1] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 56. Д. 2013. Л. 1об.; Оп. 62. Д. 1778. Л. 2об. (подсчеты автора); Здоровье населения и развитие здравоохранения в 1975 году. Стат. сб. М., 1976. С. 34; Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР. Стат. сб. М., 1976. С. 255.

новообразований. На 100 000 чел. населения было зарегистрировано больных злокачественными новообразованиями с впервые установленным диагнозом: в 1973 г. в городах — 206,4 чел., в сельских местностях — 191,6 чел.; в 1979 г. — 226,1 и 200,8 чел.[1]

Однако проведенные исследования показали, что в отдельных областях РСФСР, к примеру, в Челябинской области, в сельских местностях был зафиксирован более высокий темп прироста заболеваемости населения злокачественными новообразованиями, чем в городах. В 1974–1983 гг. в Челябинской области ежегодный темп прироста злокачественных ново образований среди сельского населения составлял 3,3 %, среди городского — 2,4 % [1, с. 10].

Следует отметить, что в городах показатели злокачественных болезней были выше, чем в сельских местностях и в СССР в целом — на 100 000 чел. населения было зарегистрировано больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования: в СССР — 193,3 чел., в городах — 207,8 чел., в сельских местностях — 169,2 чел.[2]

В РСФСР наиболее распространёнными локализациями опухолей, как и в предыдущие десятилетия, были злокачественные новообразования органов пищеварения и брюшины, особенно желудка, органов дыхания (преимущественно трахей, бронхов и лёгкого), мочеполовых органов (большей частью шейки матки), кожи и т. д. Это явление подтверждается данными за 1973 г. о составе больных злокачественными новообразованиями, состоявшими на учёте в лечебно-профилактических учреждениях. В РСФСР из общего числа больных, взятых на учет этими учреждениями, больные с злокачественными новообразованиями органов пищеварения и брюшины составляли 39,6 %, мочеполовых органов — 18,0 %, органов дыхания — 15,1 %, кожи — 11,1 %, молочной железы — 6,7 %, полости рта и гортани — 4,7 %, костей и соединительной ткани — 1,8 %, мозга и других отделов нервной системы — 1,1 %, прочие опухоли — 1,9 %[3]. Из приведенных данных видно численное преобладание в лечебно-профилактических учреждениях больных злокачественными новообразованиями органов пищеварения и брюшины, органов дыхания, мочеполовых органов, кожи.

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1772. Л. 1об. (подсчеты автора). В записке ЦСУ РСФСР и Минздрава РСФСР о заболеваемости и смертности населения РСФСР злокачественными новообразованиями в 1970-е гг. фиксировались более низкие показатели заболеваемости. На 100000 чел. населения было зарегистрировано больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования: в городах в 1970 г. — 205 чел., в 1975 г. — 223 чел., в 1978 г. — 233 чел.; в сельских местностях — 187, 207, 207 чел., в РСФСР в целом — 198, 218, 225 чел. В то же время приведенные данные демонстрируют значительное увеличение уровня заболеваемости населения этими болезнями. В 1978 г. по сравнению с 1970 г. заболеваемость населения злокачественными новообразованиями повысилась в городах РСФСР на 14,0 %, в сельских местностях — на 10,6 %, см.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1620. Л. 70.

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1772. Л. 1об. (подсчеты автора).

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1836. Л. 3об. (подсчеты автора).

Аналогичное явление было зафиксировано в данных статистики о заболеваемости населения РСФСР злокачественными новообразованиями по отдельным локализациям.

Данные статистики показывают, что с 1970 г. по 1978 г., то есть за 8 лет в РСФСР увеличились показатели заболеваемости населения злокачественные новообразования полости рта (на 100000 чел. населения больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного заболевания было в 1970 г. — 2,1 чел., в 1978 г. — 3,2 чел.), гортани (соответственно — 3,5 и 4,3 чел.), прямой кишки (5,9 и 8,6 чел.), молочной железы (11,4 и 15,2 чел.), кожи (23,1 и 24,2 чел.), кроветворных органов и лимфатической ткани (7,9 и 8,9 чел.), прочих органов (53,6 и 61,5 чел.). В эти годы заметно повысился уровень заболеваемости населения злокачественными новообразованиями трахеи, бронхов, легких (26,4 и 32,3 чел.). Вместе с тем уменьшился уровень заболеваемости населения злокачественными новообразованиями пищевода (7,9 и 5,8 чел.), желудка (58,3 и 47,7 чел.), шейки матки (16,9 и 13,2 чел.). Важно также отметить, что заболеваемость населения злокачественными новообразованиями желудка сохраняла наиболее высокие показатели, несмотря на снижение[1].

Локализация опухолей имела различия у городских и сельских онкологических больных. В 1973 г. в РСФСР у больных городских жителей, состоявших на учете в лечебно-профилактических учреждениях, ведущими были злокачественные новообразования молочной железы, органов дыхания, мозга и других отделов нервной системы, костей и соединительной ткани. У больных сельских жителей преобладали злокачественные новообразования полости рта, гортани, кожи, мочеполовых органов, а также костей и соединительной ткани.

В 1979 г. в городах и сельских местностях РСФСР в структуре злокачественных заболеваний населения лидировали злокачественные новообразования желудка, а также трахеи, бронхов, легких. На 100000 чел. населения больных злокачественными новообразованиями желудка было в РСФСР — 46,6 чел., в городах — 46,8 чел., в сельских местностях — 46,2 чел., трахеи, бронхов и легких соответственно — 33,5, 34,3, 31,9 чел.

Данные статистики свидетельствовали о численном преобладании мужчин среди больных злокачественными новообразованиями желудка и органов дыхания (трахеи, бронхов, легких). У женщин были распространены злокачественные заболевания шейки матки и молочной железы. Однако женщины также часто болели злокачественными новообразованиями желудка. Кроме того, мужчины и женщины были подвержены заболеваемости злокачественными новообразованиями кроветворных органов и лимфатической ткани, кожи, прочих органов[2].

В РСФСР злокачественные болезни отмечались у мужчин и женщин в молодых (до 29 лет) и в средних возрастах. Женщины чаще мужчин

[1] Там же. Оп. 62. Д. 1620. Л. 71.

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1778. Л. 2 об. (подсчеты автора).

болели злокачественными новообразованиями, особенно в детских, подростковых, молодых и средних возрастах. Мужчины наиболее часто болели злокачественными заболеваниями в средних возрастах. Однако с увеличением возраста число больных злокачественными новообразованиями мужчин и женщин повышалось, особенно в возрасте 60–69 лет. Важно подчеркнуть, что в этом возрасте мужчин больных злокачественными болезнями было численно больше, чем женщин. В 1974–1975 гг. в РСФСР на 100 000 чел. населения соответствующего пола и возраста с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования в возрасте 60 лет и старше болело мужчин 1192,1 чел., женщин — 643,1 чел.[1]

Изучение состава онкологических больных показало доминирование больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования, отнесенных медиками ко второй клинической группе для прохождения специального лечения. В 1973 г. в РСФСР больные второй клинической группы составляли 79,1 % (от числа больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования), четвертой клинической группы (хроническое течение болезни) — 20,9 %; в 1979 г. — 80,2 % и 19,8 %. Приведенные данные показывают, что в 1970-е гг. число онкологических больных второй клинической группы повышалось, четвертой — сокращалось. Это явление особенно видно по сравнению с аналогичными данными 1968 г. (соответственно — 77,1 % и 22,9 %).

Аналогичная ситуация была характерна для детей, больных злокачественными заболеваниями: в 1973 г. больные дети второй клинической группы составляли 85,4 %, четвертой — 14,6 %, в 1979 г. — 86,8 и 15,2 %.

В составе онкологических больных были больные, прожившие с момента установления диагноза злокачественного заболевания 5 лет и более. В 1973 г. в РСФСР больные, состоявшие на учете с момента установления диагноза, прожили менее года — 17,1 % больных (от числа онкологических больных, состоявших на учете с момента установления диагноза), 1–2 года — 19,9 %, 3–4 года — 15,5 %, 5–9 лет — 24,1 %, 10 лет и более — 23,4 % больных. В 1975 г. онкологические больные после установления диагноза прожили 5–9 лет — 23,1 %, 10 лет и более — 24,4 %.

Однако больные дети после диагностирования злокачественного новообразования жили короткий период — от менее года до 1–2 лет. В 1973 г. в РСФСР больные дети, состоявшие на учете с момента установления диагноза, прожили менее года — 39,6 % от числа онкологических больных детей, состоявших на учете с момента установления диагноза), 1–2 года — 29,6 %, 3–4 года — 17,6 %, 5–9 лет — 11,2 %, 10 лет и более — 2,0 % больных детей. В последующие годы в РСФСР фиксировалось аналогичное явление. Изучение злокачественных болезней показало, что увеличение срока проживания онкологических больных было обусловлено диагностикой, особенно на ранних стадиях заболевания, с момента установления диагноза

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1832. Л. 33–33 об. (подсчеты автора); Оп. 56. Д. 2009. Л. 2об.; Здравоохранение и социальное обеспечение в СССР … С. 258.

— с выработанными в медицине общими принципами и методами лечения злокачественных новообразований.

Важнейшую роль в лечении злокачественного заболевания, как отмечалось, играла ранняя диагностика болезни. В то же время в 1970-е гг. в РСФСР при профилактических осмотрах населения выявлялся низкий процент заболевших. Из числа больных с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественное новообразование при профилактических осмотрах выявлялось 7–8 % больных, в том числе с четвертой клинической группой[1].

Онкологические больные второй клинической группы проходили специальное лечение: хирургическое, лучевое, комбинированное хирургическое и лучевое, химиотерапевтическое, комплексное. В российских лечебно-профилактических учреждениях преобладало только хирургическое, только лучевое и комбинированное хирургическое и лучевое лечение. В 1973 г. больные второй клинической группы, закончившие в этом году только хирургическое лечение, составляли 30,0 % (от общего числа больных этой группы, закончивших в этом году специальное лечение), только лучевое — 36,7 %, комбинированное хирургическое и лучевое — 15,3 %, химиотерапевтическое — 10,5 %, комплексное — 7,5 %. В 1975 г. у больных второй клинической группы преобладало только хирургическое лечение, его закончили 30,4 % больных, только лучевое — 43,8 %. Другие формы лечения применялись заметно реже: комбинированное хирургическое и лучевое закончили 14,8 % больных, химиотерапевтическое — 10,4 %, комплексное — 0,6 % больных.

У больных детей доминировало только хирургическое лечение. В 1973 г. больные дети второй клинической группы, закончившие в этом году только хирургическое лечение, составляли 41,0 % (от общего числа больных детей этой группы, закончивших в этом году специальное лечение), только лучевое — 18,9 %, комбинированное хирургическое и лучевое — 16,5 %, химиотерапевтическое — 10,5 %, комплексное — 13,1 %[2]. Таким образом, в эти годы в медицинской практике преобладало только хирургическое и только лучевое лечение.

Больные злокачественными заболеваниями получали специальное лечение, главным образом, в больницах, значительно реже лечились в амбулаторно-поликлинических учреждениях. В 1973 г. из числа больных, закончивших данное лечение, закончили лечение амбулаторно 18,3 % больных[3]. Вместе с тем в РСФСР, несмотря на принимаемые медиками меры в области изучения злокачественных болезней, осуществляемого лечения больных, распространение злокачественных заболеваний продолжалось.

---

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1836. Л. 3 об. (подсчеты автора); Оп. 55. Д. 1953. Л. 44; оп. 62. Д. 1767. Л. 3об. (подсчёты автора); Здоровье населения и развитие здравоохранения в 1975 году … С. 34.

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1836. Л. 4 об. (подсчёты автора).

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1836. Л. 4 об.; Оп. 56. Д. 2013. Л. 4 об. (подсчёты автора).

Таким образом, в 1970-е гг. в РСФСР и, прежде всего, в городах отмечалось активное распространение злокачественных новообразований. Этот класс болезней стал ведущим в причинах смерти российского населения. Все это соответствовало современному типу заболеваемости и смертности населения РСФСР.

Список источников

1. Эпидемиология злокачественных опухолей в Челябинской области: сб. науч. тр. / Отв. ред.: Е. И. Бехтерева [Текст]. Челябинск : Челябинский мед. ин-т, 1984. 121 с.

Информация об авторе

Араловец Наталья Аркадьевна (Россия, Москва) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (ИРИ РАН, iriran@mail.ru).

Aralovets N. A.

Oncological Morbidity of Population of the Russian Federation in the 1970-S

The study of oncological diseases of the population of the RSFSR and, above all, malignant neoplasms in the 1970s is particularly relevant in the conditions of their wide spread in the following years. The author has shown the main factors of such distribution on the basis of mainly archival data. Special attention was paid to the study of environmental factors. The author presented the dynamics and considered the localization of malignant diseases in cities and rural areas of the RSFSR. Revealed the features of the manifestation of these diseases in men and women, depending on age. Showed the main methods of treatment of malignant diseases. Emphasized the important role in their treatment of early diagnosis. Came to the conclusion that malignant diseases became the leading class in the causes of death of the Russian population, which corresponded to the modern type of morbidity and mortality of the population of the RSFSR.

Keywords: malignant neoplasms, factors of distribution the composition of patients, treatment.

Author

Aralovets Natalia A. (Russia, Moscow) — doctor of historical Sciences, leading researcher, Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences (IRI RAN, iriran@mail.ru)

References

1. Epidemiology of malignant tumors in the Chelyabinsk region: collection of scientific works. tr. / Otv. ed.: E. I. Bekhtereva [Text]. Chelyabinsk: Chelyabinsk honey. in-t, 1984. 121 p.

УДК 94(575.2)»18/19»:314

Ш. Д. Батырбаева

ОСОБЕННОСТИ «ОБЗОРОВ» СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ ОБЛАСТЕЙ КАК ИСТОЧНИКА ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА[1]

В статье рассмотрены особенности введения в научный оборот ежегодных «Обзоров Семиреченской области» как одного из основных источников по истории дореволюционного Северного Кыргызстана. Информативные возможности «Обзоров» позволяют исследовать этнический состав населения региона и выявить проблемы их использования на примере учета киргизского населения.

Ключевые слова: «Обзор Семиреченской области», Северный Кыргызстан, этнический состав населения

Одной из актуальных проблем в отечественной историографии является объективное и всесторонне исследование этнодемографической ситуации в процессе колонизации края Российской империей в конце XIX — начале XX века. В статье вводятся в научный оборот ежегодные «Обзоры Семиреченской области», являющиеся одним из основных источников исследования изменения этнического состава населения Северного Кыргызстана.

«Обзоры» представляли собой официальные издания региональных статистических комитетов, они составлялись с 1802 г. по 1917 г. как приложения к отчетам губернаторов, в них публиковался материал по истории и географии края, содержались сведения о населении, его экономической деятельности, естественных и производительных силах, податях и повинностях, общественном благоустройстве, состоянии здравоохранения, народного просвещения, переселенческого дела, торговли, а также сведения о фольклоре, этнографии, быте, обычаях и нравах различных категорий населения, учреждениях культуры [1]. С образованием 13 января 1879 г. Семиречинского областного статистического комитета начинается работа по составлению обзора Семиреченской области (далее — «Обзор») [2]. В 1883 г. был опубликован первый «Обзор» — за 1882 г. Последующие его выпуски продолжались до 1914 г. В разработку, составление и издание «Обзоров» неоценимый вклад внесли Н.А. Аристов, Н.Н. Пантусов, В.Е. Недзвецкий [3–5]. Информативная база «Обзоров» менялась как с развитием самой области, так и с организацией деятельности статистического комитета. С каждым годом появлялись все новые разделы и главы. Об этом свидетельствует простое сравнение объема первого и последнего выпуска. Если текстовая часть «Обзора» за 1882 г. была 78 страниц, то в «Обзоре» за 1913 г она увеличилась до 110, приложения в виде таблиц за 1882 г. составляли 41 страницу, а за 1913 г. их количество выросло

[1] © Батырбаева Ш. Д. Текст. 2020.

до 61. Центральный статистический комитет давал лишь общее направление ведения «Обзора», не было конкретных строгих требований. «Обзоры» создавались исходя из особенностей местных условий, ориентировались на политику освоения края краевой администрации. В зависимости от положения региона в каждом «Обзоре» уделялось внимание каким-либо вопросам и аспектам, и часто менялись структуры разработанных формуляров. Для сопоставимости данных по статике и динамике требовалась вторичная разработка исходных показателей. Видимо, этим можно объясняется отрывочное использование данного источника в изучении дореволюционной истории Кыргызстана, главным образом для аргументации полученных на основе других источников выводов.

На сегодня «Обзоры» стали доступны исследователям в электронном варианте в сети «Интернет». Следует выделить публикации Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ). С 2018 г. ГПИБ на сайте в открытом доступе разместила практически все выпуски «Обзоров Семиречинской области». «Обзоры» были просмотрены 5743 раза, наиболее часто просматриваемые — выпуски за 1882 г. (534), 1906 г. (329) и 1913 г. (627). Исходя из этого, можно предположить, что «Обзоры» как источник в изучении дореволюционной истории Северного Кыргызстана и Южного Казахстана востребованны. Для исследователей было бы полезно в дальнейшем, используя фонды других библиотек (ГПИБ восполнил пробелы данного электронного ресурса), опубликовать «Обзоры» за 1894 и 1896 гг., заново оцифровать с бумажного носителя «Обзор» 1897 г. и добавить приложения к «Обзору» 1895 г.

В изучении этнодемографической ситуации в Кыргызстане в конце XIX в. — начале XX в. «Обзоры» являются одним из основных источников. Особенно важны приложения «Обзоров», где представлены разработки материалов учета естественного и механического движения населения области. Следует обратить внимание на то, что начиная с 1898 г. отдельно начали публиковать данные о движении православного населения области, а с 1901 г. — о движении мусульманского населения. Повышенный интерес исследователей вызывают результаты разработки учета населения по вероисповеданию, по сословиям, а с 1900 г. — по народностям. Для активного использования данного источника необходимо изучить его информативный потенциал и выявить основные проблемы введения содержащихся в нем сведений в научный оборот. В настоящей статье рассмотрены некоторые вопросы использования материалов учета населения по народностям.

Несмотря на большой массив данных о динамике численности населения с учетом этнической и расселенческой структуры за длительный период, на их основе невозможно выявить динамику численности населения региона, главным образом коренного населения. Основная проблема заключалась в организации учета естественного движения киргизского населения (как в источнике). Это отмечали в первом выпуске сами работники

Таблица 1

Динамика численности населения по данным ведомостей «О народонаселении по сословиям» и «О народонаселении по народностям»*

Год	г. Пржевальск		Пржевальский уезд		Итого по уезду	г. Пишпек		Пишпекский уезд		Итого по уезду	Всего
	м	ж	м	ж		м	ж	м	ж		
1882(88)			35071	32443	67514			43335	39095	82430	149944
1885(81)			35320	31169	66489			44787	37822	82609	149098
1889 (88)			40151	28873	69024			47397	34241	81638	150662
1890(126)			41267	29712	70979			48088	34630	82718	153697
1891(92)			37136	26607	63743			41057	39770	80827	144570
1892(96)			38320	27158	65478			42316	39983	82299	147777
1893(120)			39403	28085	67488			43249	40734	83983	151471
1896(17)					99409					106287	205696
1899(102)	60	35	65106	50613	115814	275	245	70979	53076	124575	240389
1900(80)	60	40	69565	53475	123140	92	53	80932	63104	144181	267321
Перепись 1897**	810	556	69211	57730	128307	428	238	81723	69784	152173	280480

* Обзор Семиреченской области за 1882 год. С. 88; Обзор... за 1885 год. С. 88; Обзор... за 1889 год. С. 88; Обзор... за 1891 год. С. 92; Обзор... за 1892 год. С. 96; Обзор... за 1893 год. С. 120; Обзор... за 1896 год ... С. 17; Обзор ...за 1899 год. С. 102; Обзор... за 1900 год. С. 80. URL:// http://elib.shpl.ru/ru/nodes/50512-obzor-semirechenskoy-oblasti-po-godam-vernyy-1883–1915; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXXXV. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 52–53.

** Первая всеобщая перепись населения Российской империи.1897 г. Т. LXXXV. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 52–53.

статического комитета отмечали: «Цифры, показанные в ведомости о движении населения, могут считаться верными только относительно христиан, ибо, за неимением у кочевого мусульманского населения метрических записей и органов для их ведения, сведения о числе родившихся и умерших мусульман, а равно и о числе браков, доставляются волостными управителями и весьма сомнительны»[1]. К сожалению, такое положение, несмотря на предпринятые меры, сохранялись весь рассматриваемый период. Основные причины такого состояния в обзоре за 1912 г. работники облстаткомитета объясняли следующим образом: «…Во-первых, вследствие небрежного ведения метрических книг в волостях, а, во-вторых, вследствие того, что в метрические книги, ведение которых, главным образом, лежит на аульных старшинах, не вносятся рождения и смерти у тех киргиз, которые проживают по селениям и в городах, поэтому приведенная выше

[1] Обзор Семиреченской области за 1882 год. Верный, 1883. 78 с. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/49770-za-1882-god-1883.

Таблица 2

Численность киргизов Пишпекского и Пржевальского уездов по данным «Обзоров Семиречинской области» за 1896,1899, 1900 гг. и материалов переписи населения Российской империи 1897 г.*

Уезд	Численность населения по годам, чел.			Перепись 1897 г.
	1896	1899	1900	
Пишпекский уезд	106287	124575	123140	152173
Пржевальский	99409	115814	144181	128307
Всего	205696	240389	267321	280480

* Подсчитано по данным табл. 1.

Таблица 3

Численность кыргызов по данным ведомостей «О народонаселении по народностям» и «О народонаселении по сословиям»*

Год	Название ведомости	Численность кыргызов, чел.							
		г. Пржевальск		Пржевальский уезд		г. Пишпек		Пишпекский уезд	
1901	О народонаселении по народностям	55	35	69298	55474	235	203	81197	64570
	О народонаселении по сословиям	55	35	45838	40233	235	203	81197	64570
1902	по народностям	60	40	71043	55520	279	206	83022	64186
	по сословиям	60	40	71031	55520	279	206	83022	64189
1903	по народностям	150	80	83460	66499	308	210	81041	67914
	по сословиям	150	80	83245	66381	301	213	81004	67938
1904	по народностям	175	102	83380	67618	268	198	83350	64797
	по сословиям	175	102	83371	67618	268	198	83325	64780

* Обзор … за 1901 год. Верный, 1902. С. 96, 100–101; Обзор … за 1902 год. Верный, 1903. С. 100, 105, 106; Обзор … за 1903 год. Верный, 1904. С. 86–88, 94–95; Обзор … за 1904 год. Верный, 1905. С. 90, 93.

цифры естественного прироста менее действительны»[1]. Еще одна проблема — некачественный учет женщин коренного населения. Традиционно киргизы учет населения ввели либо по кибиткам, либо учитывали только мужчин. И когда в аулах старшины вели учет естественного движения, они могли пренебрежительно относится к учету женщин. Такая традиция

[1] Обзор Семиреченской области за 1912 год. Верный, 1914. С. 431. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/49797-za-1912-god-1914.

Этнический состав населения городов, селений, киргизских волостей Пишпекс

Города, селения, киргизские волости	Годы	Русские		Киргизы		Таранчи		Дунгани	
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Пишпекский									
г. Пишпек	1906*1	3849	3404	337	280	29	5	965	792
	1912	5343	5102	601	486	86	34	1169	999
	1913*2	6745	6710	673	520	75	37	1108	885
Казачьи станции	1906	1048	896						
	1912	502	385						
	1913	509	395						
торговые местечки (токмак)	1906			168	109	92	51	411	222
	1912			5		6	3	276	202
	1913			6		6	4	280	210
крестьянские селения итого	1906	7975	7684						
	1912	22827	21753	10352	7328			5	3
	1913*3	23950	23434	120	79			8	12
Дунганские волости	1906	8	12			35	18	3566	2907
	1912	16	20	150	50	86	92	3661	3213
	1913	5	6	510	160	50	45	3574	3305
Киргизские волости	1906	465	477	84962	68613				
	1912	1795	1696	89355	6981				
	1913	2537	2400	100209	76014			4	2
Итого по уезду	1906	13345	12473	85466	69002	156	69	4942	3921
	1912	30482	28956	100463	77545	178	129	5111	4417
	1913	35746	32945	101518	76773	131	86	4974	4414
Пржевальский									
г. Пржевальск	1906	2759	2338	235	192	125	98	723	560
	1912	3626*4	2453	453	319	121	76	691	567
	1913	4752	2841	924	812	166	151	519	518
Казачьи селения	1906								
	1912	461	442						
	1913	475	463						
Торговая слобода	1906	291	98	76	65			59	49
	1912	335	66	110	112	4	4	51	49
	1913	89	96	156	155	2	2	15	12
Крестьянские селения	1906	6129	5840	27	13	1	1	8	6
	1912	14617	14002	1078	873	1	1	10	7
	1913	15807	14993	673	532	5	1	24	12
Дунганские селения	1906							1314	1162
	1912							1350	1104
	1913			15	22			1335	1126

Окончание табл.

Таблица 4

кого и Пржевальского уездов Семиреченской области в 1906, 1912 и 1913 гг.

Сарт-калмыки		Татары		Сарты		Евреи		Иност. подданные				Другие народности	
								китайцы		сарты			
м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
уезд													
		264	255	751	567					218	98		
		434	383	1127	872	13	9	3	1	474	113	76	69
		317	282	1312	935	10	8			375	110	57	48
		1	1										
		4	5							8			
		5	6							8			
		137	112	1280	844					180	109		
		115	80	1580	949					200	68		
		150	100	1500	950							250	110
		20	20	146	111					112	54		
		83	61	326	244			1	1	30	15	80	85
		90	79	295	249					60	19	14	3
				20	8			3		36	14		
				146	125			7		319	126		
				45	41			10		150		16	18
		1		63	43								
		10	7	61	50						1		
		15	12	54	47					28	2		
		423	388	2260	1575			3		546	275		
		646	536	3240	2231	13	9	11	2	1032	324	156	154
		577	479	3206	2222	10	8	10		621	131	337	174
уезд													
65	38	516	432	1701	1457	17	9			882	159	37	11
112	96	472	379	1820	1451	40	11			973	604		
102	94	476	374	1225	1216	31	7			677	460[*5]		
23	25												
21	23												
		77	68	470	396					232	121		
		33	35	739	648					279	160		
		298	274	501	458					411	361	3	
8	3	24	18	79	69					177	144	1	
2	1	63	55	176	126	1				262	183		
		72	60	285	167					637	302		
								12	3	6	9		

на след. стр.

Окончание

Города, селения, киргизские волости	Годы	Русские		Киргизы		Таранчи		Дунгани	
		м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Киргизские волости	1906	130	Ё37	74245	57436			14	8
	1912	414	348	48064	58354			1	
	1913	216	182	82234	60121			1	2
Итого по уезду	1906	6550	6055	74 348	57514			1395	1225
	1912	19453	17311	79705	59658	126	81	2103	1758
	1913	21339	18576	84072	61652	173	157	1894	1670
Северный Кыргызстан	1906	19895	18528	158814	126516	156	69	6337	5146
	1912	49935	46267	180168	137203	142	201	7214	6175
	1913	57085	51521	185590	138425	301	243	6868	6084

*1 Обзор Семиречинской области за 1906 год. Верный, 1907. 121 с.

*2 Обзор Семиречинской области за 1913 год. Верный, 1915. С. 132–135.

*3 Обзор Семиречинской области за 1913 год. Верный, 1915 С. 130.

и сегодня пристуствует в устном учете населении. Об этом свидетельсвует учет в санжыре — генеалогия кыргызов по мужскому полу.

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что в 1882–1990 гг. численность женщин значительно была ниже численности мужчин. Сведения таблицы фиксируют диспропорцию между численностью женщин и мужчин среди киргизов. Если в 1882 г. данная величина колебалась в пределах 3000 чел., то с каждым годом она увеличивалась, в 1899 г. численность мужчин в Пржевальском уезде превышала численность женщин на 14,5 тыс., а в Пишпекском — на 18 тыс. Такая же картина наблюдалась по результатом переписи 1897 г.: в Пишпекском уезде 12129 чел., а в Пржевальском — 11735 чел. Эта разница в относительной величне колебалось от 8 до10 тыс. в материалах переписи, а в «Обзоре» — около 10 %. Следовательно, реальная численность киргизов в двух уездах была значительно выше, чем зафиксировано. При исследованиях данной проблемы необходимо привлечение других источников, необходимо определить уровень погрешности учета женского населения для обоснования численности неучтенных людей.

Для определения качества учета численности населения мы на основании имеющихся источников сопоставили общую численность киргизов, отраженную в «Обзорах» за 1896,1899 и 1900 гг., с результатами переписи 1897 г. Как видно в таблице 2, расхождения существенные. Перепись на начало 1897 г. зафиксировала численность киргизов в пределах двух уездов в количестве 280480 чел., а в «Обзорах» по годам до переписи данная величина составляла 205696 чел., т. е. на 75 тыс. меньше. Численность населения двух уездов в 1899 и 1900 гг.в „Обзорах” указана гораздо меньшей, чем в итогах переписи в 1897 г., составив, соотвественно, 240389 и 267321 чел.

табл. 4

Сарт-калмыки		Татары		Сарты		Евреи		Иност. подданные				Другие народности	
								китайцы		сарты			
м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
1093	1024	12	8	38	11			1		85	17		
1307	1106	9	7	4	4					1	1		
1314	1125			13	15					11	1	218	204
2001	1027	113	94	587	446			13	3	500	291	1	
1421	1203	600	501	2740	2234	41	11	20	10	1519	952	23	3
1437	1242	846	708	2033	1861	31	7	10	3	1742	1127	221	204[*6]
2001	1027	536	482	2847	1621			16	3	1046	566	1	
1421	1203	1246	1037	5980	4465	44	20	31	12	2551	1276	178	157
1437	1242	1423	1137	5239	4083	41	15	20	3	3172	1258	558	378

[*4] Обзор Семиречинской области за 1912 год. Верный, 1915. С. 120.
[*5] Обзор Семиречинской области за 1913 год. Верный, 1915. С. 127.
[*6] Обзор Семиречинской области за 1913 год. Верный, 1915. С. 126–131.

Естественно, сотрудники облстатбюро погрешности текущего учета видели уже в ходе организации переписи. «Более подробныя сведения о результатах всеобщей переписи еще не обнародованы, между тем сведения о числе и движения населения, ежегодно представляемые уездными начальниками на основании данных, доставляемых им волостными управителями и аульными старшинами, не соотвествует действиетльности…»[1]. Приглашение счетчиков и оплата их труда, как они сами объясняли, обеспечили охват. Но в дальнейшей работе они, как и раньше, опирались на ежегодные отчеты, предоставляемые аульными старшинами, волостными управителями и уездными начальниками. На наш взгляд, при таком подходе к работе искажалась реальная картина, но появлялась возможность определить тенденции изменений этнодемографических процессов.

При использовании материалов «Обзоров» следует учесть, что в ходе разработки собранных данных и при составлении различных таблиц допускались ошибки и неточности. Несмотря на небольшие неточности, необходимо тщательно проверять данные двух ведомостей, если будут обнаружены расхождения, то сравнение показателей надо проводить за несколько лет. Такой подход необходим, об этом свидетельсвует неточность численность киргизов в Пржевальском уезде в ведомсте «О народонаселении по сословиям», где скорее механически вместо 55838 и 50233 указаны 45838 и 40233, так как в последующих публикациях численность киргизов указана свыше 50 тыс. Об этом свидетельствует сравнение их с аналогичными показателями, содержавшимися в ведомостях «О народонаселении по народностям» (табл. 3).

[1] Обзор Семиреченской области за 1898 год. Верный, 1899. С. 13. URL://http://elib.shpl.ru/ru/nodes/49783-za-1898-god-1899.

Во многих источниках по учету населения дореволюционного периода не указаны этнические признаки. Большинство материалов даются только на уровне уездов. Появлялись новые названия населенных пунктов, шло переименование ранее существующих. В это время происходили частые изменения границ общин, аулов, зимовок, волостей и уездов. Кроме того, каждые статистические наблюдения имели свои цели, и те или иные показатели могли со временем исключаться, расширяться и дополняться. В этом плане «Обзоры», несмотря на отрывочность сведений и их неполноту, являются очень ценным и разносторонним источником дляисследований этнодемографической ситуации в регионе, в первую очередь, это относится к данным приложений «О народонаселении по народностям». Основными признаками при разработке данного приложения послужили типы расселения: казачьи, крестьянские, дунганские селения, города, торговые слободы и киргизские волости. Применяя к ним простейшие методы количественного анализа, возможно не только показать, как менялась этническая структура населения, а выявить основные тенденции трансформации этнического пространства. Составленная нами таблица за 1906, 1912 и 1913 гг. показывает, что, если в начале реализации столыпинской аграрной реформы прибывшие извне и местное население проживали в целом обособленно, то к 1912 г. наблюдается расширение их этнического пространства, и, как показывают показатели за 1913 г., данное явление набирает обороты (табл. 4).

Введенные в научный оборот «Обзоры» стали доступны исследователям в электронном варианте. Необходимо проводить источниковый анализ данных в опубликованных в «Обзорах», в первую очередь, требуется тщательное изучение первичных документов, которые послужили основой для их создания. При этом, следует подчеркнуть, используя оцифрованные «Обзоры», необходимо создавать большую базу данных. Такая база данных «Обзоров» позволит применять различные методы, в том числе статистические, использование которых позволит определить основные тенденции, особенности развития края, выявлять признаки складывавшейся этнодемографической ситуации в Северном Кыргызстане.

Список источников

1. *Скопа В. А.* Обзоры как исторический источник для изучения региона: механизм формирования сведений. По материалам Степного края последней трети XIX — начала XX в. // Известия АлтГУ. 2018. № 5 (103). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzory-kak-istoricheskiy-istochnik-dlya-izucheniya-regiona-mehanizm-formirovaniya-svedeniy-po-materialam-stepnogo-kraya-posledney-treti (дата обращения: 06.05.2020).

2. *Скопа В. А.* Семиреченской областной статистический комитет: проблемы организации и функционирования. 1879–1897 // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 7, №. 2. С. 45–47.

3. *Зайниев Р. А. Вклад Н. А.* Аристова в изучение истории кыргызов и Кыргызстана : дисс. … .канд. ист. наук. Бишкек, 2008. 174 с.

4. *Скопа В. А.* Николай Николаевич Пантусов–секретарь Семиреченского областного статистического комитета и выдающийся исследователь Семиречья // NovaInfo. Ru. 2017. Т. 1. № 59. С. 194–198.

5. Владимир Ефимович Недзвецкий — исследователь Семиреченской области. URL: // https://novainfo.ru/article/12699.

Информация об авторе

Батырбаева Шайыркул Джолдошевна (Кыргызская Республика, г. Бишкек) — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой археологии, этнологии, источниковедения и историографии Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына. (Кыргызская Республика г. Бишкек, ул. Фрунзе 547, каб 330. e-mail: shaira60@mail.ru)

Batyrbaeva Sh. J.

Features of the «Reviews» of Statistical Committees of Regions as a Source for Studying the Ethnodemographic Situation in Kyrgyzstan in the Late XIX-Early XX Century

Abstract. the article discusses the features of introducing the «Reviews of the Semirechensk region» into scientific circulation as one of the main sources on the history of pre-revolutionary Northern Kyrgyzstan. The informative features of the «Reviews» allow us to study the ethnic composition of the region's population and identify problems with their use by taking into account the Kyrgyz population. Keyword: Overview of the Semirechensk region, Northern Kyrgyzstan, ethnic composition of the population.

Keywords: Overview of the Semirechensk region, Northern Kyrgyzstan, ethnic composition of the population.

Author

Batyrbaeva Shaiyrkul Joldoshevna (Kyrgyz Republic, Bishkek) — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archeology, Ethnology, Source Study and Historiography of the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn. (Kyrgyz Republic, Bishkek, Frunze st. 547, room 330. e-mail: shaira60@mail.ru)

References

1. Skopa V. A. Reviews as a historical source for the study of the region: the mechanism of formation of information (based on the materials of the Steppe region of the last third of the XIX-early XX Century) / / Izvestiya Altsu. 2018. # 5 (103). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzory-kak-istoricheskiy-istochnik-dlya-izucheniya-regiona-mehanizm-formirovaniya-svedeniy-po-materialam-stepnogo-kraya-posledney-treti (accessed: 06.05.2020).

2. Skopa V. A. Semirechensk regional statistical Committee: problems of organization and functioning (1879–1897) // Success of modern science and education. 2017. Vol. 7. No. 2. Pp. 45–47.

3. Zainiev R. A. Contribution of N. A. Aristov to the study of the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan: Diss. ... kand. ist. nauk. Bishkek, 2008. 174 p.

4. Skopa V. A. Nikolay Nikolaevich Pantusov-Secretary of the Semirechensk regional statistical Committee and an outstanding researcher of the Semirechye / / NovaInfo. Ru. 2017. Vol. 1. No. 59. Pp. 194–198.

5. Vladimir Efimovich Nedzvetsky-researcher of the Semirechensk region // https://novainfo.ru/article/12699.

УДК 94(47)

Н. А. Жиров

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК СРЕДСТВО МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА (по материалам отчетов по образованию в Орловской губернии)[1]

Статья посвящена эволюции школьного образования в Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. Основной акцент исследования сделан на становлении и развитии сельских образовательных учреждений гражданского и духовного ведомства на примере Орловской губернии. В качестве основных источников были взяты опубликованные материалы и архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Орловской области. Методология данного исследования была построена на использовании как традиционных, так и современных методов. Одним из них является цивилизационный подход и вытекающая из него теория модернизации общества. В данной статье затрагиваются вопросы организации народного образования в пореформенный период до 1917 г. Результаты исследования позволили изучить процесс реформирования начальной школьной системы не только на общегосударственном уровне и степень реализации государственной политики на местах. Это позволило сделать вывод о непосредственном влиянии школьного образования на происходившие социально-экономические преобразования в Российской империи.

Ключевые слова: школьное образование, крестьянство, повседневность, сельская школа, Российская империя

Развитие школьного образования в Российской империи во многом было связано с началом либеральных преобразований 1860–1870-х гг. Земская реформа способствовала формированию сельской образовательной среды. Этот процесс был продолжен в 1880–1890-х гг. массовым открытием начальных школ под эгидой просветительской деятельности духовного ведомства.

В современной российской исторической науке существует довольно много исследований на тему школьного образования Российской империи [1–3, 5, 6, 11–14]. В достаточной степени изучены учебный процесс, методика обучения, сеть учебных заведений, но в то же время слабо изучен процесс воздействия школьного образования на социум и его экономическое развитие в рамках общей модернизации страны [7].

Прежде чем приступить к характеристике взаимосвязи образования и модернизационных явлений в сельском социуме, приведем краткую характеристику развития сельского образования в одном из аграрных регионов Центральной России — Орловской губернии.

[1] © Жиров Н. А. Текст. 2020.

В качестве основных источников были взяты опубликованные материалы и архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Орловской области (Ф. 78 — Орловская дирекция народных училищ) [4].

В отчете губернской канцелярии о состоянии учебных заведений Орловской губернии за 1864 г. приведена оценка работы сельских училищ в первые пореформенные годы. По мнению инспекции, наставники подавляющего большинства сельских училищ были мало знакомы с методикой преподавания предметов и новейшими способами ведения обучения грамотности, большую часть времени тратили на изучение азов [10]. Письменные работы учеников представляли собой копирование букв по прописи. Учителя работали над каллиграфией отдельных букв и словосочетаний, письменных работ не практиковали, дети не могли писать под диктовку.

Таким образом, практическая польза от посещения подобных школ была минимальна. Крестьянские дети за короткий период обучения успевали лишь выучить алфавит, научиться довольно посредственно читать, но, как показывала практика, в дальнейшем большая часть из них забывала приобретенные навыки, так как книги были большой редкостью в крестьянской среде. Арифметические знания после курса обучения в сельской школе, как правило, были малозначительны, так как элементарный счет знали все жители села, а вот работать на счетах могли лишь единицы.

Методика преподавания чистописания не давала навыков беглого письма, письма под диктовку. В итоге большая часть учеников, став взрослыми, не могли ни читать, ни писать, а значит, не могли себя отнести к разряду образованного населения. Впоследствии лишь единицы могли читать и писать (хоть и плохо), а значит занимать какие-либо должности в волостном правлении, быть уполномоченными в земстве и т. д.

В 1866 г. состоялось первое собрание Орловской губернской управы, на котором было принято решение создать на территориях волостей по одному или двум училищам. Анализ источников (отчетов по образованию в губернии) дал массу сведений о финансовой сложности расширения школьной сети в губернии. Решать материальные проблемы планировалось за счет добровольных сборов с обществ и при помощи платы за обучение. Поэтому учителя сельских школ пытались заинтересовать местных жителей необходимостью получения основ грамоты для своих детей, о чем говорят многочисленные заметки штатных смотрителей училищ, представителей земства. Их стараниями к концу 1860-х гг. был положен процесс поступательного развития школьной системы в губернии.

В 1870–1880-х гг. началось массовое открытие начальных школ под эгидой земских учреждений, а потом и в рамках просветительской деятельности духовного ведомства [8]. К 1892 г. в Орловской губернии функционировало 792 сельских начальных народных школы, из которых на долю сельских земских училищ приходилось 491, церковно-приходских — 145

и школ грамотности — 156 [9]. Школы духовного ведомства составляли 38 %.

Стоит отметить рост в начале 1900-х гг., в первую очередь, числа учебных заведений духовного ведомства и учащихся в них по сравнению с 1892 г. На их долю уже приходилось 48,3 % всех сельских школ. Особенно увеличилось число школ грамоты — до 410.

Обеспеченность крестьянства школами являлась острейшей проблемой начального образования в целом и предметом дискуссий в кабинетах уездных и губернских чиновников. В среднем одна земская школа приходилась на 80 кв. верст. В некоторых уездах, например Елецком, явный недостаток светских школ возмещался за счет образовательных заведений духовного ведомства. Из более чем 4100 населенных пунктов Орловской губернии только в 528 имелись светские школы, в еще 144 располагались церковно-приходские и в 384 — школы грамоты. Таким образом, только в ¼ населенных пунктов губернии были образовательные учреждения.

Общее число учащихся в церковно-приходских школах губернии существенно колебалось в зависимости от уезда. Например, в Севском и Трубчевском уездах их количество не превышало и 1 % от всего числа школьников. В то же время в Мценском уезде эта цифра превышала 30 %. В среднем по губернии доля обучавшихся в ЦПШ составляла около 15 %. Средний возраст учащихся в церковно-приходских школах составлял для мальчиков 11 лет, для девочек — 10. В школах других типов ситуация была схожей.

Церковно-приходские школы, как и школы грамоты, занимая существенную долю в региональном начальном образовании, не всегда обеспечивали крестьянских детей качественным образованием. Подавляющим большинством учителей в них являлись местные священнослужители, у которых просто физически не хватало времени на качественное обучение детей, кроме того, они были плохо знакомы с педагогическими методиками, что отрицательно сказывалось на усвоении учебного материала.

Роль сельской школы в повседневной жизни русского крестьянства губерний аграрного Центра России сложно недооценивать. Несмотря на то, что по итогам Всероссийской переписи 1897 г. только ¼ жителей села считала себя грамотными, для государства, где начальное образование не было всеобщим, это было высоким показателем.

К началу XX в. большинство крестьянских детей ходило в школу, пусть плохо, но все же могло читать и писать. Это давало возможность для сельских парней получить младшие офицерские чины в армии, должности канцелярских служащих, способствовало вовлечению широких масс населения в политическую жизнь страны, указывало на модернизацию социальных отношений в Российской империи.

Таким образом, школа к рубежу XIX–XX вв. постепенно становилась средством изменения социального положения для низших сословий и, в первую очередь, для крестьянства. Примером некого социального

лифта, кроме перечисленных примеров, является проникновение грамотного крестьянства, мещанства в ряды квалифицированных рабочих, например служащих на железных дорогах, а также городской и сельской интеллигенции.

Естественно, модернизационные процессы, протекавшие в социуме, проявлялись и в плоскости экономических изменений. Применительно к реалиям начала XX в. растущая грамотность сельского населения помогала в его адаптации при проведении столыпинских аграрных преобразований. Читаемые для крестьян курсы по усовершенствованию агротехники, сельскохозяйственное кредитование в банках, выход из общины и создание хуторских хозяйств — все это являлось элементом модернизации жизни позднеимперской России.

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов. Несмотря на некоторые успехи, в развитии народного просвещения оставались еще неразрешенные проблемы. Например, всеобщее начальное образование так и не было повсеместно введено на территории Российской империи. Основными причинами, тормозившими реализацию правительственной программы по распространению грамотности среди крестьянского населения после реформы 1861 г., были: а) особенность финансирования системы образования: правительство переложило большую часть расходов на земство и местные крестьянские общества; б) дефицит педагогических кадров в сельской школе; в) низкая профессиональная квалификация учителей образовательных учреждений духовного ведомства (ЦПШ и школ грамотности) и др.

При сохранении традиционной модели воспроизводства населения вплоть до рубежа XIX–XX вв. увеличению численности образованных селян способствовала их интеграция в меняющуюся экономику страны, усиливался миграционный отток в город и за пределы густонаселенного центра страны. Аграрное движение, совпавшее по времени с революционными событиями 1905–1907 гг., в изученной местности не имело антиправительственной основы, это же можно сказать и о событиях 1917 г. Естественно, растущая грамотность населения создавала ситуацию потенциальной возможности чтения политической литературы. Это могло вести к росту радикальных настроений в условиях социально-экономического кризиса империи, но это было и неотъемлемой частью прогресса.

В целом, модернизация всех сфер российской действительности второй половины XIX — начала XX вв., а именно развитие местного самоуправления, образования и системы здравоохранения в сельской местности, привела к качественным изменениям в русской деревне Центрально-Черноземного региона.

Список источников

1. *Барынкина И. В., Барынкин В. П.* Распространение начального образования и просвещения на селе в Центральной России в конце XIX — начале XX вв. По материалам

Калужской, Орловской и Смоленской губернии // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 22–24.

2. *Белослудцева В. В.* Церковно-приходская школа в системе начального образования в России во второй половине XIX в. // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 4 (11). С. 95–96.

3. *Ивако Н. В.* Уездное земство и развитие начального образования в российской провинции во второй половине XIX-начале XX в. На примерах Орловской губернии // Вопросы гуманитарных наук. 2002. № 2. С. 10–12.

4. ГАОО — Государственный архив Орловской области. Ф.78. Оп.1.

5. *Гизей Ю. Ю.* Церковно-приходская школа в структуре начального образования Томской губернии. 1884–1917 // Образование в Сибири. Актуальные проблемы истории и современности. Мат-лы III всерос. науч. конф. Томск, 2004. С. 130–136.

6. *Клевцова О. В.* Ситуация с народными школами Елецкого уезда Орловской губернии по результатам проверки уполномоченного Елецкой земской управы М. Диесперова // История. Факты и символы. 2016. № 4. С. 44–50.

7. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. XVIII — начало XX в. В 2-х т. СПб., 2000. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 568 с.

8. Обзор Орловской губернии за 1881 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орел: Типография Губернского Правления, 1881. 228 с.

9. Обзор Орловской губернии за 1892 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орел: Типография Губернского Правления, 1893. 77 с.

10. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии за 1864 год. Орел, 1865. С. 165.

11. *Стояновская И. Б., Стояновская М. А.* Общественно-педагогическое движение в российской провинции второй половины XIX — начала XX вв. На материалах г. Ельца и его уезда // История. Факты и символы. 2016. № 1(6). С. 38–48.

12. *Филоненко Т. В.* Развитие школьного образования в России в начале XX века // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 137–142.

13. *Филоненко Т. В., Шипилов А. В.* Материальное положение учителей в дореволюционной России // Педагогика. 2007. № 7. С. 65–73.

14. *Хабалева Е. Н.* Особенности организации начального образования в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. На примере Орловской губернии // Научный диалог. 2015. Вып. № 8 (44). С. 97–114.

Информация об авторе

Жиров Николай Анатольевич (Россия, г. Елец) — кандидат исторических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. (399770, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28. e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru).

Zhirov N. A.

School Education in Pre-Revolutionary Russia as a Means of Modernizing Social and Economic Relations of Society (Based on Reports on Education in the Oryol Province)

The article is devoted to the evolution of school education in the Russian Empire in the second half of the XIX-early XX centuries. The main focus of the research is on the formation and development of rural educational institutions of civil and spiritual departments on the example of the Oryol province. The main sources were published materials and archival documents stored in the state archive of the Orel region. The methodology of this study was based on the use of both traditional and modern methods. One of them is the civilizational approach and the resulting theory of modernization of society. This article deals with the organization of public education in the post-reform period before

1917. The results of the study made it possible to study the process of reforming the primary school system not only at the national level, but also on the degree of implementation of state policy at the local level. This allowed us to draw a conclusion about the direct impact of school education on the ongoing socio-economic transformations in the Russian Empire.

Keywords: school education, peasantry, everyday life, rural school, Russian Empire

Author

Zhirov Nikolay Anatolyevich (Russia, Yelets) — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Yelets State University named after I.A. Bunin. (399770, Lipetsk region, Yelets, street Kommunarov, 28. e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru).

References

1. Barynkina I. V., Barynkin V. P. Distribution of primary education and education in the village in the Central Russia at the end of XIX — the beginning of the 20th centuries (on materials of the Kaluga, Oryol and Smolensk province) //Bulletin of the Bryansk state university. — 2015. — Nr 1. — pp. 22–24. (in Russian)

2. Belosludceva V.V. Parish school in system of primary education in Russia in the second half of the 19th century //Bulletin of the Perm university. — 2009. — publicacation 4 (11). — pp. 95–96. (in Russian)

3. Ivako N.V.The county district council and the development of primary education in the Russian province in threesome half XIX-early XX century. (On an example of the Oryol province) //Questions humanities. — 2002. — Nr. 2. — pp.10–12. (in Russian)

4. GAOO –The Russian state historical archive. (in Russian)

5. Gizej YU.YU.The parish school in the structure of primary education Tomsk province (1884–1917) // Proceedings of the III Vserossyiskoy scientific conference «Education in Siberia: actual problems of history and modernity». — Tomsk, 2004. — pp. 130–136. (in Russian)

6. Klevcova O.V. Situation with national schools of the Yelets county of the Oryol province by results of check of the representative of the Yelets territorial justice M. Diyesperov. //History: facts and symbols. — 2016. — Nr 5(6). — pp. 44–50. (in Russian)

7. Mironov B. N. Social history of Russia in the period of the Empire (XVIII-early XX century) In 2 vols. — SPb., 2000. Vol. 1–548 p.; Vol. 2 — 568 p.

8. The review of the Oryol province for 1881. Edition of the Oryol Provincial Statistical Committee. //Oryol: Printing house of Provincial Board. — 1881. — 228 p. (in Russian)

9. The review of the Oryol province for 1892. Edition of the Oryol Provincial Statistical Committee], //Oryol: Printing house of Provincial Board. — 1893. — 77 p. (in Russian)

10. The memorable book and the address calendar of the Oryol province for 1864. — Oryol. — 1865. — 77 p. (in Russian)

11. Stoyanovskaya I. B., Stoyanovskaya M. A. The public and pedagogical movement in the Russian province of the second half of the XIX beginning of the 20th centuries (on materials of Yelets and its county) //History: facts and symbols. — 2016. — Nr. 1 (6). — pp. 38–48. (in Russian)

12. Filonenko T. V. The development of school education in Russia in the early twentieth century //Questions of history. — 2004. — Nr. 9. — pp. 137–142. (in Russian)

13. Filonenko T. V., Shipilov A. V. Financial position of teachers in pre-revolutionary Russia // Pedagogics. — 2007. — Nr 7. — pp. 65–73. (in Russian)

14. Habaleva E. N. Features of the organization of primary education in the Russian Empire in the second half of XIX — the beginning of the 20 th century (on the example of the Oryol province). //Scientific dialogue. — 2015. — Nr 8 (44). — pp. 97–114.(in Russian)

УДК 94(470)»19»:314

В. Б. Жиромская, Г. Е. Корнилов

К ИСТОРИИ ПЕРЕПИСНОГО ДЕЛА В РОССИИ: ВСЕОБЩИЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ XX ВЕКА[1]

В статье рассматриваются особенности проведения всеобщих переписей населения в 1926–1989 гг. Показано сочетание традиций и новаций в переписном деле. Дана оценка точности и объективности учета населения СССР и РСФСР.

Ключевые слова: всеобщая перепись, демографический учет, переписное дело, переписи населения, переписной лист, программа переписи, демографические признаки, категории населения

Переписное дело в России складывалось на протяжении многих столетий и прошло много ступеней: писцовые и переписные книги, подворные переписи, ревизский учет, выборочные переписи, сплошные местные переписи (населения крупных городов или отдельных губерний).

В 1897 г. после длительной всесторонней подготовки была проведена Первая всеобщая перепись населения Российской империи, точность и полнота данных которой до сих пор не вызывают сомнений.

Причиной перехода именно к такой весьма сложной и в финансовом плане затратной форме учета стали значительное усложнение экономики страны, ее социального и национального состава, значительные изменения в семейном положении населения, активизация социальной мобильности и миграционных процессов. Прежние формы подворного и подушного учета в основном могли служить только фискальным целям. На рубеже XX в. появилась необходимость детального прогнозирования развития экономики и населения страны, а это было возможно лишь на базе точного учета всего населения по многим демографическим признакам. Одной из важных причин проведения всеобщих сплошных переписей страны была необходимость точного учета мобилизационного ресурса в связи с переходом к всеобщей воинской повинности.

XX в. явился крупным этапом в развитии российского переписного дела. На протяжении XX в. было проведено 7 всеобщих переписей населения (1926 г.[2], 1937 г.[3], 1939 г.[4], 1959 г.[5], 1970 г.[6], 1979 г.[7], 1989 г.[8]), одна всерос-

---

[1] © Жиромская В. Б., Корнилов Г. Е. Текст. 2020.

[2] Всесоюзная перепись населения 1926 г. В 56 т. М. : ЦСУ, 1928–1930.

[3] Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М.: Ин-т истории СССР, 1991; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. М.: РОССПЭН, 2007.

[4] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М.: Наука, 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. СПб.: Блиц, 1999.

[5] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963.

[6] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. В 7 т. М.: Статистика, 1972–1974.

[7] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. В 10 т. М.: Госкомстат, 1989–1990.

[8] Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и

сийская и профессиональная (1920 г.[1]) и одна всеобщая городская (1923 г.)[2]. Можно сказать, что всеобщие переписи в XX в. были основным источником сбора сведений о населении. Так исторически сложилось в России, что другие формы демографического учета или не давали точных сведений, или вообще не были развиты.

Примером может служить регистровый учет. Он начал оформляться в России очень поздно, только в XVIII в., причем, несмотря на все старания императрицы Екатерины II, охватил лишь незначительную часть населения страны, точнее отдельные категории населения (формуляры чиновников, воинский учет, полицейский учет и т. д.). Во второй половине XX в. этот тип демографического учета начал постепенно охватывать все большую часть населения, в основном через паспортные столы и перечни избирателей. И уже в последние десятилетия серьезные успехи были достигнуты в миграционном учете населения. Но, как видим, все это имело далеко не всеобъемлющий характер.

XXI в. начался также проведением всеобщих переписей населения — 2002 г.[3] и 2010 г.[4] В настоящее время готовится очередная всеобщая перепись.

Однако у всеобщих переписей появился соперник. В настоящее время принято решение о введении в РФ всеобщего единого регистра населения. Этот опыт уже успешно осуществляется в Скандинавских странах, Израиле и др. Такой единый регистр может быть реализован лишь при наличии очень мощной техническо-информационной базы, на основе новых технологий сбора, обобщения и хранения информации.

Естественно, что в странах (или отдельных провинциях и областях) с небольшим компактно расселенным населением такой регистровый учет осуществить значительно проще. Масштабы территории и численности населения России, сложная структура и неравномерность расселения делают задачу создания постоянно действующего единого регистра населения очень сложной и потребуют определенного времени.

Переход к единому регистру не означает отказа от сплошных, а тем более выборочных переписей населения. Эти формы учета успешно сочетаются, дополняют и проверяют друг друга.

статистика, 1990.

[1] Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. // Труды ЦСУ РСФСР. Т. 1; Вып. 1–5. М.: 1920–1921; Всеобщая перепись 1920 года, демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная, с учетом промышленных предприятий. М.: 4-я Гос. тип., 1920.

[2] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР в 4-х ч. Т. 20. М.: Издание ЦСУ СССР, 1924–1927.

[3] Всероссийская перепись населения 2002. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11 (02.05.2020).

[4] Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (02.05.2020).

Очень интересен опыт израильских интерактивных переписей. Следует ожидать значительных изменений в практике российского переписного дела уже в обозримом будущем.

Однако опыт прошедших многочисленных переписей нельзя забывать. Методика и практика проведения всеобщих переписей населения в XX в. развивались в нашей стране успешно и очень быстро.

Это было связано, прежде всего, с задачами развития плановой экономики. В нашей стране в результате кардинальных изменений всех общественных структур в ходе Великой российской революции сложилась жесткая и всеобъемлющая система планирования. Жесткость этой системы во многом диктовалась сложностью задач восстановления экономики после разрушительных войн (две мировые войны менее чем за полвека) и огромных людских потерь, необходимостью периодических серьезных реорганизаций хозяйства страны в сжатые временные сроки и при отсутствии, как правило, помощи извне. Для решения таких задач требовалась точная и богатая статистическая база, позволяющая рассмотреть многосторонне состояние населения. Поэтому в переписном деле XX в. особую роль играли всеобщие (всесоюзные) переписи населения.

Наряду со всеобщими проводились промышленные, сельскохозяйственные, партийные переписи. Периодически активизировались выборочные обследования — в 1920-е гг. обследования крестьянских хозяйств, начиная с 1960-х — социологические опросы.

Однако только всеобщие переписи могли собрать информацию о большом количестве демографических признаков, характеризующих самые различные аспекты развития населения.

В развитии переписного дела учитывался международный опыт. Вместе с тем, российские переписи обладали своими особенностями. Необходимо было учитывать масштабы, многочисленность и разнообразие регионов, многонациональность, специфику расселения и т. д.

Строгое нормативное оформление. Каждая перепись утверждалась законодательно, на высшем государственном уровне, не ограничиваясь Госпланом и руководством ЦСУ — ЦУНХУ — ЦСУ, которые готовили программу и документы переписи и направляли соответствующее представление в правительство. Причем утверждались правительством не только само проведение и сроки переписи, но и весь пакет документов — бланк переписного листа, инструкция и т. д.

Перепись 1897 г. заложила эту традицию — она была проведена на основании постановления Государственного совета, утвержденного императором. Важность и государственная значимость проведения всеобщих переписей населения в России сделали эту традицию устойчивой. Ее не нарушили ни революционные преобразования, ни войны, в том числе мировые. Каждая Всесоюзная перепись проводилась на основании постановления в 1920-е гг. ВЦИК и СНК СССР, в 1930-е — СНК СССР, в 1950-е — 1980-е гг. — Совета Министров СССР, в 2000-е гг. — Правительства

Российской Федерации. В итоге даты Всесоюзных переписей становились историческими датами. Вся основная документация приобретала силу закона. Граждане должны были участвовать в переписи в обязательном порядке, уклонение и отказ от прохождения переписи могли наказываться по закону. В 1939 г. реально предусматривалось уголовное наказание за отказ от прохождения переписи. В 2000-е гг. отношение стало мягче, однако активно, как и в XX столетии, велась пропаганда участия населения в переписи и изыскивались наиболее удобные и приемлемые для граждан формы участия. Так, в 2010 г. допускалось заполнение переписных листов не только при поквартирных обходах переписчиками (счетчиками), но и непосредственно на переписных участках.

Высокая точность результатов переписей, погрешности и допуски были возможны минимальные по сравнению с международными стандартами. Исключением является перепись 1920 г., которая в условиях Гражданской войны не смогла охватить всю территорию страны, поэтому она и не обозначается в качестве Всероссийской.

Рассмотрим в качестве примера переписей результаты переписей 1926, 1937 и 1939 гг. По результатам переписи 1926 г. существуют оценки, допускающие как переучет населения (М.В. Курман), так и недоучет (Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова, С. Максудов, В.Б. Жиромская). Известно, что мировая практика переписей допускает погрешность в учете до 5 % от численности населения. М.В. Курман оценил переучет, связанный, по его мнению, с разными сроками проведения переписи в городе и деревне, в 1 %, то есть в 1,5 млн по СССР и в 1 млн чел. по РСФСР. Однако более поздние исследователи, сопоставив материалы с более поздними переписями и данными текущего учета демографических событий, пришли к выводу об отсутствии переучета и имеющемся, напротив, недоучете населения в переписи 1926 г. С. Максудов полагает, что недоучет населения по СССР был не меньше 0,5 % от численности населения (740 тыс. чел.). Кроме того, С. Максудов считает вполне вероятным недоучет малолетних детей. Размер поправки он определяет в 800 тыс. чел. [1, с. 131–132]. Необходимость поправки на недоучет малолетних детей обосновывается Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским, Т.Л. Харьковой. Кроме того, исследователи предложили поправку на недоучет женщин в возрасте 8–27 лет. В итоге поправка по СССР, предложенная ими, составила 1 % (1,5 млн чел.) [2, с. 22–25], а по РСФСР они ограничились поправкой только на недоучет малолетних 0,8 % (700 тыс. чел.) [6, с. 20–22].

Соглашаясь в принципе с поправками, предложенными Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским, Т.Л. Харьковой, хотелось бы внести некоторые уточнения, прежде всего, по Российской Федерации. Недоучет малолетних детей был возможен при переписи в основном в связи с распространенной у многих народов традицией не показывать маленьких детей посторонним людям и даже не говорить о них вне семейного круга. Однако эта традиция у разных народов различна. У славянских народов она распространяется

на новорожденных и совсем маленьких детей, обычно грудных. У народов Северного Кавказа, Поволжья, Дальнего Востока, детей часто не показывают чужим не только до двухлетнего возраста, как предположили названные исследователи, но даже до 3–4 лет. Поправка на недоучет должна, следовательно, учитывать этнический компонент. Что касается недоучета девочек и молодых женщин, то он был связан с сокрытием ранних (запрещенных советским законодательством) замужеств и в районах, где сохранялись традиции многоженства — младших жен. В РСФСР такой недоучет был, разумеется, меньше, чем в СССР, поскольку он наиболее ярко проявился при анализе половозрастной структуры в Средней Азии и Азербайджане, однако существовал. Его также следует учесть, прежде всего, для женской возрастной группы 8–15 лет. По нашим предположительным оценкам, недоучет населения по переписи 1926 г. не превышал 0,5 % (около 0,5 млн чел.). Таким образом, в результате внесения поправки на недоучет численность население Российской Федерации в 1926 г. (без Казахстана и Киргизии) составила 93,2 млн чел. Как мы видим, точность итогов, при всех вариантах поправок, очень высока.

Эта традиция продолжилась и впоследствии. Всесоюзная перепись 1937 г., как известно, была объявлена правительством «дефектной» (сентябрь 1937 г.)[1], ее материалы засекречены, руководители — ведущие статистики — репрессированы. «Полвека молчания» окружили тайной опальную перепись. Ее краткие итоги были опубликованы сотрудниками Российской академии наук только в 1991 г., а наиболее полная публикация осуществлена в 2007 г. Официальные претензии к переписи были связаны с предполагаемым умышленным недоучетом населения. Установленная переписью численность населения (162 млн чел.) оказалась значительно ниже прогнозируемой, которую ЦУНХУ рассчитало на основе быстрого роста населения во второй половине 1920-х гг. В итоге в официальных документах на конец 1933 г. была заявлена численность населения СССР в 168 млн чел. Дезавуировать эти заявления правительство не сочло возможным, так же, как и опубликовать значительно более низкую численность на 1937 г. Перепись выявила убыль населения, прежде всего в районах, пострадавших от голода 1932–1933 гг. Обнаружила резкое понижение численности в возрастно-половой структуре лиц 1932–1934 гг. рождения, так называемую демографическую яму — следствие голодных лет. Вместо «сплошной грамотности», ожидаемой руководством страны, перепись зафиксировала среди населения 9 лет и старше 14 % неграмотных среди мужчин и 34 % среди женщин, в том числе в среднем и даже молодом возрасте. Именно эти результаты и стали основой облыжного обвинения переписи в дефектности данных.

В ходе проведения переписи 1937 г. и сразу после подведения предварительных итогов были проведены проверки точности учета по ряду районов. Проверка результатов проводилась статистиками и позднее. Оценки

[1] Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. М., 2007. С. 288.

1990–2000-х гг. очень близки к оценкам статистиков — современников переписи. Погрешность данных переписи составляет менее 0,5 %, то есть она столь же точна, как и классическая перепись 1926 г. С учетом этой поправки население СССР в 1937 г. составило 163 млн человек, а РСФСР — 104,5 млн чел. С учетом поправок прирост населения по отношению к 1926 г. составил почти 12 %.

Однако в переписи 1937 г. есть проблема, связанная с учетом городского населения. В итогах переписи фигурирует цифра городского населения 51,9 млн чел. (в СССР), что означает очень высокий рост городского населения, близкий к прогнозируемому. В своей Докладной записке И.А. Краваль старался представить этот показатель как наивысшее достижение переписи. Скорее всего, чувствуя нависшую угрозу, он пытался спасти перепись и смягчить участь статистиков. Столь высокая численность городского населения получилась в связи с расширением уже по завершении переписи утвержденного списка городов за счет перевода в города части сельских поселений, которые накануне переписи не были по своим основным признакам включены в поселения городского типа. По сохранившемуся утвержденному перечню городов численность городского населения СССР составляла 45 млн чел. [5, с. 62]. Соответственно, по РСФСР — 30 млн. При работе с этими данными коррекция необходима. Между прочим, рост городского населения оставался очень значительным, но, к несчастью организаторов переписи, прогнозы накануне переписи были более радужные.

Особой страницей в истории переписей является перепись 1939 г. Назначенная во исправление переписи 1937 г., она была предназначена подтвердить официальные заявления и прогнозы. Главное внимание было обращено при проведении на максимально полный учет населения. Переписью 1939 г. учитывалось постоянное и наличное население. В течение 10 дней после завершения переписи проводился сплошной контрольный обход. Впервые в истории советских переписей был введен контрольный бланк, который содержал вопросы переписного листа и заполнялся на всех проживающих постоянно или временно в данном помещении, но отсутствовавших на момент переписи. Всем переписанным в качестве временно проживающих или собирающимся уехать выдавалась справка о прохождении переписи.

По официальным итогам переписи население насчитывало 170 557 тыс. чел., в том числе городского — 56,1 млн чел. (33 %). Однако численность населения была искусственно завышена. В действительности по сохранившимся в архивах подлинным итогам переписи численность населения СССР составила 167,3 млн чел., городское 52,4 млн. [3, с. 50; 5, с. 48] При этом обоснованная коррекция в 0,2 %, по аналогии с переписью 1926 г., предложенной Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским, Т.Л. Харьковой, составит примерно 0,3 мл чел. Прочие поправки на недоучет в этой переписи необоснованны, учитывая тщательность, с которой она проводилась. Были обследованы все труднодоступные районы, отправлены экспедиции

в пустыни в поисках мест обитания человека (нашли!), осмотрены в городах чердаки, подвалы и котлы для варки асфальта — в поисках бездомных и бродяг. В этих условиях говорить о пропусках населения практически невозможно. Следовательно, подлинная численность населения СССР составляла на начало 1939 г. 167,6 млн чел., а необоснованная приписка составила около 2,9 млн чел., или 1,7 % от населения СССР [5, с. 48–50]. При использовании данных переписи необходимо учитывать объем приписки, в том числе и по регионам. Численность населения в регионах искусственно либо завышалась, чтобы замаскировать потери населения (особенно в пострадавших от голода 1932–34 гг. районах), либо занижалась в районах сосредоточения мест заключения [5, с. 48–60].

Таким образом, путем неоправданной приписки была достигнута численность населения более высокая, чем озвученная в официальных документах 1934 г. Ненамного, но большая. Итог был сильно разрекламирован. «Нас 170 миллионов!» — звучит в художественном фильме «Валерий Чкалов».

В остальном перепись подтвердила итоги 1937 г. Зафиксировала сниженную численность населения, пострадавших от голода регионов. Показала отсутствие «сплошной» грамотности населения: каждый пятый человек в возрасте 9 лет и старше был неграмотен. При этом перепись собрала уникальный материал по составу советского государственного и партийного аппарата, показала его стремительное разрастание (в 6 раз по сравнению с 1926 г.). Перепись собрала данные об уровне образования советской бюрократии, о ее национальном и возрастно-половом составе. Так, приблизительно 30 % судей и прокуроров были в возрасте 20–29 лет, людей же старше 40 было всего 20 %. Грамотны были все. Однако высшее образование этой категории высшего персонала было только у 12 %, а около 23 % не имели даже полного среднего, нигде при этом не учились и не повышали образование и квалификацию [5, с. 145]. Иными словами, судьбы вершили люди очень молодые, неопытные и, как правило, малообразованные, а, следовательно, целиком зависимые от распоряжений начальства. Такая подробная характеристика руководящих кадров кажется неслучайной. Статистики косвенно отомстили за своих безвинно пострадавших товарищей — организаторов и разработчиков переписи 1937 г.

Неоправданная приписка коснулась и населения России. По сохранившимся архивным данным, к населению РСФСР было добавлено 1,7 млн чел. Часть этой приписки, так же, как и по стране в целом, связана с недоучетом младенцев и несовершеннолетних жен. Однако в основном эти проблемы были связаны с населением Средней Азии и Закавказья. Для Центральной России такой недоучет нехарактерен. Речь может идти о народах Северного Кавказа, Поволжья, Зауралья, Сибири и Дальнего Востока. При этом недоучет будет меньше, чем по СССР. Принимаем обоснованную поправку в 0,1 %, таким образом, необоснованная приписка составит 1,5 %, а население РСФСР вместо заявленных 109,4 млн чел. — 107,8 млн чел.

Итоги переписи 1939 г. увидели свет лишь в 1990-х гг.[1]. На основании методики В.Б. Жиромской удалось освободить перепись от неоправданной приписки и восстановить подлинные сведения о численности населения страны и ее регионов [5, с. 48–60].

Уже обозначенные нами для переписи 1937 г. проблемы, связанные с преувеличением численности городского населения, характерны и для этой переписи. Проведению переписи предшествовало лихорадочное переведение сельских поселений в городские, причем обратных изменений статуса — перевода городских в сельские, практически не было. Как следует из переписки руководителей ЦУНХУ и направляемой ими в правительство документации, необоснованный перевод в горожан коснулся 4–5 млн чел. по СССР, в том числе почти 2 млн чел. — по РСФСР. В итоге подлинная цифра городского населения по Союзу ССР с учетом военнослужащих и заключенных составила 48–49 млн чел., а по РСФСР 35 млн чел. [5, с. 62–65].

Таким образом, несмотря на то, что с итогами переписи 1939 г. сложилась особая ситуация, счет населения производился с высокой точностью, а оправданная и неоправданная приписки не выходят за рамки допустимых погрешностей. Серьезной коррекции требует лишь итог численности городского населения.

Специфика методики проведения сплошных переписей. Для достижения высокой точности в счете населения практиковались контрольные выборочные, а затем сплошные обходы. В принципе, переписи проводились посредством сначала двух, а затем трех обходов — предварительного, основного и контрольного.

Сплошной контрольный обход был применен в 1937, 1939 и 1959 гг. При переписи 6 января 1937 г. предварительное заполнение переписных листов осуществлялось 1–5 января, 6 января — основная перепись, 7–11 января — сплошной контрольный обход; при переписи 17 января 1939 г. предварительный обход происходил 12–16 января, собственно перепись в городских поселениях — 17–23 января, в сельской местности — 17–26 января, сплошной контрольный обход — 24 января — 2 февраля в городских поселениях, 27 января — 5 февраля — в сельской местности; при переписи 15 января 1959 г. предварительный обход 11–14 января, основной — 15–22 января; сплошной контрольный обход — 23 января — 1 февраля. Во время последующих переписей XX в. практиковались выборочные контрольные обходы.

В 1937 г. кроме сплошного контрольного обхода была дополнительно произведена 25 января выборочная проверка по 115 сельсоветам. В случае отсутствия или недееспособности респондента опрашивались его родственники.

[1] Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. : Ин-т истории СССР, 1991; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. М. : РОССПЭН, 2007.

Точность учета недостижима при недоверии населения. При враждебном отношении большинства граждан к переписи даже страх уголовного наказания за отказ от переписи не способен обеспечить точность результатов. Многие попросту скроются от счетчиков. Поэтому переписям в нашей стране всегда предшествовала серьезная агитационная кампания, в ходе которой население убеждалось в необходимости переписи для государства и безопасности ее для личных интересов респондента. В этих же целях заранее публиковались и широко распространялись перечни вопросов переписного листа. Ведущие статистики еще в 1920-е гг. настаивали на исключении из переписных листов вопросов, болезненных для респондента, затрагивающих личные интересы человека, говоря современным языком, нарушающих личное пространство.

В этой связи показательно, что в 1920-е гг. в переписях и всеобщей, и городской (1923 г.) не использовались понятия «капиталист», «буржуазный элемент», «нэпман». Вместо этого введен был термин «хозяин с наемными рабочими», «хозяин с помогающими членами семьи», «хозяин-одиночка». Все эти категории соответствовали средним, мелким и микропредпринимателям, но слово «предприниматель» в 1920-е гг. могло также вызвать болезненную реакцию респондента, поэтому в перечень категорий населения переписного листа внесено не было. При этом понятие «работающий по найму» также не употребляли, считая, что уважительнее называть просто «рабочий».

Прямое указание на принадлежность к социальной группе было введено в опросные листы лишь в конце 1930-х гг. К этому времени новая стратификация общества уже утвердилась, и люди довольно спокойно отнеслись к необходимости заявить себя рабочим, служащим, колхозником, кооперированным или некооперированным кустарем. Однако к категории «нетрудящиеся элементы» люди отнеслись раздраженно, и информация по этой категории со слов респондента оказалась неполной. Так, в переписи 1939 г. по РСФСР к нетрудящимся себя отнесли всего 33 тыс. чел. (вместе с семьями)[1]. При подведении итогов эту категорию уточняли при помощи словарей занятий и списка производств, составленных по каждому району, а также при содействии местной администрации. После 1939 г. эта формулировка больше не употреблялась. А категория «единоличник» в 1959 г. была заменена на «крестьянин-единоличник», что было не столь обидно для респондента.

Национальность и родной язык в этих же целях организаторами переписей рекомендовалось спрашивать по самоопределению. Во многих переписях это соблюдалось.

При опросе о семейном статусе не требовалось предъявлять свидетельство о браке, незарегистрированные браки фиксировались наряду с зарегистрированными. В периоды значительного распространения

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. СПб.: Блиц, 1999. С. 200.

незарегистрированных браков это приводило к казусам. Так, в 1937 г., когда регистрация брака не являлась по Семейному кодексу обязательной, число состоящих в браке мужчин и женщин разнится на 1,4 млн чел. в пользу женщин (31,6 млн женатых и 33 млн замужних)[1]. Это говорит, во-первых, о добросовестном соблюдении счетчиками переписных инструкций, во-вторых, об устойчивости брачных традиций, в-третьих, о психологических особенностях брачного поведения. Несмотря на признание в этот период законности незарегистрированного брака (брак признавали законным на основании совместного ведения хозяйства, совместного проживания, свидетельских показаний и т. д.) мужчины в незарегистрированном браке нередко считали себя холостыми, а женщины — замужними. Если даже женщина в глубине души не считала такой брак законным, она стыдилась перед людьми обозначить себя не женой, а сожительницей.

Особое место занимает в истории отечественного переписного дела вопрос о религии. Этот вопрос в XX в. был поставлен лишь единственный раз — в переписи 1937 г. Знаменитый вопрос № 5 формулировался следующим образом: лица в возрасте 16 лет и старше должны были ответить: являются ли верующими или нет, а верующие должны были указать свое вероисповедание[2]. Власти были уверены в широком распространении атеизма, перед переписью прогнозировалось, что большинство граждан назовутся неверующими, верующие же будут в основном пожилого возраста. Вероисповедание предлагалось назвать не по родителям и не по традиции, а по самоопределению.

Реакция населения по поводу включения этого вопроса была резко негативной. Верующие опасались преследований за «религиозность» и «темноту», вместе с тем не хотели и отрекаться от веры. Атеисты также опасались негативного отношения семьи и окружающих. Практически во всех регионах России счетчики и наблюдающие за ходом переписи сотрудники НКВД отмечали тревогу населения именно в связи с вопросом о религии. Среди граждан поползли разнообразные слухи. Люди боялись, что «на верующих будут смотреть как на кулаков и выбросят из колхоза», что детей верующих родителей исключат из школы, что «верующих сошлют в спецреспублику». Были и другие слухи — атеистам «товары в кооперации дадут без очереди». Некоторые граждане, не желая отвечать на столь щепетильный вопрос, старались скрыться от переписи вообще. В семьях родители просили слезно детей писаться верующими (имеются в виду дети 16 лет и старше), жены грозили разводом мужьям-атеистам, верующие мужья кидались бить жен, заявлявших себя неверующими.

В большинстве своем люди стойко и мужественно отвечали на вопрос в соответствии со своими убеждениями. Так, в Пермском районе Свердловской области рабочие заявляли: «Хоть и говорят, что всех

[1] Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. М., 2007. С. 85.

[2] Там же. С. 277.

верующих будут увольнять со стройки, пиши нас верующими». В общежитиях молодежь целыми комнатами записывалась то верующими, то неверующими[1].

В итоге среди взрослого населения большинство (56,7 %) заявили себя верующими. Не было ни одной возрастной группы старше 16 лет, в том числе молодежной, где бы не было значительного числа верующих. Половозрастной состав верующих также подтвердил объективность собранных данных. Религиозность у мужчин нарастала с возрастом, у женщин проявлялась уже в самые молодые годы. Среди грамотных женщин уже в 16–19-летнем возрасте верующих 40 %, среди неграмотных — 76 %[2]. Заметим, кстати, что никаких преследований верующих после переписи не последовало.

Перепись собрала ценный материал, однако больше вопрос о религии в переписях не ставился, прежде всего, из опасения повредить объективности и полноте собираемых данных.

Комплексный характер обследования населения. Вопросы переписного листа охватывали не только чисто демографические, но и социальные, этнические, профессиональные, экономические, культурно-образовательные характеристики. Вопросы были сгруппированы по крупным категориям. Таким образом, переписи не просто учитывали, но всесторонне обследовали население.

Как правило, всеобщие переписи XX в. учитывали и наличное и постоянное население. Исключением была перепись 1937 г., учитывавшая только наличное население. В 1926 г. также учитывалось и наличное, и постоянное в городах, но в сельской местности только наличное.

Все переписи содержали крупные группы вопросов по следующим характеристикам населения:

1. Демографические:

а) возрастно-половые: пол, возраст;

б) семейно-брачные: состояние в браке, отношение к главе семьи (кроме переписей 1937 и 1989 гг., в 1926 г. этот вопрос содержался в группе вопросов о занятости), в 1926 г. — семейная карта:

в) миграции (кроме 1937 г.).

2. Этнические: национальность (в переписи 1926 г. народность), родной язык.

3. Образовательные: грамотность (переписи 1926, 1937, 1939 гг.), уровень образования (начиная с 1937 г.), отдельный вопрос об учащихся;

4. Социально-профессиональные: род занятий, принадлежность к социальной группе (вопрос мог быть задан прямо, например в 1939 г., или косвенно, например в 1926 г.).

5. Социально-экономические: источник средств существования, экономическая отрасль занятости.

---

[1] Всесоюзная перепись населения 1937 г. Общие итоги. М., 2007. С. 308–309.

[2] Там же. С. 191, 198, 199.

Одновременно со сплошной переписью в 1970, 1979 и 1989 гг. проводился выборочный опрос части населения по дополнительной программе.

Творческий подход при составлении программ переписей, целостность и гибкость переписных программ обследования населения. Программы и группы признаков были очень чувствительны ко всяким изменениям в состоянии населения. И программы, и опросные листы каждый раз имели особенности, менялись в связи с изменениями населения и стоящими в экономике, социальной, национальной и образовательной сферах приоритетными задачами перспективного развития. Переписи имели и пропагандистско-воспитательные цели.

Примеры такой «чувствительности» переписей к изменениям в характеристиках населения и проблемах в его развитии нетрудно назвать. В 1926 г. в связи с разворачиванием индустриализации необычно активизировался отход сельского населения в города. Отход являлся уже не просто средством получить крестьянину дополнительный заработок, но все более становился путем смены социального статуса. Поэтому в 1926 г. был специальный вопрос о побочном занятии, который позволял детально изучить процесс перехода через отходничество от сельскохозяйственных к индустриальным занятиям и к городскому образу жизни.

Вопрос о грамотности был классическим для дореволюционной переписи и для сплошных и выборочных переписей 1920-х гг., однако уже с 1939 г. он дополняется вопросом об уровне образования и детализированным вопросом об учащихся, так как ликбез уже был недостаточен для общества. Появилась острая нужда в образованных специалистах разных профессий. По инструкции требовалось назвать и школу, и класс, и точное название вуза и т. д. А в послевоенных переписях вопрос о грамотности исчезает, и переписи сосредотачивают внимание на уровне образования.

От переписи к переписи постоянно вносятся изменения в перечни профессий и производств.

Вопрос о родном языке все более расширяется — требуется указать и то, какой язык считает родным респондент — своей или не своей национальности, и если не своей, то какой именно. С 1970 г. появляется дополнительный вопрос о владении другими языками народов СССР. В этот период было повышено внимание к национальным и межнациональным отношениям.

Переписи отразили и проблемы семейно-брачных отношений. С 1970 г., в условиях происходящего в России кризиса семьи и брака, неоправданно быстрого снижения детности, дестабилизации и снижении брачности, вопрос о браке становится в переписях подробным. Он уже не сводится к простой констатации «состоит в браке или нет», но фиксирует разведенных, никогда не вступавших в брак, вдовых.

Учитывая переход к малодетной семье при переписи 1979 г. впервые был поставлен вопрос о числе рожденных женщиной детей (для углубленного исследования динамики рождаемости и изучения факторов, влияющих на воспроизводство населения). Правительство серьезно беспокоила

проблема трудовых ресурсов. В этот период формируется новый пакет пронаталистской политики, призванный увеличить рождаемость. Речь шла не о невозможном уже в связи с завершением первого демографического перехода возвращении к многодетной патриархальной семье, но о формировании малодетной семьи по верхнему уровню малодетности — 3–4 ребенка, а не 0–1. Особенно беспокоило (и справедливо) правительство распространение бездетных семей.

Вопрос об отношении к главе семьи в 1970-е гг. стал весьма детализированным. Это связано с заметными уже тогда изменениями ролевых функций членов семьи, в частности, повышением и экономической, и организаторской роли женщины в семье. Перепись отразила общемировую тенденцию и общемировой интерес. В 1989 г. вопрос об отношении к главе семьи формулировался как отношение к члену семьи, записанному первым. Это связано с нарастающим стремлением к равенству членов семьи, поэтому определение «глава» устраняется.

К концу 1980-х гг. стало уже доказанным важнейшее значение обеспечения жильем, причем комфортабельным, каждой семьи. В условиях активизации процесса нуклеаризации семьи проблема собственного жилья для всех типов семей (полных, неполных, материнских и прочих) заметно обострилась и требовала решения в целях улучшения демографической ситуации. Переписные листы 1989 г. для сплошной переписи содержали кроме обычных вопросов вопросы о жилищных условиях опрашиваемых: период постройки дома, материал наружных стен, кому принадлежит дом помещения, благоустройство жилого помещения и т. д.

В переписи включались тип жилого фонда (государственной организации, жилищно-строительному кооперативу и т. д.) и вопросы, связанные с демографическим старением населения. Так, перепись 1979 г. собрала данные о долгожителях страны (сто и более лет).

В вопросе о миграциях следует выделить перепись 1970 г., которая специальное внимание уделила маятниковой миграции.

Вопросы переписного листа иногда имели и воспитательно-пропагандистские функции. Например, в переписи 1937 г. вопрос о гражданстве был адресован всем гражданам. Цель была не только собрать сведения об иностранных гражданах, но добиться понимания каждым человеком, что он является гражданином СССР, а не отдельных регионов. В 1939, 1959 гг. был вопрос о гражданстве, в переписях 1979, 1989 гг. он был адресован только иностранным гражданам.

Информация, полученная при переписи, строго охранялась, в основном была засекречена, что понятно, учитывая ее стратегическое значение. Тайна личных данных респондента соблюдалась. Оригиналы переписных листов уничтожались.

Высокая степень сохранности материалов. Обработка собранных данных с учетом новых технических и технологических достижений: с 1937 г. — на машинно-счетных станциях, в 1970 г. — на ЭВМ; в 1979 г. была

применена принципиально новая форма переписного листа, который являлся одновременно техническим носителем первичной информации для ввода ее в ЭВМ с помощью специальных считывающих устройств и записи на магнитную ленту, в 1989 г. — применением нового оптического читающего устройства «Бланк», позволяющего кодировать ответы населения не только графическими методами, но и машиночитаемыми цифровыми знаками.

Итак, XX в. стал крупным этапом в развитии российского переписного дела. Возможно, в будущем перепись и будет потеснена новыми формами учета населения, но переписной опыт ляжет в основу программ современных регистров и интерактивных переписей.

Список источников

1. *Максудов С.* Расчет потерь населения СССР в годы коллективизации по данным переписей 1926, 1937 и 1939 гг. // Население и территория России. История и современность. М. — Самара: ИРИ РАН, 2017. С. 126–140.

2. *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Демографическая история России. 1927–1959. М.: Информатика, 1998. 187 с.

3. *Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н.* Полвека молчания // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 30–52.

4. *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.

5. *Жиромская В. Б.* Демографическая история России: взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.

6. *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза. 1922–1991. М.: Наука, 1993. 143 с.

Информация об авторах

Жиромская Валентина Борисовна (Российская Федерация, г. Москва) — д-р ист. наук, проф., руководитель Центра истории территории и населения Института российской истории РАН. (117292, г. Москва ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. e-mail: zhyromskaya@yandex.ru).

Корнилов Геннадий Егорович (Российская Федерация, г. Екатеринбург) — д-р ист. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ, заведующий Центром экономической истории Института истории и археологии УрО РАН. (620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16. e-mail: genakorn@mail.ru).

Zhiromskaja V. B., Kornilov G. E.

On the History of the Census Business in Russia:general Population Censuses of the Twentieth Century

the article discusses the features of conducting General population censuses in 1926–1989. A combination of traditions and innovations in the census business is shown. The accuracy and objectivity of accounting of the population of the USSR and RSFSR are assessed.

Keywords: General census, demographic accounting, census business, population censuses, census list, census program, demographic characteristics, population categories.

Authors

Zhiromskaja Valentina Borisovna (Russia, Moscow) — Doctor of history. Professor, head of the center for the history of territory and population of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences. 19, Dmitry Ulyanov str., Moscow, 117292. e-mail: zhyromskaya@yandex.ru

Kornilov, Gennadii Egorovich (Russia, Yekaterinburg) — Doctor of history. Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, head of the center for economic history of the Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences. (620108, Yekaterinburg, S. Kovalevskaya str., 16. e-mail: genakorn@mail.ru)

References

1. Maksudov S. Calculation of population losses in the USSR during the years of collectivization according to the census data of 1926, 1937 and 1939 / / Population and territory of Russia: History and modernity. Moscow-Samara: IRI RAS, 2017. Pp. 126–140.

2. Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkiv T. L. Demographic history of Russia. 1927–1959. Moscow: Informatika, 1998. 187 p.

3. Polyakov Y. A., Jeromsky, V. B., And Kiselev, I. N. Half a century of silence // Sociological researches. 1990. no. 8. Pp. 30–52.

4. Zhiromskaya V. B., Kiselev I. N., Polyakov Yu. a. Polveka under the «secret» stamp: all-Union census of population in 1937. Moscow: Nauka, 1996. 152 p.

5. Zhiromskaya V. B. Demographic history of Russia: a view into the unknown. Moscow: ROSSPEN, 2001. 280 p.

6. Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkiv T. L. population of the Soviet Union. 1922–1991. Moscow: Nauka, 1993. 143 p.

УДК 94(575.2)»19»

С. Ч. Жумалиева

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ТОРГОВЛЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКЕ В СЕВЕРНОМ КЫРГЫЗСТАНЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ (по данным учета промысловых занятий)[1]

В статье рассматриваются развитие промысловой деятельности и становление торгово-денежных отношений в Северном Кыргызстане в начале XX в. Выявлены особенности традиционного, ремесленно-кустарного промыслового и становление промышленного производства товаров сельского хозяйства и влияние торговли на их дальнейшее развитие. Расширение экономической сферы изменяло демографическую ситуацию, вело к формированию новых социальных групп населения.

Ключевые слова: Северный Кыргызстан, промышленность, торговля, уезд, населенные пункты, промысел, колонизация, социальные группы

В историографии колонизации края Российской империей как в советский период, так и в первые годы после развала СССР не раскрыты сложность и многогранность процесса становления предпринимательства и торговли, появление новых социальных групп населения. В зависимости от эпохи, от господствующей идеологии и в целом от уровня общественного сознания по-разному характеризуется состояние фабрично-заводской промышленности. Основное внимание акцентируется на социальных, культурных и политических аспектах данного процесса, в экономическом плане предпринимательство не исследуется; одна из главных причин — слабо развитое направление экономической истории в регионе. В результате колонизации края за короткий период на новой земле прививаются новый образ жизни и способ ведения хозяйства, именно в этот период в силу коренного изменения демографического развития идет небывалое изменение видов промыслов и появляются истоки заводско-фабричной промышленности сельскохозяйственных продуктов. В настоящей статье нами будут рассмотрены традиционные и новые виды промысловых занятий местного и прибывшего населения. Историко-сравнительный анализ промыслового занятия, на наш взгляд, позволит определить, насколько тонка была грань между традиционными ремесленно-кустарными промыслами и промышленным производством товаров сельского хозяйства, и выявить влияние торговли на их дальнейшее развитие, а также слоя предпринимателей и торговцев.

После присоединения Северной части Кыргызстана были образованы два уезда — Пишпекский (до 1878 г. Токмакский) и Пржевальский (до 1889 г. Иссык-кульский). Пржевальский уезд был расположен в юго-восточной части Семиреченской области, занимая пространство в 46 379

[1] © Жумалиева С. Ч. Текст. 2020.

кв. верст. Уезд был образован в 1869 г. С 1900 г. он был разделен на два участка — Пржевальский и Атбашинский. Местное население выращивали пшеницу и горох, рис, гречиху и кукурузу. В уезде также было развито пчеловодство. Рыболовство и охота составляли значительную подмогу населению. Кыргызы — кочевое население в основном занимались скотоводством. Жителей, согласно данным переписи 1897 г., насчитывалось 176 577 чел. Вывоз за пределы Пржевальского уезда сельско-хозяйственной продукции способствовал «производству до четырех миллионов пудов зернового хлеба. Кроме зерна, пшеницы, овса, гороха, риса, гречихи и кукурузы уезд давал около ста тысяч пудов картофеля, 30 тыс. пудов льна. Насчитывалось около 10 000 ульев, с которых собиралось до 3000 пудов меду [1, с. 23].

Пржевальск — центр уезда был основан как более пригодный по сравнению с Теплоключенкой для воинского укрепления и гарнизон Аксуйского укрепления был переведен. В 1897 г. в нем насчитывалось 8 тыс. чел. С 1899 г. с 1 октября по 15 ноября начала действовать осенняя ярмарка. В 1900 г. было проведена телеграфная линия. В 1914 г. поставлена дизельная электростанция. На 1 января 1908 г. в городе числилось 1078 домов с 13 498 чел., к 1914 г. население выросло до 15 118 чел. По данным В. Невездецкого, в 1913 г. действовали 2 пивоваренных, 6 кожевенных, 2 мыловаренных, 2 овчинных, 1 кишко-очистительный, 2 гончарных и несколько маслобойных заводов, имелось 8 мельниц, 204 торговых заведения, а также почтово-телеграфное агентство, казначейство, таможня. Таким образом, была сформирована основа для формирования новых социальных групп, основными занятиями которых становились предпринимательство и торговля. Важное значение в уезде имело также пчеловодство. Скорее всего, именно из-за этого в нижней части герба изображены три улья. Как торгово-промышленный пункт Пржевальск не имел большого значения, так как он был удален от пути, соединяющего Западную Сибирь с Туркестаном, был малодоступен. Благодаря тому, что местное население занималось скотоводством, здесь наблюдалась активная торговля скотом, преимущественно меновая [3].

В таблице 1 отражены населенные пункты Прежевальского уезда, в которых имелись торговые точки и развивались промыслы, что свидетельствовало о развитии товарно-денежных отношений и формировании слоя торговцев.

Рост количества хозяйств в Пржевальском уезде был более динамичным по сравнению с другими уездами, за исключением с. Рыбачье. Все они, кроме с. Покровское, которое образовали переселенцы, были основаны на месте почтовых трактов и воинских укреплений. Количество домов в селе Сазановка с 1871 г до 1913 г. выросло в 7,3 раза, в селе Преображенское с 1870 г. до 1908 г. — в 9,5 раза, а в селе Теплоключенка — в 15,5 раза. Рост количества домов, а, следовательно и населения, во всех вновь образованных поселениях происходил очень быстрыми темпами. В селении Нарын

Таблица 1

Основные населенные пункты Пржевальского уезда в конце XIX — начале XX в.

Населенный пункт	Год основания	Основная причина основания	Количество домов ко времени основания	Количество домов в начале XX в.	Кол-во торговых точек	Промыслы
Сазановка	1871	почтовый тракт	34	249	75	мельница
Преображенское (Тюп)	1870	почтовый тракт	40	378	44	мельница
Теплоключенка	1869	военное укрепление	14	217	8	мельниц, маслобойня
Покровское (Сливкино)	1873	переселенцы	127	359	60	мельница
Ат-Башы	1883	торговая слободка	30	142	143	мельница
Рыбачье	1871	почтовый пикет	7	24		рыболовецкая артель
Нарын	1868	военное укрепление	47	159	139	караван-сарай, центр по отлову и продаже диких животных

в 1868 г. насчитывалось 47 домов, к 1913 г. их количество выросло до 159, и это несмотря на суровый климат.

Во всех селениях, кроме Рыбачьего и Нарына, дополнительным промыслом считалась обработка зерна — работали мельницы. Часть уезда находилась в высокогорных районах, где главным занятием было животноводство, в них не было обрабатывающих предприятий. Но именно здесь (Нарыне и Ат-Башы) было наиболее большее количество торговых заведений. Селение Ат-Башы было образовано в 1883 г., а в 1885 г. было официально зарегистрировано как торговая слободка. Нарын возник в 1868 г. как военное укрепление для охраны южной границы со стороны Кашгара. В 1873 г. обстановка на юге стабилизировалась и в дальнейшем населенный пункт развивался как транзитный центр и как торговый пункт. Здесь были 3 караван-сарая, таможня, несколько чайхан, 5 кустарных мастерских по ремонту обуви, одежды и инвентаря, почта и телеграф. Здесь был организован центр по отлову и продаже диких животных. О.Г. Нежилов, коммерсант в Нарыне, создал хозяйство со штатом служащих, которые занимались ловлей, содержанием и перевозкой животных. В основном местные кыргызы-охотники ловили диких зверей, отправляли их в Россию, Монголию и Кашгар, поставляли в страны Западной Европы. В питомнике содержались тигры, барсы, медведи, архары, горные козлы, змеи [2, с. 182].

С образованием почтовой станции на пути Пишпек — Каракол в 1880-х гг. поселился отставной солдат М.И. Бачин, который образовал рыболовецкую артель. Рыбу возили на продажу в Токмок, Верный и Пишпек. Поселок стал именоваться Бачино. Увеличению дворов в Теплоключенке способствовали не только плодородные земли, а еще наличие горячего источника: «С недавних времен со всех концов края и даже Западной Сибири массами стекались больные, вовлекаемые славой чрезвычайной целебности его ванн». Таким образом, Иссык-Куль от года к году принимал все больше и больше приезжающих на лечение. Отдельные населенные пункты вокруг Иссык-Куля постепенно превращались в санатории [1, с. 24].

Северная часть Кыргызстана, в том числе Пржевальский уезд, в ходе столыпинской аграрной реформы стали местом активного заселения, и в новообразованных селениях шел быстрый рост домохозяйств. Пишпекский и Пржевальский уезды превращаются в экспортеров зерна, развивая товарно-денежные отношения. Для примера можно указать на казачью станицу Николаевка, расположенную на берегу Тюпского залива на восточном берегу Иссык-Куля, было образовано в 1907 г. Поначалу здесь было 20 дворов, через год в 4 раза больше — 84 двора, а к 1913 г. численность дворов выросла до 110, число жителей достигло 850 чел. В селении имелись 2 торговых заведения. Основном занятием населения было земледелие, здесь земли были богатые, урожайность — высокая. Часть зерна уходила на рынок. Отчасти переселенцы начали заниматься рыболовством, чтобы продавать рыбу [2, с. 182; 4–6].

Западную часть Семиреченской области занимал Пишпекский уезд, его площадь составляла 80480 кв. верст. Согласно данным переписи населения, в 1897 г. здесь проживали 176577 чел., из которых большую часть составляли киргизы. Главными занятиями жителей города Пишпек были торговля, земледелие, огородничество и садоводство. По мнению исследователей Туркестана, Пишпек «не обладает, подобно Верному, Лепсинску и Пржевальску ни исключительными по своей благоприятными климатическими условиями, ни красотой местоположения, но значение его велико и заключается, главным образом, в торговом отношении [1, с. 34]. Главным занятием оседлого населения было земледелие. На посевной площади в 60 тыс. десятин земли производилось более 3 млн пудов зерна, до млн пудов картофеля, до 20 тыс. пудов льна и конопли и до 3 тысяч пудов подсолнечника. Около 5 тыс. десятин лугов давали до 6 млн пудов сена и кормовых трав [1, с. 32]. Кочевое население занималось скотоводством, поголовье скота насчитывало более 6 млн. Жители пригородных сел Пишпека занимались огородничеством и садоводством. Рыболовство и звероловство служили дополнительным подспорьем в хозяйстве. Вновь образованные населенные пункты в Пишпекском уезде росли также быстрыми темпами, что и в Прежевальском уезде (табл. 2).

Кара-Балта выросла в 5,8 раза. Такой рост объяснялся тем, что через населенный пункт проходил почтовый тракт Верный — Ташкент. В 1867 г.

Таблица 2

Основные населенные пункты Пишпекского уезда

Населенные пункты	Год основания	Основная причина основания	Количество домов ко времени основания	Количество домов в начале XX в.	Торговые точки	Промыслы
Кара-Балта	начало 1870-х	почтовый тракт	28	312		
Лебединовка	1867		34	278		
Александровское	1882	дунганы			50	мельницы, мелкие заводы для обработки риса
Николаевка	1878	дунганы		953	10	мельницы, мелкие завода для обработки риса, маслобойки
Георигевка	1893	переселенцы	78	181	9	мельницы
Ивановка	1893	переселенцы	45	201	9	мельницы
Токмок	1866	военное укрепление		1198	36	мельницы, кожевенные заводы

в близ Пишпекского укрепления образовали селение Лебединовка, на 1 января 1913 г. здесь числилось 278 дворов и 2150 чел. Село Александровское было основано дунганским населением в 1882 г., это были переселенцы из Кульджи. Село находилось на Ташкентском тракте. В 1908 г. в селении имелось 453 хозяйств с 2653 чел. и к 1913 г. численность населения выросла до 3176 чел. В селении имелись 11 мельниц, 14 мелких заводов для обработки риса, 50 торговых заведений. В 1868 г. была проложена дорога от Токмака до западного побережья Иссык-Куля и далее через Долонский перевал на юг до Нарынского укрепления. Село Токмок было образовано в 1866 г. на месте Кокандской крепости. В 1868 г. была проложена колесная дорога из Верного в город. Из-за частых наводнений центр уезда был в 1878 г. переведен в Пишпек. В 1908 г. здесь числилось 456 хозяйств с 4030 жителями. На 1 января 1913 г. 478 дворов (рост на 4,8 %), жителей 3479 чел. (сокращение на 13,6 %). В селении имелись крупчатая мельница и 7 простых мельниц, 2 кожевенных завода, 34 торговых заведения [4].

В ходе новой волны аграрного переселения по столыпинской реформе в Пишпексокм уезде увеличиваются населенные пункты, основанные крестьянами. Они вносили существенный вклад в развитие земледелия,

изменения роли уезда в хозяйственной жизни. Быстровка была основана в 1912 г. перед входом в Боомское ущелье, в 1913 г. в 95 домах селения проживало 703 чел. Имелась мельница и 4 торговых заведения [2]. В Пишпекском уезде местное население вело кочевой и полукочевой образ жизни, активный приток переселенцев уже в конце XIX в. вносит существенные изменения в хозяйственную жизнь, природно-климатические условия были благоприятны для земледелия. Сюда же переселилась часть дунган. Географическое расположение уезда было удобным, по его территории проходили дороги, соединяющие Верный с Ташкентом через Аулиэ-Атиа, и г. Пржевальск.

На промысловые занятия повлияло производство товаров в первой необходимости, поскольку местное население вело кочевой образ жизни. Промысловые занятия населения Семиреченской области после присоединения к Российской империи претерпевали некоторые изменения. С притоком переселенческого населения ремесло развивается в новых поселках. Возрастает объем и сфера действия ремесленного производства. Киргизы и казахи — кочевники научились у переселенцев изготавливать новые виды орудий труда, производить из дерева, железа части телег, сани, рамы для дверей, окон, бороны и др. Увеличивается число плотников, столяров, шорников и др. В обиходе местного населения появляются новые ремесленные инструменты, отдельные виды домашних промыслов стали носить товарный характер. Переход кустарно-ремесленного производства к промышленному шел по следующим направлениям: обработка сырья животного и растительного происхождения, которые включали в себя производство продуктов питания, одежды и предметов туалета, обработка дерева, производство керамических изделий, обработка металла, появляется горное дело. В результате развития товарно-денежных отношений с усилением переселенческого движения в крае постепенно начали расширяться мелкие и вновь создаваться относительно крупные промышленные предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья.

Согласно данным исследований, в начале XX в. представителями российских ведомств для колонизации края все виды промыслов у казахов, киргизов были разбиты на 5 социальных групп:

1. Наемные сельскохозяйственные рабочие.

2. Несамостоятельные «промышленники», работавшие на промышленных предприятиях, сюда же относились и лица, работавшие по найму в сфере торговли (приказчики) и транспорта.

3. Торговцы и предприниматели, первая категория «промышленников» этой группы включала в себя всех торговцев, самостоятельно (от своего имени) заключавших сделки, пользовавшихся наемным трудом, имевших как самостоятельных хозяйств, так и комиссионеров — крупных скупщиков и оптовиков.

4. Самостоятельные ремесленники и кустари. В эту группу входили лица, занятые в различных отраслях обрабатывающей и добывающей

промышленности, в качестве единоличных хозяев, не применяющих в производстве наемного труда. Служащие и лица свободных профессий, куда входили киргизская, казахская выборная администрация (волостные управители, аульные старшины, народные судьи, мирабы).

5. «Прочие» промыслы: все промыслы, которые не подходят ни под одну из предыдущих рубрик и промыслы, род которых не определен при подворном описании[1].

Как известно, основную массу населения области составляли коренные жители, и главное занятие у них было скотоводство. Земледелие только получало свое развитие, и все виды промыслов, их развитие было связано с нуждой заниматься промыслами для дополнительного заработка.

М.В. Лавров справедливо указал на то, что «к занятиям промыслами прибегают главным образом, хозяйства, слабо обеспеченные скотом. Промыслами в группе бедных занимается 7,4 % населения группы; в группах средних — лишь 1,4 %, и у богатых — 0,9 %. В бедных хозяйствах имеют громадное преобладание — 90 % — сельскохозяйственные наемные рабочие. В группе средних хозяйств батраки составляют 2/3 промышленников; здесь значительно поднимаются проценты ремесленников и служащих. В богатых хозяйствах гормадное преобладание имеют служащие и занятые свободными профессиями; 2/5 промышленников составляют служащие» [5].

Формирование новых социальных групп населения региона в конце XX — начале XX вв. в Кыргызстане прошло, как свидетельствуют исторические источники, только начальный этап. Основными факторами социально-демографических изменений были колонизация региона Российской империей и активное переселение населения.

Список литературы

1. *Гейер И. И.* Туркестан / С доп. ст. «Семиреченская обл.», сост. А. Л. Кирснером. 2-е изд. Ташкент: [б. и.], 1909. 346 с.

2. *Лухтанов А. Г.* Город Верный и Семиреченская область. Энциклопедическое издание. 2-е изд. Алматы: ТОО ЦДК «Глобус», 2011. 324 с.

3. *Заорская В. В., Александер К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края. Петроград, 1915. 559 с.

4. *Недзвецкий В. Е.* Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области. По свед. на 1 янв. 1913 г. Верный : Семиреченский статистический комитет, 1913. 209 с.

5. *Ивлев М.* Геральдика старого Семиречья // Веди. Общерусская православная газета. Алма-Ата, 2004. № 1–2.

[1] Семиречинский областной военный губернатор. Записка о состоянии Семиреченской области в 1908 году; Список русских и инородческих оседлых пунктов Семиреченской области к 1 января 1908 г.; Список кочевых инородческих волостей Семиреченской области к 1 января 1908 г. / Воен. губернатор Семиреч. обл, Ген. штаба ген.-лейт. Покотило. [Верный: Б. и., 1908]. 32 с.

Информация об авторе

Жумалиева Сайкал Чубаковна (Кыргызская Республика, г. Бишкек) — канд. ист. наук, доцент Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына. Кыргызская Республика г. Бишкек, ул. Фрунзе 547, каб 330. E-mail: marsella_86@mail.ru.

Zhumalieva S. Ch.

Entrepreneurship and trade development in the early twentieth century in Northern Kyrgyzstan and the formation of new social groups (according to the accounting of fishing activities)

Annotation. The article examines the development of fishing activities and the formation of trade and monetary relations in Northern Kyrgyzstan at the beginning of the twentieth century. The features of traditional, handicraft and Handicrafts and the formation of industrial production of agricultural goods are identified, as well as the impact of trade on their further development. The expansion of the economic sphere changed the demographic situation and led to the formation of new social groups.

Keyword: Northern Kyrgyzstan, industry, trade, County, localities, fishing, colonization, social groups.

Author Information

Zhumalieva Saikal Chubakova (Kyrgyz Republic, Bishkek) — candidate of historical Sciences, associate Professor of the Kyrgyz national University named after Zh. Balasagyn. Kyrgyz Republic, Bishkek, 547 Frunze St., room 330. E-mail: marsella_86@mail.ru

References

1. Geyer I. I. Turkestan. With the additional article «Semirechenskaya region», by A. L. Kirsner. 2nd ed. Tashkent: [b. I.], 1909. 346 p.

2. Luhtanov A. G. the city of Verny and the Semirechenskaya region. Encyclopedic edition. 2nd ed. Almaty: Globus CDK LLP, 2011. 324 p.

3. Zaorskaya V. V. and K. A. Alexander. Industrial establishments of the Turkestan region. Petrograd, 1915. 559 p.

4. Nedzvetskiy, V. E. Administrative structure, settled settlements and nomadic volosts of the Semirechensk region (According to the data. on January 1, 1913). Verny: Semirech. stat. com., 1913. 209 p.

5. Ivlev, M. the Heraldry of the old seven rivers // Vedi: All-Russian Orthodox newspaper. Almaty, 2004, No. 1–2.

УДК 94(470.5)»1920/1930»

М. С. Каменских

БОЛГАРСКИЕ ПОЛИТЭМИГРАНТЫ НА УРАЛЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И МОТИВЫ МИГРАЦИИ, АДАПТАЦИЯ И СУДЬБЫ (по материалам судебно-следственной документации)[1]

Статья посвящена изучению политической эмиграции болгар на Урал в 1920–1930-е годы. На основании данных судебно-следственной документации, отложившейся в архивах Пермского края и Свердловской области, реконструированы обстоятельства миграции, жизнь и адаптация политэмигрантов из Болгарии на Урале, а также репрессии против них.

Автор приходит к выводу, что в 1930-е гг. в условиях массового выезда из СССР политическая эмиграция, в том числе из Болгарии, могла стать важным источником пополнения кадров для растущей экономики СССР. Однако начавшиеся репрессии не позволили сформироваться постоянно действующему миграционному каналу из Болгарии в СССР.

Автор убежден, что рассматриваемая проблематика актуальна не только для изучения политической эмиграции в СССР, но и для расширения представлений об истории локальных этнодисперсных групп Урала.

Ключевые слова: этнодисперсные группы на Урале, болгары, политическая эмиграция, СССР, политические репрессии

Пребывание болгар в нашей стране насчитывает несколько сот лет и плотно вписано в основные этапы российской истории. Между тем одной из малоизученных страниц остается политическая эмиграция болгарских коммунистов в СССР в 1920–1930-е гг. В этот период в стране жило и трудилось немало болгар, сыгравших в дальнейшем важную роль в истории своей страны. Историографически эта тема входит в более широкое исследовательское поле, связанное с эмиграцией в СССР коммунистов из разных стран мира во второй четверти XX в. В тот период политика и идеология Советского Союза находили много единомышленников из разных стран, которые приезжали в СССР в поисках политического убежища или для практической реализации своих социалистических убеждений. По подсчетам немецких историков Б. Штудер и Б. Унфрида, до середины 1930–х гг. в СССР въехало свыше 10 тыс. политических эмигрантов. Это были преимущественно поляки, болгары, латыши, немцы и румыны [1, с. 34]. Все они были активистами различных политических организаций, близких к коммунистической идеологии. Как известно, в советской историографии деятельность революционеров разных стран 1920–1930-х гг. активно освещалась. Если говорить о Болгарии, то необходимо выделить работы Р. Аврамова, Л.Б. Валева, В.Ф. Кадацкого, а также в двухтомное академическое издание РАН «История Болгарии» [2–5]. Кроме того, немало литературы на тему развития революционного

[1] © Каменских М. С. Текст. 2020.

движения и партийной истории написано болгарскими исследователями 1950–1960-х гг. [4, с. 5–9]. Болгарский историк Г. Аврамов даже приводит историю двух рабочих — Петко Напетова и Георги Иванова, которые сумели добраться в Советский Союз через Германию. Вернувшись из СССР, Г. Напетов издал книгу «В стране строящегося социализма», которая широко использовалась советской пропагандой как доказательство преимуществ советского режима [2, с. 112]. Однако судьбы политических эмигрантов после их попадания в СССР в работах историков не отражены. Болгарские эмигранты не являются исключением. Советские историки практически ничего не писали об их жизни после приезда в СССР. В современной историографии же последних десятилетий, посвященных истории болгар, политэмиграция в СССР практически не рассматривается. В публикациях современных авторов А.В. Ганина, С.В. Гусева, С.В. Жабчика в основном раскрыта история болгар начала XX в., а также активно изучается тема депортации российских болгар Крыма 1944 г. [6–12].

Изучение болгарской политической эмиграции в СССР 1920–1930-х гг. представляется актуальным не только для понимания особенностей эмиграции в СССР довоенного периода, но и для расширения представлений об истории болгар в России целом. Особое место в этой эмиграции принадлежит Урало-Сибирскому региону, поскольку именно на его территорию для учебы и работы приезжала немалая часть болгарских коммунистов. История болгар на Урале частично представлена в трудах научного коллектива Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН [13], однако страницы истории политической миграции болгар на Урал в исторических исследованиях еще не отражены.

Основным источником для подготовки данной публикации стали материалы судебно-следственных дел, отложившихся в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермРГАСПИ) и Государственного архива административных органов Свердловской области (ГАООСО), а также ряд делопроизводственных и справочных материалов этого периода. Протоколы допросов, анкеты арестованных, автобиографии и воспоминания, письма родственников и документация по реабилитации позволяют полностью реконструировать мотивы миграции, ее обстоятельства, жизнь эмигрантов в СССР, характер и специфику репрессий против них. Многие материалы впервые вводятся в научный оборот.

Обстоятельства приезда и маршруты следования в СССР. Начало массовой эмиграции из Болгарии было продиктовано историческими реалиями. Неудавшееся вооруженное восстание сентября 1923 г. (Септемврийско въстание) и начатые правительством А. Цанкова массовые аресты коммунистов заставили последних искать политического убежища за рубежом [5, с. 128–142]. В середине 1920-х гг. бюро ЦК Коммунистической партии Болгарии (КПБ) переехало в Москву, здесь постоянно проживали Г. Димитров, В Коларов, Т. Матанов, Т. Костов

и другие руководители коммунистического движения Болгарии [4, с. 53]. Неудивительно, что скрываясь от официальных властей, болгарские революционеры пытались попасть именно в СССР, поскольку там не было преследований и можно было найти работу. Интересно проследить и представления эмигрантов об этой стране, отложившиеся в источнике. «Когда меня били в Греции, добиваясь причины перехода границы, я знал, что попал в страну, где мне, крестьянину не будет жизни, поэтому я приехал в СССР», — так объяснял мотивы своего переезда коммунист Илья Стойлов[1]. А Кристо Колев решение эмигрировать описал следующим образом: «С 1932 года я решил нелегально выехать в Советский Союз, так как из газет „Эхо погляд" я знал, что в Советском Союзе безработицы нет»[2]. Похожее мнение имел и Николай Пинов: «Меня лично вынуждало уходить из Болгарии отсутствие перспектив устроиться на работу»[3].

Источники позволяют начертить и примерный социальный облик болгарского политического эмигранта того времени. Большинство из них к моменту эмиграции находились в возрасте от 20 до 30 лет и в основном были выходцами из крестьянской или рабочей среды, хотя Георгий Готиевский, например, был сыном генерала Болгарской армии[4]. Многие еще до приезда в СССР имели серьезный стаж революционной работы и даже проходили обучение в СССР. Так, политэмигрант Георгий Дубов был одним из участников Сентябрьского восстания. «В этом восстании я как член компартии возглавлял отряд повстанцев в 200–300 человек», — писал он в своей автобиографии[5]. Николай Пинов перед эмиграцией в СССР в 1933 г. уже имел 10-летний стаж партийной работы в БКП и неоднократно арестовывался болгарской полицией за революционную деятельность[6]. В 1922–1923 г. он даже учился в СССР по линии болгарской секции Коминтерна, после чего вновь был отправлен на родину для революционной работы под именем Василия Петрова. Филипп Шинев, с 1917 г. находящийся в БКП, имел педагогические образование и руководил местной сельской ячейкой коммунистов. С января 1920 г. он, по его словам, в ходе стычки убил двух полицейских, но был оправдан судом и снова занялся революционной деятельностью[7]. Отметим, что к эмигрантам могли примыкать обычные преступники или авантюристы. Так, Кресто Колев сообщал, что он прибыл в СССР, поскольку застрелил человека и бежал от правосудия, но при пересечении границы сказал, что занимался политической деятельностью[8].

[1] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 13265. Л. 10–10 об.
[2] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 10.
[3] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 35.
[4] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 59632. Л. 5.
[5] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 28.
[6] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923.
[7] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. Л. 15.
[8] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 9–12.

Источники позволяют реконструировать и маршруты следования в СССР. Его каждый разрабатывал сам, поскольку легальный канал эмиграции из Болгарии в СССР отсутствовал, между странами даже не были установлены дипломатические отношения. Известным революционерам содействовали сами органы власти СССР, но большинство добирались самостоятельно. Упомянутый выше Георгий Дубов с тремя однопартийцами в 1925 г. перешел югославско-австрийскую границу, а потом на поезде доехал до Вены. «Здесь в Вене нас встретил Цонев (Генов)[1], который каждому из нас, в том числе и мне, вручил советский паспорт, деньги и проездные документы»[2]. Через два дня все четверо уже были в СССР. По прибытию в Москву группу в отеле встретил лично Георгий Димитров, который организовал их поступление в советские военные вузы. Также сухопутным путем по маршруту «Греция — Югославия — Австрия — СССР», но самостоятельно, добрался до Москвы рабочий, член БКП Танчо Георгиев[3]. А уроженец Софии Крум Милев оказался в СССР после перехода сухопутной границы Грузинской ССР и Турции, куда он бежал из Болгарии[4].

Был еще один путь — через Грецию. Подробно его описал коммунист Илья Стойлов. В 1924 г. он и трое его соратников перешли болгарско-греческую границу. Но были арестованы местными властями и направлены в тюрьму на остров Сира. На тот момент там находилось несколько десятков беженцев из Болгарии. По линии Международной организации помощи борцам революции (МОПР) заключенные передали заявление в советское консульство в Стамбуле, после чего власти Греции разрешили И. Стойлову и еще 30 его соотечественникам выехать в СССР. Из Греции они на пароходе доехали до Одессы, где после проверки документов получили возможность остаться и работать[5].

Наиболее простым и распространенным, судя по источникам, был морской путь из Варны в Одессу. Подробные сведения о нем приводятся в деле Николая Пинова. После нескольких неудачных попыток выехать из Болгарии морским путем он и еще 9 единомышленников купили парусную лодку и 19 сентября 1932 г. высадились в порту г. Одессы. Полгода они находились под арестом, но потом получили право работать в СССР[6]. Коммунист Филипп Шинев ехал из Варны «с группой русских эмигрантов белогвардейцев, участвовавших в Гражданской войне, входящих в “Союз возвращения на родину”, созданную по инициативе БКП»[7]. По прибытии он сумел встретиться с В. Коларовым, который дал ему личную характери-

[1] Генов Гаврил Димитров (псевдоним Цонев), деятель болгарского рабочего движения. Во время Сентябрьского восстания 1923 возглавлял вооруженную борьбу во Врачанском округе. В 1925–1926 гг. — член заграничного бюро ЦК БКП (тесных социалистов) — М.К.

[2] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10059. Л. 29.

[3] ПермГАСПИ. Ф. 641/1 Оп.1 Д.15079. Л. 4 об.

[4] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52838. Л. 12–13.

[5] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 13265. Л. 10–10 об.

[6] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 33.

[7] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. Л. 15.

стику. С этим документом Ф. Шинев ездил по нескольким городам СССР, оказавшись в итоге в Нижнем Тагиле[1].

В июле 1934 г. в СССР из Варны на лодке прибыла еще одна группа из 10 болгарских коммунистов, шестеро из которых оказались в итоге на различных предприятиях Уральской области: Георгий Готиевский, Кресто Колев, Иван Иванов, Арсений Стефанов, Лазарь Димитров, Георгий Иванов и Василий Генов[2]. Организатором этой поездки был, судя по всему, Иван Иванов, уроженец г. Варны. «Я купил за 1500 рублей моторную лодку и перевез других указанных выше лиц. Остановился возле города Одессы, где и был арестован», — пояснял он в своей автобиографии[3].

Прибыв в СССР, некоторые из болгар попадали на Урал, поскольку на рубеже 1920–1930-х гг. регион был центром активных строек и социальных преобразований. Строящиеся промышленные гиганты и образовывающаяся вокруг них инфраструктура создавали рабочие места для специалистов всех уровней. Судя по источникам, в г. Нижнем Тагиле был даже отдельный район — «Город эмигрантов». О жизни в нем писал Крум Милев[4].

О численности болгарских эмигрантов известно немного. Имеющиеся источники, к сожалению, не позволяют вычислить даже примерную численность болгарских эмигрантов не только на Урале, но и в РСФСР. Основу болгарского населения РСФСР (23 862 чел.) в тот момент составляли переселенцы из Османской империи XVIII в., большая часть которых жила на территории Крымской АССР — 15 344 чел., 64 % всех болгар РСФСР[5]. Во внутренние регионы, в том числе на Урал, болгары начали попадать только в XX в., преимущественно в период раскулачивания [13, с. 18]. В Свердловской и Пермской областях в 1939 г., уже после репрессий 1937–1938 гг. проживало 334 болгарина, больше всего в Надеждинском (68) и Нижнетагильском (80) районах Свердловской области, а также в Добрянском районе в Пермской области (33)[6]. Опираясь на эти данные, численность болгарских политэмигрантов вычислить довольно сложно, но, вероятно, речь может идти о нескольких десятках человек.

Таким образом, репрессии против коммунистов в Болгарии начала 1930-х годов спровоцировали волну эмиграции. Выбор большинства пал на СССР, поскольку по их представлениям в этой стране не было преследований по политическим мотивам, и была возможность трудоустройства. Их численность незначительна, однако исторический путь и обстоятельства их появления позволяют глубже понять специфику истории болгар в России.

---

[1] Там же. Л. 10–10 об.

[2] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 59632, 32744, 22448, 76790.

[3] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22448. Л. 9.

[4] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52838. Л. 4.

[5] Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=68.

[6] Там же.

Жизнь и работа болгар в СССР. Имеющиеся источники позволяют частично реконструировать особенности жизни болгар после прибытия в СССР.

Приезжая в страну, они получали возможность жить и трудиться на общих с другими советскими гражданами основаниях, поскольку начиная с принятия в 1924 г. Положения гражданстве Союза ССР, во всех редакциях этого документа вплоть до 1938 г. содержался пункт об упрощенной процедуре получения гражданства для лиц, «ищущих убежища, вследствие преследования их за общественную деятельность»[1]. Среди документов И. Иванова, например, сохранилось Удостоверение перебежчика со стороны Болгарии, выданное в СССР со сроком действия до 1 января 1937 г.[2] Болгарские эмигранты охотно принимали советское гражданство и даже меняли фамилии. Так, Степан Терзеев 1920-е гг. получил гражданство и взял себе фамилию Портнов[3], Георгий Бойдиев и Филипп Шинев, приняв советское гражданство, вступили в ВКП(б)[4]. К середине 1930-х гг. среди политических эмигрантов — болгар, биографии которых рассмотрены в статье, уже не осталось поданных Болгарии.

Болгары устраивались на самые разные должности, некоторые даже делали карьеру и вносили вклад в развитие региона. Георгий Дубов, например, получив военно-инженерное образование в СССР, в качестве командира артиллерийской батареи служил в г. Вологде, а затем — на разных должностях в аппарате Главного военно-мобилизационного управления Народного комиссариата тяжелой промышленности. В 1934 г. он получил назначение на должность начальника отдела технического контроля Завода № 172 им. В.М. Молотова (совр. «Мотовилихинские заводы). Его соотечественник болгарин Степан Терзеев работал в Перми завхозом здравпункта завода № 172. Кроме Г. Дубова и С. Терзеева в источниках отложились сведения о других болгарах, работавших на заводе № 172 [14, с. 90]. Георгий Бойдиев, живя в г. Березники с 1929 г., на момент ареста в 1937 г. занимал должность заместителя заведующего Вишерского бумкомбината[5]. Коммунист Николай Пинов был начальником Еловского лесоучастка Верхкамлеса[6]. Первым начальником Свердловского аэроклуба ОСОАВИАХИМа, начавшего свою работу 23 декабря 1933 г., стал Афанасий Афанасьев, болгарский коммунист и личный друг Георгия Димитрова.

---

[1] В разных редакциях Положения деятельность могла называться общественной или революционно-освободительной. См.: Положение о союзном гражданстве ССР. Утв. Постановление ЦИК СССР от 29.10.1924. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3068#08113827957814717 (дата обращения: 08.04.2020).

[2] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22448. Л. 9.

[3] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9164.

[4] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. 10 об.; ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28312. Л. 1.

[5] ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28312. Л. 1.

[6] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 10 об.

В послевоенные годы А. Афанасьев был министром гражданской авиации Болгарии[1].

Многие политические эмигранты занимали и обычные «рабочие» должности. Так, Лефтер Лефтеров, перешедший нелегально границу СССР в 1932 г., работал слесарем Госшвеймастерской города Надеждинска[2], его товарищ Арсений Стефанов — кочегаром Бетонного завода Уральского алюминиевого комбината[3]. Иван Иванов работал на авторемонтной базе в качестве технического составителя[4], а Илья Стойлов — рабочим в Горканализации Нижнего Тагил[5]. Крум Милев на Новотрубном заводе Нижнетагильского района занимал должность столяра[6].

Еще один эмигрант Кристо Колев после приезда начал работать токарем на заводе, потом смог устроиться заведующим отдела женской обуви в универмаге, а в 1936 г. уже стал заведующим магазина «Универмаг» в Каменске-Уральском. «Трудился муж очень хорошо, часто допоздна, редко когда закрывал магазин во время, так как старался всех людей обслужить, чтоб все покупатели были довольны. За это люди его очень любили. Его портрет как передовика производства был на доске почета», — так характеризовала Кристо Колева его супруга Надежда[7]. К слову сказать, многие из политэмигрантов вступали в брачные отношения с местными жительницами, заводили детей. После начала репрессий 1930-х гг. члены их семей обращались в органы милиции, давая, как правило, положительные личностные характеристики своим отцам или мужьям[8].

Живя в СССР, болгарские политэмигранты участвовали и в политической жизни. Специалист по политический эмиграции в СССР С. В. Журавлев в своей диссертации говорил, что «их взгляд на СССР был зачастую более острым и точным, а поведение — более адекватным реалиям» [15, с. 41]. Иван Добрев, работая инженером и видя путаницу и несогласованность на производстве, вынужден был «все бросить и заявить начальнику строительного управления Фельдману, что больше не во состоянии так работать»[9]. Немало материалов о политических дискуссиях сохранилось в деле Ф. Шинева, который «неоднократно выступал на партсобраниях в троцкистском направлении против генеральной линии партии, делал

[1] История авиации РОСТО (ДОСААФ) Свердловской области. Екатеринбургский аэроклуб РОСТО ДОСААФ. URL: http://aviasport-343.ru/history_aviation_rosto.htm (дата обращения: 08.04.2020).

[2] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 61096. Л. 1.

[3] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 63049. Л. 4.

[4] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22448. Л. 4.

[5] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 13265. Л. 1.

[6] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52838. Л. 4.

[7] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 30–33.

[8] В источниках также отложились письма жены Федора Яни — Миланы: ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 26388. Л. 20–22; Танчо Георгиева — Анны Никифоровой: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15079. Л. 16.

[9] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7970. Л. 11.

контрреволюционные клеветнические выпады по отношению партруководства и ВКП(б)»[1]. Судя по документам, Ф. Шинев, имея большой партийный стаж, действительно очень активно полемизировал с местными коммунистами. «Фраза “Каждое слово товарища Сталина должно служить (быть) законом для партии и каждого члена партии” говорит еще и о политической безграмотности ее носителей. Протестую против такой засоренности партийной чистоты», — сообщал он в 1937 г. И далее позволял себе провокационные для того времени высказывания: «Всем личностям (хоть и семи пядей во лбу по выражению товарища Жданова) присуща погрешность и ошибочность, в том числе тов. Сталину»[2]. Естественно, в условиях СССР второй половины 1930-х гг. такие высказывания были недопустимы. В 1935 г. Ф. Шинев был исключен из партии «за проявление ревизионизма учения товарища Сталина, за антипартийные выступления на партсобрании»[3], а в 1937 г. — арестован. Вполне вероятно, что и другие болгарские коммунисты могли полемизировать с местными партийными организациями Урала.

Репрессии против болгар. Во второй половине 1930-х гг. в СССР происходят важные изменения во внутренней политике, в результате которых СССР стал более закрытой страной, отношение к иностранцам изменилось. Новое Положение о гражданстве Союза Советских Социалистических республик от 19 августа 1938 г.[4], по словам Л.П. Белковец, «изъяло у иностранных граждан избирательные и иные политические права… перестали предоставляться права участия в управлении страной, право избирать и быть избранным в органы советской власти и на другие ответственные государственные посты» [16, с. 330]. А начавшиеся в 1937–1938 гг. репрессии коснулись практически всех иностранцев, в том числе и болгарских эмигрантов. Судя по источникам, некоторые из болгар еще до массовых арестов находились под наблюдением. Так, в рассекреченных материалах дела Кресто Колева имеются докладные записки сотрудников НКВД «Мстителя» и «Адама» о его поведении. «В СССР ему не нравится, говорит, что всем остальным болгарам тоже не нравится», — говорится в одном из таких документов[5].

В 1937 г. политэмигрантов стали арестовывать, обвиняя по ст. 58 УК РСФСР в шпионаже в пользу одного из зарубежных государств. Ход и особенности следствия красноречиво отражены в материалах дела Федора Яни, арестованного в марте 1938 г. «за причастность к болгарским

[1] ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. Л. 4.

[2] Там же. Л. 7.

[3] Там же. Л. 36.

[4] Закон «О гражданстве Союза Советских Социалистических республик» от 19 августа 1938 г. // Законодательство СССР и международные соглашения по вопросам гражданства. М., 1964. № 30. С. 23–24.

[5] ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 9–12.

разведывательным органам»[1]. После обращения его супруги в органы РО НКВД Свердловской области было принято необычное для того времени решение — о пересмотре дела. В заключении Орджоникидзевского РО НКВД Свердловской области говорится, что следствие по обвинению Яни велось провокационным методом, путем «камерной обработки»[2]. Сам Яни на допросе 21 июня 1941 г. сообщил: «Под давлением следствия я подписал составленный следователем клеветнический протокол с такими преступлениями, которые я совершенно не делал»[3]. Из показаний следователя по делу Ф. Яни Клевцева: «Обвиняемый Яни в порядке „камерной обработки"... был подготовлен для подписания показаний, после чего 8 марта 1938 г. вызван мною на допрос и подписал показания, которые не соответствуют действительности и материалом для обвинения Яни служить не может»[4]. Можно смело предположить, что и другие дела против болгар велись аналогичным способом. На допросах арестованные болгары все отрицали. И. Добрев от дачи показаний на следствии вообще отказался[5], а Георгий Дубов ни на одном допросе не признал вины, хотя все равно был признан агентом японской разведки[6].

Большая часть политэмигрантов болгар Свердловской области были арестованы в рамках одного «эмигрантского дела», начавшегося в 1937 г. в Нижнем Тагиле и Надеждинске, где они проживали. По легенде следствия, в Надеждинском районе болгарской разведкой была создана «контрреволюционная шпионско-диверсионная и террористическая организация», куда вошли болгарские политэмигранты. Руководителем этой группы был назначен больше всего подходящий на эту роль сын болгарского генерала Г. Готиевский. Созданное сообщество в источниках называется «РОВС», но при этом не встречается какой-либо расшифровки аббревиатуры. Каждый из политэмигрантов работал «в своей» среде. Среди студентов медиков Лазарь Димитров распространял «контрреволюционную клеветническую речь фашистского офицера, которую он слышал, находясь на собрании фашистов в г. Варна [...] восхвалял контрреволюционеров Троцкого, Зиновьева и Каменева»[7]. А „контрреволюционную пропаганду против политики партии и советского правительства среди перебежчиков и трудопоселенцев" проводил и болгарский перебежчик Георгий Иванов»[8]. Н. Пинов, который, даже судя по личной анкете, неоднократно арестовывался в Болгарии за революционную деятельность, был обвинен в том, что «проживая в г. Варна Болгарии в 1927 г. вошел в связи с бол-

[1] ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 26388. Л. 22.

[2] Так избиения получения нужных показаний назвал следователь Клевцев. Там же: Л. 28.

[3] ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 26388. Л. 51.

[4] Там же Л. 25.

[5] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7970. Л. 121.

[6] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10059. Л. 10.

[7] ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 76790. Л. 69.

[8] Там же.

гарской политической полицией и занимался провокаторской деятельностью в рядах Болгарской компартии»[1]. В эту организацию были «вписаны» не только болгарские политэмигранты, но и советские болгары, находившиеся на тот момент в Свердловской области. Например, членами «РОВС» были объявлены граждане СССР, уроженцы с. Андреевка Бедрянского района Донецкой области УССР Захар Тютюшев и его сын Илья, жившие в тот момент в Надеждинске на поселении[2].

О том, как происходило следствие по этому делу, свидетельствуют материалы допросов следователей 1940–1950-х гг. Особый интерес представляют документы К. Колева, вскрытые в рамках дела по разоблачению фальсификации следствия органами Челябинской области в июне 1940 г., то есть еще до массовой реабилитации 1950-х гг. Тогда были осуждены одновременно несколько руководящих работников, в том числе начальник УНКВД Челябинской области Ф.Г. Лапшин, его зам И.Г. Воронихин и др.[3] Одним из свидетелей по делу выступал следователь С.С. Пикман, который вел дело Колева в 1937 г. В его показаниях отражены подробности «эмигрантского дела». Он сказал, что «операция по перебежчикам» началась в августе 1937 г., было арестовано примерно 60–80 чел. Следствие шло обычным ходом, но потом поступило распоряжение из Москвы «о слабых темпах разворота следствия». После этого его ход изменился. «Следователи требовали от обвиняемого лишь признания в части материалов по переходу границы. С арестованным беседовали, записывали нужные данные на бумажке, а потом в отсутствие обвиняемого составляли протокол допроса, который затем давали обвиняемому на подпись. Перебежчики друг друга называли вербовщиками в к-р организацию… Камерной обработки не было надобности вести», — показал С. Пикман[4].

Приговоры для болгарских политэмигрантов были разными. Г. Дубов, например, в ходе следствия сумел получить характеристику от председателя БКП В. Коларова, который назвал его «стойким, преданным и четным партийцем»[5]. В январе 1939 г. следствие было прекращено «за недоказанностью», а сам Дубов освобожден из-под стражи[6]. Некоторые, как И. Добрев, К. Милев или Ф. Яни, получили лагерные сроки, но большинство из арестованных, в том числе проходившие по «эмигрантскому делу», были расстреляны в феврале-марте 1938 г.[7]

---

[1] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 21.

[2] ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 65554, 65556.

[3] Лапшин Федор Георгиевич // Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. Мемориал. URL: http://old.memo.ru/history/nkvd/kto/biogr/index.htm (дата обращения: 08.04.2020).

[4] ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 61.

[5] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10059. Л. 39–39 об.

[6] Там же. Л. 44–45.

[7] Расстреляны: Георгий Готиевсикй, Георгий Бойдиев, Танчо Георгиев, Степан Портнов (Терзеев), Василий Генов, Лазарь Димитров, Кресто Колев, Арсений Стефанов, Илья Георгиев, Иван Иванов, Георгиев Танчо, Терзеев (Портнов) СтеанР1–2-32744 Генов Василий

Источники позволяют реконструировать жизненный путь ряда политэмигрантов после освобождения. И. Добрев вышел из тюрьмы в июне 1941 г., и поехал к знакомым в Белгородскую область искать новую работу, больше семья его не видела[1]. Уже упомянутый Ф. Яни в 1953 г. подавал официальную жалобу в Прокуратуру РСФСР, чтоб опротестовать приговор. «Поскольку я считаю что осужден без вины, так как никакой к/р деятельностью не занимался и незаслуженная судимость кладет на меня пятно, то прошу вас товарищ прокурор, истребовать мое дело из архива НКВД Свердловской области и опротестовать приговор по моему делу», — писал он[2]. Крум Милев, судя по источникам, даже лично получал документы о своей реабилитации в 1989 г.[3]

В целом, можно констатировать, что Урал в 1930-е гг. был одним из важных районов политической эмиграции, в том числе из Болгарии. Прибывавшие в регион болгарские коммунисты быстро адаптировались в местной среде, заводили семьи, делали карьеру и даже участвовали в политической жизни. Эта эмиграция могла стать важным источником привлечения как людского ресурса в целом, так и квалифицированных кадров. Но в конце 1930-х гг. большинство политических эмигрантов, в том числе болгары, стали жертвами репрессий, а политическая эмиграция из-за рубежа была ограниченна [16, с. 280].

Миграция болгар на Урал не стала массовым явлением, однако она позволяет глубже взглянуть на фрагменты болгарской эмиграции в Россию и расширяет наши представления об истории болгар в России, раскрывает новые аспекты и особенности истории этнодисперсных групп Урала и Сибири в XX в.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 19–59–18003 «Болгары Урала и Сибири в XX–XXI веках: история, культура, идентичность».

Список источников

1. *Штудер Б., Унфрид Б.* Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 281 с.

2. *Аврамов Р.* Влияние Великой Октябрьской Социалистической Революции на революционное движение в Болгарии. М. : Политиздат, 1967. 160 с.

3. *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма. Накануне и в начальный период второй мировой войны. М.: Наука, 1964. 372 с.

4. *Кадацкий В. Ф.* Политическая борьба в Болгарии в 30-е годы XX века. М. : Наука, 1984. 160 с.

5. История Болгарии в двух томах. Т. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 128–149.

Белевич, иыванов, Прокоп Прокопов, Лазарь Димитров, Кресто Колев, Арсений Стефанов, Илья Георигиев, Иван Иванов.

[1] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7970. Л. 203.

[2] ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 26388. Л. 17.

[3] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52838. Л. 23.

6. *Ганин А. В.* Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах. 2012. М.: Издательство «Индрик», 2013. 504 с. С. 450–467.

7. *Гусев С. В.* Русские и болгары после балканских войн. Взаимное разочарование // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 123–133.

8. *Жабчик С. В., Попов В. В.* Болгары на территории казачьей Кубани в конце XVIII — начале XX века // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 107. С. 955–966;

9. *Бугай Н. Ф.* Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002. 240 с.

10. Българите в Крим / съст. Георгиева И., Стоилов К. София: ИФ-94, 2009. 346 с.

11. Болгары в Крыму. 200 лет. Симферополь, 2004.

12. *Носкова И.* Крымские болгары. Историко-этнографический очерк. Симферополь, 2016.

13. *Филипова М. П., Черных А. В., Каменских М. С.* Болгары Перми. История и культура. СПб. : Маматов, 2018.

14. Болгарское сообщество Пермского края. Формирование, расселение, численность / Черных А. В., Кляус В. Л., Кляус М. П., Каменских М. С. // Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. 2020. № 1. С. 90.

15. *Журавлев С. В.* Иностранцы в Советской России в 1920-е — 1930-е гг. Источники и методы социально-исторического исследования : дисс. … д-ра ист. Наук. М. : Институт российской истории РАН, 2000. 603 с.

16. *Белковец Л. П.* Иностранцы в Советской России (СССР). Регулирование правового положения и порядка пребывания. 1917–1939-е гг. Первая часть. // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 296–350.

17. *Белковец Л. П.* Иностранцы в Советской России (СССР). Регулирование правового положения и порядка пребывания. 1917–1939-е гг. Вторая часть // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 220–284.

Информация об авторе

Каменских Михаил Сергеевич (Россия, Пермь) — канд. ист. наук, с.н.с., Пермский Федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Пермский национально-исследовательский политехнический университет» (ПНИПУ), 614001, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29, e-mail: pomidorrr@mail.ru

Kamenskikh M. S.

Bulgarian Political Emigrants in the Urals in the 1920S and 1930S: Circumstances and Motives of Migration, Adaptation and Fate (According to the Materials of Judicial and Investigative Documentation)

The article is devoted to the study of political emigration of Bulgarians to the Urals in the 1920s and 1930s. Based on the data of forensic investigative documentation deposited in the archives of the Perm region and Sverdlovsk region, the circumstances of migration, life and adaptation of political emigrants from Bulgaria in the Urals, as well as the repression against them, are reconstructed. The author comes to the conclusion that in the 1930s, in the conditions of mass departure from the USSR, political emigration, including from Bulgaria, could become an important source of recruitment for the growing economy of the USSR. However, the beginning of the repression did not allow the migrants The author is convinced that this issue is relevant not only for the study of political emigration in the USSR, but also for expanding the understanding of the history of local ethnodisperse groups in the Urals. Key

words: Diaspora group in the Urals, the Bulgarians, the political emigration, the Soviet Union, political repressions.

Author

Mikhail S. Kamenskikh — Ph. D., s. n. s., Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences (PFRC UB RAS). , Perm city, 614001, Lenina st., 13 a. Perm state national research polytechnic university. Perm city, 614001, Komsomolskiy prospect st., 29 e-mail: pomidorrr@mail.ru

Acknowledgment

The reported study was funded by RFBR, project number 19–59–18003.

References

1. Studer B., Unfried B. Stalin's party cadres. Practice of identification and discourses in the Soviet Union of the 1930s-Moscow: ROSSPEN, 2011. — 281 p.

2. Avramov R. Influence of the great October Socialist Revolution on the revolutionary movement in Bulgaria. Moscow, 1967.

3. Valev L. B. the Bulgarian people in the fight against fascism (before and during the initial period of the second world war). Moscow, 1964.

4. Kadatsky V. F. Political struggle in Bulgaria in the 30s of the XX century. Moscow, 1984.

5. History of Bulgaria in two volumes. 2. Moscow, 1955. Pp. 128–149.

6. Ganin A. V. Bulgarians-graduates of the Nikolaev military Academy in the Civil war in Russia / / Slavyansk almanac Vol. 2012. 2013. Pp. 450–467.

7. Gusev S. V. Russians and Bulgarians after the Balkan wars: mutual disillusionment / / Slavic almanac. 2014. No. 1–2. Pp. 123 to 133.

8. Zhabchik S. V., Popov V. V. Bulgarians on the territory of the Cossack Kuban in the late XVIII — early XX century // Polythematic network electronic scientific journal of Kuban state agrarian University. 2015. no. 107. Pp. 955–966;

9. Bugay N. F. Deportatsiya Narodov Krym (documents, facts, comments). Moscow, 2002.

10. Bilgarite V Krim / sbst. Georgieva I., Stoilov K. Sofia, 2009.

11. Bulgarians in the Crimea. 200 years. Simferopol, 2004.

12. Noskova I. Crimean Bulgarians: historical and ethnographic essay. Simferopol, 2016.

13. Filipova M. P., Chernykh A.V., Kamenskikh M. S. Bulgars of Perm: history and culture. Saint Petersburg, 2018.

14. Chernykh A. V., klyaus V. L., klyaus M. P., Kamenskikh M. S. Bulgarian community of the Perm territory: formation, settlement, population // Bulletin of the Perm Federal research center Uro RAS, 2020, no. 1, P. 90.

15. Zhuravlev S. V. Foreigners in Soviet Russia in the 1920s — 1930s: Sources and methods of socio-historical research. Diss. doctor of historical Sciences: 07.00.09. — Moscow: Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences, 2000. — 603 p.

16. Belkovets L. p. Foreigners in Soviet Russia (USSR): regulation of the legal status and order of stay (1917–1939s) the First part. // Legal research. 2013. №. 5. P. 296 — 350.

17. Belkovets L. p. Foreigners in Soviet Russia (USSR): regulation of the legal status and order of stay (1917–1939s) the Second part // Legal research. 2013. № 6. C. 220 — 284.

УДК 94(470.5)»19»:314

Г. Е. Корнилов, М. Ю. Тараканов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ НИЖНЕГО ТАГИЛА В МАТЕРИАЛАХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ (КОНЕЦ XIX — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)[1]

В статье анализируются данные переписей населения 1920, 1923, 1926, 1937 и 1939 гг., в которых содержались сведения о населении города Нижний Тагил. Статистические сведения переписей позволили не только выявить динамику численности населения города, но и проанализировать изменения в половозрастной, этнической и семейной структурах горожан. Авторы пришли к выводу, что этот период в истории населенного пункта был самым насыщенным в демографическом отношении, трансформации в демографическом развитии Нижнего Тагила были характерны для всех городов региона, становящихся новых индустриальных центров.

Ключевые слова: переписи населения, Нижний Тагил, динамика численности, половозрастная, семейная, этническая структуры

Одним из наиболее ценных источников демографической информации являются переписи населения. Они позволяют получить точные и подробные сведения о численности и составе населения, а также дают возможность оценить динамику изменений этих показателей за межпереписной период. Несмотря на достаточно обширную литературу по истории Нижнего Тагила, исследований формирования населения города в XX в. крайне мало. Среди них выделим исследования историков [3–5, 8, 9], демографов [7, 10, 11] и географов [12, 13].

Целью работы является анализ трансформации демографических структур городского населения с конца XIX в. до начала Второй мировой войны. В качестве объекта изучения выбран город Нижний Тагил как типичный уральский город, население которого выросло и сформировалось в условиях мощной индустриализации 1920–1930-х гг. Но в то же время он имел свои особенности демографического развития, особо проявившиеся в трансформации демографических структур.

Демографическая ситуация в Нижнем Тагиле конца XIX — первой половины XX в. нашла свое отражение в материалах 6 переписей, неравноценных по объему содержащихся в них данных. Наименее информативными, по разным причинам, оказались две переписи — 1897 и 1937 гг.

Первая из них — единственная всеобщая перепись населения Российской империи, проводилась по состоянию на 28 января 1897 г. Это

[1] Корнилов Г. Е., Тараканов М. Ю. Текст. 2020.

Работа является продолжением исследований: Тараканов М. Численность и состав населения Нижнего Тагила в 20–30 гг. XX века. По данным переписей 1920, 1923, 1926, 1937, 1939 гг.; Тараканов М. Численность и состав населения Нижнего Тагила в 20–30 гг. XX века. По данным переписей 1920, 1923, 1926, 1937, 1939 гг. URL: https://www.dissercat.com/content/naselenie-nizhnego-tagila-v-xx-veke.

главный источник достоверных данных о численности и составе населения страны в конце XIX в. В ходе нее собирались следующие данные о каждом жителе страны: фамилия, имя, отчество, пол, возраст, отношение переписываемого к главе хозяйства или главе семьи, семейное положение, вероисповедание, место рождения, место постоянного жительства, сословие, состояние или звание, родной язык, грамотность, физические недостатки, занятие, ремесло, промысел, должность или служба. Результаты переписи были изданы в 1899–1905 гг. в 89 томах. Большая часть томов включала сведения по отдельным губерниям, областям, четырем городам и острову Сахалин. Хотя Нижнетагильский завод в то время входил в состав Пермской губернии, но так как он еще не имел статуса города с октября 1722 г. и до 20 августа 1919 г., данные конкретно по его населению в соответствующем томе отсутствуют. Частично сведения по Нижнетагильскому заводу нашли отражение в томе, посвященном населенным местам Российской империи с численностью в 500 и более жителей. Согласно опубликованным данным, на момент проведения переписи здесь проживало 31449 чел., из которых 15070 чел. были мужского пола и 16379 чел. — женского пола. Подавляющее большинство тагильчан (93 %) исповедовали православие [1].

Следующая перепись была первоначально намечена правительством на 1910 г., но не состоялась, так как министр финансов В.Н. Коковцев заявил, что у него нет денег на такие вредные затеи[1]. Срок второй переписи сдвинули на 1915 г., но и он не состоялся из-за Первой мировой войны. В результате она состоялась уже при новом общественном строе в 1920 г.

Перепись 1920 г. была одновременно демографической, профессиональной и сельскохозяйственной. Ее программа содержала 18 вопросов: пол, возраст, национальность и родной язык, гражданство, место рождения, продолжительность проживания в месте переписи, грамотность, образовательный ценз, семейное состояние, занятие (главное и второстепенное), положение в промысле, место работы, профессия, источник средств существования, физические недостатки, психическое здоровье, участие в войнах. Она проводилась методом опроса и учитывала как наличное, так и постоянное (в городах) население.

В Нижнем Тагиле, получившем статус города, перепись началась 28 августа в 6 часов утра. Личные листки заполнялись на каждого жителя, находившегося в этот день в городе, кроме лиц, оказавшихся в больницах или арестованных. Переписи подлежали и все приезжие, ночевавшие в ночь на 28 августа в Нижнем Тагиле, младенцы, родившиеся до 9 часов утра, и лица, умершие после этого времени.

Предварительные итоги переписи по Екатеринбургской губернии были опубликованы уже в 1920 г. Они содержали сведения только по наличному населению Нижнего Тагила и количеству временно отсутствующих. Согласно этим данным, в день переписи в городе находилось 38 156

[1] Труды ЦСУ. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. 1. Вып. 1. М.: Типография ЦСУ, 1920. С. 3.

Таблица 1

Возрастно-половая структура населения Нижнего Тагила по данным переписи 1920 года (чел., в скобках %)*

Возраст	Оба пола	Мужской пол	Женский пол	Число мужчин на 100 женщин
0–3	3272	1662 (50,8)	1610 (49,2)	103
4–7	3774	1801 (47,7)	1973(52,3)	91
8–12	5200	2483 (47,5)	2717 (52,5)	91
13–16	3858	1796 (46,6)	2062 (53,4)	87
17–19	2154	895 (41,6)	1259 (58,4)	71
20–24	2871	998 (34,8)	1873 (65,2)	53
25–29	2508	1082 (43,1)	1426 (56,9)	76
30–39	4213	1923 (45,6)	2290 (54,4)	84
40–49	3685	1734 (47,0)	1951 (53,0)	89
50–59	2985	1323 (44,3)	1662 (55,7)	80
60 и более	3250	1250 (38,5)	2000 (61,5)	63
Неизвестный возраст	29	14	15	93
Итого:	37799	16961 (44,9)	20838 (55,1)	81

* Сост. и рассчитано по: Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург: Издание Екатеринбургского губернского статистического бюро, 1923. С. 20 а.

чел. Кроме того, 1382 чел. числились временно отсутствующими (1061 мужчина и 321 женщина), из которых 184 чел. составляли военнопленные и без вести пропавшие[1]. В более поздних публикациях цифра общей численности населения города подверглась корректировке без каких-либо объяснений. Она была уменьшена на 357 чел. и составила 37799 жителей[2].

Половозрастную структуру и национальный состав населения Нижнего Тагила, зафиксированные переписью 1920 г., позволяют рассмотреть данные, опубликованные в «Статистическом сборнике Екатеринбургской губернии за 1922 год».

Примерно четверть века, как показывают данные, приведенные в таблице 1, в Нижнем Тагиле преобладало женское население, как и в 1897 г. Доля мужчин в городе составляла 44,9 %, а женщин — 55,1 %. По сравнению с концом XIX в. в 1920 г. женский перевес среди тагильчан существенно увеличился. Если в 1897 г. на 100 женщин приходилось 92 мужчины, то в 1920 г. уже только 81. Судя по тому, что наиболее сильная диспропорция наблюдалась в возрастной группе 20–24 года, основной ее причиной, видимо, были людские потери от военных действий. Подобная ситуация

[1] Всероссийская перепись 1920 года. Предварительные итоги переписи по Екатеринбургской губернии. Екатеринбург: Уральское областное отделение, 1920. С. 5.

[2] Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург: Издание Екатеринбургского губернского статистического бюро, 1923. С. 77.

с соотношением полов наблюдалась и по Нижнетагильскому уезду в целом. Доля мужчин в населении составляла 45,4 %, а на 100 женщин приходилось 83 мужчины (в возрастной группе 20–24 года фиксировался двойной перевес: 47 мужчин).

Данные из таблицы 1 свидетельствуют, что в целом население города в 1920 г. было сравнительно молодым: 42,6 % его жителей составляли дети и подростки в возрасте до 16 лет включительно. Удельный вес лиц, относившихся к возрастной группе 17–49 лет, равнялся 40,8 %. Доля лиц старших возрастов была небольшой (50–59 лет — 7,9 %; 60 лет и более — 8,6 %). Такая возрастная структура характерна для традиционного типа воспроизводства населения (высокая рождаемость и высокая смертность). Группа лиц в возрасте 0–14 лет (ее удельный вес равнялся 37,7 %) в 2,3 раза превышала возрастную группу 50 лет и старше (с удельным весом 16,5 %). В данный момент для населения города была характерна прогрессивная возрастная структура, которая обеспечивала расширенное его воспроизводство.

Перепись позволяет реконструировать этническую структуру населения города. В Нижнем Тагиле проживали представители более 10 национальностей. Подавляющее большинство составляли русские — 97,7 %. На втором и третьем местах были татары (0,9 %) и евреи (0,3 %). Представители остальных национальностей в совокупности составляли лишь чуть более 1 % от общей численности населения города[1].

Из-за того, что перепись 1920 г. проводилась в условиях гражданской войны, она охватила только 72 % жителей России и не дала полной демографической картины. Попыткой восполнить пробелы стала городская перепись 1923 г. Ее программа была короче предыдущей и содержала 12 вопросов: пол, возраст, национальность, брачное состояние, главное и побочное занятия, ремесло, промысел, должность или специальность, социальное положение и место работы, наличие и срок безработицы с указанием профессии и последнего места постоянной работы, для учащихся — получение пособия, стипендии, нетрудоспособность, наличие связи с деревенским хозяйством, семейное состояние.

Некоторые из итогов переписи по Нижнему Тагилу — численность и половой состав его жителей, были опубликованы в Уральском статистическом ежегоднике на 1923 г. Согласно его данным к 1923 г. в городе оставалось 26682 чел.[2] Таким образом, в период с 1920 г. по 1923 г. Нижний Тагил потерял более 29 % своих жителей, или 11037 чел. в результате Гражданской войны (особенно ожесточенными здесь были боевые действия в сентябре — октябре 1918 г.). Численность мужчин снизилась на 4768 чел. (28,1 %), а женщин — на 6269 чел. (30,1 %). В результате несколько изменилось со-

[1] Рассчитано по: Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. С. 22–23.

[2] Уральский статистический ежегодник на 1923 год. Екатеринбург: Уральское областное экономическое совещание, 1923. С. 32.

отношение между мужской и женской долями населения города, но дисбаланс полов сохранялся: на 100 женщин приходилось 83 мужчины.

Плановая экономика требовала полных и точных демографических данных, поэтому уже в 1926 г. была проведена следующая перепись — первая Всесоюзная перепись, охватившая все население страны. Ее программа включала 14 вопросов: пол, возраст, народность, родной язык, место рождения, продолжительность проживания в месте переписи, брачное состояние, грамотность, физические недостатки, психическое здоровье, занятия, положение в занятии и отрасль труда, для безработных — срок безработицы и прежнее занятие, источник средств существования (для не имеющих занятия). Учитывалось наличное население, но в городах фиксировалось и постоянное. В ходе переписи на опрашиваемых заполнялись личные листки, а в городах и поселениях городского типа, кроме этого, на каждую семью и на одиночек составлялись семейные карты.

Перепись в городах и городских поселениях Тагильского округа проходила достаточно сложно. Во-первых, было недостаточно времени на подготовку регистраторов, во-вторых, высокой была текучесть их состава. С первого же дня от них начали поступать заявления об отказе от работы из-за ее трудности и недостаточной оплаты труда. Регистраторам приходилось работать по 10–12 часов в день, потом еще дома «доделывать» материал (писать заголовки и т. п.). Тем не менее, руководители переписи отмечали, что она исчерпывающе полно охватила все группы населения. Единственным исключением могли быть только лица, находившиеся в ночь на 17 декабря в пути[1].

Публикация результатов переписи была осуществлена в 56-томном издании «Всесоюзная перепись населения 1926 года», содержащем материалы и о населении Нижнего Тагила. Часть данных по городу была опубликована в «Статистическом справочнике Тагильского округа, Уральской области»[2], а также в изданиях «Населенные пункты Уральской области»[3] и «Население и жилищные условия городов Урала (по данным переписи 1926 года)»[4].

Изданные материалы переписи 1926 г. не имеют аналогов за весь рассматриваемый период. По населению Нижнего Тагила представлены данные по наличному и постоянному населению города, а также по его половозрастному и национальному составу, зафиксирован размер семьи тагильчан и т. д.

---

[1] Статистический справочник Тагильского округа, Уральской области. Нижний Тагил: Издание Тагильского статотдела, 1929. С. 10–11.

[2] Статистический справочник Тагильского округа, Уральской области / Предисл. В. Дмитревский. Нижний Тагил : Издание Тагильского статотдела, 1929. 304 с.

[3] Населённые пункты Уральской области. Т. XI. Тагильский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Урастатуправления и окружных исполкомов, 1928. 120 с.

[4] Население и жилищные условия городов Урала. По данным переписи 1926 года / Предисл. Антонов. Свердловск: Статсектор Уралплана, 1930. 188 с.

Таблица 2

Половозрастная структура населения Нижнего Тагила по данным переписи 1926 г. (чел., в скобках %)*

Возраст, лет	Мужской пол	Женский пол	Число мужчин на 100 женщин
0–3	2399 (51,5)	2260 (48,5)	106
4–7	1185 (51,5)	1116 (48,5)	106
8–12	1891 (48,5)	2005 (51,5)	94
13–16	1665 (45,2)	2022 (54,8)	82
17–19	1345 (45,4)	1618 (54,6)	83
20–24	1929 (44,6)	2392 (55,4)	80
25–29	1626 (44,4)	2033 (55,6)	80
30–39	2375 (48,0)	2573 (52,0)	92
40–49	1648 (48,3)	1767 (51,7)	93
50–59	968 (42,3)	1323 (57,7)	73
60 и более	923 (35,0)	1717 (65,0)	54
Неизвестный возраст	29	11	263
Итого	17983 (46,3)	20837 (53,7)	86

* Сост. и рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. С. 286.

Согласно данным переписи, численность наличного населения города в декабре 1926 г. составляла 38820 чел.[1], что на 12058 чел. (45,1 %) было больше, чем в 1923 г. Из них постоянных жителей насчитывалось 38 526 чел.[2] По численности населения среди городов Уральской области Нижний Тагил в 1926 г. занимал шестое место после Свердловска, Перми, Тюмени, Челябинска и Златоуста.

По сравнению с 1920 г., к 1926 г. заметно изменилась половозрастная структура населения Нижнего Тагила (табл. 2). Удельный вес численности мужчин вырос до 46,3 %. Теперь уже на 100 женщин в среднем приходилось 86 мужчин. Дисбаланс полов сохранялся. В возрастной группе 13–19 лет на 100 женщин приходилось 82–83 мужчины, в группе 20–29 лет — только 80, в группе 30–49 лет — 92–93. Наибольшая деформация наблюдалась в возрастных группах от 60 лет и более, где на 100 женщин приходилось 54 мужчины, и от 50 до 59 лет — 73 мужчины. Это результат Первой мировой и Гражданской войн.

Высокий уровень рождаемости 1924–1926 гг. обусловил увеличение в составе населения Нижнего Тагила доли детей в возрасте от 0 до 3 лет включительно. Если в августе 1920 г. их удельный вес составлял 8,7 %, то к декабрю 1926 г. он вырос до 12 %. Доля возрастной группы 4–7 лет под воздействием высокой смертности начала 1920-х гг., напротив, уменьшилась с 10 % до 5,9 %. Группа 17–49 лет составила 49,7 %, что существенно

[1] Населённые пункты Уральской области. Т. XI. С. 10.

[2] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. С. 286.

больше, чем в предыдущей переписи. Сократился и удельный вес лиц старше 50 лет — с 16,5 % до 12,7 %. Группа в возрасте до 16 лет включительно оказалась в 2,8 раза больше лиц 50 и старше лет. Возрастная структура населения города в 1926 г. оказалась более благоприятной, чем в начале 1920-х гг.[1]

В 1926 г. Нижний Тагил лидировал среди городов Уральской области с численностью населения от 20 тыс. чел. и выше по такому демографическому показателю, как средний размер семьи. Если у тагильчан он составлял 4,15 чел., то в Челябинске — 3,91, в Тюмени — 3,84, в Свердловске — 3,73, а в Перми 3,68 чел. Процент одиночек в Нижнем Тагиле, напротив, был ниже, чем в городах указанной группы (за исключением Троицка). По отношению ко всему населению он равнялся 4,87 %, а по отношению к числу семей 17,52 % (в Свердловске — 10,11 % и 29,53 % соответственно)[2].

Этническая структура населения города, по сравнению с 1920 г., практически не изменилась. По-прежнему подавляющее большинство жителей Нижнего Тагила составляли русские — 97,82 % (37 974 чел.). На втором месте по численности были татары — их численность достигла 424 чел., или 1,09 %. На третьем месте — евреи — 132 чел. (0,34 %). Представители остальных национальностей в совокупности насчитывали 290 чел. (0,74 %), в том числе 44 поляка[3]. Родным языком считали русский язык 98,3 % тагильчан[4].

Судьба следующей переписи сложилась трагично. Всесоюзная перепись населения 1937 г. была проведена 6 января и прошла успешно. Однако она выявила меньшую численность населения страны, чем та, которая была названа И.В. Сталиным на XVII съезде ВКП (б). Специальным постановлением СНК СССР от 25 сентября 1937 г. за подписью его председателя В.М. Молотова материалы переписи были объявлены дефектными, а ее организация неудовлетворительной.

Последующая проверка данных, полученных в ходе переписи о численности населения, осуществленная как ее организаторами, так и историками, показала их высокую точность (возможный недоучет населения колеблется в пределах 0,3–0,5 %), но первое издание ее кратких итогов было осуществлено только в 1991 г.[5] В них содержатся данные по численности наличного населения Нижнего Тагила и численности контингентов «Б» (штатный и вольнонаемный состав аппаратов лагерей, мест заключения, трудовых колоний и т. д.) и «В» (осужденные, следственные заключенные, трудпоселенцы, воспитанники трудколоний) НКВД.

---

[1] Рассчитано по тем же материалам, что и табл. 1.

[2] Население и жилищные условия городов Урала. П данным переписи 1926 года. С. 56.

[3] Рассчитано по: Населенные пункты Уральской области. Т. XI. С. 10; Статистический справочник Тагильского округа, Уральской области… С. 46.

[4] Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. С. 255.

[5] Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 238 с.

На момент проведения переписи 1937 г. в городе находилось 147 136 чел.[1] По сравнению с 1926 г. численность тагильчан выросла на 279,3 %, главным образом, за счет миграции. Контингент «Б» и «В» НКВД насчитывал 7709 чел. (4093 мужчины и 3616 женщин)[2].

Последняя перепись первой половины XX века — третья Всесоюзная, состоялась в 1939 г. Она должна была как можно полнее зафиксировать население и исключить всякий его недоучет. Был выдвинут лозунг: «Не пропустить ни одного человека!», который постоянно повторялся на страницах печати. Население призывалось к сознательности и ответственности. Впервые в практике советских переписей предусматривались меры репрессивного характера по отношению к респондентам. В постановлении СНК СССР от 26 июля 1938 г. «О Всесоюзной переписи населения 1939 г.» (п. 15) указывалось, что граждан, уклоняющихся от дачи сведений или дающих заведомо неверные сведения, следует привлекать к судебной ответственности[3].

Перепись 1939 г. была проведена по состоянию на 0 часов 17 января. На всей территории СССР она проводилась методом опроса в течение 7 дней в городских поселениях и 10 дней в сельской местности. Утвержденная правительством программа переписи содержала 16 вопросов: общедемографические (пол, возраст, состояние в браке), вопросы о гражданстве, национальности и языке, вопросы о характере проживания (постоянно или временно), вопросы, характеризующие культурный уровень населения (грамотность, уровень образования), вопросы, отражающие отраслевой, профессиональный и социальный состав населения. Переписной лист заполнялся поквартирно.

Предварительные итоги переписи об общей численности населения СССР были опубликованы в апреле 1940 г., но подавляющее большинство ее материалов не издавалось до 1990-х гг. Ценные сведения по населению Нижнего Тагила были опубликованы в 2002 г. в сборнике материалов «Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион»[4]. Они позволяют проанализировать численность населения, его структуру в целом по городу и по отдельным его районам.

По опубликованным данным численность населения Нижнего Тагила в 1939 г. составила 159 867 чел.[5], что на 12731 чел. (на 8,65 %) больше, чем в 1937 г. Концентрация населения по районам города была очень неравномерна. Большая часть тагильчан проживала в Ленинском (47 055 чел.) и Дзержинском (46 312 чел.) районах, в других районах насчитывалось: в Сталинском — 31 081 чел., в Тагильском — 27 185 чел., на руднике имени

[1] Всесоюзная перепись населения 1937 г. … С. 65.

[2] Там же. С. 177.

[3] Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 5.

[4] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион. Сб. мат-лов. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.

[5] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион … С. 288.

III Интернационала — 8234 чел. В первых двух районах было сосредоточено 58,7 % от всех лиц города, имевших занятие. В основном это были крупные промышленные предприятия[1]. Интенсивное промышленное развитие города в 1930-е гг. было связано со строительством на востоке страны новой угольно-металлургической базы (Урало-Кузбасс). В январе 1930 г. началось строительство Новотагильского металлургического завода, рядом вырастал другой промышленный великан — Уральский вагоностроительный завод. К 1941 г. наряду с традиционными горнорудными, золотоплатиновыми и металлургическими производствами в городе появились крупное машиностроение и химическая промышленность [2, с. 367, 368].

К концу 1930-х гг. соотношение полов по сравнению с 1926 г. в городе стало более сбалансированным. Численность мужчин составила 76 800 чел. (48 %), женщин — 83 067 чел. (52 %). Удельный вес лиц мужского пола вырос на 1,7 % и теперь на 100 женщин, в среднем, приходилось 92 мужчины[2].

Перепись 1939 г. отразила изменения, произошедшие в этнической структуре тагильчан. Численность русского населения Нижнего Тагила, по сравнению с 1926 г., выросла на 103 323 чел. (272 %), но его удельный вес среди жителей города сократился до 88,4 % (на 9,6 %). Большая часть русских проживала в Ленинском (31,7 %) и Дзержинском (27,7 %) районах, где находились крупные заводы. К 1939 г. увеличилась численность татар до 4400 чел., их удельный вес среди тагильчан составил 2,8 %. Однако если в 1926 г. они были на втором месте по численности, то в 1939 г. уступили его украинцам, доля которых среди жителей города увеличилась в 46 раз (до 4,6 %). Представителей остальных национальностей в то время в Нижнем Тагиле было 6812 чел., или 4,2 %[3].

Подводя итог, следует отметить, что демографическая ситуация в Нижнем Тагиле в конце XIX — начале XX века была отражена в материалах всех шести переписей. Хотя по объему опубликованных данных эти переписи неравноценны, они позволяют выделить несколько особенностей.

Во-первых, на протяжении рассматриваемого периода преобладающей тенденцией был рост численности населения Нижнего Тагила. Он был не всегда последовательным (в 1923 г. было зафиксировано сокращение количества жителей) и равномерным. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в период между переписями 1926 и 1937 гг., когда численность тагильчан выросла в 3,8 раза. В целом же, с 1897 по 1939 гг. население Нижнего Тагила увеличилось на 128 418 чел. (на 408 %) и составило 159 867 чел.

Во-вторых, на протяжении 1920–1930-х гг. происходило постепенное сглаживание диспропорции между мужской и женской частями населения города, возникшей из-за военных потерь. С 1920 г. по 1939 г. удельный вес мужчин среди тагильчан вырос на 3,1 % и достиг 48 %.

[1] Там же. С. 324.

[2] Там же. С. 327.

[3] Там же. С. 328, 336.

В-третьих, в 1920–1930-х гг. постепенно изменилась этническая структура жителей Нижнего Тагила. Особенно заметно это происходило в период между 1926 г. и 1939 г. В это время произошло сокращение удельного веса русских и увеличение доли украинского и татарского населения и росла доля представителей других национальностей.

В-четвертых, все указанные демографические изменения (рост численности населения, изменения половозрастной, этнической и семейной структур), зафиксированные в Нижнем Тагиле, были характерны для тех городов Урала, которые становились новыми индустриальными центрами.

Благодарность

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ, грант № 20–09–00032 «Трансформация демографических структур российского общества в конце XIX — начале XXI вв.: региональный аспект».

Список источников

1. Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. / Предисл. Н. Тройницкий. С-Пб. : Типография «Общественная польза», 1905. 268 с.

2. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург: Академкнига ; УрО РАН, 2000. 640 с.

3. *Журавлева В. А.* Города и городские поселения Урала по переписям населения 1920–1930-х годов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Вестник ЮУрГУ. 2008. № 21 (121). С. 14–19. (Социально-гуманитарные науки).

4. *Корнилов Г. Е.* Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 4. С. 60–66.

5. *Корнилов Г. Е.* Трансформация демографических структур в уральской деревне в 1920–1930-е годы // Институты развития демографической системы общества. Сб. мат-лов V Уральского демографического форума с междунар. участием / Под ред. А. И. Татаркина, А. И. Кузьмина. Екатеринбург, 2014. Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2014. С. 290–296.

6. *Корнилов Г. Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX века // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80–89.

7. *Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Корнилов Г. Е.* Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург, 1996. 209 с.

8. *Тараканов М. Ю.* Смертность в Нижнем Тагиле в первой половине 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 91–97.

9. *Тараканов М. Ю.* Трансформация традиционной модели брачного поведения населения Нижнего Тагила в 1920-е гг. // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 106–111.

10. Лебедев Ф. Население Урала. Первые итоги переписи 1926 г. // Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 138–145.

11. *Оруджиева А. Г.* Развитие системы городов Урала в двадцатом столетии // Муниципалитет. Экономика и управление. 2014. № 1. С. 68–77.

12. *Комар И. В.* Урал. Экономико-географическая характеристика. М.: Изд-во АН СССР. 1959. 303 с.

13. *Анимица Е. Г.* Города Среднего Урала. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 303 с.

Информация об авторах

Корнилов Геннадий Егорович — д-р ист. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ, заведующий Центром экономической истории Института истории и археологии УрО РАН. 620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16. E-mail: genakorn@mail.ru

Тараканов Максим Юрьевич — канд. ист. наук, преподаватель Нижнетагильского педагогического колледжа № 1. 622001, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Островского, д. 3; E-mail: katar.mik@rambler.ru.

Kornilov G. E, Tarakanov M. Yu.

Demographic Structures of Nizhny Tagil in the Materials of Population Censuses (the end XIX — First Half of The XX)

The article analyzes the data of the population censuses of 1920, 1923, 1926, 1937 and 1939, which contained information about the population of the city of Nizhny Tagil. Statistical data from the censuses allowed us to identify not only the dynamics of the city's population, but also to analyze changes in the gender, age, ethnic and family structures of citizens. The authors concluded that this period in the history of the locality was the most saturated in demographic terms, transformations in the demographic development of Nizhny Tagil were characteristic of all cities in the region, becoming new industrial centers.

Keywords: population censuses, Nizhny Tagil, population dynamics, gender-age, family, ethnic structure.

Authors

Gennady Yegorovich Kornilov — doctor of historical Sciences, Professor, Honored scientist of the Russian Federation, head Of the center for economic history of the Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 16 S. Kovalevskaya str., Yekaterinburg, 620108. E-mail: genakorn@mail.ru

Maxim Yu. Tarakanov — Candidate of Historical Sciences, Nizhny Tagil Pedagogical College № 1 (622013, Sverdlovsk region, Nizhniy Tagil, Ostrovsky's St., 3; e-mail: katar.mik@rambler.ru)

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 20–09–00032.

References

1. Localities of the Russian Empire in 500 or more inhabitants with an indication of the total population available in them and the number of inhabitants of the prevailing faiths, according to the first General census of 1897 / Preface: N. Troynitsky. Saint Petersburg: Public benefit printing house, 1905, 268 p.

2. Ural historical encyclopedia. 2nd ed. Yekaterinburg: Akademkniga; Uro RAS, 2000, 640 p.

3. Zhuravleva V. A. Cities and urban settlements of the Urals according to population censuses of the 1920s-1930s // Bulletin of the South Ural state University. Series: Social and humanitarian Sciences. Bulletin Of SUSU. 2008. No. 21 (121). P. 14–19.

4. Kornilov G. E. Demographic situation in the Urals in the mid-1930s. // Humanities in Siberia. 2016. Vol. 23. No. 4. P. 60–66.

5. Kornilov G. E. Transformation of demographic structures in the Ural village in the 1920–1930s // Institutes of development of the demographic system of society. collection of materials of the V Ural demographic forum with international participation. under the editorship of A. I. Tatarkin, A. I. Kuzmin. 2014. P. 290–296.

6. Kornilov G. E. Evolution of infant mortality in the Urals in the first half of the twentieth century // Ural historical Bulletin. 2014. No. 3 (44). P. 80 — 89.

7. Kuzmin A. I., Orujiev A. G., Kornilov G. E., The Population Of The Urals. Of the twentieth century. History of demographic development. Yekaterinburg: Publishing house Yekaterinburg, 1996. 209 p.

8. Tarakanov M. Y. Mortality in Nizhny Tagil in the first half of the 1930s // Ural historical journal. 2017. No. 4 (57). P. 91–97.

9. Tarakanov M. Yu. Transformation of the traditional model of mating behavior of the population of Nizhny Tagil in the 1920s. // Ural historical Bulletin. 2015. No. 4 (49). P. 106–111.

10. Lebedev F. Population of the Urals (first results of the 1926 census) // Economy of the Urals. 1927. No. 1. P. 138–145.

11. Orujiev A. G. Development of the system of cities of the Urals in the twentieth century // the Municipality: economy and management. 2014. No. 1. P. 68 — 77.

12. Komar I. V. Ural: economic and geographical characteristics. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1959. 303 p.

13. Animitsa E. G. Cities Of The Middle Urals. Sverdlovsk: Sredne-Ural book publishing house, 1975. 303 p.

УДК 314.04 (379.82)

Г. А. Кругликова

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

В статье обосновываются актуальность и важность изучения, сохранения и популяризации культурного наследия в рамках демографической политики Российской Федерации на современном этапе. Автор представил опыт деятельности культурно-просветительских учреждений в этом направлении. Раскрывается факт воспитательного воздействия проводимых мероприятий. Анализируются формы работы федеральных и региональных музеев, учитывающих в своей работе демографический фактор. Акцентируется момент учета как национальных, так и половозрастных особенностей населения. Особое внимание уделяется деятельности культурно-досуговых учреждений, внедряющих в свою практику новые виды мероприятий. Делается вывод о необходимости согласованных действий органов власти, культурных и образовательных учреждений в деле предотвращения негативных тенденций в семейно-брачных отношениях, формировании демографического поведения у молодежи. Сохранение культурного наследия всеми участниками гражданского общества будет способствовать национальной идентичности.

Ключевые слова: демографическая политика, государственная культурная политика, культурно-просветительские учреждения, культурное наследие

На протяжении XX — начала XXI вв. происходили трансформационные процессы социально-демографической структуры населения нашей страны. Современная ситуация семейных отношений в России ориентирована на малодетность. Преобладает внесемейный образ жизни. Уменьшаются интенсивность и широта социальных связей между членами семьи и родственной группой. Ученые отмечают низкий уровень самосохранительного поведения и, как следствие, — высокую смертность и низкую продолжительность жизни. Ослабевают национальные и религиозные традиции. Эти факторы лежат в основе количественных и качественных изменений состава населения нашей страны.

Трансформация демографического поведения происходит в определенных условиях. В их числе и политическая обстановка, и экономическое положение в стране. Большое влияние оказывают социокультурные условия, которые имеют свойство изменяться во времени и пространстве. Культурные факторы оказывали и оказывают решающее влияние на демографическое поведение населения.

Современная демографическая ситуация создает многочисленные вызовы для реализации государственной культурной политики. Одним из главных и объединяющих вопросов является сохранение культурного

[1] © Кругликова Г. А. Текст. 2020.

наследия, не только материального, но и нематериального. Наследие, к которому мы относим здания, сооружения, памятники промышленности и архитектуры, мемориальные сооружения, предметы изобразительного искусства. Наследие, которое заключается в языке и диалекте, традициях и обычаях, фольклоре и музыкальном, театральном и кинематографическом искусстве[1].

В 2016 г. Правительством РФ была утверждена Стратегия развития государственной культурной политики РФ на период до 2030 года. В первом разделе этого документа «Современное состояние и основные проблемы государственной культурной политики» были затронуты демографические аспекты. В частности, авторы отметили: «Сократилось количество библиотек, что обусловлено снижением численности населения, в том числе населения, проживающего в сельской местности, распространением домашних форм досуга, развитием информационно-коммуникационных технологий»[2]. Очевидно, пишут разработчики Стратегии, что демографический фактор необходимо учитывать при разработке конкретных программ. Подтверждением значимости данного фактора отметим упоминание в документе Указа Президента РФ от 7 мая 2013 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»[3].

Ситуация в развитии культуры, указанная в документе, очень достоверно демонстрирует демографическое положение России. В 41 регионе России отсутствуют театры юного зрителя. О чем это свидетельствует? О том, что через несколько лет в провинциальных городах воспитается неподготовленное к восприятию искусства поколение. И такому зрителю не нужен будет взрослый театр. У молодых людей будет отсутствовать опыт посещения театра и умение воспринимать язык театра. В одной из статей, опубликованных в интернете, сообщалось про конференции по творчеству Ф. М. Достоевского. Один из докладчиков привел пример о театральной постановке в колонии для несовершеннолетних, поставленной под руководством профессионального режиссера. В процессе работы над спектаклем выяснилось, что многие подростки вообще ни разу не были в театре и не знали, зачем он нужен.

Демографическая ситуация влияет и на репертуарную политику театров. Экспериментальные постановки молодых режиссеров, новое прочтение классических произведений воспринимаются старшим поколением

[1] Основы государственной культурной политики. Утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 // Министерство культуры Российской Федерации. URL: http://mkrf.ru/info/foundations-state-cultural-policy/ (дата обращения: 10.05.2020).

[2] Стратегия государственной культурной политики РФ на период до 2030 года. М., 2016. С. 3.

[3] О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 606. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35270 (дата обращения 12.05.2020).

критически. У взрослой аудитории сложился некий стереотип восприятия тех иных авторов. В то же время, театральные эксперименты могут быть вообще противопоказаны молодежной аудитории в силу наличия информации, причиняющей вред психическому и нравственному здоровью. В этих условиях театрам нужно учитывать социально-демографическую характеристику города, поселка. Возрастные, национальные особенности, а также уровень культурного охвата населения — это те факторы, которые сегодня анализируют учреждения культуры в ходе своей работы.

Музеи в современную эпоху активно включились в культурную деятельность. И они также реагируют на демографическое состояние общества. Музейная деятельность сегодня рассчитана на разные возрастные категории — от малышей до людей лиц преклонного возраста. К примеру, Свердловский областной краеведческий музей разработал серию программ для дошкольников, младших классов, среднего и старшего звена образовательных учреждений. Отдельные программы предназначены для педагогов. Обновляется и типология форм общения: урок в музее, интерактивное занятие, праздник. Одним из самых запоминающихся является Новый год в музее, куда можно прийти семьей. В 2019 г. сотрудники музея, студенты и преподаватели Уральского государственного педагогического университета провели интересное мероприятие: студенты выступили в качестве экспертов музея и музейных работников. Это, с одной стороны, был поиск новых форм обратной связи, с другой стороны, изучение демографических запросов молодого поколения.

Екатеринбургская галерея современного искусства также в своей деятельности учитывает демографический фактор Уральского региона. Наличие в регионе большого количества промышленных предприятий характеризует и культурные запросы населения. Авторский проект «Летопись современного завода» возродил индустриальный жанр в изобразительном искусстве. Арт-проект «Уличная грязь» был встречен уральской публикой восторженно, поскольку данный аспект является очень актуальным для Уральского региона. Приведенные примеры наглядно демонстрируют взаимосвязь демографической структуры населения и культурного развития.

Казалось бы, сложно представить, как музей или театр участвует в демографической политике? Но все выставки, музейные встречи, гостиные направлены, прежде всего, на воспитание в посетителях чувства любви, уважения к родной истории, предкам, их обычаям и традициям. А это значит, что происходит процесс передачи культурного наследия, столь необходимый для демографического поведения.

Одной из интереснейших программ, реализуемых государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве, является музейный цикл для будущих мам. Его особенность состоит в том, что небольшие группы будущих мам, посещая музей, имеют возможность присесть на лавочки, отдохнуть. Время и особенности содержания экскурсии

построены таким образом, чтобы посетительницы осматривали прекрасные, возвышенные произведения. Будущих мам не загружают военными и батальными сценами. Более того, во время посещения играет живая музыка. Подобные формы действительно влияют на демографическое поведение, поскольку закладывают основы культурного воспитания. И можно быть уверенными, что впоследствии эти мамы будут приобщать к культурному наследию своих детей.

Основные положения культурной политики Российской Федерации направлены на предоставление населению доступа к культурным ценностям. И решение государства о бесплатном доступе в федеральные и региональные музеи посетителям младше 16, а в федеральные — и студентам, обучающимся по очной форме обучения, можно отнести не просто к финансовым вопросам культурной политики. Данные меры напрямую учитывают демографические факторы. В качестве приоритетных задач названы воспитание подрастающего поколения культурно грамотного, уважающего семейные ценности, которое и в будущем будет прививать данные формы поведения своим детям.

Проблемным моментом в нынешней ситуации является сохранение и развитие народной, традиционной культуры, накопленной многими поколениями ее носителей. Сегодня можно констатировать разрыв между поколениями. Молодые люди не знают местных обычаев, обрядов, национальных праздников, песен, предметов быта. Часть молодежи вообще считает все это пережитком и ненужным для собственного развития. Многие исследователи пишут сегодня о гуманитарном кризисе, утрате семейных, дружеских и соседских связей. А ведь именно народная культура является одной из доминант национальной идентичности. Сегодняшнее поколение вряд ли сможет исполнить русские народные песни, назвать и трактовать народные обычаи и традиции.

Учреждения культуры в этом вопросе могут сыграть большую роль. Это и проведение мастер-классов по традиционным промыслам и ремеслам. Освоение навыков глиняной лепки, ковки металла, росписи подноса, вышивки, как показывают различные праздники и народные гуляния, вызывает неподдельный интерес у публики всех возрастов. Учет демографических факторов — национальной специфики, половозрастного состава, времени года — помогает музейным учреждениям, центрам промыслов и ремесел, всевозможным мастерским приобщить к этому искусству все новых и новых участников. Осваивая народные истоки, население «возвращает» себе культурно-демографическую культуру поведения.

Сегодня особое место в культурной сфере заняли новые культурно-досуговые учреждения: центры молодежного досуга, антикафе, торгово-развлекательные центры и т. д. Все, что вчера не было взято в орбиту культурной и демографической политики государства, сегодня собирает большое количество посетителей. А вот ответственности за то, каких нравственных норм придерживаются в этих заведениях, какие духовные ценности

там утверждаются, никто не несет. Процесс коммерциализации поставил перед руководителями этих заведений другие задачи. И в этом смысле — это одна из новых задач демографической политики государства.

Отметим, что в последние годы различные структуры гражданского общества (фонды, движения, волонтерские организации) стали принимать активное участие в изучении запросов аудитории, предложении новых форм и видов досуга. Учитываются виды и формы деятельности его участников, подбираются места и время проведения мероприятия. Современное общество (и это не обязательно молодежь) требует нового формата. И с этим приходится считаться как государственным организациям, так и частным структурам. Флешмоб, акция, тематические вечеринки, коучинг, квест весьма популярны сейчас. И задача традиционных культурных учреждений учитывать новый формат общения с аудиторией. Но и старшее поколение также сегодня меняет стиль и формат взаимодействия. Активное включение пожилых в современные формы культурной жизни также должно учитываться при планировании культурной политики государства.

Без сомнения, можно согласиться с академиком Д.С. Лихачевым в том, что «человек воспитывается в окружающей его культурной среде незаметно для себя. Его воспитывает история, прошлое» [3]. Посещая различные учреждения культуры, осматривая достопримечательные места, читая литературные произведения, человек обогащается духовно, устанавливает связь с историческим прошлым. А это прошлое настраивает человека на интерес к семейным ценностям, расширение традиций общения с родственниками, заботу о близких. Это и есть те демографические ценности, которые лежат в основе сохранения семьи, ее воспитательной функции, потерянной в последнее время в силу самых разных причин.

Именно семья является главной и нерушимой ценностью для каждого человека. По мнению С.И. Голод, «семья в России по своей структуре и составу была в прошлом сложным организмом — многодетной, генетически одноветвовой, состоящей обычно из нескольких поколений. Патриархальная семья являлась важной частью российской культуры. Тесная взаимосвязь и взаимозависимость членов семьи, четкое распределение семейных ролей и статусов уважительное отношение друг к другу являлись основой стабильности и воспроизводства российского общества» [1, с. 95–96].

Да, сегодня традиционные устоявшиеся институты регуляции социального поведения, как в городской, так и в сельской местности постепенно теряют свою силу и значимость. Наблюдается падение влияния общероссийских культурных ценностей, русских семейно-родовых традиций. Изменение ролевых отношений в семье, передача основных управляющих функций женщине и утрата мужчиной статуса главы семьи, наблюдаемые в последнее время, способствуют росту активности со стороны женщин в вопросах репродуктивного и миграционного поведения [2].

Однако в сельской местности ситуация несколько иная. По мнению Ж. А. Калабаевой, «сельская культура не поглощается полностью городской, она продолжает сохранять своеобразие и закономерности развития, но представляет собой противоречивое единство разнокачественных сторон, временных пластов» [2]. Художественная культура, проникая в мир сельского жителя, преподносится в особой форме. Она учитывает влияние обыденного сознания. Именно обыденное сознание или, как принято говорить, повседневная культура определяет поведение сельских жителей. Но в современных условиях наблюдается процесс размывания повседневной культуры. Причиной является влияние телекоммуникационных технологий, активное использование смартфонов, которые заменили живое общение и передачу опыта в ходе живого общения.

Выше мы уже отмечали, что в большинстве средних и малых населенных пунктов не имеется учреждений культуры. Школы искусств, музеи, театры, культурно-спортивные объекты — редкое явление для сельской местности. Это, по нашему мнению, одна из причин трансформации демографического воспитания. Отсутствие возможности молодежи приобщиться к народной культуре, послушать музыкальные произведения, научиться воспринимать театральные постановки приводит к тому, что уезжая в город на учебу или работу, эта часть населения уже не испытывает потребности в приобщении и культурному наследию.

Таким образом, культура и демография имеют самую тесную взаимосвязь. Государство, культурно-образовательные организации могут создать лишь условия для творческой самореализации личности, но побудить человека посещать музеи, театры, филармонии, участвовать в художественной самодеятельности, наконец, читать книги может семья, поведенческие образцы, высокая культура досуга.

Конечно, данный аспект нельзя рассматривать без учета политического и социально-экономического уровня регионов и страны в целом. Позволим себе констатировать, что при разработке программ социально-экономического развития на перспективу нужно учитывать фактор сохранения и популяризации культурного наследия. В условиях глобальных трансформационных процессов, внешних и внутренних вызовов, отрицательно влияющих на демографическую ситуацию в России, именно культурное наследие может выступить одним из интеграционных факторов исправления данной ситуации.

Список источников

1. *Голод С. И.* Семья и брак. Историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис,1998. 271 с.

2. *Калабаева Ж. А.* Социокультурные характеристики демографических процессов на селе: автореф. дис. … канд. культурол. Челябинск, 2011. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005028540.pdf (дата обращения 12.05.2020)

3. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном / Сост., общ. ред. Г. А. Дубровской. М. : Детская литература, 1985. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pis_o_dob_i_prek.pdf (дата обращения: 08.05.2020).

Информация об авторе

Кругликова Галина Александровна (Российская Федерация, г. Екатеринбург) — канд. ист. наук, доц., ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru.

G. A. Kruglikova

Demographic Factor in Cultural Policy Russian Federation

The article substantiates the relevance and importance of studying, preserving and popularizing the cultural heritage in the framework of the demographic policy of the Russian Federation at the present stage. The author presented the experience of the activities of cultural and educational institutions in this direction. The fact of the educational impact of the events is revealed. The forms of work of federal and regional museums are analyzed, taking into account the demographic factor in their work. The moment of accounting for both national and gender and age characteristics of the population is emphasized. Particular attention is paid to the activities of cultural and leisure institutions, introducing new types of activities into their practice. The conclusion is drawn about the need for concerted action by authorities, cultural and educational institutions in preventing negative trends in family and marriage relations, and in the formation of demographic behavior among young people. Preservation of cultural heritage by all participants in civil society will contribute to national identity.

Keywords: population policy, state cultural policy, cultural and educational institutions, cultural heritage.

Author

Kruglikova Galina Aleksandrovna (Russia, Yekaterinburg) — Ph.D., Associate Professor, Ural State Pedagogical University, e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru

List of sources

1. Golod, S.I. Family and marriage: Historical and sociological analysis / S. I. Golod. — St. Petersburg: Pe-Tropolis, 1998 — 271 p.

2. Kalabaeva, Zh. A. Sociocultural characteristics of demographic processes in rural areas: author. dis. ... cand. culutrol. — Chelyabinsk, 2011. [Electronic resource] — URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005028540.pdf (accessed 12.05.2020)

3. Likhachev, D. S. Letters about the good and the beautiful / D.S. Likhachev / sost., Total. ed. G.A. Dubrovsky. — Det. lit., 1985 [Electronic resource] — URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pis_o_dob_i_prek.pdf (accessed date: 05.08.2020).

УДК 314

Э. В. Пешина

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМУЛИРОВОК ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ О НАЦИОНАЛЬНОСТИ (НАРОДНОСТИ) И РОДНОМ ЯЗЫКЕ С 1897 Г. ПО 2010 Г.[1]

В статье представлены результаты ретроспективного анализа формулировок переписных листов переписей населения о национальности / народности и родном языке по восьми переписям населения: Всеобщей переписи населения Российской империи 1897, всесоюзных переписей населения 1926, 1959, 1970, 1979, 1989 иг., всероссийских переписей населения 2002 и 2010 иг. (всеобщая перепись / всесоюзная перепись / всероссийская перепись населения: далее по тексту — ВПН). В исследовании были использованы метод логического и сравнительного анализа, метод анализа и синтеза. Сформулированы отличительные особенности переписных листов переписей населения 1897, 1926 и 2002 гг. «Официальная статистика» по «родному языку» за 2002 г. в истории России отсутствует. Методологические особенности переписей населения накладываются на статистику, согласно которой численность лиц, не указавших национальность в переписном листе в целом по России, достигла: в 2010 г. около 4 % населения России. «Депопуляция» связана именно с сокращением населения, считающим родным язык своей национальности, что представляет предмет отдельного самостоятельного исследования.

Ключевые слова: перепись населения, переписной лист, национальность, народность, родной язык

Объект настоящего исследования — формулировки переписных листов переписей населения о национальности / народности и родном языке по восьми переписям населения: Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., всесоюзных переписей населения 1926, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г. (всеобщая перепись / всесоюзная перепись / всероссийская перепись населения: далее по тексту — ВПН).

До первой всероссийской переписи населения (1897 г.) «Разные народы жили в России в XVIII в., но их этническая идентичность, как правило, было неопределенной. У людей в основном отсутствовало ясное понятие о численности и территориальных границах своей этнической группы. Особого значения своему “родному языку” не придавалось, как правило, не выдвигались и основанные на этничности политические требования» [9, с. 6].

Первая всеобщая перепись населения 1897 г. до настоящего времени является предметом зарубежных и российских исследований. Профессор Арктического университета Норвегии Г.И. Торвальдсен констатирует:

[1] © Пешина Э. В. Текст. 2020

«Первая Всероссийская перепись населения (1897 г.) была проведена на уровне лучших европейских образцов. Ее результаты были опубликованы с 1898 г. по 1905 г. и составили 121 том. Что касается карточек первичного учета, то они после сведения данных в таблицы, к сожалению, были уничтожены. Если утрата номинативных источников на Западе являлась исключением, в России уничтожение первичных материалов переписей, увы, стало правилом» [10].

Обобщенная характеристика формулировок переписных листов представлена в таблице.

Согласно представленным в таблице данным были сформулированы следующие выводы.

Первый вывод: из 8 проанализированных переписных листов отличительные особенности имеются у листов 1897, 1926 и 2002 гг.:

а) особенностью переписного листа 1897 г. явилось то, что при первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. «национальности не входили в перечень вопросов, а население распределялось по родному языку» [6, с. 253]. Объяснялось данное обстоятельство тем, что перед переписью, 7–18 августа 1872 г., в Санкт-Петербурге прошел VIII Международный конгресс по статистике, на котором было сформулировано, что «язык действительно признается самым надежным критерием расчета национальностей».

Зарубежные исследователи также подтверждают данный факт при переписи населения 1897 г.: «Вопрос языка должен был раскрыть все национальности и племена России» [11, с. 129]; «Вопрос о родном языке (перепись 1897 г.), имел явную цель в выявлении информации о „народах и племенах" империи» [12, с. 442];

б) переписной лист 1926 г. содержит формулировку «народность». Согласно пояснению В.Г. Михайловского (1871–1926) — российского статистика и демографа, руководившего в течение 25 лет отделом демографической статистики Центрального статистического управления (цит. из работы д. и. н. Н.И. Воробьева): «В личном листке вместо термина „национальность" употреблен термин „народность" именно с целью подчеркнуть, что здесь ожидается ответ на вопрос о племенном происхождении, т. е. о принадлежности к той или иной этнической группе населения» [3, с. 31]. В целях заполнения вопроса о народности было специальное циркулярное разъяснение: «Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее время себя относят» [3, с. 32];

в) в переписном листе 2002 г. впервые с 1897 г. не был сформулирован вопрос о родном языке. Переписные листы формы К и Д содержали два вопроса: вопрос 9.1. «*Владеете ли Вы русским языком?*», вопрос 9.2. «*Какими иными языками Вы владеете?* (с возможностью указания еще 3-х языков)». Таким образом, «официальная статистика» по «родному языку» за 2002 г. в истории России отсутствует.

Таблица

Формулировка переписного листа о национальности, народности и родном языке во ВПН за 1897–2010 гг.[*1]

№ п/п	Год переписи населения	Формулировка переписного листа	
		о национальности, народности	**о родном языке**
1	1897, Российская империя [5]	Вопрос 6. Сословие, состояние или звание.	Вопрос 12. Родной язык
2	1926[*2], СССР	Вопрос 4. Народность (по самоопределению опрашиваемого). Если отвечающий затрудняется с ответом — записывается по народности матери	Вопрос 5. Родной язык. Ответ на вопрос о народности может не совпадать с ответом о родном языке. Дети до 1 года — по родному языку матери
3	1959[*3], СССР	Вопрос 7. Национальность	Вопрос 8. Родной язык
4	1970, СССР [8, с. 14]	Вопрос 7. Национальность	Вопрос 8. Родной язык
5	1979[*4], СССР	Вопрос 7. Национальность	Вопрос 8. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет.
6	1989, СССР [7]	Вопрос 8. Национальность.	Вопрос 9. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет.
7	2002[*5], Россия	Переписные листы формы К и Д. Вопрос 7: Ваша национальная принадлежность (по самоопределению опрашиваемого)	Переписные листы формы К (короткий) и Д (длинный) переписные листы. Вопрос 9.1. Владеете ли Вы русским языком? Вопрос 9.2. Какими иными языками Вы владеете? (возможность указания еще 3-х языков)
8	2010, Россия [4]	Переписной лист формы Л. Вопрос 7. Ваша национальная принадлежность (по самоопределению опрашиваемого)	Переписные лист формы Л. Вопрос 9.1. Владеете ли Вы русским языком? Вопрос 9.2. Какими иными языками Вы владеете? (возможность указания еще 3-х языков) Вопрос 9.3. Ваш родной язык

[*1] Составлено автором самостоятельно.

[*2] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Издание ЦСУ СССР. М., 1929. С. 98–101.

[*3] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года РСФСР. М.: Госстатиздат. ЦСУ СССР, 1963. 455 с.

[*4] Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. Стат. сб. / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1984. С. 3–4.

[*5] Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 946 с. // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года В 14 т. / Федеральная служба государственной статистики. Т. 4. Кн. 1. С. 929–944.

Второй вывод: все переписные листы переписей населения с 1926 г. по 2010 г. включали вопрос о народности / национальности по самоопределению опрашиваемого. Причем начиная с 1926 г. предусмотрено, что «ответ на вопрос о народности может не совпадать с ответом о родном языке». Национальную принадлежность детей определяли родители.

Формулировки переписных листов с 1926 г. (табл.) подразумевают самоопределение опрашиваемого, что подразумевает возможность смены национальности или вообще «отсутствие ответа»:

— возможность «смены» национальности особенно вероятна для лиц этнически смешанного происхождения: «Дети из смешанных семей, записанные в одной переписи по национальности матери, в следующей, выросши, указывают национальность отца» [1];

— численность «лиц, не указавших национальность в переписном листе» растет в целом по России очень быстро: «С 316 чел. в 1979 г. до 5,629 млн чел. в 2010 г. (это почти 4 % населения России)» [2, с. 99].

Самоопределение опрашиваемого соответствует статье 26 Конституции РФ: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

В СССР в декабре 1932 г. было принято постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». В паспортах, среди прочей информации, указывалась национальность, но, как уже сказано было выше, то, что было написано в паспорте, могло не соответствовать указанному в опросном листе переписи. В августе 1974 г. Совет Министров СССР утвердил новое Положение «О паспортной системе в СССР», предусматривающей графу «национальность», а в 1997 г. графа национальность была изъята из паспортов.

Как отмечают многие российские и зарубежные исследователи, «…если в имперский и советский периоды вопрос о многолюдности различных национальных групп был предметом беспокойства российского государства, то в постсоветский период „депопуляция" является одновременно и политическим и социальным вызовом» [13, с. 3]. «Депопуляция» связана именно с сокращением населения, считающим родным язык своей национальности, что представляет предмет отдельного самостоятельного исследования.

Список источников

1. *Богоявленский Д. Д.* Данные всероссийской переписи 2010 / Институт демографии НИУ-ВШЭ. 2012. URL: http://www.raipon.info/peoples/data-census-2010/data-census-2010.php (дата обращения 09.05.2020).

2. *Богоявленский Д. Д.* Этнический состав населения и владение языками // В кн. Население России 2010–2011 / Отв. Ред. А. Г. Вишневский. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 93–143.

3. *Воробьев Н. И.* Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткий обзор организации и производства. М.: В/О Союзоргучет, 1938. 104 с.

4. Всероссийская перепись населения — 2010. Переписной лист — 2010. М.: Федеральный пресс-центр «Перепись-2010», 2010. 15 с.

5. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985. 608 с.

6. *Имихелов А. В.* Народы Сибири во Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 250–254.

7. Переписной лист Всесоюзной переписи населения 1989 г. URL: // https://www.volk.gq/imgw/Perepis1989_list.jpg (дата обращения 09.05.2020).

8. *Подъячих П. Г.* Программа и основные вопросы методологии Всесоюзной переписи населения 1970 г. // Всесоюзная перепись населения 1970 года. Сб. ст. / Под ред. Г. М. Максимова. М.: Статистика, 1976. 286 с.

9. Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII — первой половине XX вв. / Ред. Индрек Яатс, Эрки Таммиксаар. Тарту: Эстонский национальный музей, 2011. 174 с.

10. *Торвальдсен Г. Т.* Номинативные источники в контексте всемирной истории переписей. Россия и Запад // Известия УрФУ. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 9–28. (2. Гуманитарные науки).

11. *Cadiot J.* Organiser ladiversité: la fixation des categories national es dans l'Empire de Russieeten URSS. 1897–1939 // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2000. Vol. 31, No 3. Les communistes en Europe centrale. Le système éducatif en Russie. P. 127–149.

12. *Cadiot J.* Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire. 1897–1917 // The Russian Review. 2005. July. 64. P. 440–455.

13. *Ziker J. P., Anderson D. G.* Introduction to the Special Issue on Siberian Demography // Sibirica, Vol. 9, No. 3. Winter 2010. P. 1–8.

Информация об авторе

Пешина Эвелина Вячеславовна (Россия, Екатеринбург) — д-р экон. наук, гл. науч. сотр. Института философии и права УрО РАН (620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: peshina@yandex.ru)

Peshina E. V.

Retrospective Census Wording Analysis about Nationality / Nationality and Nativ Language from 1897 to 2010

The article presents the results of a retrospective analysis of the wording of censuses on nationality / nationality and native language for eight population censuses: the general census of the Russian Empire in 1897, the all-Union population censuses of 1926, 1959, 1970, 1979, 1989, the All-Russian Population Censuses of 2002 and 2010. The research used: the method of logical and comparative analysis, the method of analysis and synthesis. The distinctive features of the census forms of population censuses are formulated: 1897, 1926, and 2002. "Official statistics" on the "native language" for 2002 are absent in the history of Russia. The methodological features of population censuses are superimposed on statistics, according to which the number of people who did not indicate their nationality in the census list for Russia as a whole reached: in 2010, about 4 % of the population of Russia. "Depopulation" is associated precisely with a reduction in the population, who consider the mother tongue of their nationality, which is the subject of a separate, independent study.

Keywords: census, census form, nationality, nationality, native language.

Author

Peshina Evelina Vyacheslavovna (Russia, Ekaterinburg) — Senior Researcher at the Laboratory for Social and Political Communications, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of RAS (IPL UB RAS). 16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620108.

References

1. Bogoyavlenskij D. D. Dannye vserossijskoj perepisi 2010 / Institut demografii NIU-VSHE. — 2012 [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.raipon.info/peoples/data-census-2010/data-census-2010.php (data obrashcheniya 09.05.2020).

2. Bogoyavlenskij D. D. Etnicheskij sostav naseleniya i vladenie yazykami // V kn. Naselenie Rossii 2010–2011. Otv. Red.: A. G. Vishnevskij. Vosemnadcatyj-devyatnadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad. — M.: Izdatel'skij dom NIU VSHE. — 2013. — S.93–143.

3. Vorob'ev N. I. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g. Kratkij obzor organizacii i proizvodstva. — M.: V/O Soyuzorguchet. — 1938. — 104 s.

4. Vserossijskaya perepis' naseleniya — 2010. Perepisnoj list — 2010. — M.: Federal'nyj press-centr «Perepis'–2010». — M. — 2010. — 15 s.

5. Demograficheskij enciklopedicheskij slovar'/ Gl. red. D.I. Valentej. — M.: Sovetskaya enciklopediya. — 1985. — 608 s.

6. Imihelov A. V. Narody Sibiri vo Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1939 g.// Gumanitarnyj vektor. — 2011. — № 4 (28). — S. 250–254.

7. Perepisnoj list Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. [Elektronnyj resurs]. URL: // https://www.volk.gq/imgw/Perepis1989_list.jpg (data obrashcheniya 09.05.2020).

8. Pod»yachih P. G. Programma i osnovnye voprosy metodologii Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1970 g. // V kn. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1970 goda. Sbornik statej pod red. G.M. Maksimova. — M.: Statistika. — 1976. — 286 s.

9. Proniknovenie i primenenie diskursa nacional'nosti v Rossii i SSSR v konce XVIII — pervoj polovine XX vv. Redaktory: Indrek YAats, Erki Tammiksaar. Tartu: Estonskij nacional'nyj muzej. — 2011. — 174 s.

10. Torval'dsen G. T. Nominativnye istochniki v kontekste vsemirnoj istorii perepisej: Rossiya i Zapad // Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. — 2016. — T. 18. — № 3 (154). — S. 9–28.

11. Cadiot, Juliette. Organiser la diversité: la fixation des catégories nationales dans l'Empire de Russie et en URSS (1897–1939) // Revue d'études comparatives Est-Ouest, vol. 31, 2000. N. 3. Les communistes en Europe centrale. Le système éducatif en Russie. Pp. 127–149.

12. Cadiot, Juliette. Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917) // The Russian Review. July 2005. 64. Pp. 440–455.

13. Ziker, John P. and Anderson, David G. Introduction to the Special Issue on Siberian Demography // Sibirica, Vol. 9, No. 3, Winter 2010. Pp. 1–8.

УДК 94(470.51)«1985/1988»:314

С. Н. Уваров

ВЛИЯНИЕ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1985–1988 ГГ. НА БРАЧНОСТЬ И РАЗВОДИМОСТЬ В УДМУРТИИ[1]

В статье предпринимается попытка определить влияние антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на брачность и разводимость в Удмуртии путем сопоставления статистических показателей алкоголизации населения и числа браков и разводов. За этот период в республике действительно сильно сократилось потребление спиртных напитков. Уменьшилось число алкогольных психозов. Число больных хроническим алкоголизмом выросло, но произошло это, скорее всего, из-за улучшения их выявляемости. Сократилось количество родителей, лишенных по суду родительских прав. Параллельно во время проведения кампании в республике увеличилось количество браков, а разводов — уменьшилось. Сократилась доля разводов по отношению к бракам. Делается вывод о том, что одним из факторов, повлиявших на улучшение ситуации с брачностью и разводимостью в Удмуртии, явилась как раз антиалкогольная кампания.

Ключевые слова: демографические процессы, антиалкогольная кампания, население, Удмуртия, браки, разводы

В контексте современного кризиса российской семьи (снижение числа браков, большая доля разводов, неполных семей и т. д.) актуальным представляется изучение успешного опыта проведения семейной политики. Одним из таких примеров была антиалкогольная кампания 1985–1988 гг., заявленной целью которой, правда, была борьба с пьянством, алкоголизмом, самогоноварением, но в итоге сильно оздоровившей на период ее проведения семью как институт. Попробуем определить влияние антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на брачность и разводимость в Удмуртии, поскольку оно является малоизученной темой. Наиболее близкими к ней исследованиями можно назвать труды А. А. Петракова, в которых изучаются социологические проблемы семьи в Удмуртской АССР [2–3], С. В. Королева, затрагивавшего семейную политику в Удмуртии [1], С. Н. Уварова, проанализировавшего демографический аспект антиалкогольной кампании в республике [4–7]. Основным методом будет сравнение статистических показателей алкоголизации населения и числа браков и разводов в республике. Сразу оговоримся, что прямую корреляцию между снижением потребления алкоголя и укреплением института семьи найти не удастся. Однако косвенную связь на основе анализа долговременных тенденций проследить возможно.

Как показывают данные таблицы 1, в течение трех лет, предшествовавших перестройке, число браков в Удмуртской АССР снижалось. С 1981 г. по 1984 г. снижение составило 14,0 %, а коэффициент брачности

[1] Уваров С. Н. Текст. 2020.

уменьшился с 11,0 ‰ до 9,2 ‰. Наиболее сильное снижение произошло в сельской местности, где число браков сократилось на 23,0 %, а относительный показатель упал за такой короткий промежуток времени с 12,4 ‰ до 9,7 ‰.

Количество разводов в республике накануне перестройки увеличивалось, в том числе — на протяжении двух лет перед началом перестройки. За 1983–1984 гг. рост составил 8,2 %, коэффициент увеличился с 2,8 ‰ до 3,0 ‰. И вновь самой неблагополучной оказалась сельская местность, где наблюдался самый большой прирост разводов. Правда, на селе увеличение «сдвинулось» на год раньше. В результате число разводов в 1983 г. увеличилось по сравнению с 1981 г. на 23,2 %. В 1984 г. произошло уменьшение, но в 1985 г. произошел новый скачок.

До 1985 г. включительно в Удмуртской АССР соотношение количества браков и разводов стабильно менялось в пользу последних. Если в 1980 г. число разводов составляло 26,5 % от количества браков, то в 1981 г. — уже 26,3 %, в 1982 г. — 27,1 %, в 1983 г. — 28,7 %, в 1984 г. — 32,9 %. В 1985 г. на каждые три зарегистрированных брака приходился один развод (33,5 %). В городских поселениях пропорция была намного выше среднереспубликанского показателя: в 1980 г. соотношение составило 34,9 %, в 1981 г. — 36,5 %, в 1982 г. — 36,7 %, в 1983 г. — 37,3 %, в 1984 г. — 42,5 %, в 1985 г. — 42,1 %. В сельской местности доля разводов была намного меньше: в 1980 г. их количество составляло 11,3 % от числа браков, в 1981 г. — 9,4 %, в 1982 г. — 11,2 %, в 1983 г. — 12,9 %, в 1984 г. — 14,0 %, в 1985 г. — 15,5 %. Таким образом, тенденции в развитии семейно-брачных отношений накануне перестройки были неутешительными.

Не последнюю в этом, на наш взгляд, сыграла продолжавшаяся алкоголизация населения. В историографии уже отмечалось, что к моменту начала М.С. Горбачевым борьбы с пьянством уровень алкоголизации в стране и Удмуртии повышался (см. например: [4–7]). Росло душевое потребление алкоголя, достигнув в 1984 г. в республике 9,6 л алкогольных напитков из государственных ресурсов в пересчете на чистый алкоголь[1]. Количество состоящих на учете больных хроническим алкоголизмом в Удмуртской АССР постоянно увеличивалось и с 1977 г. по 1984 г. выросло в 1,5 раза. Количество алкогольных психозов («белая горячка») увеличилось с 468 случаев в 1981 г. до 620 в 1984 г. Росло и количество состоящих на учете с хроническим алкоголизмом женщин: с 1980 г. по 1984 г. — в 1,3 раза (табл. 2).

С началом антиалкогольной кампании удалось добиться существенных успехов в борьбе с пьянством и самогоноварением. В 1987 г. — пиковый год кампании — сеть магазинов, осуществлявших продажу спиртных напитков, уменьшилась в Удмуртии по сравнению с 1984 г. на 72 %, душевое потребление алкогольных напитков за тот же период в пересчете на абсолютный алкоголь уменьшилось еще больше — в 2,2 раза, до 4,4 л.

[1] Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее — ЦГА УР). Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 128. Л. 60.

Таблица 1

Число браков и разводов в Удмуртской АССР в 1980–1990 гг.*

Год	Число браков						Число разводов					
	всего		в том числе				всего		в том числе			
			городские поселения		сельская местность				городские поселения		сельская местность	
	кол-во	‰	кол-во	‰	кол-во	‰	кол-во	‰	кол-во	‰	кол-во	‰
1980	16360	10,8	10483	10,5	5877	11,5	4329	2,9	3663	3,7	666	1,3
1981	16659	11,0	10379	10,2	6280	12,4	4382	2,9	3792	3,7	590	1,2
1982	16059	10,5	10022	9,8	6037	12,0	4353	2,8	3675	3,6	678	1,3
1983	15950	10,4	10329	9,9	5621	11,2	4576	3,0	3849	3,7	727	1,5
1984	14327	9,2	9489	9,0	4838	9,7	4708	3,0	4029	3,8	679	1,4
1985	14707	9,4	9971	9,4	4736	9,5	4928	3,2	4196	3,9	732	1,5
1986	14610	9,3	10068	9,3	4542	9,1	4587	2,9	3880	3,6	707	1,4
1987	15583	9,8	11038	10,1	4545	9,2	4733	3,0	4030	3,7	703	1,4
1988	14495	9,0	10326	9,3	4169	8,5	4530	2,8	3799	3,4	731	1,5
1989	14109	8,7	10174	9,0	3935	8,1	4441	2,8	3816	3,4	625	1,3
1990	13442	8,3	9675	8,5	3767	7,8	4239	2,6	3658	3,2	581	1,2

* Составлено по: Естественное движение населения УР с 1939 года [Электронный ресурс]. URL: https://udmstat.gks.ru/folder/51924.

Таблица 2

Показатели алкоголизации населения Удмуртской АССР (на конец года)*

Год	Количество больных алкоголизмом, состоящих на учете, всего		Количество состоящих на учете с хроническим алкоголизмом женщин, чел.	Количество алкогольных психозов	
	чел.	на 10000 населения		чел.	на 10000 населения
1977	21726				
1978	24126				
1979	25377				
1980	26900		3455		
1981	28526		3620	468	
1982	29321		3682	443	
1983	30926		4031	538	
1984	32637	205,1	4430	620	4,0
1985	33228	211,9	4483	539	3,4
1986	34673	219,1	4773	231	1,5
1987	36163	225,1	5054	244	1,5
1988	36454	226,6	5048	224	1,4
1989	33816	208,9	4700	281	1,7

* Составлено по: [5, с. 57–58].

Количество хронических алкоголиков за годы кампании, правда, не сократилось. Очевидно, это случилось потому, что улучшилась их выявляемость (в 1977 г. в Удмуртии появился Республиканский наркологический диспансер).

Зато в 1988 г. по сравнению с 1984 г. уменьшилось количество алкогольных психозов в 2,8 раза. К сожалению, их распределение по территории республики удалось обнаружить не за все годы. Так, в 1979 г. в городских поселениях было 219 случаев «белой горячки», в сельской местности — 126 (63,5 и 36,5 %), в 1986 г. — 191 и 40 соответственно[1] (82,7 и 17,3 %). Успешнее велась борьба с самогоноварением. В 1986 г. в Удмуртской АССР было выявлено 980 фактов приготовления крепких спиртных напитков домашней выработки, в 1987 г. — 1678 [5, с. 59–60].

В определенной степени антиалкогольная кампания улучшила ситуацию с брачностью и разводимостью. Число браков перестало уменьшаться, и в 1985, 1987 гг. наблюдался некоторый их рост. Особенно большим он был в 1987 г., когда в республике органы ЗАГС зарегистрировали на 973 брачных союза (на 6,7 %) больше, чем в предыдущем году. В этом году уровень брачности (10,1 ‰) оказался самым высоким после 1982 г. В основном это увеличение обеспечило городское население. Важно подчеркнуть, что прекратилось стремительное падение в сельской местности, в 1987 г. даже было на три брака заключено больше.

Динамика количества разводов тоже оказалась нелинейной. В 1985 г. их число еще продолжило увеличиваться, но в следующем году разводов оказалось меньше на 6,9 %. Тенденцию закрепить не удалось, и в 1987 г. расторжений браков вновь стало больше. Зато следующие два года количество разводов уменьшалось. Такие же подъемы и падения были характерны для городов и села. Если сравнить доперестроечный уровень (1984 г.) и последний год действия антиалкогольной кампании (1988 г.), то выяснится, что разводов стало все же меньше.

Несколько уменьшилась за время антиалкогольной кампании доля разводов по отношению к заключенным бракам. В 1986 г. она сократилась до 31,4 %, а в 1987 г. — до 30,4 %. С ослаблением борьбы с пьянством в 1988 г. показатель равнялся 31,3 % (табл. 1). Но и после отмены ограничений доля держалась на уровне: в 1989 г. — 31,5 %, в 1990 г. — тоже 31,5 %. В городских поселениях тенденция повторялась: 1986 г. — 38,5 %, 1987 г. — 36,5 %, 1988 г. — 36,8 %, 1989 г. — 37,5 %, 1990 г. — 37,8 %. В сельской местности цифры практически не изменились (исключение составил лишь последний год антиалкогольной кампании): 1986 г. — 15,6 %, 1987 г. — 15,5 %, 1988 г. — 17,5 %, 1989 г. — 15,9 %, 1990 г. — 15,4 %. Тем не менее, можно утверждать, что на время проведения кампании и в первое время после нее рост разводов на селе остановился (за исключением одного года).

Антиалкогольная кампания оздоровила обстановку в семьях. В Удмуртии сократилось количество родителей, лишенных по суду

[1] ЦГА УР. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 12. Л. 15; Д. 70. Л. 5.

родительских прав: 1984 г. — 129 чел., 1985 г. — 152 чел., 1986 г. — 170 чел., 1987 г. — 115 чел., 1988 г. — 90 чел., 1989 г. — 76. При этом в РСФСР масштабы сокращения были бóльшие: 1984 г. — 17290 чел., 1985 г. — 16781 чел., 1986 г. — 11 140 чел., 1987 г. — 8020 чел., 1988 г. — 6454 чел., 1989 г. — 5713[1].

Таким образом, мы видим, что в период проведения антиалкогольной кампании несколько улучшилась ситуация с брачностью и разводимостью в Удмуртии, хотя до ее начала она ухудшалась. Больше стало заключаться браков, меньше оказалось разводов, уменьшилась доля разводов по соотношению к числу браков. Конечно, к этому привело множество факторов, но антиалкогольная кампания внесла свой значительный вклад. Симптоматично, что после свертывания кампании ситуация по ряду ключевых показателей (коэффициенты брачности и разводимости) вновь стала ухудшаться.

Список источников

1. *Королев С. В.* Формирование и реализация государственной семейной политики на рубеже XX–XXI веков. На примере Удмуртской Республики: дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007. 217 с.

2. *Петраков А. А.* Демографический мир семьи. Ижевск: Удмуртия, 1988. 163 с.

3. *Петраков А. А.* Сельская семья и дети. Проблемы демографического развития. Ижевск: Удмуртия, 1983. 160 с.

4. *Уваров С. Н.* Антиалкогольная кампания М. С. Горбачева в Удмуртии. Этнодемографический аспект // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 3. С. 132–143. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/Uvarov3–19.html

5. *Уваров С. Н.* Влияние антиалкогольной кампании 1985–1988 годов на демографические процессы в Удмуртии // Историческая демография. 2018. № 2. С. 57–62.

6. *Уваров С. Н.* Причины, проведение и результаты антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на Урале // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1. С. 180–189. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/Uvarov1–17.html

7. *Уваров С. Н.* Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2019. 283 с.

Информация об авторе

Уваров Сергей Николаевич (Россия, Ижевск) — канд. ист. наук, заведующий кафедрой, ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия», (426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11, e-mail: sergey.uvarov@mail.ru)

Uvarov S. N.

Influence of Antialcoholic Campaign 1985–1988 for Marriage and Divorce in Udmurtia

The article attempts to determine the impact of the anti-alcohol campaign of 1985–1988 on marriage and divorce rates in Udmurtia by comparing statistical indicators of alcoholization of the population and the number of marriages and divorces. During this period, the consumption of alcoholic beverages has really decreased significantly. The number of alcoholic psychoses has decreased. The number of patients with chronic alcoholism has increased, but this is most likely due to improved

[1] ЦГА УР. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 128. Л. 109–110.

detection. The number of parents deprived of their parental rights by the court has decreased. In parallel, during the campaign, the number of marriages in the Republic increased, and the number of divorces decreased. The proportion of divorces in relation to marriages has decreased. It is concluded that one of the factors that influenced the improvement of the situation with marriage and divorce was the anti-alcohol campaign.

Keywords: demographic processes, the anti-alcohol campaign, the population of Udmurtia, marriages, divorces

Author

Uvarov Sergey Nikolaevich — Candidate of historical sciences, Izhevsk, Russia, head of the department of the Izhevsk State Agricultural Academy. E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

References

1. Korolev S. V. The formation and implementation of state family policy at the turn of the XX — XXI centuries: the example of the Udmurt Republic: diss. ... cand. East. sciences. Izhevsk, 2007. 217 p.

2. Petrakov A. A. The demographic world of the family. Izhevsk: Udmurtia, 1988.163 p.

3. Petrakov A. A. Rural family and children: Problems of demographic development. Izhevsk: Udmurtia, 1983. 160 p.

4. Uvarov S. N. Anti-alcohol campaign M.S. Gorbachev in Udmurtia: ethno-demographic aspect // Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal. 2016. № 3. P. 132–143. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/Uvarov3–19.html.

5. Uvarov S. N. The influence of the 1985–1988 anti-alcohol campaign on demographic processes in Udmurtia // Historical demography. 2018. № 2. P. 57–62.

6. Uvarov S. N. Reasons, conduct and results of the 1985–1988 anti-alcohol campaign in the Urals // Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal. 2016. № 1. P. 180–189. URL:http://vestospu.ru/archive/2016/articles/Uvarov1–17.html.

7. Uvarov S. N. Ethnodemographic processes in Udmurtia in 1959–1989. Izhevsk: FSBEI of HE Izhevsk State Agricultural Academy, 2019. 283 p.

II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 314.174

Ш. Г. Акрамова

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ В УЗБЕКИСТАНЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ[1]

В статье анализируются современные демографические процессы, происходящие в Республике Узбекистан. Разработаны предложения по развитию человеческого капитала для эффективного использования существующего демографического окна возможностей.

Ключевые слова: снижение рождаемости, благоприятная половозрастная структура населения, демографическое окно возможностей, человеческий капитал, рынок труда, система образования

Со второй половины прошлого столетия исследователи начали рассматривать возрастную структуру населения как фактор, влияющий на экономический рост. Высокая доля детей младшего возраста и пожилых людей в населении оказывает влияние на темпы экономического роста, поскольку они требуют определенных и немалых затрат, связанных с уходом за этой группой населения. Сегодняшняя демографическая ситуация в мире характеризуется сокращением рождаемости и старением населения в развитых странах, а также ростом населения трудоспособного возраста в развивающихся странах, что может являться ключевым фактором для рывка социально-экономического развития для этих стран. До недавнего времени темой обсуждения была демографическая ситуация в мире, связанная с резким ростом населения и проблемой обеспечения их продовольствием, чистой питьевой водой, электричеством, жильем и т. д. В связи с этим во многих странах были осуществлены меры, связанные с сокращением населения и планированием семьи на государственном уровне [1]. Сегодня же принимаются усилия по устранению негативных последствий этих мер. Со второй половины прошлого века большинство развитых стран охвачено процессом депопуляции и разрабатывают ПО, стремясь смягчить последствия проблем старения. Однако следует отметить, что снижение уровня рождаемости является процессом, уникальным не только для развитых стран, но и для всего мира. Во второй половине прошлого века число детей на одну женщину составляло 5, сегодня это 2,5 ребенка. Например, в Китае этот показатель упал в 3,7 раза (с 6,1 до 1,65 детей), а в Индии в 2,3 раза (с 5,8 до 2,5 детей).

[1] © Акрамова Ш. Г. Текст. 2020.

Глобальные демографические изменения не оставили за бортом и Узбекистан. По мнению З. Тожиевой, наряду с переходом на рыночные отношения наша страна также претерпела демографический переход. Кроме того, изменения в репродуктивных тенденциях населения стран с переходной экономикой приведут не только к уменьшению количества детей, но и к положительному изменению их качества [3].

Анализ демографических процессов в Республике Узбекистан показал снижение уровня рождаемости и смертности. Молодая структура населения, а также реформы здравоохранения, меры, направленные на охрану материнства и детства, обусловили снижение как детской и материнской смертности, так и смертности населения в целом. Благодаря этому ожидаемая продолжительность жизни при рождении выросла у мужчин с 64,4 года в 1991 г. до 73,2 года в 2018 г., у женщин, соответственно, с 69,4 до 77 лет.

За годы независимости рождаемость непреклонно снижалась. Суммарный коэффициент рождаемости в республике снизился с 4,2 в 1991 г. до 2,4 в 2017 г. В последующие годы тенденция к снижению рождаемости сменила свое направление в сторону роста, что в какой-то мере противоречит мировым тенденциям. Местные эксперты связывают это явление с несколькими причинами. Во-первых, смена политического лидера в республике способствовала кардинальным изменениям в социально-экономической, внешнеполитической и общественной жизни узбекистанского общества. Это, в свою очередь, повысило уровень веры в светлое будущее и привело к росту рождаемости. Во-вторых, реформа среднего и среднего специального образования, в результате чего правительство отказалось от 12-летнего обязательного образования, могла привести к росту браков, а в результате и рождаемости. В-третьих, широкомасштабное строительство жилых домов и предоставление различных льготных кредитов для молодых также могло повлиять на репродуктивные намерения молодежи. В-четвертых, в последние годы временно была приостановлена закупка контрацептивов на государственном уровне, что также могло способствовать росту рождаемости.

Хотя демографическая ситуация в стране меняется, сегодня она сформировалась на благоприятном уровне с половозрастной точки зрения или же, как интерпретируют демографы, в стране сформировалось «демографическое окно возможностей», которое может использоваться в качестве движущей силы экономического роста.

Демографическое окно возможностей определяется как период времени в демографической эволюции страны, когда доля населения трудоспособного возраста особенно возрастает. Это происходит, когда демографическая структура населения становится моложе, а доля людей трудоспособного возраста достигает своего пика. Как правило, демографическое окно возможностей длится 30–50 лет в зависимости от страны. Точные технические границы определения могут отличаться. Департамент

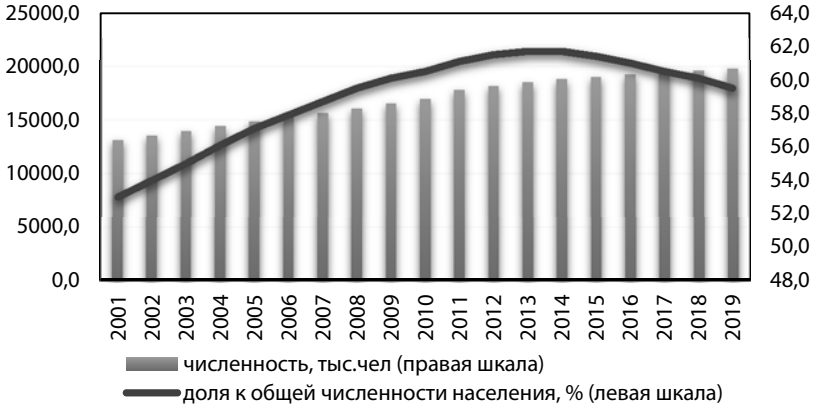

Рис. 1. *Численность и доля трудоспособного населения Республики Узбекистан (на начало года) (Составлено на основе данных Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан https://stat.uz/ru/164-ofytsyalnaia-statystyka-ru/6580-rynok-truda2 (дата обращения: 10.05.2020))*

ООН по народонаселению определил это как период, когда доля детей и молодежи в возрасте до 15 лет падает ниже 30 %, а доля людей в возрасте 65 лет и старше все еще ниже 15 %, а также доля населения трудоспособного возраста (возрастной группы 15–64 лет) составляет не менее 55 %. Таким образом, население трудоспособного возраста будет преобладающей частью населения, а коэффициент зависимости будет составлять максимум 0,82[1] [4].

Текущая возрастная структура населения Республики Узбекистан как раз и характеризуется низкой долей детского и пожилого населения и ростом доли населения в трудоспособном возрасте. Как показано на рисунке 1, доля трудоспособного населения в общей численности населения только в течение последних лет сформировалась на уровне 60–62 %. Также нужно иметь в виду, что здесь численность трудоспособного населения рассчитана на основе национальной методики, т. е. трудоспособным, по законодательству Республики Узбекистан, считается население в возрасте от 16 лет до 55 лет для женщин и до 60 лет для мужчин. Если же пересчитать структуру населения Республики Узбекистан по вышеприведенной методике департамента ООН по народонаселению, доля трудоспособного населения Республики Узбекистан намного увеличится.

Результаты прогноза численности населения Республики Узбекистан на 2018–2050 гг., подготовленного местными и зарубежными экспертами, показали, что демографическое окно возможностей будет открыто в течение всего прогнозного периода (таблица).

[1] Demographic window. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographic_window (дата обращения: 10.05.2020).

Таблица

Ожидаемая численность населения Республики Узбекистан и ее распределение по возрастным группам в 2018–2050 гг. [2], чел.

Возрастная группа	Значение показателей по годам					
	2018 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.	2040 г.	2050 г.
Всего	32 656 660	33 683 108	35 929 042	37 806 270	41 347 387	44 503 520
0–15	9 864 705	10 207 946	10 546 869	10 341 323	9 850 000	10 247 067
16 – Ж54/М59	19 610 095	19 954 253	21 008 343	22 239 317	24 340 782	24 626 181
Ж55+/М60+	3 181 860	3 520 909	4 373 830	5 225 630	7 156 604	9 603 271
Всего, %	100	100	100	100	100	100
0–15, %	30	30,3	29,4	27,4	23,8	23,1
16 – Ж54/М59, %	60	59,2	58,5	58,8	58,9	55,3
Ж55+/М60+, %	10	10,5	12,2	13,8	17,3	21,6

Учитывая вышеизложенную ситуацию, при реализации Стратегии социально-экономического развития республики важно мобилизовать все факторы, в том числе факторы, влияющие на рост качества человеческого капитала. Демографический потенциал страны может стать возможностью, которая выведет ее на новый этап экономического развития. Это, в свою очередь, определяется необходимостью проведения скоординированной эффективной политики на рынке труда и в сфере профессионального образования. В противном случае эти возможности могут трансформироваться в серьезные угрозы в виде огромного количества нетрудоустроенного населения трудоспособного возраста. Следовательно, одна из главных задач в период «демографического окна возможностей» — это необходимость создания устойчивого рынка труда, который будет в состоянии эффективно трудоустроить огромный поток трудоспособного населения и предотвратить существующую и ожидаемую нагрузку на рынок труда. Своевременные инвестиции в человеческий капитал могут послужить основой еще одного перспективного позитивного явления — «демографического дивиденда».

Процессы, происходящие в мировой экономике, свидетельствуют об изменении в соотношении факторов, влияющих на социально-экономическое развитие страны. Исследование Всемирного банка на примере 141 страны мира свидетельствует, что доля человеческого капитала в структуре мирового национального богатства составляет 64 %, и за последние 20 лет его объем вырос на 55 %. В то время как в структуре национального богатства стран ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) с высоким уровнем дохода доля человеческого капитала достигает 70 %, в странах с низким уровнем дохода его вклад составляет 41 % [5]. Именно различия в человеческом капитале определяют различия в уровне конкурентоспособности экономики страны на мировом рынке, благосостоянии населения и в целом человеческого развития, в частности от 10 % до 30 % разницы в доходах

на душу населения по странам объясняется именно человеческим капиталом [6].

Развитие человеческого капитала и мобилизация всех возможностей для этого[1], в частности, развитие непрерывного образования, укрепление здоровья и создание достойных условий труда являются актуальными для республики. В Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021 гг. развитие человеческого капитала как основного фактора, определяющего уровень конкурентоспособности страны на мировой арене и ее инновационного прогресса, — определено главной целью. Ее основными задачами являются: вхождение Республики Узбекистан к 2030 г. в состав 50 передовых стран мира по рейтингу Глобального инновационного индекса; повышение качества и охвата образованием на всех уровнях; развитие системы непрерывного образования; обеспечение гибкости системы подготовки кадров, исходя из потребностей экономики; создание условий для широкого внедрения инноваций[2].

Учитывая, что в республике по состоянию на 1 января 2019 г. численность населения до 18 лет составила 11 млн 117,9 тыс. чел., или 33,4 % от общей численности населения, до 30 лет — 18 млн 223,3 тыс. чел., или 54,8 %, то очевидно, что система образования является стратегически важной сферой, которая определяет судьбу нашей страны.

Результаты реформ, осуществленных в сфере образования в годы независимости, в частности, модель «9+3» в рамках общего среднего и средне-специального образования, которая существовала в течение почти 20 лет, повлияли на структуру уровня образования населения. Это, в свою очередь, способствовало искоренению доли неграмотного населения и лиц с начальным образованием. В качестве самого низкого уровня образования, достигнутого населением республики, сформировалось среднее образование. Увеличилась численность лиц со средним специальным образованием. В структуре населения старше 16 лет этот показатель в 2005 г. составлял 21,9 %, а в 2018 г. достиг 51,1 %, т. е. вырос более чем в 2 раза. Доля лиц с высшим образованием в течение данного периода увеличилось с 10,6 % до 13,5 %[3].

Статистические данные о распределении наемных работников по уровню образования на предприятиях и организациях также свидетельствуют о росте доли лиц с высшим и средним образованием. Среди данной группы населения произошли существенные изменения по уровню образования: в период 2000–2018 гг. доля лиц с высшим образованием и средним

[1] Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 28 декабря 2018 г. https://president.uz/uz/lists/view/2228 (дата обращения: 10.05.2020).

[2] Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021 годы» № УП-5544 от 22 сентября 2018 года. URL: https://lex.uz/docs/3913186 (дата обращения: 10.05.2020).

[3] Расчитано на основе данных Выборочного обследования домашних хозяйств Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике.

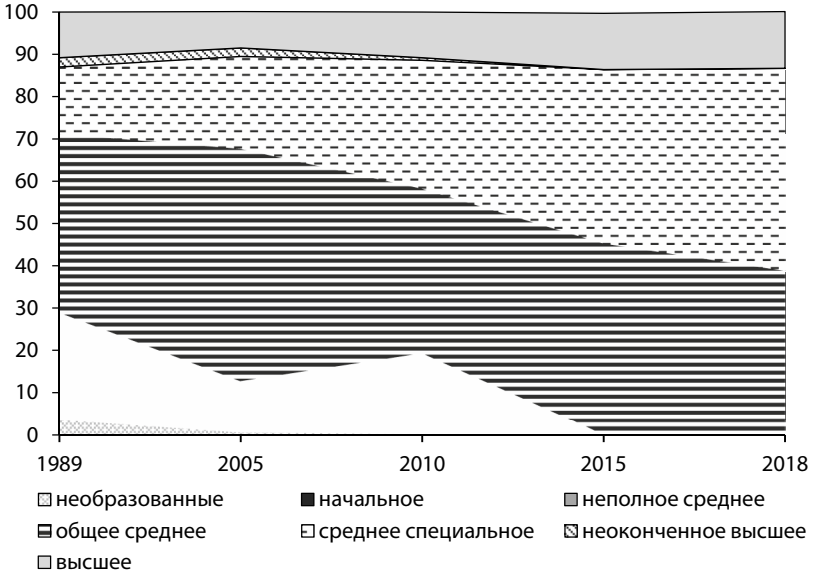

Рис. 2. *Структура населения Республики Узбекистан старше 16 лет по достигнутому уровню образования (из 100 %), % (Составлено автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 1989 года (http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php) и данных Госкомстата Республики Узбекистан)*

специальным образованием увеличилась почти в два раза, то есть с 17,6 % до 35,0 % и с 21,7 % до 45,6 % соответственно. Такое изменение свидетельствует о том, что занятое население в республике достигло достаточно высокого уровня образования. Анализ рынка труда в республике показал незначительное снижение уровня экономической активности и уровня занятости населения в течение 2009–2018 гг. Резкое снижения уровня занятости и повышение уровня безработицы в 2018 г. связаны с переходом национальной статистики на международную методологию расчета безработицы.

Осуществляемые реформы в экономике, несомненно, способствуют социально-экономическому развитию республики, но не следует недооценивать происходящие изменения в возрастной структуре населения, их возможности и вызовы для страны. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо разработать «Концепцию развития человеческого капитала в Республике Узбекистан», которая будет направлена на координацию действий по всем аспектам развития человеческого капитала, т. е. качественное образование, здравоохранение, эффективный рынок труда и конкурентная предпринимательская среда.

Список источников

1. *Акрамова Ш. Г.* Ўзбекистонда инновацион иқтисодиёт шаклланиши шароитида инсон капиталининг ривожланиши. Т. : "Иқтисод-молия", 2014.

2. *Ахмедов Д., Кучера Т., Бурсин Б., Акрамова Ш.* и др. Перспективы демографического развития Республики Узбекистан на период 2018–2050 гг. Основные принципы, предпосылки и результаты прогноза. — Прага; Ташкент, 2019.

3. *Тожиева З. Н.* Ўзбекистон аҳолиси: ўсиши ва жойланиши. Ташкент : "Фан ва технология", 2010.

4. *Bloom D., Canning D., Sevilla J.* The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Conseuquences of Population Change, RAND, Santa Monica, Calif. 2003. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

5. *Lange G.-M., Wodon Q., Carey K.,* eds. 2018. The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978–1–4648–1046–6.

6. World Bank Group. Human Capital: A Project for the World, 2018. October, 13. Development Committee Meeting. https://www.devcommittee.org/sites/www.devcommittee.org/files/download/Documents/ (дата обращения: 10.05.2020).

Информация об авторе

Акрамова Шахноза Ганишеровна (Узбекистан, г. Ташкент) — заместитель заведующего сектором, Научно-исследовательский центр при Ташкентском государственном экономическом университете (100003, г. Ташкент, ул. Ислама Каримова, 49, e-mail: shahnoza-tiu@mail.ru); докторант университета Карлов (г. Прага, Чехия).

Sh. G. Akramova

Demographic Window of Opportunity in Uzbekistan: Challenges and Prospects for Development

The article analyzes the modern demographic processes taking place in the Republic of Uzbekistan. Proposals for the development of human capital for the effective use of the existing demographic window of opportunity were developed.

Keywords: fertility decline, favorable sex and age structure of the population, demographic window of opportunity, human capital, labor market, education system

Author

Akramova Shakhnoza Ganisherovna (Uzbekistan, Tashkent) — deputy head of the sector, Research Center at Tashkent State Economic University (100003, Tashkent, 49, Islam Karimova St., e-mail: shahnoza-tiu@mail.ru); PhD student of Charles University in Prague (Czechia).

References

1. *Akramova Sh. G.* Development of human capital in the conditions of innovative economy formation in Uzbekistan. T. : "Economy and Finance", 2014.

2. Axmedov D., Kuchera T., Bursin B., Akramova Sh. Demographic perspectives of the Republic of UZBEKISTAN FOR the period 2018–2050. Basis, assumptions and basic results of the forecast. — Prague and Tashkent, 2019.

3. *Tojieva Z. N.* Population of Uzbekistan: growth and location. T. : "Science and technology", 2010.

4. Bloom D., Canning D., Sevilla J. The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Conseuquences of Population Change, RAND, Santa Monica, Calif. 2003. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf (accessed: 10.05.2020).

5. Lange G.-M., Q. Wodon, K. Carey, eds. 2018. The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978–1–4648–10466.

6. World Bank Group. Human Capital: A Project for the World, 2018. October, 13. Development Committee Meeting. https://www.devcommittee.org/sites/www.devcommittee.org/files/download/Documents/ (accessed: 10.05.2020).

УДК 314.3

В. Н. Архангельский

ИЗМЕНЕНИЯ ВОЗРАСТНОЙ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ: УСЛОВНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПОКОЛЕНИЯ[1]

Целью статьи явилось рассмотрение изменений возрастных моделей рождаемости в период с 1960 по 2020 гг. Приводятся данные по динамике таких показателей, как возрастные коэффициенты рождаемости, доля коэффициентов рождаемости отдельных возрастных групп в их общей сумме, среднего возраста матери при рождении детей. Рассматривается трансформация соотношения вклада различных возрастных групп женщин в итоговую рождаемость. Оценивается поколенческий вклад в сумму возрастных коэффициентов рождаемости различных возрастных групп женщин. Определены временные интервалы омоложения и старения возрастных моделей рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, возрастные коэффициенты рождаемости, средний возраст матери, очередность рождения, реальные поколения

Возрастная модель рождаемости в России существенно меняется. До середины 1990-х гг. изменение возрастных коэффициентов рождаемости происходило, в основном, по классической схеме, т. е. в большей мере затрагивало относительно более старшие возраста и было в основном связано с изменением доли вторых, третьих и последующих рождений. Средний возраст матери при рождении детей при этом снижался до середины 1990-х гг. В последующие годы характер изменения возрастной модели рождаемости преобразился: в годы снижения рождаемости она в большей мере происходила в более молодых возрастах, повышение же ее у женщин до 25 лет было, как правило, существенно меньшим, чем у более старших. В реальных поколениях средний возраст матери при рождении детей снижался до поколений первой половины–середины 1960-х гг. рождения, а у более молодых женщин повышался.

Одной из важнейших характеристик рождаемости является ее возрастная модель. Традиционно она анализируется по календарным годам, т. е. для условных поколений. В то же время крайне мало работ, в которых рассматривались бы изменения возрастной модели рождаемости в реальных поколениях женщин в России. Так, можно отметить статьи Т. Фрейки [3] и С. Захарова [2], их совместную публикацию [4], а также одну из наших работ [1].

В данном исследовании основной акцент сделан на использовании трех характеристик возрастной модели рождаемости — возрастных коэффициентов рождаемости (для условных поколений), доли коэффициентов рождаемости отдельных возрастных групп в их общей сумме (для реальных

[1] © Архангельский В. Н. Текст. 2020.

поколений) и среднего возраста матери при рождении детей (для реальных и условных поколений).

В 1960-е гг. снижение рождаемости в России происходило по классической схеме. Происходит сокращение показателей рождаемости по вторым, третьим и последующим рождениям, которые происходят у женщин относительно старших возрастов, поэтому сокращение коэффициентов рождаемости в большей мере имеет место в более старших возрастных группах. В 1969–1970 гг. коэффициент рождаемости в возрасте 15–19 лет был практически таким же, как в 1958–1959 гг., в возрастной группе 20–24 года он снизился на 7,0 %, в 25–29 лет — на 31,3 %, в 30–34 года — на 32,0 %, в 35–39 лет — на 44,2 %, в 40–44 года — на 54,8 %, в 45–49 лет — на 63,3 %.

Некоторое повышение показателей рождаемости в самом начале 1970-х гг. произошло у женщин в возрасте до 30 лет, а не в более старших возрастах, как это могло бы быть при классической схеме возрастных различий в изменении коэффициентов рождаемости. Однако последующее снижение коэффициентов рождаемости в 1970-е гг. уже соответствовало этой схеме. Минимальная величина уровня рождаемости в тот период была достигнута в 1979–1980 гг. По сравнению с 1971–1972 гг. коэффициент рождаемости в возрастной группе 25–29 лет снизился на 13,0 %, 30–34 года — на 19,8 %, 35–39 лет — на 44,2 %, 40–44 года — на 35,4 %, 45–49 лет — на 42,9 %. В то же время у 15–19-летних женщин коэффициент рождаемости в этот период повысился на 38,2 %, у 20–24-летних — на 0,6 %.

В первой половине 1980-х гг. суммарный коэффициент рождаемости повышался, достигнув максимума в 1987 г. Повышение коэффициентов рождаемости, также как и их снижение, по классической схеме в относительно большей степени происходит в более старших возрастах, т. к. связано с увеличением доли вторых и последующих рождений. В 1987 г. коэффициент рождаемости в возрастной группе 15–19 лет был больше, чем в 1979–1980 гг., на 13,6 %, 20–24 года — на 8,6 %, 25–29 лет — на 21,1 %, 30–34 года — на 28,9 %, 35–39 лет — на 51,1 %, 40–44 года — на 19,6 %. Только в возрасте 45–49 лет коэффициент сократился с 0,4 ‰ до 0,2 ‰.

В период с 1988 г. по 1993 г. коэффициенты рождаемости неуклонно снижались во всех возрастах у женщин от 20 до 45 лет (только в возрастной группе 15–19 лет показатель рождаемости повышался до 1990 г. и снижался в последующие годы, а у 45–49-летних женщин практически не менялся). Опять же, в более старших возрастных группах их снижение было относительно более существенным: в возрасте 20–24 года коэффициент рождаемости в 1993 г. был меньше, по сравнению с 1987 г., на 30,2 %, 25–29 лет — на 48,0 %, 30–34 года — на 57,5 %, 35–39 лет — на 60,4 %, 40–44 года — на 59,0 %.

В 1994 г. несколько повысились показатели рождаемости у женщин до 35 лет и снизились в старших возрастах.

В последующие годы возрастные различия в динамике коэффициентов рождаемости в России приобрели иной характер, чем были до 1994 г. Более

существенное их снижение имело место в молодых возрастах. В 1999 г. коэффициент рождаемости в возрастной группе 15–19 лет был меньше, по сравнению с 1994 г., на 41,1 %, в 20–24 года — на 23,1 %, в 25–29 лет — на 4,6 %. В возрастных группах 30–34 года и 35–39 лет он, наоборот, повысился, соответственно, на 9,5 % и 4,7 %. Таким образом, применительно к этому периоду можно говорить о старении возрастной модели рождаемости.

После достижения минимального уровня в 1999 г. суммарный коэффициент рождаемости повышался почти неуклонно до 2015 г. (кроме 2005 г.). Динамика показателей рождаемости по возрастным группам существенно различалась в этот период. У женщин в возрасте 15–19 лет коэффициент рождаемости в 2015 г., по сравнению с 1999 г., был ниже на 17,0 %, в возрасте 20–24 года — на 2,0 %. У женщин в возрасте старше 25 лет показатели рождаемости, наоборот, возросли. Причем в старших возрастах этот рост был более существенным. В возрастной группе 25–29 лет коэффициент рождаемости в 2015 г. был больше, чем в 1999 г., в 1,77 раза, в 30–34 года — в 2,58 раза, в 35–39 лет — в 3,59 раза, в 40–44 года — в 3,77 раза, 45–49 лет — в 4 раза. В результате продолжилось старение возрастной модели рождаемости, начавшееся в середине 1990-х гг. С 2008 г. максимальный уровень рождаемости сместился с возрастной группы 20–24 года в 25–29 лет. Более того, если, например, в 1995 г. коэффициент рождаемости в возрастной группе 20–24 года был в 3,8 раза больше, чем в 30–34 года, то в 2015 г. разница между ними составляла 8,4 %. В последующие годы она еще несколько сократилась и в 2018 г. составила 3,0 %.

В последние годы рождаемость в России снова снижалась. У женщин в возрасте до 30 лет коэффициенты рождаемости снижались неуклонно, начиная с 2016 г. Наибольшее относительное снижение произошло в возрастной группе 15–19 лет: в 2019 г.[1], по сравнению с 2015 г., коэффициент был меньше на 39,2 %. У 20–24-летних женщин снижение коэффициента рождаемости составило 16,8 %, у 25–29-летних — 19,0 %, у 30–34-летних — 13,7 %. В возрастной группе 35–39 лет показатель снизился в значительно меньшей степени (на 2,7 %), а у женщин старших возрастов коэффициент рождаемости повысился в 2019 г. по сравнению с 2015 г. (40–44 года — на 7,5 %, 45–49 лет — на 29,5 %).[2]

Трансформация возрастной модели рождаемости в России нашла свое отражение в изменении среднего возраста матери при рождении детей. В 1960–1970-х гг. он ежегодно снижался. В результате в 1980 г. (25,68 года) он был на 2,5 года меньше, чем в 1960 г. (28,16). В начале 1980-х гг. он несколько повышался до 25,91 года в 1983 г. Немного снизившись

[1] Здесь и далее данные за 2019 г. предварительные.

[2] Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2019. М., 2019, С. 63. URL: https://gks.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod-2019.pdf (дата обращения: 10.05.2020); Демоскоп Weekly. Приложение. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_afr.php (дата обращения: 10.05.2020); данные Росстата.

в 1984–1985 гг., в 1986–1987 гг. он снова повысился до 25,97 года. С конца 1980-х гг. и в первой половине 1990-х гг. средний возраст матери при рождении детей снижался до 24,63 года в 1994 г. Выше отмечалось, что после 1994 г. наиболее существенное снижение коэффициентов рождаемости происходило в молодых возрастах, и возрастная модель рождаемости старела. Это нашло отражение и в повышении среднего возраста матери при рождении детей. В 1995 г. он составил 24,80 года, в 2000 г. — 25,76, в 2005 г. — 26,53, в 2010 г. — 27,66 (отметим, что в период между 2005 г. и 2010 г. произошел наибольший прирост среднего возраста матери при рождении детей), в 2015 г. — 28,25 (больше, чем было в 1960 г.), в 2016 г. — 28,43, в 2017 г. — 28,51, в 2018 г. — 28,65, в 2019 г. — 28,70[1].

Следует иметь в виду, что изменения возрастной модели рождаемости и среднего возраста матери при рождении детей зависят от динамики уровня рождаемости, а точнее, соотношения чисел рожденных детей разных очередностей рождения. При большей доли вторых, третьих и последующих рождений, которые есть у женщин относительно старшего возраста, при прочих равных условиях будет иметь место больший сдвиг возрастной модели рождаемости к старшим возрастам и, соответственно, более высокий средний возраст матери при рождении детей. Элиминация влияния этого фактора позволяет использовать показатели, дифференцированные по очередности рождения.

Средний возраст матери при рождении первого ребенка в России снижался почти неуклонно в 1960–1970-х гг. Если в 1960 г. он был равен 24,40 года, то в 1980 г. — 22,99 года. В 1981–1982 гг. он оставался почти неизменным (соответственно, 23,01 и 23,00), а в 1983–1988 гг. он немного колебался, но в очень узком диапазоне от 22,90 года до 22,96 года. В 1989–1994 гг. средний возраст матери при рождении первого ребенка почти неуклонно снижался и в 1994 г. был самым низким за рассматриваемый период (22,53 года). С 1995 г. он постоянно повышается: 1995 г. — 22,67 года; 2000 г. — 23,54; 2005 г. — 24,11; 2010 г. — 24,90; 2015 г. — 25,47; 2016 г. — 25,65; 2017 г. — 25,79; 2018 г. — 25,92; 2019 г. — 25,95.

Иная динамика среднего возраста матери при рождении второго ребенка. В самом начале 1960-х гг. были некоторые колебания величины этого показателя. Затем он повышался с 27,94 года в 1963 г. до 28,18 в 1966 г. Его снижение до 28,11 года в 1968 г. сменилось повышением до 28,25 в 1970–1971 гг. Начиная с 1972 г. он почти неуклонно снижался до 27,13 года в 1985 г. Немного повысившись в 1986–1987 гг. (27,21 года), средний возраст матери при рождении второго ребенка продолжил снижаться до 26,62 года в 1993 г. С 1994 г. он повышается. Причем его прирост был более существенным, чем среднего возраста матери при рождении первого ребенка: 1995 г. — 26,91 года; 2000 г. — 27,88; 2005 г. — 28,92; 2010 г. — 29,55. Таким образом, если средний возраст матери при рождении первого

[1] Human Fertility Database. URL: https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si (дата обращения: 10.05.2020); расчет по данным Росстата.

ребенка в 2010 г. был на 2,37 года больше, чем в 1994 г., то при рождении второго ребенка — на 2,93 больше, чем в 1993 г.[1] Однако, если по первым рождениям существенное повышение среднего возраста матери продолжилось после 2010 г., то средний возраст матери при рождении второго ребенка в этот период изменялся не столь существенно и не столь однозначно. В 2011–2014 гг. он был почти стабильным на уровне чуть более низком, чем в 2010 г. (29,47–29,49), в 2015–2016 гг. — несколько повысился (соответственно, 29,52 и 29,63), в 2016 г. чуть снизился до 29,60 и немного повышался в 2018 (29,63) и 2019 (29,67) гг. В 2019 г. средний возраст матери при рождении второго ребенка точно такой же, какой был в 1993 г. при рождении третьего ребенка.

Средний возраст матери при рождении третьего ребенка повышался в России в 1960-х — начале 1970-х гг.: с 30,35 года в 1961 г. до 30,97 в 1972–1973 гг. В 1970-е гг. он существенно снизился до 30,02 года в 1981 г. В последующие годы его величина менялась незначительно, но несколько возросла в 1986–1987 гг. (1987 г. — 30,31). В конце 1980-х — начале 1990-х гг. средний возраст матери при рождении третьего ребенка вновь существенно снижался, достигнув минимума за рассматриваемый период в 1993 г. (29,67 года). Затем его величина неуклонно и значительно повышалась, как и по вторым рождениям, достигнув максимума в 2010 г. (32,19 года). Затем средний возраст матери при рождении третьего ребенка почти не менялся (в диапазоне от 32,15 года до 32,19) и только в последние годы несколько снизился. В 2019 г. его величина составляла 31,98 года[2].

В отношении возрастной модели рождаемости и среднего возраста матери при рождении детей в реальных поколениях корректно говорить о тех поколениях, которые закончили репродуктивный период или близки к его завершению. В отношении более молодых поколений могут быть сделаны только предварительные оценки с той или иной степенью условности.

Имеющаяся статистическая информация позволяет проанализировать изменения в возрастной модели рождаемости и среднем возрасте матери при рождении детей, начиная с поколения 1944-го года рождения. На начало 2020 г. можно говорить о поколениях, завершивших репродуктивный период или близких к его завершению, применительно к женщинам 1974-го года рождения и старше. Самым младшим из них на начало 2020 г. было 45 лет.

В поколениях женщин второй половины 1940-х годов рождения немного снижалась доля коэффициентов рождаемости у женщин моложе 20 лет в общей их сумме (минимальной она была у женщин 1949-го года рождения (7,4 %)). В то же время повышалась доля коэффициентов рождаемости

[1] В 1994 и 1993 гг. имели место минимальные значения среднего возраста матери при рождении, соответственно, первого и второго ребенка.

[2] Human Fertility Database. URL: https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si (дата обращения: 10.05.2020); расчет по данным Росстата.

у женщин в возрасте 35–39 лет (максимум у женщин 1951-го года рождения (6,7 %)).

Доля коэффициентов рождаемости у женщин в возрасте 20–24 лет составляет в этих поколениях немногим более 40 %. Она несколько повышалась у женщин 1948–1950-х годов рождения и затем практически стабильна в поколениях 1950–1956-х годов рождения (41,2–41,3 %). В более молодых поколениях она значительно возрастает, достигая максимума у женщин 1965-го года рождения (49,4 %). Так как одновременно повышалась доля коэффициентов рождаемости у женщин в возрасте 15–19 лет (с 7,4 % у женщин 1949-го года рождения до 16,7 % у женщин 1972-го года рождения), происходил существенный рост этого показателя в целом у женщин моложе 25 лет. Если в поколении 1944-го года рождения их вклад в сумму возрастных коэффициентов рождаемости составляет 47,7 %, то у женщин 1955-го года рождения он уже превышает половину (50,1 %). У женщин 1960-го года рождения он достигает 55,0 %, 1966-го года рождения — 62,5 %. В более молодых поколениях доля коэффициентов рождаемости у женщин моложе 20 лет продолжает повышаться, но значительно снижается этот показатель у женщин в возрасте 20–24 лет (с 49,4 % в поколении 1965-го года рождения до 29,3 % у женщин 1979-го года рождения (итоговая величина этого показателя у них, видимо, будет еще несколько ниже за счет рождений в возрасте старше 40 лет)). В результате вклад коэффициентов рождаемости у женщин моложе 25 лет снижается с 62,5 % у женщин 1966-го года рождения до 49,9 % в поколении 1974-го года рождения. В более молодых поколениях он будет еще ниже. На начало 2020 г. он составляет у женщин 1975-го года рождения 47,7 %, 1980-го года рождения — 39,7 %, 1983-го года рождения — 37,1 %. Итоговая величина данного показателя в этих поколениях будет еще ниже.

Доля показателя рождаемости в возрасте 25–29 лет в сумме возрастных коэффициентов рождаемости снижается с 29,9 % у женщин 1947-го года рождения до 27,5 % в поколениях 1952–1953-х годов рождения. В более молодых поколениях она сначала повышается до 31,4 % у женщин 1958-го года рождения и вновь снижается до 20,5 % в поколении 1968-го года рождения. Начиная с поколения 1972-го года рождения вклад 25–29-летних женщин в сумму возрастных коэффициентов рождаемости повышается: 1975 года рождения — 23,0 %, 1980-го года рождения — 26,4 %, 1985-го года рождения — 34,7 %. Однако следует иметь в виду, что в молодых поколениях этот показатель снизится к завершению репродуктивного периода. Но, начиная с поколения 1982-го года рождения, доля показателя рождаемости у 25–29-летних женщин в сумме возрастных коэффициентов рождаемости выше, чем у 20–24-летних.

Вклад коэффициента рождаемости в возрастной группе 30–34 лет повышался с 14,4 % у женщин 1946-го года рождения до 16,8 % в поколениях 1953–1954-х годов рождения, но затем почти вдвое снизился до 8,6 % у женщин 1963-го года рождения. Однако в следующее десятилетие

поколений он почти вернулся к максимуму, составив 16,5 % в поколении 1975-го года рождения. В более молодых поколениях он повышается еще больше, достигая 26,6 % у женщин 1985-го года рождения, но следует иметь в виду, что его итоговая величина к завершению репродуктивного периода снизится. Тем не менее, уже сейчас можно отметить значительное сближение вклада в итоговую рождаемость возрастных групп 25–29 лет и 30–34 лет: если в поколениях 1960–1963-х годов рождения вклад 25–29-летних женщин был больше в 3 и более раза (1962-го года рождения — в 3,4 раза), то в поколениях 1978–1983-х годов рождения — только в 1,2 раза (наименьшая разница у женщин 1982-го года рождения — 1,18).

Схожая поколенческая динамика вклада в сумму возрастных коэффициентов рождаемости возрастной группы 35–39 лет. Он повышался в поколениях 1940-х — самого начала 1950-х годов рождения, достигнув 6,7 % у женщин 1951-го года рождения. А в более молодых поколениях относительно существенно снижался до уровня 2,9 % у женщин 1958–1960-х годов рождения. В поколениях 1960-х — 1970-х годов он возрастает до 12,1 % у женщин 1979-го года рождения. Итоговая его величина к концу репродуктивного периода у женщин этого поколения будет несколько меньше, но больше, чем в поколениях первой половины 1970-х годов рождения.

Доля коэффициента рождаемости у женщин 40–44 лет в сумме возрастных коэффициентов рождаемости относительно существенно повышается у женщин 1960-х — первой половины 1970-х годов рождения: с 0,6 % в поколениях 1953–1959-х годов рождения до 2,6 % в поколениях 1974–1975-х годов рождения.

Таким образом, в поколениях 1950-х — первой половины 1960-х годов рождения повышается доля коэффициентов в возрастах до 25 лет в итоговой рождаемости. Доля коэффициентов рождаемости в возрасте 25–29 лет после некоторого повышения в поколениях 1954–1958-х годов рождения существенно снижается у женщин 1960-х годов рождения. Вклад в итоговую рождаемость возрастной группы 30–34 лет снижается, начиная с поколений второй половины 1950-х годов рождения, т. е. с более старших поколений женщин, чем по возрастной группе 25–29 лет, но и заканчивается это снижение раньше — у женщин 1963-го года рождения. Еще больший сдвиг к более молодым поколениям такого рода динамики имеет место по доле коэффициента рождаемости в возрасте 35–39 лет: начинается снижение с поколения 1952-го года рождения, а заканчивается 1958-го годом рождения. В более молодых поколениях вклад в итоговую рождаемость 30–39-летних женщин неуклонно повышается. Учитывая, что, начиная с поколения 1967-го года рождения снижается вклад в итоговую рождаемость женщин моложе 25 лет, можно говорить, что начиная с поколений второй половины 1960-х годов рождения происходит старение возрастной модели рождаемости в реальных поколениях.

Рассмотренная трансформация соотношения вклада различных возрастных групп женщин в итоговую рождаемость в реальных поколениях

находит свое отражение и в поколенческой динамике среднего возраста матери при рождении детей. В поколении 1944-го года рождения он составлял 26,21 года. У женщин 1945–1946-х годов рождения он немного снизился, а в поколении 1947-го года рождения повысился до 26,25 года. Таким же он был в поколении 1948-го года рождения, а у более молодых женщин снижался до поколения 1965-го года рождения, в котором составил 24,80 года. В более молодых поколениях женщин средний возраст матери при рождении детей значительно повышается. В поколении 1968-го года рождения он превысил 25 лет (25,07 года), в поколении 1973-го года рождения — 26 лет (26,14 года, т. е. почти столько же, сколько в поколениях второй половины 1940-х — начала 1950-х годов рождения), в поколении 1977-го года рождения — 27 лет (27,16 года). На начало 2020 г. самый высокий средний возраст при рождении детей у женщин 1979-го года рождения (27,38 года). При этом следует иметь в виду, что величина этого показателя у женщин, по крайней мере, 1975-го года рождения и моложе, до конца репродуктивного периода еще повысится[1].

Возрастная модель рождаемости и средний возраст матери при рождении детей в реальных поколениях, также как и по календарным годам, зависит от соотношения рождений разной очередности. При большей доле женщин, ограничивающихся одним ребенком, при прочих равных условиях модель рождаемости и средний возраст при рождении детей будут смещены к более молодым возрастам, а при большей доли родивших второго, третьего и последующих детей — наоборот, к более старшим.

Средний возраст матери при рождении первого ребенка снижался с 23,57 года у женщин 1947-го года рождения до 22,69 года у женщин 1967–1969-х годов рождения. В более молодых поколениях он значительно повышается, достигая пока (на начало 2020 г.) максимума у женщин 1983-го года рождения (24,59 года). Практически такая же его величина у женщин 1984-го года рождения (24,57). Итоговая величина среднего возраста матери при рождении первого ребенка в этих поколениях будет еще выше.

Похожая динамика и у среднего возраста матери при рождении второго ребенка. Он снижался с 28,03 года у женщин 1948-го года рождения до 26,16 у женщин 1964-го года рождения. Обратим внимание, что это снижение (на 1,87 года) было большим, чем отмеченное выше по первым рождениям (на 0,88 года), и, следовательно, имело место некоторое сближение среднего возраста матери при рождении первого и второго ребенка. Однако и последующее повышение среднего возраста матери при рождении второго ребенка было более значительным. Если величина этого показателя по первым рождениям, как отмечалось выше, возросла с 22,69 года у женщин 1967–1969-х годов рождения до 24,59 у женщин 1983-го года рождения, т. е. на 1,90 года, то прирост этого показателя по вторым

[1] Рассчитано по: Human Fertility Database. URL: https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si (дата обращения: 10.05.2020); данные Росстата.

рождениям почти вдвое больше: 3,71 года, с 26,16 в поколении 1964-го года рождения до 29,87 в поколении 1978-го года рождения.

Средний возраст матери при рождении третьего ребенка снизился в поколениях 1950-х годов рождения даже в большей степени, чем при рождении второго ребенка: с 30,86 года у женщин 1950-го года рождения до 28,84 года у женщин 1961-го года рождения, т. е. 2,02 года. Последующее его повышение в более молодых поколениях также было большим, чем по вторым рождениям: до 33,13 года у женщин 1977-го года рождения, т. е. на 4,29 года по сравнению с поколением 1961-го года рождения[1].

Таким образом, если до середины 1990-х гг. и, соответственно, в реальных поколениях до поколений первой половины — середины 1960-х гг. происходило омоложение возрастной модели рождаемости и снижение возраста матери при рождении детей, то в последующие годы и в более молодых поколениях рождаемость стареет. В последние годы повышение среднего возраста матери происходит только по первым рождениям. По вторым и третьим рождениям величина этого показателя стабильна. Действительно ли затормозилось повышение среднего возраста матери при рождении второго и третьего ребенка и в реальных поколениях также существует ли влияние таймингoвых сдвигов, будет понятно по мере завершения репродуктивного периода женщинами конца 1970-х — 1980-х гг. рождения.

Список источников

1. *Архангельский В. Н.* Трансформация показателей рождаемости в реальных поколениях российских женщин // Народонаселение. 2014. № 3. С. 26–41. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2014_3.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

2. *Захаров С. В.* Изменения рождаемости в России в последние десятилетия и ожидаемые перспективы: результаты, полученные на основе специальных таблиц рождаемости для реальных поколений // Население России 2017. Двадцать пятый ежегодный демографический доклад. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 135–148. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r17/acrobat/glava3.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

3. *Фрейка Т.* Рождаемость в России и Германии: сходства и различия // Демоскоп Weekly. 2010. № 421–422. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0421/tema01.php (дата обращения: 10.05.2020).

4. *Фрейка Т., Захаров С.* Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 106–143. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/6vpymx6vvx/direct/135361911 (дата обращения: 10.05.2020).

Информация об авторе

Архангельский Владимир Николаевич (Россия, Москва) — кандидат экономических наук, заведующий сектором, Центр по изучению проблем народонаселения Экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, дом 1/ 46), ведущий научный сотрудник, Международная лаборатория демографии и человеческого капитала РАНХиГС (119571, Москва, пр. Вернадского, дом 82/1); ведущий научный сотрудник,

[1] Рассчитано по: Human Fertility Database. URL: https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si (дата обращения: 10.05.2020); данные Росстата.

Центр социальной демографии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН) (119333, Москва, ул. Фотиевой, дом 6/ 1); e-mail: archangelsky@yandex.ru.

V. N. Arkhangelskiy

Changes In The Age Fertility Model In Russia: Conditional And Real Generations

The age-specific fertility model in Russia is changing significantly. Until the mid-1990s the change in age-specific birth rates occurred mainly according to the classical pattern, i.e., to a greater extent affected relatively older ages and was mainly associated with a change in the proportion of second, third and subsequent births. The average age of the mother at the time of the birth of children was reduced to the mid-1990s. In subsequent years, the nature of the change in the age-specific fertility model changed: in the years of declining fertility, it occurred to a greater extent at younger ages, while its increase in women under 25 was, as a rule, substantially smaller than in older ones. In real generations, the average age of the mother at the time of the birth of children decreased to generations of the first half — the mid-1960s. birth, and in younger women it rises.

Keywords: fertility, age-specific birth rates, average age of mother, order of birth, real generation

Author

Arkhangelskiy Vladimir Nikolaevich (Russia, Moscow) — candidate of economic sciences, head of sector, Lomonosov Moscow State University, faculty of economics, Center for population studies (119991, Moscow, Leninskiye Gory, 1/46), Leading Research Fellow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), International Laboratory of Demography and Human Capital (119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82/5); Leading Research Fellow Center for social demography of Institute for Social and Political Studies of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (119333, Moscow street Fotievoj, 6/1); e-mail: archangelsky@yandex.ru.

References

1. Arkhangelskiy V. N. Transformation of fertility indicators in the real generations of Russian women // «Narodonaselenie» (Population). 2014. 3, P. 26–41. URL: (http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2014_3.pdf (accessed: 10.05.2020).

2. Zakharov S. V. Changes of fertility in Russia in recent decades and expected prospects: results obtained on the basis of special fertility tables for real generations // Russia's Population in 2017: 25rd Annual Demographic Report; National Research University Higher School of Economics. M. : HSE Publishing House, 2019. P. 135–148. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r17/acrobat/glava3.pdf (accessed: 10.05.2020).

3. Frejka T. Fertility in Russia and Germany: similarities and differences // Demoscope Weekly, 2010. No. 421–422. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0421/tema01.php (accessed: 10.05.2020).

4. Frejka T., Zakharov S. V. Fertility trends in Russia during the past half century: period and cohort perspectives. Demographic Review, 2014. Vol. 1(1), P. 106–143. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/6vpymx6vvx/direct/135361911 (accessed: 10.05.2020).

УДК 33.65.2473

Ж. Х. Бобаназарова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ[1]

В статье исследуются проблемы занятости женщин, анализируются факторы, предлагается ряд мер социальных механизмов. Отмечается, что перспективы женской занятости на данном этапе развития экономики тесно связаны с развитием малого бизнеса и частного предпринимательства. Также рассмотрены пути повышения занятости сельских женщин и предложены меры по стимулированию роста занятости. Изложены рекомендации по усовершенствованию системы обеспечения занятости женщин.

Ключевые слова: социальные механизмы, эффективная занятость женщин, спрос и предложение, телекоммунитинг, семейное предпринимательство, гендерное равенство, трудовые отношения, социальная активность женщин

В мире в условиях внедрения инноваций в практику в области совершенствования механизмов обеспечения занятости трудоспособных женщин особое внимание уделяется целенаправленным научным исследованиям по поиску научных решений ряда проблем. В этой связи особое значение приобретают теоретическое понимание новых процессов регулирования занятости женщин, исследование всего комплекса факторов, рождающих закономерности формирования и развития женской занятости, развитие региональных изменений в организации трудовых отношений, а также индивидуальная работа с женщинами.

На сегодняшний день проблема обеспечения занятости женщин имеет особое значение в экономике, являясь одной из важнейших макроэкономических особенностей социально-экономического развития общества.

В настоящее время развитие как мировой, так и национальной экономики ведет к повышению внимания к занятости женщин. Обеспечение занятости сельских женщин и сокращение безработицы среди них являются особенно сложными социально-экономическими проблемами. При их исследовании необходимо учитывать не только общие законы рынка труда, но и специфику трудовой занятости женщин [1].

Эффективный социально-экономический механизм развития занятости женщин будет состоять из набора элементов, которые по своим характеристикам могут формировать спрос и предложение женского труда. Этот механизм представляет собой комбинацию элементов, которые имеют социально-экономические формы и факторы, влияющие на спрос и предложение женской рабочей силы.

Ученые признают: «Занятость женщин отличается от занятости мужчин по двум основным причинам. Во-первых, женщины обычно зарабатывают меньше, чем мужчины. Во-вторых, во многих местах женщинам

[1] © Бобаназарова Ж. Х. Текст. 2020.

платят меньше, чем мужчинам, и часто они работают на неоплачиваемой (семейной) работе. Социальные представления о гендерных характеристиках женского труда и региональных факторах влияют на специфику распределения труда»[1].

В связи с этим предпринимается ряд систематических мер по созданию достойных рабочих мест для женщин, которые составляют половину населения страны, разработке политики занятости женщин и снижению уровня безработицы среди них. По данным Министерства занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан, уровень безработицы в республике в 2018 г. составил 9,3 %[2]. Для сравнения, в аналогичном периоде 2017 г. было 5,2 %. В нашей стране уровень безработицы среди молодежи в возрасте до 30 лет составляет 15,9 % , а для женщин — 13,4 %.

В стране разработан план радикальных реформ, призванных повысить роль женщин в обществе, и прежде всего принять соответствующие меры для обеспечения их занятости. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев в своем Послании Олий Мажлису 28 декабря 2018 г. подтвердил: «Государственная поддержка женщин и молодежи должна быть еще более усилена. Печально, что есть более 13 000 женщин, которые все еще живут в трудных условиях и не работают, несмотря на практические меры, принятые в этом году»[3].

По нашему мнению, занятость женщин особенно разнообразна в сельской местности, что является сложным социально-экономическим явлением, требующим специальных исследований. В данной работе целесообразно изучить, принять во внимание отношение к общим законам и принципам занятости. Исследование эффективной занятости женщин также выявляет основные цели этого понятия:

— формирование объема, структуры и соотношения спроса и предложения для сельских женщин на основе реальных потребностей экономики и рынка труда;

— снижение уровня безработицы среди сельских женщин путем регулирования спроса и предложения посредством трудовых отношений, сбалансирования рынка труда и развития сельской инфраструктуры;

— создание условий для полной реализации трудовой и предпринимательской деятельности среди трудоспособного населения, повышение осведомленности общественности о преимуществах и инновациях, создаваемых государством.

Следует отметить, что изучение взаимодействия элементов эффективных социально-экономических механизмов занятости женщин в сельской

---

[1] Гендерные термины. Информация XXI век. 2002. URL: https://www.ru/.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 5.04.2016).

[2] См.: Официальный сайт Министерства Труда и Занятости Республики Узбекистан. URL: http://www. labour.uz (дата обращения: 10.05.2020).

[3] См.: Послание Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева к Олий Мажлису. Народное слова, 2018.28.12.

местности не только логично и функционально, но, что более важно, раскрывает основные черты этого механизма.

Кроме того, в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин также подчеркиваются конкретные проблемы[1], с которыми сталкиваются женщины, проживающие в сельской местности. В соответствии со статьей 14 Конвенции «Государства-участники принимают следующие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин в сельских районах: право на все формы формального и неформального образования и профессиональной подготовки посредством трудоустройства или самостоятельной занятости; они должны иметь равные экономические возможности и участвовать во всех видах общественной деятельности».

В настоящее время, учитывая распределение занятости женщин почти во всех секторах национальной экономики (отраслях народного хозяйства), их доля в сельском хозяйстве составляет 27,8 %, а в сфере образования, культуры, искусства, науки и научных услуг — 19,9 %. Также в секторах торговли, общественного питания — 13,1 %, в здравоохранении, физической культуре — 12,6 % , в промышленности — 10,9 % . Таким образом, согласно данным, занятость женщин в сельском хозяйстве все еще высока и должна быть направлена в секторы услуг и перерабатывающую промышленность, при этом должно осуществляться развитие негосударственного сектора экономики. Направление, степень и изменения занятости женщин в ходе экономических реформ в значительной степени зависят от их первоначального статуса занятости и наиболее важных социально-экономических характеристик женщин. Это создает потребность в поддержке работающих женщин, особенно трудоспособных сельских женщин, путем создания учреждений, направленных на искоренение гендерных стереотипов и проведение оптимальной социально-демографической политики.

В связи с этим, Указы Президента Республики Узбекистан от 2 сентября 2019 г. «О защите женщин от преследования и насилия» и «Гарантии прав и возможностей женщин и мужчин» при трудоустройстве в общественном производстве в сфере гендерного равенства оказывают положительное влияние, хотя закон предусматривает гендерное равенство в трудовых отношениях, все еще существуют неиспользованные задачи и неиспользованные возможности для женщин — занять достойное место на рынке труда. Для решения этой проблемы нужно разработать и реализовать национальные, региональные и местные программы помощи занятости на всех уровнях управления в качестве средства реализации государственной политики в области занятости женщин. По нашему мнению, сегодня необходимо выявить группы безработных женщин и использовать социальные механизмы, которые способствуют их занятости, для разработки общегосударственных целевых программ занятости, чтобы побудить

[1] См.: Женщины в сфере труда. Тенденции, 2016. Резюме.

женщин искать работу, стимулировать свои таланты и возможности и уменьшить барьеры, с которыми они сталкиваются.

В связи с этим Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг. предусматривает создание более 256 400 рабочих мест за счет реализации около 25 000 инвестиционных проектов для комплексного развития в регионах. В то же время, чтобы создать условия для каждой семьи, чтобы они могли вести бизнес и иметь стабильный источник дохода, каждый район и город страны, особенно в труднодоступных и трудных климатических условиях, Стратегия улучшает условия жизни и повышает уровень жизни.

Программа «Каждая семья — предприниматель» будет реализована для обеспечения позитивных изменений. Она обеспечит всестороннюю поддержку предпринимательским инициативам, предоставляя льготные кредиты и обеспечивая систематическую практическую поддержку государственными органами на всех этапах организации и реализации бизнеса, радикальное расширение услуг семейного бизнеса и ряд других конкретных мер[1].

По мнению ученых «Для эффективного использования женского труда необходимо создать условия для работы, главным образом многодетным женщинам, для которых важен гибкий график работы и сокращенный рабочий день.

В настоящее время в условиях сельской местности гибкая форма занятости может быть использована:

— при производстве сельскохозяйственной продукции (продуктов питания) на личных подсобных участках;

— изготовлении товаров народного потребления на заказ (пошив одежды, вязание, некоторые формы ремесленничества и т. д.);

— оказании различных строительных и ремонтных работ (домов, транспорта, радио и телевизоров);

— оказании нематериальных услуг (уход за малолетними детьми, репетиторство, медицинские услуги и т. д.)» [2].

По нашему мнению, повышение женской занятости обеспечивает экономическое усовершенствование сельского трудового рынка. Кроме того, он позволяет оценивать количество безработных в контексте реального экономического развития и служит программой для определения путей их сокращения. В связи с этим целесообразно принять следующие меры:

— регулярно обновлять базы данных о новых бизнес-структурах, инновационных проектах, общественных организациях;

— ещё больше повышать социальную активность и качество профессионального образования женщин;

[1] Постановление Президента Республики Узбекистан О реализации программы «Каждая семья-предприниматель» от 7 июня 2018 г. URL: http: // www. Lex.uz (дата обращения: 10.05.2020).

— поддерживать дальнейшее содействие развитию семейного бизнеса, частного предпринимательства, надомного труда и ремесел, а также других форм предпринимательской деятельности;

— широко пропагандировать международный опыт для развития занятости среди женщин малым бизнесом и частным предпринимательством;

— проводить регулярный контроль за предоставлением социальных гарантий для надомничества;

— на основе развития национального ремесленнечества бесперебойно продолжать обеспечивать семейных предприятия льготными кредитами.

Вовлечение женщин в область предпринимательства является одним из наиболее эффективных инструментов смягчения проблемы женской безработицы. Иногда представительницы слабого пола, в отличие от мужчин, предрасположены с большей откровенностью признавать то, что они не располагают необходимыми знаниями, навыками и умениями, что, в свою очередь, ориентирует их на повышение уровня своих знаний [3].

В условиях модернизации экономики необходимо укрепить роль женщин на сельском рынке труда, устранить препятствия на пути повышения их конкурентоспособности. Если основное внимание уделить повышению профессиональнно-квалификационных навыков, знаний в сфере предпринимательства, можно достигнуть устранения препятствий путем развития деятельности учреждений по профессиональной подготовке, которые обучают сельских женщин основам предпринимательства.

В Республике Узбекистан в 2018 г. выделено 3 триллиона 242 млрд сумов на развитие женского предпринимательства. Более 50 000 женщин прошли профессиональную подготовку. 26 000 женщин были трудоустроены, а 10 401 женщин-инвалидов были обеспечены надомной работой. В настоящее время в нашей стране зарегистрировано 280 тыс. безработных женщин, из них 62,0 % живут в сельской местности. Исходя из этих данных, желательно, чтобы рынок труда в регионах имел реальную потребность и чтобы работа выполнялась систематически. Например, чтобы женщины могли сочетать труд и воспитание своих детей с семейным бизнесом.

В целях оценки причин занятости и безработицы женщин в сельской местности на основе результатов социологического опроса разработана методика «Оценка социально-экономических отношений между работодателями занятыми и безработными женщинами». При реализации данной методики, в целях определения отношений между работоделями и безработными женщинами на объектах Кашкадарьинской, Самаркандской, Джизакской областей, Автономной Республики Каракалпакистан и было проведено выборочное социологическое исследование (таблица 1).

Все респонденты, отобранные для ответа на вопросник, были женщинами: 19,5 % респондентов в возрасте 16–17 лет, 28,2 % в возрасте 18–30

Таблица 1

**Эффективные социально-экономические факторы, влияющие на занятость сельских женщин в Республике Узбекистан*
(соотношение к общему количеству респондентов, %)**

Факторы	Все объекты сельской местности	В том числе в следующих областях							
		Китаб	Шахрисабз	Пастдаргом	Ургут	Беруний	Эллик-калъа	Зарбдар	Пахтакор
Повышение инвестиционной привлекательности сельской местности	21,6	19,4	14,7	16,5	19,9	14,0	16,8	22,5	16,5
Развитие частного сектора	18,4	18,5	10,2	13,5	10,4	12,4	15,0	16,6	14,3
Эффективное использование современных форм занятости для сельских женщин	19,5	11,0	8,8	10,0	9,8	10,6	11,3	13,5	9,0
Повышение средней заработной платы женщин по тарифной системе каждой отрасли	18,3	6,5	10,5	10,2	10,5	11,0	11,0	8,0	10,0
Продолжительность работы, установление рабочего времени многодетных детей с учетом их условий	16,0	9,4	9,6	9,6	9,6	8,4	7,6	6,0	8,5
Предоставление преимуществ предприятиям, которые создают рабочие места	11,8	12,1	9,8	12,2	10,6	10,3	10,0	11,4	13,0
Развитие семейного бизнеса и частного предпринимательства	11,5	5,5	8,6	8,0	9,3	7,0	6,5	5,5	9,5
Развитие рыночной инфраструктуры	9,6	5,0	7,5	7,5	7,4	7,6	5,0	5,0	6,7
Разработка программы «Каждая семья — предприниматель»	9,1	4,6	7,0	5,2	5,5	6,9	3,0	4,2	5,5
Поддержка женских деловых инициатив	8,4	4,2	6,0	2,5	3,0	4,5	4,0	3,0	3,0
Другие условия	7,6	3,8	7,3	4,8	4,0	7,3	4,0	3,6	4,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Расчет проведен автором на основании результатов социологического опроса.

лет, 25,5 % в возрасте 31–49 лет и 16,2 % 50–60 % и 9,8 % были старше 60 лет. На исследуемых объектах при трудоустройстве женщин выдвигаются следующие условия труда (таблица 1): повышение инвестиционной привлекательности сельской местности (21,6 %), эффективное использование современных форм занятости для сельских женщин (19,5 %), развитие частного сектора (18,4 %), продолжительность работы, установление рабочего времени многодетных женщин с учетом их условий (16,0 %), предоставление преимуществ предприятиям, которые создают рабочие места и др. Дальнейшее совершенствование государственной политики в области занятости, повышение эффективности деятельности органов труда и соблюдение гендерного равенства при решении имеющихся количественных, но и качественных сторон вопроса обеспечения занятости женщин. Согласно результатам опроса, женщины трудятся в следующых отраслях: сельское хозяйство (46,5 %), переработка (21,7 %), сфера услуг (19,9 %), предпринимательство (6,3 %) и др. (5,6 %). Для повышения уровня своих доходов женщины хотят сменить сферу деятельности на сферу услуг (46,6 %) и индивидуальный труд (29,8 %). На вопрос, в каких сферах больше возможностей для создания новых рабочих мест, они указали сферу услуг (33,5 %), переработку (31,0 %), сельское хозяйство (20,0 %) и индивидуальный труд (15,5 %).

Целью последовательных реформ и радикальных изменений в социально-экономической политике Республики Узбекистан является установление социальной справедливости и постоянное повышение уровня жизни населения. В реализации этой цели, наряду с другими секторами экономики (промышленность, сельское хозяйство, строительство), сектор услуг играет важную роль. Этот сектор является трудоемким экономическим сектором, в странах с высоким уровнем благосостояния и развитой рыночной инфраструктурой он занимает 60–70 % (таблица 2).

Как видно из таблицы 2, в Узбекистане доля оказаний услуг среди занятости населения составляет 50,3 %, в составе ВВП — 54,5 %, в то время как эти показатели в США приравниваются к 77 и 78,5 %, в Германии 66,9 % и 72,5 %, в России 60 и 71,2 %.

Таблица 2

Сравнительные показатели трудового населения некоторых стран в сфере производства и оказания услуг* (%)

№	Название стран	2019 год			
		Занятость населения		Валовый внутренний продукт	
		В сфере услуг	В производстве	В сфере услуг	В производстве
1	Узбекистан	50,3	49,7	54,5	45,5
2	Россия	60,0	40,0	71,2	28,2
3	США	77,0	23,0	78,5	21,5
4	Германия	66,9	33,1	72,5	27,5
5	Польша	53,2	46,8	64,0	36,0

* Расчет приведен автором из статистичеких источников стран.

По сравнению с показателями служб занятости с стране было установлено, что их доля в сфере услуг увеличилась в среднем на 13,5 %, а доля сферы услуг в ВВП почти на 17,8 %. Развитые страны решают микроэкономические проблемы главным образом посредством развития сектора услуг. В Узбекистане также есть большие возможности вывести эту отрасль на уровень развитых стран. Особенно для женщин, занятых в сфере услуг, это дает возможность увеличить свое свободное время и рационально его использовать.

Социально-экономические и воспитательные особенности рабочей силы женщины, совмещающей труд и воспитание детей в семье, требуют особого подхода к формирующимся в обществе трудовым отношениям, при этом целесообразно дальнейшее совершенствование политики в области занятости и защиты женщин от безработицы. С учетом ограниченности государственных и местных бюджетных средств предлагается создать в каждой махалле (селе) «Фонд обеспечения занятости безработных женщин в сельской местности» из средств, взносов занятого населения (в денежной или натуральной форме) и других средств, не запрещенных законодательством. Позволить использование средств данного Фонда через различные принципы, с помощью средств социально-экономического механизма развития социальной защиты стабилизировать экономику, снизить социальную напряженность в обществе, причем это не должно вызывать настроения иждивенчества.

На наш взгляд, последовательное продолжение работ по созданию в экономических зонах, предприятиях малого бизнеса и объектах семейного предпринимательства республики новых рабочих мест за счет льготных кредитов коммерческих банков, организация предприятий по производству экспортоориентированной продукции в перерабатывающей промышленности, сфере услуг и надомного труда за счет иностранных инвестиций позволят повысить эффективность финансово-кредитной системы и создания новых рабочих мест.

Список источников

1. *Бобаназарова Дж. Х.* Эффективные социально-экономические механизмы повышения занятости женщин на селе // Общество и экономика. М. : Наука, 2019. № 11. С. 111.

2. *Бобаназарова Ж. Х., Бозорова С.* Снижение безработицы сельских женщин в условиях модернизации Республики Узбекистан // Молодой ученый. 2014. № 1 (60). С. 339.

3. *Волкова Е. А.* Положение женщин на современном рынке труда // Вопросы экономики и управления. М., 2016. № 5.

Информация об авторе

Бобаназарова Жамиля Холмурадовна (Узбекистан, г. Джизак) — доктор экономических наук, и. о. проф. кафедры Менеджмент Джизакского политехнического института. (130100, г. Джизак, ул. И. Каримова, д. 4; e-mail: jbobanazarova@bk.ru).

J. H. Bobanazarova

Socio-Economic and Educational Features of the Female Workforce

The article examines the problems of employment among women, analyzes factors, proposes a number of measures of social mechanisms. It is noted that the prospects for female employment at this stage of economic development are closely related to the development of small business and private entrepreneurship. Socio-economic relations between employers and unemployed women in the selected areas necessitated identifying their place and position in the labor market and determining the impact of economic development on women's employment in the regions. It also examined ways to increase the employment of rural women and proposed measures to stimulate employment growth. Recommendations on improving the system of women's employment are outlined.

Keywords: social mechanisms, effective employment of women, demand and offered women, telecommuting, family business, women's employment, gender equality, labor relations, women's social activity, socio-economic mechanisms

Author

Bobanazarova Jamila Holmuradovna (Uzbekistan, Jizak) — doctor of Economics, acting Professor of the Department of Management Jizzakh Polytechnic Institute (130100, Jizak city, I. Karimov street, 4, e-mail: jbobanazarova@bk.ru)

References

1. Bobanazarova J. H. Effective socio-economic mechanisms for increasing the employment of women in rural areas // Society and Economics. M. : Nauka. 2019. No. 11. P. 111.

2. Bobanazarova J. H. Bozorova S. Reducing the unemployment of rural women in the modernization of the Republic of Uzbekistan // Young scientist. 2014. No. 1 (60). P. 339.

3. Volkova. E.A. The situation of women in the modern labor market // Issues of economics and management. M., 2016. No. 5.

4. Message from the President of the Republic of Uzbekistan Sh. Mirziyov to the Oliy Majlis. Popular words, 2018.28.12.

УДК 314.044

А. И. Ворошилова

ЭВОЛЮЦИЯ БРАЧНО-РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ[1]

Статья представляет собой теоретико-методологическое исследование, в котором рассматривается эволюция факторов брачно-репродуктивного поведения в исторической ретроспективе. Доказывается, что «традиционные» формы брачно-репродуктивного поведения, основанные на успешном опыте предыдущих поколений, вследствие цифровой революции оказываются все менее востребованными. Это происходит по ряду причин, основной из которых является бесконечное расширение возможностей реализации любых брачно-репродуктивных стратегий посредством цифровой реальности.

Ключевые слова: демографические факторы, социокультурные факторы, брачное поведение, репродуктивное поведение, информатизация

На протяжении всей истории человечества численность населения той или иной территории зависела от определенного круга факторов. К ним относятся, прежде всего, демографические факторы, определяющие наличие физической базы для воспроизводства: динамика численности населения (смертность и рождаемость), половозрастная структура, брачность, а также миграция [10]. Перечисленные демографические факторы определяют возможности преумножения популяции не только для людей, но и для многих других видов живой природы.

Большая часть перечисленных демографических факторов является измеримой с высокой долей точности. В то же время оценка некоторых демографических показателей вызывает определенные сложности. Так, для изучения брачной структуры населения в основном используются данные официальных органов регистрации брака (или иных общественных институтов, например, церкви). Но сегодня, наряду с официальными видами брака, существует большое разнообразие брачных отношений, включающих в себя незарегистрированные сожительства, гостевые браки, открытые браки, групповые браки, однополые браки, фиктивные браки и т. д. Отдельно следует выделить также внебрачные и добрачные связи, отношения на расстоянии, виртуальные отношения и т. д. Это многообразие видов отношений также является демографическим фактором, однако труднее поддается статистическому учету. Более того, в научном мире не утихают споры о том, что сегодня вообще считать брачными отношениями [12]. Все это указывает на формирование в современном обществе социокультурных трендов, в рамках которых допустимым считается широкий спектр брачно-репродуктивных отношений. Рассмотрим эти процессы подробнее.

[1] © Ворошилова А. И. Текст. 2020.

Долгое время культурные представления о допустимых формах отношений в брачно-репродуктивной сфере были достаточно инертными. Социальные институты обладали эффективными механизмами для отбора и воспроизводства наиболее эффективных способов воспроизводства жизни [3]. Брачное и сексуальное поведение в большинстве культур строго регламентировалось, закреплялось в традициях и воспроизводилось из поколения в поколение [13]. При этом главной целью брака в традиционных сообществах было воспроизводство рода и общая организация жизни (интимной, хозяйственной, социальной)[1].

Основным источником информации о правилах и критериях брачно-репродуктивного поведения являлось ближайшее социальное окружение человека (семья, община, род) [3]. Таким образом, важнейшие вопросы о том, как и где познакомиться с будущим супругом, как себя вести в период ухаживаний, когда и как играть свадьбу, как воспитывать детей и др. не были отданы «на откуп» молодому поколению. Нарушение этих правил — добрачные половые связи, «неприличное» поведение, блуд и т. д., — резко осуждалось в обществе [6] и навлекало позор на всех членов семьи [9]. Помимо этого, индивидуальные предпочтения в выборе того или иного партнера были ограничены рядом критериев — возрастным, имущественным и социальным цензом, религиозными предписаниями, одобрением родителей и т. д. [5, 8]. Во многих культурах подходящую брачную партию выбирали старшие члены семьи, общины или профессиональные свахи[2]. Таким образом, в принятии такого важного жизненного решения, как брак, индивидуальные представления человека далеко не всегда принимались во внимание.

Подобное положение дел было продиктовано задачами выживания человечества в условиях огромного числа рисков. Постоянная угроза смерти от голода или болезней, ожесточенная борьба за существование с себе подобными и дикой природой, высокая детская смертность [1] делали ставки на будущее воспроизводство вплоть до XIX–XX вв. очень высокими. Опыт предыдущих поколений был полезен во избежание ошибок, цена которых могла быть высокой. С этой точки зрения выбор брачного партнера более опытными членами семьи или общины, основанный прежде всего на соображениях обеспечения потомства, был более эффективен, чем сентиментальное желание молодого юноши или девушки. Жесткая регламентация брачно-репродуктивного поведения была направлена на сохранение репродуктивного здоровья молодежи. Помимо этого, брак накладывал ответственность на мужчину за обеспечение ребенка и его матери, в то время как внебрачные связи создавали ситуацию появления никому не нужных иждивенцев и брошенных детей. Таким образом, в основе существования

[1] Синельников А. Б., Дмитриева Г. К. и др. Брак // Большая российская энциклопедия Электронная версия (2016). URL: https://bigenc.ru/sociology/text/1881800 (дата обращения: 01.05.2020).

[2] Там же.

социальных институтов семьи и брака лежали соображения рациональности, обеспечивающие эффективность воспроизводства рода в условиях высокого риска.

В XIX–XX вв. технический прогресс достиг такого уровня развития, при котором стало возможным создать более безопасную среду существования. Развитие промышленности позволило обеспечить пищей и предметами необходимости широкие слои населения, а развитие медицины — обеспечить высокую выживаемость младенцев и рожениц. Это, в свою очередь, породило очень высокие показатели выживаемости потомства и невиданные в истории темпы прироста населения в XX в. [14]. Следует отметить, что в прошлом увеличение численности общины, племени, народа повышало безопасность каждого из его членов (за счет повышения обороноспособности, разделения труда, возможности распределения общественной нагрузки по заботе о детях и стариках и т. д.). Сегодня ситуация парадоксальна настолько, что впервые в истории высокая численность людей не способствует выживанию вида, а напротив, угрожает ему из-за ограниченности природных ресурсов [14]. При этом такие кардинальные перемены произошли фактически за столетие, что по историческим меркам является ничтожно малым промежутком.

В новых условиях впервые за свою историю человечество может позволить себе такую роскошь, как индивидуализм. Сегодня вопрос выживания больше не связан напрямую с созданием устойчивых социальных связей. Более того, цифровая революция существенно изменила сам процесс общения и передачи знаний в сфере воспроизводства рода. Доступ к любой информации, сообществам, и, как следствие, развитие любых наклонностей (или девиаций) никогда не был так прост. Анализ только российской социальной сети «Вконтакте» показал, что существует огромное число многочисленных групп, объединяющее единомышленников вокруг тех или иных форм брачно-репродуктивного поведения — от радикальных феминисток до инцелов, от шовинистически-патриархальных групп до ЛГБТ и проч. [18]. Отдельно следует упомянуть воздействие разнообразного «контента для взрослых» на развитие современной массовой культуры [7].

Таким образом, в современном мире поиск партнера выходит далеко за рамки реального социального окружения человека. Это порождает экспоненциальное расширение возможностей поиска — Интернет обеспечивает доступ к огромному числу потенциальных вариантов. В то же время эти возможности порождают ряд проблем. В первую очередь, к ним относится проблема подлинности, а также безнаказанности в киберпространстве [16]. Во-вторых, критерии отбора партнера соотносятся зачастую не с реальным окружением, а с медийными образами (селебрити, профили в социальных сетях, виртуальными персонажами и т. д.) [17]. Благодаря социальным сетям, интимная, приватная жизнь человека перестала быть таковой и поменяла многие свои практики и смыслы [15]. Помимо этого, сам процесс общения большую часть времени происходит посредством девайса.

Все это вплетено в более широкий социокультурный контекст. Современное гедонистическое общество потребления не нацелено в своей культурной парадигме на жертвенность во имя будущих поколений, что не способствует семейно-детному образу жизни [11]. Основаниями для такого пессимизма являются, помимо вышеуказанного, социально-экономические и демографические факторы снижения рождаемости [2]. Совокупность перечисленных факторов порождает пессимистические настроения относительно разрушения традиционного института семьи и перспектив рождаемости [4].

В этих условиях прогнозирование будущих стратегий воспроизводства населения приобретает особую специфику по ряду причин:

— семейно-детный образ жизни и следование нормам социального окружения больше не являются необходимым условием выживания;

— благодаря развитию репродуктивных медицинских технологий (ЭКО, суррогатное материнство) наличие реально существующего партнера не является больше необходимым условием для продолжения рода;

— происходит обесценивание опыта наиболее эффективных брачно-репродуктивных стратегий предыдущих поколений ввиду отсутствия у них знаний о поведении в условиях цифровой реальности;

— становится возможным бесконечное количество вариантов реализации любых брачно-репродуктивных стратегий посредством цифровой реальности.

Глобальные демографические вызовы последнего столетия — такие как рост численности населения планеты в целом, перенаселенность одних регионов и увеличение среднего возраста других, проблемы демографических переходов в разных странах, миграционных потоков и т. д., — сделали задачи демографического прогнозирования особенно актуальными. При этом очевидно, что моделирование будущих демографических ситуаций требует учета социокультурных факторов, таких как эволюция брачно-репродуктивного поведения и последствия цифровой революции. Открытым остается вопрос о способах измерения этих факторов. На наш взгляд, основными направлениями должны стать анализ сообществ в социальных сетях (и иных интернет-площадках), связанных с репродуктивным поведением, а также мониторинг транслируемых образов в СМИ. В то же время социокультурные факторы в рамках статистического и математического анализа плохо поддаются формализации и количественной оценке, поэтому методы точной оценки социокультурных факторов должны стать предметом тщательного изучения в современных социально-гуманитарных науках.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–78–00058 «Анализ и моделирование демографических процессов на основе теории динамических систем с учетом социокультурных детерминант»).

Список источников

1. *Авдеев А. А.* Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография. М. : МАКС Пресс, 2010. 2-е изд. С. 13–72.

2. *Багирова А. П.* и др. Рождаемость и родительство в России: детерминанты и региональная дифференциация. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. 157 с.

3. *Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н.* Модернизация института семьи: макросоциологический и антрополого-педагогический анализ. М. : Новый Хронограф, 2010. 337 с.

4. *Вишневский А. Г.* Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 6–33.

5. *Вишнякова Д. В.* Матримониальное поведение населения европейского северо-востока России в XIX — начале XX вв.: гендерные характеристики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 62–66.

6. *Журова Л. И.* Слово о достоинстве брака в русской публицистике XVI века // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России : сб. науч. ст. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2018. С. 489–498.

7. *Кирчанов М. В.* Porn studies как форма междисциплинарного знания в гуманитарных исследованиях // Панорама. Воронежский государственный университет. 2017. Т. 26. С. 49–55.

8. *Миронова В. П.* Основные критерии выбора жениха и невесты (на материале карельского фольклора) // Материалы Всероссийской науч.-практической конф. «Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера» (Ханты-Мансийск, 28–29 мая 2014 г.). С. 196–206.

9. *Пушкарева Н. Л.* «Жену с почину берут»? Устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в. // Женщина в российском обществе. 2009. № 2 (51). С. 3–12.

10. *Райзберг Б. А.* Современный социоэкономический словарь. М. : ИНФРА-М, 2009. 629 с.

11. Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России / Е. Н. Новоселова, А. И. Антонов, Т. Н. Грудина и др. Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы. М., 2015. 270 с.

12. *Синельников А. Б.* Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715.

13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 4 / Под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2009. 656 с.

14. *Abegao J. L. R.* Where the wild things were is where humans are now: An overview // Human Ecology. 2019. № 47 (5). P. 669–679. DOI: 10.1007/s10745–019–00099–3.

15. *Ampong G., Mensah A., Adu A., Addae J., Omoregie O., Ofori K.* Examining Self-Disclosure on Social Networking Sites: A Flow Theory and Privacy Perspective // Behavioral Sciences. 2018. № 8 (6). P. 58. DOI: 10.3390/bs8060058.

16. *Deans H., Bhogal M. S.* Perpetrating Cyber Dating Abuse: A Brief Report on the Role of Aggression, Romantic Jealousy and Gender // Curr Psychol. 2019. № 38. P. 1077–1082. DOI: https://doi.org/10.1007/s12144–017–9715–4.

17. *Ellison N., Heino R., Gibbs J.* Managing Impressions Online: Self-Presentation Processes in the Online Dating Environment // Journal of Computer-Mediated Communication. 2006. Vol. 11. Iss. 2. P. 415–441. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1083–6101.2006.00020.x

18. *Voroshilova A.* Automated Analysis of Social Network Groups in Reproductive Behavior // Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (2020 ComSDS, St. Petersburg, Russia, 2020). P. 14–20.

Информация об авторе

Ворошилова Анжелика Игоревна (Россия, Екатеринбург) — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры Социологии и социальных технологий управления, Школа государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru).

A. I. Voroshilova

Evolution of Marriage and Reproductive Behavior as a Factor of Demographic Development

This article is a theoretical and methodological study. It examines the evolution of factors of mating and reproductive behavior in historical retrospective. It is proved that the «traditional» forms of mating and reproductive behavior based on the successful experience of previous generations are becoming less and less popular. This occurs as a result of the digital revolution. This happens for a number of reasons, the main of which is the endless expansion of the possibilities for implementing any mating and reproductive strategies through digital reality. In addition, a family-child lifestyle and following the norms of the social environment are no longer a necessary condition for survival. Moreover, thanks to the development of reproductive medical technologies, the presence of a really existing partner is not a necessary condition for procreation in the modern world. These factors increase the uncertainty of demographic projections for the future and form the need to improve methods for measuring sociocultural trends in the marriage and reproductive sphere.

Keywords: demographic factors, sociocultural factors, marriage behavior, reproductive behavior, informatization

Author

Voroshilova Anzhelika Igorevna (Russia, Ekaterinburg) — PhD in Sociology, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Social Technologies of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of the Ural Federal University (620002, Ekaterinburg, Mira st., 19, e-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 19–78–00058.

References

1. Avdeev A. A. Infant mortality and the history of the protection of motherhood and childhood in Russia and the USSR // Historical demography. Collection of articles / Ed. M. B. Denisenko, I. A. Troitskaya. M. : MAX Press, 2010. 2nd ed. (Demographic Studies, Issue 14). P. 13–72.

2. Bagirova A. P. et al. Fertility and Parenthood in Russia: Determinants and Regional Differentiation. Yekaterinburg : Publishing House of the Ural University, 2018. 157 p.

3. Bim-Bad B. M., Gavrov S. N. Modernization of the institution of the family: macro-sociological and anthropological-pedagogical analysis. M. : New Chronograph, 2010. 337 p.

4. Vishnevsky A. G. The demographic revolution changes the reproductive strategy of the form homo sapiens // Demographic Review. 2014. No. 1. P. 6–33.

5. Vishnyakova D. V. Matrimonial behavior of the population of the European north-east of Russia in the 19th — early 20th centuries: gender characteristics // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice Tambov: Gramota, 2012. No. 6 (20): in the 2nd part of Part I. P. 62–66.

6. Zhurova L. I. The word on the dignity of marriage in Russian journalism of the XVI century // Manuscripts, old-printed and rare books in collections of Russia: collection. scientific Art. Novosibirsk: SPSL SB RAS, 2018. P. 489–498.

7. Kirchanov M. V. Porn studies as a form of interdisciplinary knowledge in humanitarian research // Panorama. Voronezh State University. 2017. Vol. 26. P. 49–55.

8. Mironova V. P. The main criteria for choosing a bride and groom (based on Karelian folklore) // Materials of the Russian Scientific and Practical Conference "Problems and Prospects of Socio-Economic and Ethnocultural Development of Indigenous Minorities of the North" (Khanty-Mansiysk, 28–29 May 2014). P. 196–206.

9. Pushkareva N. L. "Take their wife from the start"? Shameful punishments of girls in traditional Russian culture of the 19th century // Woman in Russian society. 2009. No. 2 (51). P. 3–12.

10. Raizberg B. A. Modern socioeconomic dictionary. M. : INFRA-M, 2009. 629 p.

11. Family, children, life values and attitudes: the results of a sociological survey of the population in the regions of Russia / E. N. Novoselova, A. I. Antonov, T. N. Grudina, etc. — The St. Andrew the First-Called Foundation and the Center for National Glory Moscow, 2015. 270 p.

12. Sinelnikov A.B., Dmitrieva G.K. et al. Marriage // Big Russian Encyclopedia Electronic Version (2016). URL: https://bigenc.ru/sociology/text/1881800 (accessed: 05.01.2020).

13. Sinelnikov A. B. Family and marriage: crisis or modernization? // Sociological journal. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 95–113. DOI: 10.19181 / socjour.2018.24.1.5715.

14. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. T. 4 / Ed. N. I. Tolstoy. — M. : International Relations, 2009. 656 p.

15. Abegao J. L. R. Where the wild things were is where humans are now: An overview // Human Ecology. 2019 . No. 47 (5). P. 669–679. DOI: 10.1007 / s10745–019–00099–3.

16. Ampong G., Mensah, A., Adu, A., Addae, J., Omoregie, O., Ofori, K. Examining Self-Disclosure on Social Networking Sites: A Flow Theory and Privacy Perspective // Behavioral Sciences. 2018. No. 8 (6). P. 58. DOI: 10.3390 / bs8060058.

17. Deans H., Bhogal M. S. Perpetrating Cyber Dating Abuse: A Brief Report on the Role of Aggression, Romantic Jealousy and Gender // Curr Psychol. 2019. No. 38. P. 1077–1082. DOI: https://doi.org/10.1007/s12144–017–9715–4.

18. Ellison N., Heino R., Gibbs J. Managing Impressions Online: Self-Presentation Processes in the Online Dating Environment // Journal of Computer-Mediated Communication. 2006. Vol 11. Iss. 2. P. 415–441. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1083–6101.2006.00020.x

19. Voroshilova A. Automated Analysis of Social Network Groups in Reproductive Behavior // Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar (2020 ComSDS, St. Petersburg, Russia, 2020). P. 14–20.

УДК 332

С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов, А. М. Ситковский

ПРИОРИТЕТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В НОРМАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ТЕРРИТОРИЙ[1]

В статье рассматриваются вопросы реализации демографической политики на уровне Уральского региона. Они связаны с территориальной дифференциацией приоритетов социально-экономического развития, направленных на повышение качества жизни. Представлены основные положения векторных оценок и качества жизни в условиях приоритетов социально-демографических процессов. Результаты исследования связаны с поиском наилучших сценариев достижения целей национального проекта «Демография», в первую очередь с точки зрения системного воздействия на региональную социально-экономическую трансформацию при учете множества факторов, определяющих социально-демографическую специфику территорий.

Ключевые слова: демографическая политика, социально-демографические процессы, регион, качество жизни, векторные оценки

Разнообразие особенностей социально-экономических и демографических процессов в регионах требует комплексной оценки как динамики качества жизни, так и воспроизводства населения. Эти процессы существенно различаются в городской и сельской местности, а также по субъектам РФ. Здесь затрагивается множество критериев устойчивости и оптимальности, в том числе и на уровне всей системы демографического поведения населения, семьи и личности. Изменение численности населения становится одним из ключевых показателей развития территорий и эффективности органов власти.

Исследование территориальных единиц необходимо проводить для сопоставимых объектов. Субъекты РФ, с точки зрения специфики социально-демографических явлений, имеют значительную внутреннюю территориальную дифференциацию. На региональном уровне сопоставимыми выступают только отдельные территориальные образования: агломерационные центры, моногорода, малые города, сельские территории.

Учитывая последствия «демографической ямы» в России, усугубившиеся проблемами благосостояния и качества жизни в ситуации низкого социально-экономического роста «новой нормальности» кризиса 2014–2019 гг., возрастает значимость стратегического прогнозирования и формирования системы мер, призванных минимизировать диспропорции качества жизни населения и риски депопуляции по отдельным территориям. В этом случае неизбежно затрагивается множество разнообразных факторов, связанных с территориальной спецификой (том числе различия социокультурного уровня, особенностей природных и климатических условий и др.). В совокупности они отражаются в векторе качества

[1] © Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Ситковский А. М. Текст. 2020.

жизни, позволяющем определять социальные приоритеты развития территорий (при учете максимально доступного для корректного измерения множества факторов) [11].

Методические основы для подобных комплексных исследований связаны с совместным интегрированным рассмотрением проблем регионального социального развития в двух аспектах. Первый аспект связан с исследованием демографических процессов, второй — с исследованиями оценки качества жизни, включая самооценки социума [3].

Демографический аспект базируется на результатах многолетних исследований региональных демографических проблем Российской Федерации и Урала А. И. Кузьмина [2, 7, 8]. Здесь следует отметить ряд специфических особенностей демографических процессов современного периода (второй половины 10-х гг. XXI в.).

В период 2014–2019 гг. наблюдается ухудшение материального положения российских семей [9]. В частности, в III квартале 2019 г. у 0,5 % домохозяйств не хватает денег даже на еду, у 13,4 % хватает только на еду, у 50,3 % только на еду и одежду, у 31,8 % на еду, одежду и товары длительного пользования и лишь 3,5 % могут позволить себе все, что им необходимо (0,5 % затруднились ответить) [4]. При этом именно наличие детей заметно отражается на достатке и денежном доходе населения. В случае если у семьи 3 и более детей, то денег не хватает на еду в 1,1 % случаев, хватает только на еду уже в 21,8 % случаев.

В данных условиях закономерным является постепенное снижение рождаемости. Показатель суммарного коэффициента рождаемости для России снизился в 2018 г. по сравнению с 2014 г. с 1,75 до 1,58. Снижение в Уральском регионе: Курганская область с 2,1 до 1,78; Свердловская область с 1,92 до 1,70; Тюменская область (без автономных округов) с 2,05 до 1,85; Челябинская область с 1,86 до 1,57 [10]. Речь идет уже не о нормальном воспроизводстве, а о необходимости замедления скорости естественной убыли населения.

Несмотря на многочисленные программы социальной помощи многодетным семьям, именно в этой среде чаще всего встречаются жалобы на нехватку денежных средств, чтобы обеспечить «самое необходимое» для жизни семьи. Отметим, что как раз использование отечественных методов рейтинговых исследований социально-экономического положения регионов России за предшествующие годы подтвердило существование на макроэкономическом уровне устойчивой группы нуждающихся семей, имеющих троих детей [2].

Это, как показали расчеты в 10 российских регионах, объясняет, почему двое родителей не смогут обеспечить детям существование даже в пределах прожиточного минимума. К таким регионам относились в последнее десятилетие: Алтайский край, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Костромская и Смоленская области, Республика Мордовия, Кировская

Рис. *Вектор предпочтений социума Челябинской области в 2017 г.*

и Ивановская области. Для того чтобы прокормить третьего ребенка, были нужны или дополнительные к зарплате собственные доходы, или помощь государства.

Отметим, что более чем в 50 регионах страны остаточный доход семьи с тремя детьми не превышает двух прожиточных минимумов даже при наличии материнского капитала, в том числе его региональной составляющей. Нивелирование подобной негативной ситуации на региональном уровне во многом связано с максимально результативным решением вопросов качества жизни.

Существенной детерминантой социально-демографической ситуации выступают миграционные процессы, в том числе в контексте их географической обусловленности. В частности, Челябинская область имеет государственную границу с Республикой Казахстан, что обуславливает предпосылки трудовой миграции на трансграничных территориях. Схожие процессы проявляются в Свердловской области, ввиду развития международного авиасообщения.

Важным аспектом исследований по оценке качества жизни является определение системы приоритетов (вектора) социального развития. Здесь возникает немало альтернатив и методических вопросов. В общем случае система показателей уровня жизни, содержащая экономические показатели, может быть скорректирована и дополнена, например, индексами, полученными в ходе регулярно проводимых социологических опросов населения [6]. На рисунке представлен пример вектора предпочтений социума Челябинской области, созданный на основе социологического

исследования Челябинского филиала РАНХиГС. Он отражает неудовлетворенность (потребность) населения региона по перечисленным сферам жизнедеятельности.

Использование векторных оценок качества жизни неизбежно связано с расширением информационной составляющей. Обработка значительно возрастающих объемов информации создает предпосылки для сглаживания многих погрешностей. В таких условиях качество жизни корректнее отражает не только весьма усредненную экономико-статистическую оценку условий и качества жизни, но и собственное восприятие человека (удовлетворенность своими условиями жизни) по результатам социологических исследований.

Использованные в исследовании основы методического подхода с элементами инструментария визуализации векторных оценок предопределяет возможность решения вопроса приоритетов социально-экономического развития отдельных территорий на новом уровне, опираясь на мнение социума. Подобные основы оценки качества жизни на базе векторных оценок с использованием качественно новой информационной основы и применением социологической информации как дополнительного ресурса уже использовались в условиях «дефицита информации» при формировании стратегий развития муниципальных образований Южного Урала [5].

Рассматриваемая система показателей, характеризующая также мнение населения о качестве жизни, может выступать в качестве основы для оценки благосостояния социума, т. е. рассматриваться как вектор предпочтений (ожиданий) социума. Учитывая необходимость реализации потребностей конкретного социума, при рассмотрении перспектив позитивных изменений на базе такой системы показателей определяются ожидания населения. Затем с учетом этого формируется вектор приоритетов социально-экономического развития. Последний вектор характеризует приоритет (предпочтительность) ожидаемых социальных преобразований, обеспечивающих рост благосостояния населения. Таким образом, создаются предпосылки для нивелирования последствий негативных демографических трендов.

Опыт комплексного исследования вопросов демографии и качества жизни, адаптация представленного методического подхода и инструментария векторных оценок по определению социальных приоритетов стратегий пространственного развития муниципальных районов в Челябинской области указывают на широкие возможности дальнейшего проведения подобных работ. Исследование ожиданий социума по сопоставлению оценок исследуемых территорий с общерегиональными (для всех аналогичных муниципальных образований области) указывает на наличие расхождений между векторами — общим региональным и локальным (отдельным муниципальным образованиям). Это открывает существенные возможности для дифференцированного, индивидуального

подхода в целях максимального роста качества на отдельных территориях при эффективном сочетании ресурсов как региональных программ, так и национальных проектов.

Система целей повышения качества жизни и решения демографических проблем для каждой территории индивидуальна. В общем случае можно говорить о сложной многоуровневой иерархической системе моделей, описывающих все затрагиваемые в данном случае социально-экономические процессы. В графической модели целей в виде иерархической диаграммы — дерево целей, в данном случае в вершине будет соответственно демографические цели, а подцели основания будут связаны с решением первичных вопросов качества жизни. По сути именно такая система целей рассматривается при реализации национального проекта «Демография».

Адаптация подобной системы моделей в соответствии с приоритетами качества жизни населения для конкретных территорий и с использованием «открытой» системы векторных оценок (с «мягкими» ограничениями) становится одним из условий эффективного решения социально-демографических процессов в перспективе. Использование подобного индивидуально адаптированного территориального подхода во многом связано с формированием стратегий и программ социально-экономического развития территорий.

Дифференциация приоритетов социально-экономического развития создает предпосылки максимального роста качества жизни в условиях сбалансированного жизнеобеспечения. В таких условиях расширение системы векторных оценок и системы приоритетов социально-экономического развития территорий (начиная с уровня муниципальных образований) по результатам диагностики демографических процессов и самооценок населения становится одним из условий решения проблем народонаселения.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант РФФИ 010–00964 «Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона на примере Урала и Северного Казахстана».

Список источников

1. *Архангельский В. Н.* Факторы рождаемости. М. : ТЕИС, 2006. 399 с. ISBN 5–7218–0743–1.

2. *Берзин Б. Ю., Кузьмин А. И., Пышминцева О. А.* Траектории воспроизводства институтов социальной изоляции отдельных групп населения в регионах России // Экономика региона. 2015. № 3. С. 123–133.

3. *Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Ситковский А. М.* Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11(433). С. 38–48.

4. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2019 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Федеральная служба государ-

ственной статистики. 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_102/Main.htm (дата обращения: 02.05.2020).

5. *Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Понькина А. О.* Интеграционные приоритеты пространственного развития муниципальных образований в условиях формирования цифровой экономики // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 9–18.

6. *Козлова О. А., Гладкова Т. В., Макарова М. Н., Тухтарова Е. Х.* Методический подход к измерению качества жизни населения региона // Экономика региона. 2015. № 2 (42). С. 182–193.

7. *Кузьмин А. И., Кузьмина А. А., Ланских В. Н.* Влияние деформации института семьи на демографическое поведение населения в Уральском федеральном округе // V Уральский демографический форум. Екатеринбург : 2014. С. 74–91.

8. *Кузьмин А. И., Примак Т. В., Кузьмина А. А.* Воспроизводство населения в регионах России // Экономика региона. 2011. № 1. С. 32–41.

9. *Мау В. А.* На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017–2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 5–29.

10. Суммарный коэффициент рождаемости / Единая межведомственная информационная система. 2020. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 02.05.2020).

11. *Gordeev S. S., Zyryanov S. G.* Municipalities community preferences vector and management digitalization practice // 1st International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019). Paris : Atlantis Press, 2019. P. 298–302. URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/iscde-19/125924611 (дата обращения: 02.05.2020). DOI 10.2991/iscde-19.2019.57. ISSN 2352–5428.

Информация об авторах

Гордеев Сергей Сергеевич (Россия, г. Челябинск) — кандидат экономических наук, руководитель Лаборатории «Модели пространственного развития», Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26; e-mail: sgordeev222@gmail.com).

Зырянов Сергей Григорьевич (Россия, г. Челябинск) — доктор политических наук, профессор Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26; e-mail: director@chel.ranepa.ru).

Ситковский Арсений Михайлович (Россия, г. Челябинск) — Экспертно-аналитическое управление Правительства Челябинской области (454089, г. Челябинск, ул. Цвиллинга, 27; e-mail: omnistat@yandex.ru).

S. S. Gordeev, S. G. Zyryanov, A. M. Sitkovskiy

Priorities of Quality of Life in Normalization of Socio-Demographic Processes of Territories

The article discusses the implementation of population policy at the regional level. They are associated with the territorial differentiation of the priorities of socio-economic development aimed at improving the quality of life. The main provisions of vector assessments and quality of life in the context of the priorities of socio-demographic processes are presented. The presented results of the study are related to the search for the best scenarios for achieving the goals of the national project «Demography», primarily in terms of systemic impact on the regional socio-economic transformation, taking into account many factors that determine the socio-demographic specificity of the territories.

Keywords: population policy, socio-demographic processes, quality of life, region, vector estimates

Authors

Gordeev Sergey Sergeevich (Russia, Chelyabinsk) — candidate of economic sciences, head of the Laboratory for Spatial Development Models, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (454077, Chelyabinsk, Komarova St., 26; e-mail: sgordeev222@gmail.com).

Zyryanov Sergey Grigorievich (Russia, Chelyabinsk) Doctor of Political Sciences, Professor of the Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (454077, Chelyabinsk, Komarova St. 26; e-mail: director@chel.ranepa.ru).

Sitkovsky Arseny Mikhailovich (Russia, Chelyabinsk) — Expert and Analytical Department of the Government of the Chelyabinsk Region (454089, Chelyabinsk, Zvillinga St., 27; e-mail: omnistat@yandex.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 010–00964.

References

1. Arkhangelsky V. N. Fertility factors. M. : TEIS, 2006. 399 p. ISBN 5–7218–0743–1.

2. Berzin B. Yu., Kuzmin A. I., Pyshmintseva O. A. The reproduction trajectories of the institutions of social isolation of certain groups of the population in the regions of Russia // Economy of the region. 2015. No. 3. P. 123–133.

3. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Sitkovsky A. M. Assessment of the quality of life and social priorities for the development of territories // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2019. No. 11 (433). P. 38–48.

4. Household income, expenses and consumption in 2019 (based on a sample survey of household budgets) / Federal State Statistics Service. 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_102/Main.htm (accessed: 05.02.2020).

5. Zyryanov S. G., Gordeev S. S., Ponkina A. O. Integration priorities of the spatial development of municipalities in the context of the digital economy // Scientific Yearbook of the Center for Analysis and Forecasting. 2018. No. 2. P. 9–18.

6. Kozlova O. A., Gladkova T. V., Makarova M. N., Tukhtarova E. Kh. A methodological approach to measuring the quality of life of a region's population // Regional Economy. 2015. No. 2 (42). P. 182–193.

7. Kuzmin A. I., Kuzmina A. A., Lansky V. N. The influence of the deformation of the family institution on the demographic behavior of the population in the Ural Federal District // V Ural Demographic Forum. 2014. P. 74–91.

8. Kuzmin A. I., Primak T. V., Kuzmina A. A. Reproduction of the population in the regions of Russia // Economy of the region. 2011. No. 1. P. 32–41.

9. Mau V.A. At the end of the global crisis: economic challenges 2017–2019 // Issues of Economics. 2018. No. 3. P. 5–29.

10. Total fertility rate / Unified interagency information system. 2020. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31517 (accessed: 05.02.2020).

11. Gordeev S. S., Zyryanov S. G. Municipalities community preferences vector and management digitalization practice // 1st International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019). Paris : Atlantis Press, 2019. P. 298–302. URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/iscde-19/125924611 (accessed: 05.02.2020). DOI 10.2991/iscde-19.2019.57. ISSN 2352–5428.

УДК 3.31

А. Г. Гришанова, Н. И. Кожевникова, Е. С. Красинец

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ[1]

Статья посвящена исследованию ряда аспектов транснациональной миграции, которые связаны с последствиями стремительного распространения по планете пандемии коронавируса. Целью настоящей работы является выявление и раскрытие влияния коронавирусной инфекции на потоки международной миграции в формате союзных государств России и Беларуси. Проведенное исследование показало, что международная миграция населения относится к числу важнейших аспектов развития двух стран и играет значительную роль в формировании их демографического потенциала. На основе использования статистических методов и результатов социологических исследований в работе проанализировано воздействие пандемии на международный трудовой обмен. Дана оценка положению трудовых мигрантов и их миграционным намерениям. Особое внимание уделено проблематике активизации миграционной политики в условиях выхода из кризиса, спровоцированного пандемией. Проведенный в статье анализ позволил определить задачи и конкретные пути решения существующих проблем в регулировании потоков международной трудовой миграции.

Ключевые слова: международная миграция населения, трудовые мигранты, пандемия коронавируса, миграционная политика, Российская Федерация, Республика Беларусь

В ближайшее время тематике влияния пандемии COVID-19 на социальную жизнь развитых стран мира, по нашему мнению, будет посвящено все большее количество публикаций. В углубленном исследовании эпидемии и оценке ее воздействия на различные аспекты миграции населения также нуждается развитие человеческого потенциала в рамках союзного государства России и Беларуси, переживающих старение населения, сокращение ресурсов труда и отставание в количественном и качественном развитии национального человеческого капитала.

Миграция населения относится к числу важнейших аспектов развития интеграционного объединения двух стран и является одним из основных процессов их экономической, социальной и культурной коммуникации [1]. В последние годы отдельные тенденции развития миграционной ситуации в России и Беларуси, включая процессы в области интеллектуальной миграции за рубеж и притока низкоквалифицированной рабочей силы, представляли собой острые проблемы безопасности. Изучение вызовов пандемии для межгосударственного передвижения населения в РФ и РБ позволит продвинуться в диагностике последствий миграции для социально-экономического развития обеих стран, оценке и анализе

[1] © Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И., Красинец Е. С. Текст. 2020.

миграционных рисков, с которыми они будут сталкиваться при решении проблемных вопросов их дальнейшей интеграции.

В последние годы демографический потенциал Российской Федерации и Республики Беларусь за счет миграционного прироста стабильно увеличивался. В формате Союзного государства долговременная миграция выполняла важную компенсирующую роль в депопуляции населения. Стремительное распространение по планете пандемии коронавируса и введение государствами ограничительных мероприятий привели к резкому сокращению международной мобильности населения как в России, так и в Беларуси, совмещающих в себе функции стран назначения и стран выезда мигрантов. По данным Евразийской экономической комиссии, в первой половине 2020 г. в Республике Беларусь под воздействием кризиса, связанного с распространением пандемии коронавируса, миграционный прирост населения составил всего около 9 % в сравнении с соответствующим периодом 2019 г.. Активизировалась возвратная миграция тех, кто вернулся домой до окончания трудовых контрактов за рубежом. Белорусы стали реже выезжать на заработки за границу. Из-за ограничительных мер в условиях пандемии заметно сократилось количество попыток незаконно пересечь государственную границу Республики Беларусь.

В рамках Союзного государства резко сократился непрерывный поток мигрантов в сторону России, снизился вклад внешней миграции в формирование человеческого потенциала страны. Согласно данным официальной статистики, в первом полугодии 2020 г. количество прибывших на постоянное место жительства в Российскую Федерацию составило 84,2 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. При этом величина миграционного прироста населения России, зарегистрированная официальным статистическим наблюдением, уменьшилась в 2,7 раза. В 2,4 раза меньше страна приобрела населения в результате миграционного обмена с государствами-участниками СНГ. В первом полугодии текущего года в миграционном взаимодействии с Республикой Беларусь миграционный приток населения в России сменился его оттоком. Положительный миграционный прирост населения уступил место отрицательному и в миграционном обмене населением России со странами дальнего зарубежья.

Российская Федерация является одним из центров международного трудового обмена, миграционно привлекательным для трудовых мигрантов из многих стран мира [3]. В условиях высокой емкости национального рынка труда международная трудовая миграция — это наиболее массовый, динамичный и значимый с социально-экономической точки зрения миграционный поток в Россию. Пандемия коронавируса, потянувшая за собой шлейф многообразных последствий, не могла не отразиться на потоках трудовой миграции в страну. По данным МВД России, только в апреле 2020 г. (во время активного распространения коронавируса) по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. количество выданных разрешительных документов на занятость трудовым мигрантам сократилось в России

в 1,7 раза. В 4,6 раза снизился прием из-за рубежа контингента квалифицированных специалистов, в 5,6 раза уменьшился приток новых иностранных работников, относящихся к числу высококвалифицированных.

В условиях пандемии и введения масштабных ограничительных мер в экономике, в частности закрытия или прекращения работы большинства строительных, торговых, транспортных и других предприятий, для иностранных работников резко обострились риски потерять работу, остаться без жилья и средств к существованию, сузились легальные пути для трудоустройства и возросла их латентная занятость. Из-за нарушения санитарно-эпидемиологических требований места проживания мигрантов превратились в очаги распространения коронавируса.

Вместе с тем, как показали проведенные нами в июле–августе 2020 г. на территории Калининградской области социологические опросы ($N = 300$), даже в период пандемии и экономического спада международные трудовые мигранты не спешат возвращаться на родину. Для иностранных трудовых мигрантов более значимыми являются причины, выталкивающие их из стран происхождения, чем факторы и стимулы выезда из Российской Федерации.

Большинство трудовых мигрантов в России дорожат своей работой и опасаются ее потерять. Как показал проведенный нами опрос, в период начала пандемии только 13 % респондентов пытались вернуться в свою страну. Среди всех опрошенных большая часть (87 %) планировали и дальше работать в российской экономике. Довольно велико число тех, кто в настоящее время не собирается уезжать из страны и не думает ее покидать в ближайшие месяцы. Всего лишь каждый десятый ждет снятий ограничений на международные поездки, чтобы выехать из России.

Отвечая на вопрос о долгосрочных планах мигрантов на будущее, значительное большинство указало на то, что готово интегрироваться в российское общество. Свыше 37 % опрошенных респондентов намерены либо получить российское гражданство и остаться в России навсегда, либо жить в ней длительное время (29 %).

Для развития экономики и общества международные перемещения людей, как правило, имеют противоречивые результаты. Как справедливо отмечают С. В. Рязанцев и Е. П. Сигарева, «любой сложный феномен, а миграция как раз и относится к таким, приводит как к позитивным, так и к негативным последствиям. И задача управления и регулирования такими сложными процессами заключается в поиске сбалансированной миграционной политики, направленной на увеличение позитивной составляющей в ущерб негативным последствиям» [5, с. 101]. В соответствии с Договором об образовании Сообщества Беларуси и России было решено создать политически и экономически интегрированное сообщество в целях объединения материального и интеллектуального потенциала двух государств[1]. В плане мероприятий по формированию единого

[1] Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. URL: http://www.

миграционного пространства на территории Союзного государства предусмотрена разработка Концепции миграционной политики интеграционного объединения и плана ее реализации на период до 2025 г., а также гармонизация (унификация) законодательства Беларуси и России, регулирующего порядок въезда, выезда и пребывания граждан третьих стран на территориях государств — участников Договора о создании Союзного государства.

Возобновление в ближайшие годы роста российской и белорусской экономики повлечет за собой увеличение потребности в трудовых мигрантах. Прием в постпандемийный период многочисленных контингентов трудовых мигрантов повысит необходимость проведения дифференцированной политики регулирования рынка иностранного труда. Потребуется принятие мер, которые не только поощряют въезд на территорию союзного государства нужных трудовых мигрантов, но и ограничивают доступ на рынок труда тех иностранных работников, в которых нет острой необходимости. Большое значение при этом приобретает активная разработка и внедрение селективных мероприятий, направленных на стимулирование приезда востребованных категорий мигрантов, компетентных иностранных профессионалов и специалистов, а также предпринимателей, инвесторов и студентов.

В рамках Союзного государства должны быть предприняты активные действия по формированию и развитию миграционной инфраструктуры трудоустройства иностранных граждан (бирж, рекрутинговых агентств, сети социальных центров поддержки трудящихся стран ЕАЭС, членов их семей и их правовой защиты) для обеспечения информацией трудовых мигрантов о возможностях занятости, поиска работы, организованного перемещения рабочей силы в регионы, испытывающие дефицит работников.

Вместе с тем должны быть приняты меры по наращиванию усилий по сокращению незаконного трудоустройства и теневой занятости мигрантов. Важное практическое значение в этой связи имеет создание автоматизированной системы государственного контроля въезда и пребывания иностранных граждан.

К числу насущных проблем миграционной политики Союзного государства относится решение задач совершенствования качества и сопоставимости статистики транснационального движения населения, преодоления различий в статистической отчетности о миграционных процессах, в частности, повышение полноты и объективности данных из различных источников о потоках внешней трудовой миграции [4, 2]. Важнейшими составными элементами этой общей задачи являются:

— разработка автоматизированной информационной платформы для обработки статистических данных о пространственных перемещениях всех прибывающих и выбывающих международных трудовых мигрантов,

postkomsg.com/historysg/ (дата обращения: 01.07.2020).

которая аккумулировала бы информацию о происходящих со временем изменениях в их численности и распределении на любой момент времени;

— развитие на базе использования современных информационных технологий и электронных сервисов системы сбора, обработки и представления данных по широкому диапазону правовых, демографических, социально-экономических и профессионально-квалификационных характеристик притока и оттока трудовых мигрантов;

— введение внятной статистики занятости иностранных работников, налаживание статистического учета всех международных трудовых мигрантов (как законных, так и незаконных) в рамках союзного интеграционного объединения.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 20–510–00008и № 20–010–00582.

Список источников

1. *Гришанова А. Г.* Миграционная политика и стратегия пространственного развития России (вопросы терминологии) // Миграционное право. 2020. № 3. С. 35–40.

2. *Ивахнюк И. В.* Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. М., 2017. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Strategy-RU.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

3. *Красинец Е. С.* Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 1. С. 104–118.

4. Миграционные процессы в России / под ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского. М. : Экон-информ. 383 с. ISBN 978–5–9506–1115–5.

5. *Рязанцев С. В., Сигарева Е. П.* Демографические, социально-экономические и политические последствия миграционных процессов для Российской Федерации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 3. С. 94–102.

Информация об авторах

Гришанова Александра Георгиевна (Россия, г. Москва) — кандидат экономических наук, старший науч. сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: gralexandra1949@gmail.com).

Кожевникова Наталия Ивановна (Россия, г. Москва) — кандидат экономических наук, старший науч. сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: dema1@mail.ru).

Красинец Евгений Семенович (Россия, г. Москва) — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией миграционных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: e_krasinets@mail.ru).

A. G. Grishanova, N. I. Kozhevnikova, E. S. Krasinets

Migration Problems of the Union Stateduring Pandemic Period

The article is devoted to the study of those aspects of transnational migration that are associated with the consequences of the rapid spread of the coronavirus pandemic across the planet. During the

COVID-19 epidemic, the socio-economic problems of migrants who find themselves outside their countries have worsened. The purpose of this work is to identify and disclose the impact of coronavirus infection on the flows of international migration in the format of the union states of Russia and Belarus. The study showed that international population migration is one of the most important aspects of the development of the two countries and plays a significant role in shaping their demographic potential. Based on the use of statistical methods and the results of sociological research, the work analyzes the impact of the pandemic on international labor exchange. The assessment of the situation of labor migrants and their migration intentions is given. Particular attention is paid to the problem of intensifying migration policy in the context of overcoming the crisis provoked by the pandemic. The analysis carried out in the article made it possible to determine the tasks and specific ways of solving the existing problems in regulating the flows of international labor migration.

Keywords: international population migration, labor migrants, coronavirus pandemic, migration policy, Russian Federation, Republic of Belarus

Authors

Grishanova Alexandra Georgievna (Russia, Moscow) — candidate of economic sciences, SNS. Institute of Socio-Economic Population Problems of the Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (117218, Moscow, Nakhimovsky Prospect, 32; e-mail: gralexandra1949@gmail.com).

Kozhevnikova Natalia Ivanovna (Russia, Moscow) — candidate of economic sciences, SPS Institute for Socio-Economic Population Problems of the Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (117218, Moscow, Nakhimovsky Prospect, 32; e-mail:-dema1@mail.ru).

Krasinets Evgeny Semyonovich (Russia, Moscow) — cand. sc. (econ.), Head of the Laboratory of Migration Research, Leading researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (117218, Moscow, Nakhimovsky Prospect, 32; e-mail: e_krasinets@mail.ru).

Acknowledgments

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific projects № 20–510–00008 and № 20–010–00582.

References

1. Grishanova A. G. Migration policy and strategy of spatial development of Russia (questions of terminology). Migration law. 2020. No. 3. P. 35–40.

2. Ivakhnyuk I. V. Proposals for the migration strategy of Russia until 2035. M., 2017. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Strategy-RU.pdf (accessed: 01.07.2020).

3. Krasinets E. S. Foreign labor force in the Russian labor market: problems and solutions // Population. 2020. Vol. 23, No. 1. P. 104–118.

4. Migration Processes in Russia / Ed. V. V. Lokosova and L. L. Rybakovsky. M. : Econ-inform. P. 383. ISBN 978–5–9506–1115–5.

5. Ryazantsev S. V., Sigareva E. P. Demographic, socio-economic and political consequences of migration processes for the Russian Federation // Regional problems of economic transformation. 2016. No. 3. P. 94–102.

УДК 69.001.6

Д. В. Иконников

ПРАКТИКА КОТТЕДЖНОГО ПРИГОРОДА ДЛЯ РОССИИ[1]

Статья посвящена проблеме субурбии, популярной среди населения Российской Федерации мечте жить в собственном доме и почему России не нужен такой путь. Авторы объясняют, чем эта идея плохая в случае ее массового внедрения и с какими проблемами столкнулись другие страны при ее реализации.

Ключевые слова: субурбия, жилые районы, автомобилизация, пригород

Опросы ВЦИОМ показывают, что абсолютное большинство россиян, а точнее 66 %, желают жить в собственном частном доме, он же коттедж, и всего 27 % хотели бы жить в многоквартирном доме[2]. Данное желание в разные исторические этапы было характерно многим странам, в том числе и США, где оно и получило практическое развитие. Но практика США показала, что плотность населения в районах, состоящих из частных домов, крайне низкая и высокой быть не может, что и является главной проблемой, из которой вытекает ряд сопутствующих проблем. Вследствие продолжительной трансформации появилось собирательное понятие субурбия (с англ. — пригород), которое и несет в себе описание данной проблемы.

Как было отмечено выше, многие жители России хотели бы переехать в собственный жилой дом: смотря на существующие районы коттеджной застройки, они представляют свою жизнь именно в таком доме. При этом абсолютное большинство россиян не имеют опыта жизни в собственном доме и не знают, какие проблемы возникают при жизни в районах индивидуальной застройки. Даже в существующих районах частной жилой застройки в России проблемы субурбии не такие сильные и отчетливо выраженные, как если бы хотя бы половина желающих жила в частных домах. Сегодня в России в собственных домах живет 26 % населения[3], а в США 63 %[4], но, несмотря на большую разницу, проблемы субурбии характерны и для российских районов [1].

В чем же конкретно заключается проблемы субурбии? В районах с индивидуальной застройкой очень низкая плотность населения, без изменения структуры района ее практически не увеличить, поэтому потенциальных

[1] © Иконников Д. В. Текст. 2020.

[2] Дом, милый дом: мечты и реальность // ВЦИОМ. 2017. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116352 (дата обращения: 21.02.2020).

[3] Зайченко А. Как живут россияне: 68 % — в отдельных квартирах, 26 % — частных домах, остальные — где придется // Газета Протестант. 2017. URL: http://www.gazetaprotestant.ru/2012/12/kak-zhivut-rossiyane-68-v-otdelnyx-kvartirax-26-chastnyx-domax-ostalnye-gde-pridetsya/ (дата обращения: 21.02.2020).

[4] Процент американцев, живущих в собственном доме, упал до 22-летнего минимума // Финмаркет. 2015. URL: http://www.finmarket.ru/news/4003981 (дата обращения: 21.02.2020).

клиентов магазинов, учеников школ, воспитанников детских садов гораздо меньше, чем в районе с многоквартирными домами, и это определяется пешей доступностью. Из-за этого все социально важные для населения объекты располагаются крайне редко: среднее расстояние, которое необходимо пройти человеку от своего дома до нужного ему объекта, как правило, превышает это самое расстояние пешей доступности[1] обычного человека, поэтому человек решает добраться до необходимого ему объекта на транспорте. Поскольку на обычной улице такого района очень низкий пешеходный трафик, то общественный транспорт там не ходит — потенциальных пассажиров крайне мало. С целью оптимизации расходов интервалы на маршрутах общественного транспорта определяются исходя из пассажиропотока: чем он ниже, тем длиннее интервалы. Длинные интервалы означают продолжительное среднее время ожидания транспорта, что еще сильнее снижает количество людей, готовых пользоваться общественным транспортом, и делает неликвидным его эксплуатацию. В данных условиях у жителей не остается выбора, кроме как пользоваться личным автомобилем для передвижения, что вместе с безальтернативностью делает его доминирующим видом транспорта. В таком случае житель хочет купить все сразу в одном месте, чтобы не ездить по магазинам, в связи с этим вся социальная инфраструктура образуется вдоль крупных дорог, где есть большой трафик автомобилей и куда легче всего доехать со всего района. Эта ситуация еще больше увеличивает среднее расстояние, необходимое для преодоления человеком, до нужного ему социального объекта. В подобных условиях лучше всего удовлетворить потребности человека может торговый центр, концепция которого и завязана на концентрацию объектов разного назначения в одном месте.

Поскольку строительство торгового центра связано с немалыми финансовыми и организационными трудностями, почти всегда они являются сетевыми, как и все магазины, которые принадлежат одной или нескольким фирмам-монополистам. Такие крупные компании для удобства развития бизнеса регистрируются и открывают головные офисы в крупных городах, концентрирующих в себе бизнес, а это значит, что большинство налоговых отчислений будут идти в бюджет этого самого города, где базируются компании-владельцы, что косвенно снижает выплаты в местный бюджет. Поскольку житель такого района почти всегда будет пользоваться личным автомобилем, то это соответственно повышает уровень автомобилизации, что влечет за собой проблемы с экологией, появление пробок. В свою очередь пробки влекут за собой расширение дорог и строительство скоростных, внутригородских шоссе, жизнь вдоль которых крайне некомфортна из-за шума и выхлопов. Таким образом, широкие полоски города становятся непригодными для жизни.

[1] Пешеходная доступность // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пешеходная_доступность#Измерение_пешеходной_доступности (дата обращения: 21.02.2020).

Житель пригорода крайне мало передвигается пешком, что приводит к общему ухудшению здоровья и косвенно повышает затраты на медицину. Практика США показала, что продолжаться это может практически до бесконечности, если с этим не бороться. Новые районы будут продолжать строиться, старые практически никак не будут развиваться, пробки будут увеличиваться, придется расширять существующие дороги и строить новые, что еще больше расширит непригодную для жизни территорию в центрах притяжения населения, например, кварталах офисов. Расстояния, которые необходимо преодолеть, чтобы добраться куда-либо, будут постоянно увеличиваться и могут достигать нескольких десятков километров, как в Лос-Анджелесе. Страны, осознавшие проблему субурбии и решившие с ней бороться, сталкиваются с неготовностью населения[1] что-либо менять, при этом они имеют очень высокие бюджетные затраты на необходимые перемены[2], т. к. какая-либо джентрификация такого района невозможна без полной перестройки.

К сожалению, современная российская практика застроек не учитывает зарубежный опыт. Мы не считаем индивидуальные жилые дома исключительно плохим жильем и ни в коем случае не выступаем за полное отсутствие такого вида жилья. Мы за заимствование зарубежного опыта массового жилищного строительства, а именно за жилые районы со смешанной квартальной застройкой с этажностью до 7 этажей и редкими архитектурными доминантами в виде двадцатиэтажных зданий. В таком районе практически каждый человек сможет купить себе доступное по средствам жилье на свой вкус. Благодаря такому решению даже в рамках одного подъезда будут жить люди с совершенно разным достатком, что позволит не допустить появление районов с жителями исключительно низкого, среднего или высокого достатка. А жесткое ограничение этажности, увеличение плотности застройки и реализация ее в форме четких кварталов помогут сформировать у людей чувство принадлежности не только к своей квартире, но и к дому, двору и району.

Список источников

1. *Григоричев К. В.* От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX — начале XXI в. // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 2–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-slobody-do-suburbii-prigorody-irkutska-v-posledney-treti-xx-nachale-xxi-v (дата обращения: 10.03.2020).

[1] Cox W. Suburban nations: Canada, Australia and the United States // New Geography. 2016. URL: https://www.newgeography.com/content/005495-suburban-nations-canada-australia-and-united-states (дата обращения: 10.03.2020).

[2] Алексенко Ф., Сапронова Ю. Реновационные технологии: как в мире решали проблему устаревшего жилья // РБК. 2017. URL: https://www.rbc.ru/photoreport/11/05/2017/591320a29a79473d0140be51 (дата обращения: 10.03.2020).

Информация об авторе

Иконников Даниил Вячеславович (Россия, г. Екатеринбург) — студент 2 курса; Уральский государственный педагогический университет (620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: uspu@uspu.me).

D. V. Ikonnikov

Practice of Cottage Suburban for Russia (Analysis Attempt)

The article is devoted to the dream of living in their own home that is popular among the population of the Russian Federation, and why Russia does not need such a path. You will find out why this idea is bad, in the case of its mass implementation, and what problems other countries faced while implementing it.

Keywords: suburbia, problems, residential areas, motorization, suburb

Author

Ikonnikov Daniil Vyacheslavovich (Russia, Ekaterinburg) — 2nd year student of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov ave., 26; e-mail: uspu@uspu.me)

References

1. Grigorichev K. V. From the settlement to suburbia: the suburbs of Irkutsk in the last third of the XX — beginning of the XXI century // Irkutsk State University Bulletin. 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/ot-slobody-do-suburbii-prigorody-irkutska- v-posledney-treti-xx-nachale-xxi-v (accessed: 10.03.2020).

УДК 316.34; 316.472; 316.62

О. Н. Калачикова, М. А. Груздева

ДЕТЕРМИНАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ОТЦОВСТВА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД[1]

В статье представлен анализ экономических оснований вариативности моделей отцовства российских мужчин. Выдвинута гипотеза о наличии связи между вкладом в материальное обеспечение семьи и реализацией отеческих функций, подкрепленной объективными с точки зрения семьи причинами и обуславливающей сохранение патриархальных стереотипов при выстраивании родительско-супружеских отношений. Предложена типология моделей поведения современных отцов в зависимости от их вклада в материальное обеспечение семьи.

Ключевые слова: отцовство, генеративное поведение, демографическое развитие, экономические основания выделения моделей отцовства

Демографическое развитие современной России характеризуется кризисными явлениями как количественного (сокращение рождаемости, рост смертности), так и качественного (трансформация структуры населения, института брака) характера. В условиях меняющейся социальной реальности претерпевает изменения и поведение людей, в частности генеративное, включающее не только репродуктивное, но и родительское. Согласно исследованиям, большим трансформациям подвергается именно роль мужчины в брачно-семейных отношениях, социальная роль отца [6, 10]. Вместе с тем в отечественных исследованиях изучение феномена отцовства в рамках генеративного поведения раскрыто недостаточно широко, этот социально конструируемый феномен часто выступает предметом зарубежных исследований [3, 7]. В России изучением отцовства занимаются представители Санкт-Петербургской социологической школы [1, 2], ученые из Южного федерального университета [10], НИУ Высшей школы экономики [12] и др. Объективные основания, а именно трансформация института отцовства, размывание образа отца, наполнение его новыми смыслами, пока еще только осознаваемые российской социологической наукой, а также пока не систематизированные причины и не оцененные последствия этих процессов актуализируют научный поиск в данном направлении. Вопрос актуален и с точки зрения демографии, т. к. генеративное поведение мужчин во многом обуславливает репродуктивный выбор женщин, влияет на рождаемость населения. Исследованию генеративного поведения российских мужчин посвящен межрегиональный проект Республики Татарстан и Вологодской области, поддержанный грантом Российского фонда фундаментальных исследований, в рамках которого подготовлена данная публикация.

[1] © Калачикова О. Н., Груздева М. А. Текст. 2020.

Целью работы стало выявление возможных типов поведения современных отцов в зависимости от участия мужчины в материальном обеспечении семьи.

Эволюция условий и образа жизни россиян привела к наличию заметной дифференциации стратегий в брачно-репродуктивной сфере. Сохраняются и традиционно- патриархальные сюжеты, и *child free*, и эгалитарные, и переходные, меняющиеся по мере приобретения жизненного опыта. Экономический фактор является важным при определении типа брачно-семейных отношений, выступает важной частью фундамента современной семьи. Если на создание ячейки общества по большей части влияют взаимоуважение и любовь [4], то для продолжительных и устойчивых отношений важным является экономическое состояние домохозяйства. Для характера отношений, согласно экономике семьи, — имеет значение разделение труда (вклад супругов в семейный бюджет и распределение домашних обязанностей), распределение благ (семейного бюджета) и процесса принятия решений (роли во владении экономическими ресурсами, принятие решений о тратах). Сохраняется условное определение внутреннего и внешнего для семьи контура жизнедеятельности: на «внешних рубежах» — безопасность, социальные связи, материальное обеспечение, на внутренних — взаимоотношения, психологический климат, быт, дети. В патриархальной модели, как правило, внутренние заботы — это женская прерогатива, внешние — мужская. Эгалитарность проявляется не в пресловутом равноправии, а в разделенной включенности обоих партнеров в оба контура жизнедеятельности семьи, что реализуется в большей степени молодыми людьми. Это отношения, свободные от «домостроевских» стереотипов, реализованные на внутренней гармоничности не разделения функций, а совместного их выполнения, взаимозаменяемости партнеров.

Несмотря на то, что у современной молодежи все чаще проявляется интерес к эгалитарному типу семьи, остаются все экономические основания для реализации патриархальных стереотипов, в которых мужчина является главным добытчиком и главой семьи. Так, согласно гендерным исследованиям, женщины принимаются за работу на низкооплачиваемые должности и получают значительно меньшую заработную плату, чем мужчины [13]. В Вологодской области нет гендерного равенства уровня заработной платы в организациях практически всех видов экономической деятельности. В «мужских» (с наибольшей концентрацией мужчин) видах экономической деятельности, в рамках отдельно взятого вида деятельности, заработная плата мужчин существенно выше, чем женщин [11].

По данным опроса, проведенного аналитиками ВЦИОМ накануне международного женского дня в 2018 г., образ мужчины как единственного добытчика в семье пошатнулся, т. к. женщины тоже зарабатывают деньги, осознают свою важность в этом вопросе, и, что немаловажно, прилагают усилия к грамотному распределению бюджета. Вместе с тем

Таблица 1

По Вашему мнению, какой вклад в общий семейный бюджет должна вносить женщина?	
Среднее значение по ответам всех опрошенных	38 %
Среднее значение по ответам мужчин	32 %
Среднее значение по ответам женщин	43 %

Респонденты отмечали процент от 0 до 100, где 0 — «совсем не должна обеспечивать семью», а 100 — «должна полностью обеспечивать семью» (закрытый вопрос, один ответ, среднее значение в % по ответам всех опрошенных, назвавших процент).

Источник: Равенство в семье: от деклараций — к реальности? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735 (дата обращения: 7.05.2020).

Таблица 2

По Вашему мнению, какой вклад Вы вносите в общий бюджет Вашей семьи/пары?	
Среднее значение по ответам мужчин	75 %
Среднее значение по ответам женщин	45 %

Респонденты отмечали процент от 0 до 100, где 0 — «совсем не обеспечиваю семью», а 100 — «полностью обеспечиваю семью» (закрытый вопрос, один ответ, среднее значение в % по ответам женатых, проживающих вместе, встречающихся, назвавших процент).

Источник: Равенство в семье: от деклараций — к реальности? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735 (дата обращения: 7.05.2020).

мужчины продолжают считать, что их вклад в бюджет куда более значителен: они считают, что женщина должна вносить в общий бюджет треть (32 %); женщины же оценивают, что их вклад в среднем должен составлять 43 % (табл. 1).

Те мужчины, которые уже находятся в отношениях, считают, что их вклад еще более существенен и составляет 75 % бюджета семьи/пары, а женщины оценивают свои усилия в обеспечении семьи скромнее (45 %) (табл. 2).

Таким образом, для мужчин существует намного больше условий для формирования основной части семейного бюджета. Следует учесть еще и то, что при патриархальном сюжете развития брачно-семейных отношений женщина берет на себя большую часть домашних обязанностей и забот о детях. Зачастую это вынуждает ее соглашаться на сокращенный режим работы, снижение должности или менее оплачиваемую позицию, а также накладывает ограничения на ее участие в экономическом обеспечении семьи.

Несмотря на то, что функция мужчины как кормильца определяет смыслы мужских и женских ролей, они пересматриваются и переоформляются в повседневных взаимодействиях [5]. Так, в рамках социологического опроса, проведенного в Вологодской области в 2017 г., было выявлено несоответствие определения гендерных ролей в браке и их реального воплощения: мужчина уже не считается единственным добытчиком и главой семьи: 19,1 % респондентов полагают, что женщина должна выполнять роль главы семьи, а 54,7 % женатых мужчин констатируют, что в их семье жена

уже является главой. Обязательной роль добытчицы для женщины считают только 20,9 % мужчин, а почти 59 % отмечают, что женщина реально выполняет такую роль. Помимо этого, главными женскими ролями являются роли матери, сексуального партнера, хранительницы очага и хозяйки [8].

Экономические основания брачно-семейных отношений претерпевают изменения, это оказывает влияние на характер распределения обязанностей и выполнения различных функций супругами, в том числе роли родителя. По причине низкого уровня жизни семей с детьми [9] и гендерной дискриминации на рынке труда, когда за мужчиной все еще закреплен образ основного кормильца семьи и добытчика, формируется фон для «вторичности» роли отца в восприятии как самих мужчин, так и женщин. Для семей же с высоким уровнем дохода важным становится задача его сохранения и преумножения, что тоже накладывает свои отпечатки и формирует дистанцированный характер отцовства. Поэтому основой для детерминации модели отцовства становится внутренняя потребность мужчины, степень его желания участвовать в воспитании детей.

Представляется, что в зависимости от участия мужчины в обеспечении семьи в воспитании и уходе за ребенком могут быть выделены следующие типы (модели) поведения современных отцов:

1) мужчина является единоличным добытчиком и кормильцем семьи, функции родителя выполняются только матерью. Вклад женщины в материальное обеспечение семьи минимален либо обесценивается. Классический патриархальный сюжет, при котором выполнение традиционно «женских» функций, включая домашние обязанности, воспитание и уход за детьми, воспринимается мужчинами как «слабость» и «женоподобие»;

2) мужчина вносит больший вклад в семейный бюджет и при этом частично выполняет родительские функции. Вклад женщины в материальное обеспечение семьи может признаваться либо обесцениваться. Существенная часть родительских функций перекладывается на мать, отец занимается ребенком при наличии желания и сил;

3) мужчина вносит паритетный с женщиной вклад в обеспечение семьи, супруги на равных участвуют в воспитании и уходе за детьми. Это эгалитарный вариант — полное равноправие партнеров в семье;

4) мужчина либо вносит меньший вклад в семейный бюджет, либо вовсе не участвует в его формировании, а большую часть времени посвящает исполнению роли отца. Обеспечение семьи лежит на плечах женщины;

5) мужчина не участвует ни в обеспечении семьи, ни в выполнении своих родительских функций.

Безусловно, конструкты данных моделей поведения отцов могут быть характерны только для полных семей с двумя родителями, поведение же отцов при других типах семей требует дополнительного углубленного изучения.

Частично подтверждение наличию данных типов поведения отцов было получено в ходе качественных интервью, проведенных в Вологодской области и Республике Татарстан. Предлагалось ответить на вопросы «*Кто из супругов должен больше заниматься воспитанием детей? Почему? С чем это связано?*»

Выявились три типа поведения отцов в рамках, предложенных в качестве гипотезы.

1. Первый тип: «…Женщина в большей степени. Я как мужчина материально обеспечиваю. Могу, конечно, контролировать поведение старшей [дочери]. Но и то, она не всегда слушается» (мужчина, Республика Татарстан, 35 лет, женат, двое детей).

2. Второй тип: «…Ну и должно быть так, наверное, и так получается, что женщина. Во-первых, у детей больше связь и психологическая, и биологическая, начиная от кормления грудью. Ну и понятно, она больше дома, государство дает декретный отпуск. Мужчина должен, тем более, что непростая экономическая ситуация, зарабатывать, чтобы материально обеспечить… Вот я знаю, родился ребенок, и муж уехал на 6 месяцев на заработки. Как он может участвовать? Один приходит с работы в 10–11 ночи, потом опять в 5–6 встает и на работу. Практически, если даже мужчина захочет, он не сможет это сделать. Но если мужчина дома, то почему и нет» (мужчина, Республика Татарстан, 38 лет, женат, двое детей).

3. Третий тип: мужчина-бизнесмен, обеспечивает семью, ставит ценность материального обеспечения на второе место после семьи, жена также работает, на вопрос о необходимости помощи мужчины при уходе за ребенком отвечает: «Грубо говоря, должны друг дружке помогать. Жить должны дружно. Если у меня на работе аврал, а я все бросаю и бегу пеленки менять? Глупость. А если я пришел с работы, а жена устала, то почему бы не поменять пеленки или покормить ребенка, чтобы жена отдохнула. Обоих сыновей я пеленал, потому что кроме меня никто не мог их нормально запеленать. Я — старший брат, поэтому у меня был опыт в уходе за детьми. Проблем никаких в этом плане не было» (мужчина, Республика Татарстан, 45 лет, женат, двое детей).

Другие типы отцов не попали в выборку интервью, однако респонденты указали на наличие таких типов отцов среди своих знакомых: «…в моем окружении есть разные отцы, у знакомой муж зарабатывал немного и теперь занимается детьми, а жена работает, так как зарабатывает больше его».

Встречались также и интервьюеры, в ответах которых наблюдались противоречия. Например, мужчина из Вологодской области 39 лет, женат, имеет двоих детей, проживает в городе, воспринимает помощь жене с грудным ребенком как выполнение хозяйственной части дел по дому «…– Должен ли мужчина помогать своей супруге в уходе за грудным ребенком? Почему? — Да. Вообще должен помогать. Если люди живут в квартире вместе. Почему одна должна пол мыть, а второй не должен. Она взяла

белье, постирала для всех и все. Почему… Я никогда не видел для себя проблем погладить белье, там, вымыть пол. Если вот он грязный. Мне проще вымыть, чем жену заставить», но при этом при ответе на вопрос о том, как должны распределяться домашние обязанности супругов, отвечает, что его забота — обеспечивать семью: «А мужские обязанности — на работу сходить, денег принести. — Как это не домашние? Я же для дома зарабатываю. Пока я на работе, все от меня отдыхают».

На данный момент представленная типология поведения отцов является гипотетической и будет проверяться социологическими методами в 2020 г. в ходе проведения массового опроса мужчин. Предполагается проведение анализа с использованием экономико-математических методов для проверки гипотезы, выявление типов поведения отцов в зависимости от их вклада в бюджет семьи, их распространенности и факторов, влияющих на выбор стратегии поведения мужчиной, действующих в обществе стереотипов отцовства. Полученная информация ляжет в основу разработки системы комплексных рекомендаций для различных социальных институтов по увеличению рождаемости и стабилизации демографической ситуации в стране и ее регионах за счет активизации вовлечения отцов в процессы планирования и воспитания детей.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19–011–00644 «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)».

Список источников

1. *Безрукова О. Н.* Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130.

2. *Безрукова О. Н., Самойлова В. А.* «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90–101. DOI: 10.31857/S013216250005796–8.

3. *Давлетшина Л. А.* Методологические основания анализа генеративного поведения мужчин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. Спецвыпуск. 2019. № 1. С. 51–55.

4. Динамика населения России в XXI веке. Социодемографический анализ / А. А. Шабунова, О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, В. Н. Барсуков, Л. Н. Нацун, И. Н. Разварина, М. А. Груздева. Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 275 с.

5. *Здравомыслова О. М.* Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М. : УРСС. 2003. 152 с.

6. *Ильдарханова Ч. И.* Отцовство как социально конструируемый феномен: гендерный аспект // Социодинамика. 2019. № 12. С. 162–169. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31492 (дата обращения: 10.05.2020). DOI: 10.25136/2409–7144.2019.12.31492.

7. *Ильдарханова Ч. И., Барсуков В. Н.* Состояние и трансформация института отцовства: обзор зарубежных исследований // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (40), № 6. С. 211–225. DOI 10.23683/2227–8656.2019.6.14.

8. *Калачикова О. Н., Груздева М. А.* Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (На материалах социологического исследования) / Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С.64–76. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.6.

9. *Калачикова О. Н., Груздева М. А.* Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 2. С. 147–160. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.9 (WoS).

10. *Карельская Л. П.* Тенденции развития современного института отцовства // Наука и образование: современные тренды. 2015. № 10. С. 30–38.

11. *Лысов А. Г., Захарова И. В., Иванчикова Т. Н.* Положение женщин и мужчин в Вологодской области (гендерный аспект) // Социальное пространство. 2018. № 3 (15). 28 с. DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.8.

12. *Мальцева Д. В.* Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 272–289.

13. *Шабунова А. А., Попов А. В., Соловьева Т. С.* Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 124–144. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7.

Информация об авторах

Калачикова Ольга Николаевна (Россия, г. Вологда) — канд. экон. наук, зам. дир., зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А; e-mail: onk82@yandex.ru).

Груздева Мария Андреевна (Россия, г. Вологда) — канд. экон. наук, старший науч. сотрудник, зав. лабораторией исследования проблем управления в социальной сфере ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru).

O. N. Kalachikova, M. A. Gruzdeva

Determining of Fatherhood Models: Economic Approach

In the article presents an analysis of the economic grounds for the variability of fatherhood models of Russian men. A hypothesis has been put forward that there is a connection between the contribution to the material support of the family and the implementation of paternal functions, supported by objective reasons from the family point of view and determining the preservation of patriarchal stereotypes in building parent-marital relations. A typology of the behavior patterns of modern fathers is proposed depending on their contribution to the material support of the family.

Keywords: fatherhood, generative behavior, demographic development, economic grounds for highlighting models of fatherhood

Authors

Kalachikova Olga Nikolaevna (Russia, Vologda) — Candidate of Economics, Deputy Director, Head of the Department of the Federal State Budget Institution of Science «Vologodskiy Scientific Center of theRussian Academy of Sciences» (160014, Vologda, Gorkogo Str. 56A; e-mail: onk82@yandex.ru).

Gruzdeva Mariya Andreevna (Russia, Vologda) — Candidate of Economics, Senior Researcher, Head of Laboratory of the Federal State Budget Institution of Science «Vologodskiy Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», (160014, Vologda, Gorkogo Str. 56A; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 19–011–00644.

References

1. Bezrukova O. N. Paternity in a transforming society: expectations of mothers and fathers practice // Sociological studies. 2013. No. 11. P. 118–130.

2. Bezrukova O. N., Samoilova V. A. "Dad for love" and "dad involuntarily", or why Russian fathers do not go on parental leave? // Sociological studies. 2019. No. 7. P. 90–101. DOI: 10.31857 / S013216250005796–8.

3. Davletshina L. A. Methodological foundations of the analysis of generative behavior of men // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Sociology. Pedagogy. Psychology. Special issue. 2019. No. 1. P. 51–55.

4. The dynamics of the population of Russia in the XXI century. Sociodemographic analysis / A. A. Shabunova, O. N. Kalachikova, A. V. Korolenko, V. N. Barsukov, L. N. Natsun, I. N. Razvarina, M. A. Gruzdeva. Vologda : FGBUN VolSC RAS, 2018. 275 p.

5. Zdravomyslova O. M. Family and society: gender dimension of the Russian transformation. M. : URSS. 2003. 152 p.

6. Ildarkhanova Ch. I. Fatherhood as a socially constructed phenomenon: gender aspect // Sociodynamics. 2019. No. 12. P. 162–169. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31492 (accessed: 10.05.2020). DOI: 10.25136 / 2409–7144.2019.12.31492.

7. Ildarkhanova Ch. I., Barsukov V. N. The State and Transformation of the Institute of Paternity: A Review of Foreign Studies // Humanitarian of the South of Russia. 2019. Vol. 8 (40), No. 6. P. 211–225. DOI 10.23683 / 2227–8656.2019.6.14.

8. Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A. Gender stereotypes in a modern family: women and men (Based on a sociological study) / Woman in Russian society. 2019. No. 1. P. 64–76. DOI: 10.21064 / WinRS.2019.1.6.

9. Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A. Social vulnerability of families with children in modern Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2019. Vol. 12, No. 2. P. 147–160. DOI: 10.15838 / esc.2019.2.62.9 (WoS).

10. Karelian L. P. Development Trends of the Modern Institute of Paternity // Science and Education: Modern Trends. 2015. No.10. P. 30–38.

11. Lysov A. G., Zakharova I. V., Ivanchikova T. N. The situation of women and men in the Vologda Oblast (gender aspect) // Social space. 2018. No. 3 (15). 28 p. DOI: 10.15838 / sa.2018.3.15.8.

12. Maltseva D. V. Theoretical approaches to the study of fatherhood in modern Western sociology // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2010. No. 5 (99). P. 272–289.

13. Shabunova A. A., Popov A. V., Solovieva T. S. The potential of women in the regional labor market // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. Vol. 10, No. 1. P. 124–144. DOI: 10.15838 / esc.2017.1.49.7.

УДК 314.3

И. А. Кулькова

ВЕСОМОСТЬ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА КАК ФАКТОРА СОКРАЩЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ[1]

Целью статьи является анализ причин снижения рождаемости в Российской Федерации в последние годы и выявление негативного вклада такого события, как повышение пенсионного возраста, в тенденции рождаемости в России. Рассчитан вклад каждой из двух причин снижения рождаемости: сокращения численности женщин в фертильном возрасте и снижение числа детей, рожденных одной женщиной на протяжении всего репродуктивного периода. Выявлено, что негативное влияние второго фактора в два раза выше, чем влияние первого фактора. Доказано взаимовлияние процессов рождаемости и происходящих социально-экономических и политических событий, на основе этого определена социально-экономическая природа сокращения суммарного коэффициента рождаемости. Описаны результаты проведенного автором контент-анализа основных социальных, экономических и политических новостей в России и в мире в годы снижения показателей рождаемости. Выявлено негативное влияние на рождаемость появления информации о повышении пенсионного возраста в России, обоснована взаимосвязь рождаемости с пенсионной реформой. На основе исследования сделан прогноз изменения показателей рождаемости на ближайшие два года.

Ключевые слова: рождаемость, повышение пенсионного возраста, причины сокращения рождаемости, депопуляция, суммарный коэффициент рождаемости, прогноз сокращения рождаемости

Рождаемость является важнейшим не только демографическим, но и социально-экономическим процессом, который, в том числе, влияет на политику и культуру. В свою очередь социально-экономическая ситуация в значительной мере влияет на рождаемость. Влияние рождаемости на экономику объясняется тем, что, во-первых, именно человеческие ресурсы выступают важнейшим фактором любого производства, тем более процесса оказания услуг [2]. Даже в безлюдных производствах именно люди настраивают технику и управляют ею. В современных условиях конкурентоспособность любой компании определяется не оборудованием и технологией, а количеством квалифицированного персонала. Во многих производствах сегодня наблюдается процесс постарения персонала, вызванный отсутствием достаточного числа работников молодого возраста на рынке труда, и одной из причин сложившейся ситуации является демографическая яма 1990-х гг.

Во-вторых, население, начиная с момента рождения, является потребителем товаров и услуг, т. е. именно люди определяют спрос. Соответственно, если численность населения территории сокращается

[1] © Кулькова И. А. Текст. 2020.

вследствие сокращения рождаемости, то снижается и совокупный спрос на товары и услуги, а следом сокращается и производство.

В-третьих, именно коренное население, родившееся на данной территории, обеспечивает спрос на традиционные для территории производства и услуги. Миграция приносит изменения в структуру спроса, что вызывает кризис в традиционных отраслях, а любой кризис в момент его стремительного развития неблагоприятно влияет на экономику.

Именно в силу своей важности вопросы рождаемости постоянно находятся в поле зрения руководства регионов [4] и страны в целом [9], принимаются экономические меры, направленные на повышение рождаемости. В частности, Федеральным законом № 35-ФЗ от 01.03.2020 г. увеличен размер материнского (семейного) капитала, расширен перечень его получателей — материнский капитал в размере 466 617 руб. смогут получить семьи, в которых, начиная с 01.01.2020 г., родился первый ребенок, а маткапитал на второго и последующих детей составит 616 617 руб. Об эффективности данных мер можно будет судить только с 2021 г., поскольку необходимо выждать время для появления ребенка.

На момент написания статьи мы можем судить лишь о ситуации с рождаемостью на конец 2019 г., которая продолжает тенденцию к снижению [6]. На рисунке 1 представлены основные показатели рождаемости в России за 12 лет. Данные статистики показывают, что численность рожденных детей, начиная с 2014 г., неуклонно снижается. Если проанализировать показатель рождаемости не в абсолютных величинах, а в относительных (в расчете на 1000 жителей), то в период с 2012 по 2015 гг. коэффициент рождаемости был стабилен и составлял 13,3, но начиная с 2016 г. относительный показатель также имел неуклонную тенденцию к снижению и в 2019 г. составил всего лишь 10,1, т. е. за 4 анализируемых года он снизился на 24,1 %.

Основной причиной снижения рождаемости называют сокращение численности женщин фертильного возраста [10]. Действительно, по данным статистики численность женщин в возрасте от 15 до 49 лет в России снизилась с 37 527,89 тыс. чел. до 34 683,4 тыс. чел., т. е. на 7,6 %. Если же посмотреть динамику численности женщин в возрасте от 20 до 39 лет (когда наиболее высока вероятность рождения детей), то здесь снижение еще сильнее: с 22 717,7 до 20 756,74 тыс. чел, т. е. на 8,6 %. Тем не менее, рассчитанное автором снижение не соответствует общему снижению коэффициента рождаемости и может объяснить лишь треть снижения рождаемости.

Другой, судя по статистике, более важной причиной снижения рождаемости является снижение суммарного коэффициента рождаемости, то есть числа детей, рожденных одной женщиной на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) [8]. Динамика данного коэффициента также представлена на рисунке 1. Данные рисунка наглядно показывают, что этот показатель увеличивался в период с 2012 по 2016 гг., однако, начиная с 2017 г., наблюдается его значительное сокращение. За три

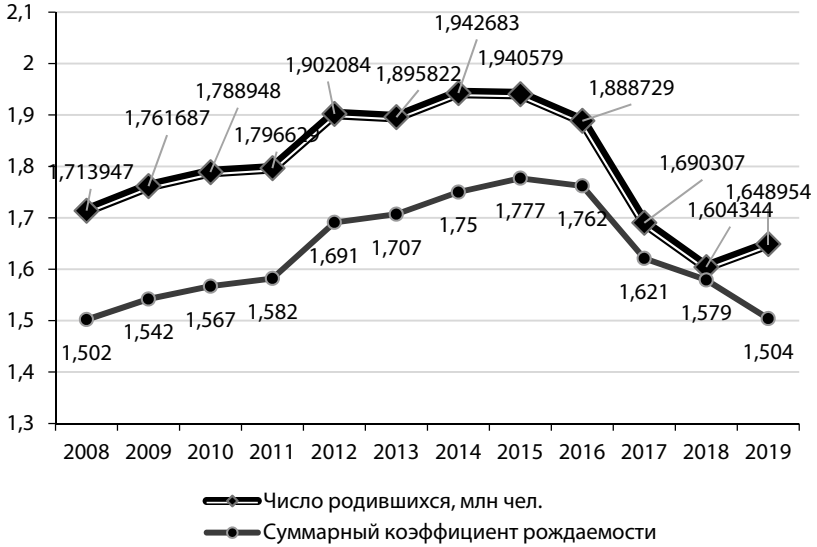

Рис. 1. *Основные показатели рождаемости в России за период с 2008 по 2019 гг. (Составлено автором по данным Росстата: Демографический ежегодник России 2019, Официальная статистика. Население. Демография. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/10705 (дата обращения: 27.04.2020))*

года данный показатель снизился с 1,76 до 1,5, то есть на 15 %, что, вероятно, и явилось причиной столь значительного снижения коэффициента рождаемости. Указанные причины усиливают действие друг друга, поэтому для определения суммарного воздействия этих причин необходимо не суммировать, а перемножать коэффициенты, что доказывают и расчеты автора:

$$1{,}076 \times 1{,}15 = 1{,}24 \text{ или } 24\ \% \text{ снижения численности рожденных.}$$

Однако показатель суммарного коэффициента рождаемости не является самостоятельной причиной, поскольку желание женщин иметь более одного ребенка зависит от множества причин, природа которых является социальной и/или экономической.

Динамика показателя суммарного коэффициента рождаемости показывает, что введение санкций против Российской Федерации не повлияло на показатели рождаемости, поскольку ни в 2015 г., ни в 2016 г. данный показатель не снизился. Резкое падение показателя можно наблюдать в 2017 г., поэтому мы проанализировали основные события в России и мире, произошедшие в 2016 г. Лента новостей о событиях в России была довольно спокойной, за исключением введения комплекса законов «Пакет Яровой», который вызвал серьезную критику в нарушении

прав человека, и создания Росгвардии. В 2016 г. спокойно прошли выборы в Государственную Думу, были ограничены действия коллекторов, арестованы несколько известных личностей по обвинению в коррупции, что население в целом поддерживает. Проблема сокращения рождаемости в 2017 г. кроется в событиях, произошедших за пределами нашей страны: убийство российского посла в Турции, вызвавшее боязнь начала военных действий, в которые будет втянута Россия; попытка военного переворота в Турции; масштабные теракты в Европе; землетрясение в Италии; проведение референдума по «Брекзит»; выборы Президента в США. Все эти и многие другие негативные события сеяли страх, показывали небезопасность человеческой жизни и поэтому способствовали откладыванию беременностей или отказу от них.

Поскольку 2017 г. был относительно спокойным, показатель суммарного коэффициента рождаемости в 2018 г. показал тенденцию к стагнации, а затем опять серьезно упал в 2019 г. Анализ социально-экономического фона в 2018 г. показывает, что негативных событий было крайне мало, наоборот, в этот год успешно прошли выборы Президента РФ, где действующего Президента поддержали 77 % избирателей, пришедших на голосование, при высоком уровне явки; был запущен автомобильный мост, соединяющий Крым с Россией; успешно прошел в России Чемпионат мира по футболу, где наша команда впервые дошла до ¼ финала. Зарубежные ленты новостей обсуждали, в основном, приятные события: потепление отношений Северной и Южной Кореи, разрешение водить машину женщинам Саудовской Аравии, свадьбу принца Гарри и Меган Маркл, вручение премии Оскар. Из более или менее значимых негативных событий можно выделить только пожар в ТЦ «Зимняя вишня» в Кемерово, где погибли, в том числе, дети, однако после этого несчастного случая были проверены все торговые центры в России, контроль над безопасностью усилился. Единственным событием, произошедшим в середине 2018 г., которое можно назвать причиной снижения суммарного коэффициента рождаемости в 2019 г., является повышение пенсионного возраста. Именно его можно считать причиной отказа женщин от рождения (еще одного) ребенка, что выразилось в снижении показателя на 5 % в год, и это при том, что само внедрение пенсионной реформы осуществлялось на следующий год (с 1 января 2019 г.).

Негативное влияние повышения пенсионного возраста на рождаемость объясняется тем, что, во-первых, удлинение трудовой жизни на 5 лет не позволит бабушкам и дедушкам полноценно помогать в воспитании и присмотре за детьми, что является важнейшим фактором рождаемости для некоторой части молодых девушек [3], что доказывают и появляющиеся научные исследования [5]. Кроме того, продолжение работы лицами старших возрастов будет ужесточать ситуацию на рынке труда, увеличивать сложности трудоустройства молодежи [7], что может усилить их страх потерять работу из-за рождения ребенка и отказ от рождения

в пользу построения карьеры. В целом пенсионная реформа дестабилизирует социально-экономическую обстановку в стране, что также снижает рождаемость [1].

На основе названных факторов можно прогнозировать дальнейшее снижение показателей рождаемости в 2020 г., что будет вызвано вовсе не разворачивающейся пандемией COVID-19, которая началась в России с апреля 2020 г. и может повлиять лишь на показатели рождаемости в 2021 г., а именно началом реализации пенсионной реформы, поскольку иные негативные социальные факторы, имевшие место в 2019 г., такие как пожар в самолете, взрыв на химзаводе и на военном складе, наводнение в Сибири и пожары в Красноярском крае носят частный характер, то есть не затрагивают большинство населения страны.

Таким образом, проведенный анализ причин снижения рождаемости, наблюдаемого в России в последние три года, выявил значительный вклад в процесс повышения пенсионного возраста, наряду с сокращением численности женщин в фертильном возрасте. Взаимовлияние процессов рождаемости и социально-экономических процессов показало социальную природу снижения числа детей, рожденных одной женщиной. Проведенный автором контент-анализ основных российских и мировых социальных, экономических и политических событий в те годы, когда наблюдалось снижение рождаемости, позволило доказать негативное влияние повышения пенсионного возраста в России на рождаемость и сделать прогноз изменения показателей рождаемости на ближайшее время.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–010–00545 «Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость в России».

Список источников

1. *Борисова О. В.* Социальные причины снижения рождаемости и факторы ее стимулирования // Мат-лы Международной науч.-практ. конф. «Современная семья и проблемы семейного воспитания». 2008. С. 57–62.

2. *Вишневский А. Г., Щербакова Е. М.* Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 48–70.

3. *Вишневский А. Г., Щербакова Е. М.* Демография: за и против повышения пенсионного возраста // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. № 2 (42). С. 148–166.

4. *Короленко А. В.* Управление репродуктивным поведением населения: опыт региональнойдемографической политики // Human Progress. 2019. Том 5, Вып. 6. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_6/Korolenko.pdf (дата обращения: 27.04.2020).

5. *Кулькова И. А., Шарин В. И.* Изучение мнения женщин о влиянии повышения пенсионного возраста в России на их репродуктивное поведение // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 4. С. 38.

6. *Кудрина В. Г., Суслонова Н. В., Антонова И. В., Смирнова Т. Л., Журавлева Н. В., Барсукова Е. В.* Данные анализа демографической ситуации в регионе как основа формирования национального и федеральных проектов // Общественное здоровье и здравоохранение. 2019. № 3. С. 15–20.

7. *Мамедов А. А.* Особенности демографической ситуации в России в контексте перспектив развития рынка труда // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 1 (35). С. 99–105.

8. *Мосакова Е. А.* Рождаемость в России в XX–XXI веках: тенденции, факторы и причины // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 1, № 6. С. 99–107.

9. *Фаузер В.* Государственное регулирование рождаемости // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 5. С. 58–64.

10. *Шубат О. М., Караева А. П., Багирова А. П.* Воспроизводство населения Уральского федерального округа: демографические риски и перспективы динамики // Журнал «Human Progress». 2016. Том 2, № 3 URL: http://progress-human.com/images/2016/Tom2_3/Shubat_Karaeva_Bagirova.pdf (дата обращения: 27.04.2020).

Информация об авторе

Кулькова Инна Анатольевна (Россия, г. Екатеринбург) — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

I. A. Kulkova

The Importance of Retirement Age Increase as a Fertility Reducing Factor

The purpose of this article is to analyze the birth rate decline reasons in the Russian Federation in recent years and to identify the retirement age increase negative contribution to the birth rate trend in Russia. The contribution of both reasons (the number of fertile women decrease and the number of children decrease born by one woman throughout the entire reproductive period)for the fertility decline was calculated. It was revealed that the negative influence of the second reason is two times higher than the first one. The mutual influence of the birth rate processes and the ongoing socio-economic and political events has been proved, and the socio-economic nature of the total birth rate reduction has been determinedon this basis. The article describes the author's content analysis results about the main social, economic and political news in Russia and in the world during the birth rates declining period. The negative impact of information about the retirement age increase in Russia on fertility has been revealed, and the relationship between fertility and pension reform has been substantiated. Based on the study, a fertility rates changes forecast has been made for the next two years.

Keywords: fertility, retirement age increase, declining fertility reasons, depopulation, total fertility rate, fertility declineforecast

Author

Kulkova Inna Anatolyevna (Russia, Ekaterinburg) — Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya Str., 29; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 19–010–00545.

References

1. Borisova O. V. Social reasons for the decline in fertility and factors of its stimulation // Modern family and problems of family education. Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2008. P. 57–62.

2. Vishnevsky A. G., Shcherbakova E. M. Demographic brakes of the economy // Problems of Economics. 2018. No. 6. P. 48–70.

3. Vishnevsky A. G., Shcherbakova E. M. Demography: pros and cons of raising the retirement age // Journal of the New Economic Association. 2019. No. 2 (42). P. 148–166.

4. Korolenko A. V. Reproductive Behavior Management: Experience of Regional Demographic Policy // Human Progress. 2019. Vol. 5, Iss. 6. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_6/Korolenko.pdf (accessed: 27.04.2020).

5. Kulkova I. A., Sharin V. I. Studying the opinion of women on the impact of raising the retirement age in Russia on their reproductive behavior // Bulletin of Eurasian Science. 2019. Vol. 11. No. 4. P. 38.

6. Kudrina V. G., Suslonova N. V., Antonova I. V., Smirnova T. L., Zhuravleva N. V., Barsukova E. V. Analysis of the demographic situation in the region as the basis for the formation of national and federal projects // Public health and health care. 2019. No. 3. P. 15–20.

7. Mamedov A. A. Features of the demographic situation in Russia in the context of the prospects for the development of the labor market // Vector of Science of Togliatti State University. 2016. No. 1 (35). P. 99–105.

8. Mosakova E. A. Fertility in Russia in the XX-XXI centuries: trends, factors and causes // Economy and management: problems, solutions. 2016. Vol. 1. No. 6. P. 99–107.

9. Fauser V. State regulation of fertility // Problems of theory and practice of management. 2014. No. 5. P. 58–64.

10. Shubat O. M., Karaeva A. P., Bagirova A. P. Reproduction of the population of the Ural Federal District: demographic risks and dynamics prospects // Human Progress Journal. 2016. Vol. 2, No. 3 URL: http://progress-human.com/images/2016/Tom2_3/Shubat_Karaeva_Bagirova.pdf (accessed: 27.04.2020).

УДК 332.142.4:64.011.34(985)

В. Г. Логинов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ[1]

Цель данной статьи заключается в анализе формирования человеческого потенциала в районах Арктики с распределением населения на городское и сельское, коренное и пришлое, а также по этнической структуре, во взаимосвязи с развитием нефтегазовой и горнодобывающей отраслей. Приводятся данные по динамике численности и структуры населения районов Арктики в период с 1989 по 2019 гг. Подчеркивается роль как природно-климатического фактора в жизнедеятельности пришлого населения, так и роль промышленного освоения территорий в жизни коренного населения. Обозначены положительные и отрицательные стороны реализации региональных целевых программ.

Ключевые слова: арктические территории, природно-ресурсный район, человеческий потенциал, промышленное освоение, пришлое и коренное население, воспроизводство населения

Открытие месторождений полезных ископаемых в арктических районах, как правило, малозаселенных, обусловило миграционный приток населения из других территорий страны и быстрый его рост уже на первоначальном этапе строительства и подготовки их разработки. В результате этого процесса сформировался каркас городов и рабочих поселков, где сосредоточилось пришлое население, связанное с освоением природных ресурсов. Коренные народы в районах своего традиционного проживания оказались в сложном положении, т. к. были подвержены серьезным испытаниям в ходе промышленного освоения, которое оказало негативное влияние на их воспроизводство и хозяйственную деятельность. Особенно интенсивно рост численности пришлого населения, часть которого со временем становилась укоренившимися жителями, шел в районах разработки нефтегазовых ресурсов. В результате этого процесса человеческий потенциал природно-ресурсных территорий в настоящее время в структурном отношении представлен коренным, укоренившимся и пришлым населениями с различными установками в своей социальной и хозяйственной деятельности.

Ведущее место в АЗРФ принадлежит нефтегазодобывающим и горнодобывающим субъектам: Ненецкому (НАО) и Ямало-Ненецкому (ЯНАО) автономным округам и арктическим районам (субрегиону) Красноярского края: территории бывшего Долгано-Ненецкого (Таймырского) АО, с 2007 г. являющимся муниципальным районом Туруханского муниципального района и городского образования. Человеческий потенциал рассматриваемой территории представлен коренным (коренные малочисленные

[1] © Логинов В. Г. Текст. 2020.

народы Севера и старожильческое русскоязычное), укоренившимся (проживающим уже 2–3 поколения) и пришлым (новопоселенцы, живущие в пределах до 15 лет) населением, структура которого претерпела значительные изменение во времени (табл. 1).

Промышленный потенциал территории, представленный хозяйствующими субъектами нефтегазовой и горнодобывающей отрасли, базируется на месторождениях полезных ископаемых (ПИ) мирового уровня. По основным показателям экономического развития (производство ВРП, объем отгруженных товаров и др.) рассматриваемая территория занимает ведущее положение в АЗРФ. На ее долю приходится 73,8 % (в т. ч. на ЯНАО — около 57 %) валового регионального продукта, 74,4 объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, где ведущее место занимает добыча полезных ископаемых, на долю которой приходится 73 %, преимущественно нефти и газа (табл. 2).

Особое место принадлежит г. Норильску, на долю которого приходится около половины (49,8) обрабатывающих производств, 38,2 % объема работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство», и 17,5 % инвестиций в основной капитал Красноярского края. Главной отраслью традиционного хозяйства является оленеводство. На начало 2019 г. здесь было сосредоточено 1 211,5 тыс. гол. оленей, или около 80 % от их общего количества в АЗРФ. Площадь оленьих пастбищ составляет 1 025 тыс. кв. км, или половину площади этих административных образований.

Интенсивное промышленное освоение рассматриваемой территории в 1970-е и 1980-е гг. обусловило быстрый рост населения в результате притока, сопровождавшийся высоким миграционным оборотом, численность которого достигла своего пика в начале 1990-х гг. Затем в силу известных причин [1] начался ее спад, сопровождавшийся оттоком населения за ее пределы. По сравнению с концом советского периода численность населения снизилась на 113,9 тыс. чел., или на 12,2 %. При этом в ЯНАО произошел ее рост (9,4 %), а на остальных двух территориях — снижение, самое значительное — в арктической зоне Красноярского края — почти на 40 % (табл. 3).

В результате оттока населения в наибольшей степени пострадал г. Норильск (на одну треть) из-за оптимизации работающих на основном градообразующем предприятии ПАО «Норильскникель» и реализации корпоративной программы по переселению лиц пенсионного возраста в более благоприятные районы для проживания. В последние годы положительные сдвиги произошли в Красноярском субрегионе, где в муниципальных районах Таймырском и Туруханском сальдо миграции остается отрицательным при положительном естественном приросте населения. В Норильске произошла не только стабилизация численности населения, но даже небольшой рост. Единственным регионом, где, за исключением отдельных лет, происходил рост населения, остается Ямало-Ненецкий автономный округ. Здесь положительный естественный

Таблица 1

Характеристика нефтегазовых и горнодобывающих административных образований АЗРФ

Субъект РФ/МО	Площадь, тыс. км²	Плотность населения чел./100 км²	Численность населения, чел., на 1.01.2019 г.	Уд. вес городского, %
НАО	176,8	25	43 829	73,3
ЯНАО	769,3	70	541 479	83,9
Красноярский край	1095,6	21	228 943	90,7
Таймырский МР	879,9	3,6	31 627	67,9
Туруханский МР	211,2	7,4	15 660	28,2
ГО Норильск	4,5	4 037	181 656	100,0
Всего	2 041,7	40	814 251	85,2
Уд. вес, % в АЗРФ	55,0	61,5	34,0	88,9

Таблица 2

Объемы добычи ПИ, отгруженных товаров и ВРП

Субъект РФ/МО	Добыча ПИ, 2017 г.		Объем отгруженных товаров, млн руб., 2017 г.				ВРП, 2017 г., млн руб.
	Нефть, и конденсат, млн т	Природный газ, млрд м³	добыча ПИ	обрабатывающие пр-ва	обеспечение электроэнергией, газом	водоснабжение, водоотведение	
НАО	20,916	1,120	267 838	21 434	3 832	479	276 485,1
ЯНАО	50,848	560,086	1 911 722	346 799	58 693	10 388	2 461 442,8
Красноярский край	23,276	8,976	439 923	493 457	20 000	6 000	470 578,8
Всего	95 040	570,182	2 619 303	861690	82 525	16 867	3 208 506,7
Уд. вес в АЗРФ, %	99,0	100,0	74,4				73,8

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018. 694 с.

Таблица 3

Динамика численности населения, чел.

Субъект Федерации регион/субрегион*	1989 г.		На 01.01.2019 г.		2019 г. к 1989 г.	
	Всего	в т. ч. городское	Всего	в т. ч. городское	чел.	%
Ненецкий АО	53 912	34 336	43 829	32 108	-9 999	81,5
Ямало-Ненецкий АО	494 844	385 614	541 479	454 254	46 635	109,4
Красноярский край*	379 430	340 404	228 943	207 560	–150 065	60,3
Итого	928 186	760 354	814 251	693 922	–113 935	

прирост перекрывает отрицательное сальдо миграции. При этом следует отметить, что увеличение численности работающих в заполярных районах (Тазовском и Ямальском) при освоении нефтегазовых месторождений нисколько не повлияло на численность постоянного населения в силу использования рабочей силы, работающей по межрегиональной вахте.

Положительным моментом является в отличие от других регионов АЗРФ рост населения за счет положительного естественного прироста (на 19,5 тыс. чел.) по сравнению с итогами переписи населения 2010 г., который составил в Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах соответственно 18,7 и 1,2 тыс. чел., при незначительной убыли в Красноярском крае (–0,4 тыс. чел.).

В хозяйственной жизни региона активное участие принимает временный контингент рабочей силы — вахтовики, работающие по межрегиональной вахте и занимающие значительный удельный вес в добыче полезных ископаемых, строительстве и транспорте.

В январе 2019 г. человеческий потенциал нефтегазовых и горнодобывающих административных образований рассматриваемой территории составляет 814,3 тыс. чел., в т. ч. 693,2 тыс. чел. проживает в городских поселениях, что составляет соответственно 34 и 32,5 % от их численности в АЗРФ. Это свидетельствует о высоком уровне урбанизации как в целом (85 %), так и по отдельным административным образованиям — 91 % Красноярский край и 73 % Ненецкий АО. Здесь расположено три крупных (св. 100 тыс. жит.) города: Норильск (181,7 тыс. чел.), Новый Уренгой и Ноябрьск (ЯНАО, соответственно 116,9 и 106,1 тыс. чел.). Остальные 7 городов имеют численность населения менее 50 тыс. чел. (исключение Салехард — 50,3 тыс. жит.). Крупные города являются базовыми для освоения и разработки нефтегазовых и горнорудных месторождений. К базовым центрам относятся также Салехард, Надым (ЯНАО) и Нарьян-Мар (НАО). Через базовые населенные пункты ежегодно проходят потоки работающих по межрегиональной вахте свыше 100 тыс. чел., составляющие значительную часть рабочей силы, занятой в добыче полезных ископаемых, строительстве и транспорте, особенно в периферийных заполярных районах ЯНАО.

Помимо непосредственно жителей городов к городскому населению относятся жители рабочих поселков (пгт.), численность населения которых в постсоветский период значительно уменьшилась (табл. 4).

Уменьшение численности населения произошло вследствие сокращения числа пгт. с 15 до 7 единиц, что было связано с их закрытием из-за отработки месторождений полезных ископаемых, повышения до статуса «город» или, наоборот, перевода в сельский населенный пункт из-за резкого снижения числа проживающих. Вследствие уменьшения их количества и людности численность жителей в них снизилось на 67,6 %, или на 75,8 тыс. чел., а в относительной доле городского населения — с 14,8 до 5,2 %.

На этом фоне для городов положение выглядит благополучно: к 2019 г. число жителей в них превысило таковую с 1989 г. на 9,4 тыс. чел.

Таблица 4

Динамика городских поселений Арктики по данным переписей, чел./ед.

Регион, субрегион*	1989 г.		2010 г.		На 1.01.2019 г.	
	города	пгт.	города	пгт.	города	пгт.
Ненецкий АО	20 012/1	14 324/3	21 296/1	7 364/1	24 827/1	7 281/1
Ямало-Ненецкий АО	301 595/5	84 019/9	407 821/8	35 123/5	426 332/8	27 922/4
Красноярский край*	326 516/5	13 888/3	203 691/3	2 544/3	206 345/3	1 215/2
Всего	648 124/11	112 231/15	632 808/12	45 031/9	657 505/12	36 418/7
Уд. вес, %	85,2	14,8	93,4	6,6	94,8	5,2

Рассчитано по источникам: 1989 г. — Итоги Всесоюзной переписи населения; 2010 г. — данные Всероссийской переписи населения.

Примечание: под чертой число городов и поселков городского типа (пгт.), ед.

Таблица 5

Удельный вес городов в общей численности городских поселений Арктики, %

Регион, субрегион*	1989 г.	2010 г.	2019 г.
Ненецкий АО	58,3	74,3	77,3
Ямало-Ненецкий АО	78,2	92,1	93,9
Красноярский край*	95,9	98,8	99,4
Районы Арктики	81,3	90,6	92,4

Рассчитано по источникам: 1989 г. — Итоги Всесоюзной переписи населения; 2010 г. — данные Всероссийской переписи населения.

Примечание: под чертой число городов и поселков городского типа (пгт.), ед.

при увеличении их количества на единицу. Половина из городов располагается на широте Полярного круга либо в Заполярье с общей численностью 307,8 тыс. чел. (на 1.01.2019 г.), или 46,8 % жителей городов. Самый крупный из них в 2019 г. — Норильск (181,7 тыс. чел.). Снижение количества городов с 5 до 3 единиц в Красноярском крае было обусловлено объединением городов Норильской агломерации (Норильска, Кайеркена и Талнаха) в один город. Появление 3 новых городов произошло в ЯНАО в результате приобретения пгт. Губкинский (1996 г.), Тарко-Сале (2004 г.) и п. Муравленко (1990 г.) статуса города.

Около половины населения (49,7 %) рассматриваемой территории в настоящее время сконцентрировано в 3 городах св. 100 тыс. жит. Изменение численности населения городов дифференцировано по регионам, но вектор их одинаков — рост в общей численности удельного веса городских поселений (табл. 5).

Более подробные данные Росстат публикует по городам с населением св. 100 тыс. жителей при меньшей численности только центров субъектов Федерации [1] с периодичностью раз в два года. На рассматриваемой территории такая информация имеется по пяти городам, общая численность населения в которых составляет 479,2 тыс. чел., или около 73 % от таковой

Таблица 6

Демографические показатели городов Арктики*

Город	Естественное движение, на 1000 чел.			Сальдо миграции, чел.	Возрастная структура населения, чел./%			Пенсионеров, чел./%
	Род.	Умер.	Естест. пр.		Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного	
Нарьян-Мар	17,4	7,4	10,0	33	6,0/24,4	14,5/58,9	4,1/16,7	8,5/36,6
Салехард	16,8	5,8	11,0	–244	12,0/24,5	31,4/64,1	5,6/11,4	11,3/23,1
Н. Уренгой	15,0	3,5	11,5	–1389	26,1/23,1	77,3/68,3	9,7/8,6	26,7/23,6
Ноябрьск	14,3	4,7	9,6	–1096	24,1/22,6	69,3/64,9	13,4/12,5	30,6/28,7
Норильск	14,5	5,9	8,6	–438	39,5/22,1	122,9/68,6	16,6/9,3	41,4/23,1

Рассчитано по: Основные социально-экономические показатели городов. 2018 : стат. сб. / Росстат. М., 2018. 433 с.

* среднегодовые показатели (2015–2017 гг.).

городов на рассматриваемой территории. Демографические показатели этих городов, с одной стороны, характеризуются положительным приростом населения, с другой стороны — отрицательным сальдо миграции, которое в отдельные годы бывает выше или ниже естественного воспроизводства (табл. 6).

Возрастная структура населения городов характеризуется высоким удельным весом молодых возрастов (22,1–24,5), что обусловлено относительно высоким уровнем рождаемости. Городское население отличается высокой долей трудоспособного населения (около или более 60 %), что позволяет обеспечить относительно низкий уровень нагрузки иждивенцев на работающее население. Обращает на себя внимание превышение в два и более раз численности и доли пенсионеров в сравнении таковой с лицами старше трудоспособного возраста. Это обусловлено более низкой возрастной ступенью выхода на пенсию («молодые» пенсионеры по возрасту) согласно трудовому законодательству и значительной численности работающих в отраслях с вредными условиями труда (добыча и переработка полезных ископаемых, на строительстве и транспорте). Еще один фактор, влияющий на численность пенсионеров и лиц старше трудоспособного возраста, связан с реализацией программ по их переселению в более благоприятные районы для проживания. Однако федеральные программы из-за отсутствия финансирования не могут обеспечить полноценный процесс. Более эффективны корпоративные программы (Норильск, нефтегазовые города ЯНАО), где этот вопрос решается в большей мере, о чем, в частности, свидетельствуют данные о доле этих групп населения в Норильске и Новом Уренгое. В настоящее время рост «стотысячников» стабилизировался, но продолжается в центрах регионов, особенно в столице Ямала.

Таблица 7

Численность и доля КМНС в населении административных образований АЗРФ

Субъект РФ/субрегион	Сельское население, всего, чел.,		КМНС, село, чел., 2010 г	Доля КМНС, в сельском населении, %	КМНС, чел., 2010 г.	
	2019 г.	2010 г.			Всего	Уд. вес сельского, %
НАО	11 721	13 969	5 735	41,9	7 504	76,4
ЯНАО	87 225	79 854	33 901	42,5	41 415	81,9
Красноярский кр.	21 383	23 113	9 317	40,3	11 498	81,0
Всего	120 329	116 935	48 953	41,9	60 417	81,0
Уд. вес, % в АЗРФ	45,4	41,8	68,6	27,6	66,7	68,6

Значительную часть населения в нефтегазодобывающей Арктике занимают коренные малочисленные народы Севера (КМНС), доля которых в сельской местности составляет 42 % (табл. 7).

Что касается изменения численности КМНС, то здесь ситуация неоднозначна. Наряду с ростом наиболее крупных из них по численности, самые малочисленные имеют тенденции к уменьшению. Позитивный рост идет в группе этносов-лидеров по численности: эвенов, эвенков, чукчей и особенно ненцев. Последний народ находится на грани выхода из когорты КМНС, т. к. уже в 2021 г., по нашей оценке, превысит количественный ценз, установленный для коренных малочисленных народов Севера в 50 тыс. чел. Характерной особенностью сельского национального населения является высокая доля кочующего населения, численность которого, по нашей оценке, составляет более 20 тыс. чел.

Для техногенного (пришлого) населения основным фактором, воздействующим на их жизнедеятельность, является природно-климатический, компенсировать его отрицательное воздействие в какой-то мере позволяет создание комфортных условий для проживания и уровень оплаты труда. На положение коренного населения наиболее сильное воздействие оказывает промышленное освоение территории их исконного проживания, вызывая негативные последствия экономического, экологического и социального характера. Экономическим последствием является снижение доходов КМНС от традиционной деятельности в результате отторжения и изъятия земель под техногенные нужды. Экологические последствия связаны не только с изъятием, но и с загрязнением земель, ростом выбросов в атмосферу и сбросов в водоемы, которые приводят к снижению природно-ресурсного потенциала — материальной базы сохранения и развития КМНС. В социальном отношении происходит вынужденная миграция, появление и рост ассимиляционных процессов, люмпенизации и алкоголизации молодого поколения, значительная часть которого не может адаптироваться к изменившимся условиям. Меняется репродуктивное поведение лиц, вступивших в детородный возраст, связанное с нехваткой невест в результате выросшей конкуренции из-за появления в местах

традиционного проживания молодых людей некоренной национальности, снижением рождаемости, ростом преждевременной смертности от неестественных причин. Увеличение численности населения за счет пришлого обусловливает также рост браконьерства. Особенно это касается запасов ценных пород рыб, воспроизводство которых в совокупности с загрязнением водоемов резко снизилось.

В целях обеспечения устойчивого развития коренных малочисленных народов помимо широкого перечня социальных мероприятий разрабатываются региональные целевые программы на кратко- и среднесрочный периоды. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе для формирования устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера утверждена комплексная программа «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе на 2018–2020 годы»[1].

Подобные программы существуют в Ненецком автономном округе и Красноярском крае. Основной недостаток региональных программ — это их упор на социально-культурное развитие, в то время как экономическую составляющую представляют преимущественно лишь текущие затраты. Пытаются наладить цивилизованные отношения с коренными народами Севера и добывающие корпорации, которые также разрабатывают программы и соглашения по взаимоотношению с КМНС. Хотя в данном случае это не совсем однозначно, т. к. краеугольным камнем этих документов является компенсация в натуральной и денежной форме, не всегда обеспечивающая потери для природы и коренного населения.

Таким образом, в результате процесса промышленного освоения природно-ресурсных районов Арктики был сформирован человеческий потенциал, представленный в настоящее время в структурном отношении коренным, укоренившимся и пришлым населением с различными установками в своей социальной и хозяйственной деятельности.

Благодарность

Статья подготовлена на основе исследований, финансируемых в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2020–2022 гг.

Список источников

1. Государственный доклад «О состоянии и охране окружающей среды в Красноярском крае в 2018 году». Красноярск, 2019. URL: http://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2018/12/545/ (дата обращения: 09.08.2019).

[1] Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе на 2018–2020 годы / Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 12.12. 2018 г. n 1271-п «Об утверждении комплексной программы «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе на 2018–2020 годы». URL: https://www.garant.ru/hotlaw/yamalonenecky/1234977/ (дата обращения: 09.08.2019).

2. Календарь публикации официальной статистической информации о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации в 2019 году (в соответствии с разделом 1. «Росстат» Федерального плана статистических работ). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/calendar1–2019.htm (дата обращения: 22.04.2019).

3. *Логинов В. Г., Балашенко В. В.* Срединный Арктический регион: ресурсы, социум экология и экономик. Екатеринбург : Институт экономик УрО РАН, 2014. 291 с.

Информация об авторе

Логинов Владимир Григорьевич (Россия, Екатеринбург) — доктор экономических наук, доцент, зав. сектором регионального природопользования и геоэкологии, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (20014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail:log-wg@rambler.ru).

V. G. Loginov

Demographic Potential of the Arctic Regions: Features of Formation

The discovery of mineral deposits in the Arctic regions, as a rule, sparsely populated, led to a migratory influx of people from other territories of the country and its rapid growth at the initial stage of construction and preparation for the development of mineral deposits. Because of this process, a skeleton of cities and workers' settlements was formed, where the newcomer population associated with the development of natural resources was concentrated. Indigenous peoples were in a difficult situation in the areas of their traditional residence, as they were subjected to serious tests during industrial development, which had a negative impact on their reproduction and economic activity. Particularly intense growth was in the number of newcomers, some of which over time became entrenched residents. This growth was in areas of development of oil and gas resources. As a result of this process, currently the human potential of natural resource territories is structurally represented by an indigenous, rooted and alien population with different attitudes in their social and economic activities.

Keywords: Arctic territories, natural resources regions, human potential, industrial development, alien and indigenous population, population reproduction

Author

Loginov Vladimir Grigorevich (Russia, Ekaterinburg) — Doctor of Economics, Head of the Sector for Regional Environmental Management and Ecology, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moscovskaya st. 29; e-mail: log-wg@rambler.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences for 2020–2022.

References

1. State report on the state and protection of the environment in Krasnoyarsk region in 2018. Krasnoyarsk, 2019. URL: http://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2018/12/545/ (accessed: 09.08.2019).

2. Calendar of publication of official statistical information on the socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation in 2019 (in accordance with section 1. «Rosstat» of the Federal Plan of Statistical Work). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/calendar1–2019.htm (accessed: 22.04.2019).

3. Loginov V. G., Balashenko V. V. Middle Arctic region: resources, ecology and economies. Yekaterinburg : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2014. 291 p.

УДК 314.04

В. А. Лопаева

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ, ФАКТОРЫ, МИРОВОЙ ОПЫТ[1]

Статья посвящена проблемам старения населения и многофакторности данного явления. Рассматриваются статистические данные и результаты социологических опросов населения в направлении развития человеческого потенциала, продолжительности жизни. В статье показаны взаимосвязи между факторными и результативными признаками, проведена оценка тесноты связи между явлениями (использован метод сопоставления, произведен расчет коэффициента Фехнера), сформулированы выводы. Проанализированы социально-экономические факторы, способные оказывать влияние на изменение рейтинга стран по продолжительности жизни, показаны различные типы систем здравоохранения и пенсионного обеспечения, используемые в странах-лидерах. Выдвинуто предположение о возможности использования второго демографического дивиденда.

Ключевые слова: проблемы старения, системы здравоохранения, продолжительность жизни, восприятие благополучия, качество жизни, пенсионные накопления, демографическая нагрузка, социально-экономические факторы

Проблемам старения населения в последнее время уделяется достаточно много внимания, что связано с многогранностью и многофакторностью данного явления, а также спецификой его влияния на мировые социально-экономические процессы.

По оценкам Организации Объединенных Наций, доля населения старше 65 лет в мире стремительно растет: увеличение составило с 6 % в 1990 г. до 9 % в 2019 г., с большой вероятностью к 2050 г. показатель достигнет 16 %.

Такая динамика, с одной стороны, является результатом достижений в развитии биотехнологий, геронтологии и репродуктивного здоровья человечества, с другой стороны, формирует социально-экономические вызовы и конфликты, связанные с нарастающей массой непроизводящего, но потребляющего населения.

В целях урегулирования сложных вопросов народонаселения в апреле 2002 г. в Мадриде на второй Всемирной ассамблее по проблемам старения был принят документ, определяющий ключевые направления деятельности по решению проблем старения населения на ближайшие 20 лет. Документ получил название Мадридский международный план действий по проблемам старения (Мадридский план действий)[2].

---

[1] © Лопаева В. А. Текст. 2020.

[2] Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program_ch1.shtml (дата обращения: 10.05.2020).

Основные приоритеты Мадридского плана действий были направлены на решение следующих задач:

— обеспечение безопасных условий жизни для пожилых людей;

— создание условий для участия пожилых людей в экономической, политической и социальной жизни общества;

— развитие индивидуальных способностей и творческого потенциала пожилых людей, обеспечение их благосостояния;

— оказание медицинской помощи пожилым людям, обеспечение их поддержки и социальной защиты.

В этом же документе, а также исходя из рекомендаций Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к категории «пожилых людей» принято относить всех, кому больше 60 лет. Вместе с тем индикаторы старения населения в странах с высоким, средним и низким уровнем социально-экономического развития значительно разнятся. Так, доля населения старше 60 лет в Японии составляет 33,3 %, в Индии — 8,9 %, в Уганде — 3,8 %.

Увеличение доли пожилых людей в составе населения в целом свидетельствует о достойном уровне здравоохранения, образования, социальной стабильности и финансовом благополучии. Старение же скорее биологический процесс, протекающий по-разному у различных людей и в различных группах.

Вместе с тем само понятие старости во многом определяется социальными и культурными факторами. Поэтому, хотя приведение данных по странам к единому 60-летнему стандарту и позволяет проводить объективные сравнения, следует проявлять гибкость и принимать во внимание местные условия при определении того, кого следует считать «пожилым населением» в той или иной стране. Этот подход имеет практические последствия [3].

Например, в таких странах, как Япония, те или иные меры и действия политики и программ в области старения, возможно, целесообразнее было бы ориентировать не на лиц старше 60, а на тех, кто старше 70 лет.

В странах, подобных Уганде, аналогичные меры и действия могут быть ориентированы на лиц моложе 60 лет.

Кроме того, при формировании категории «пожилого населения» важно ориентироваться и на так называемый «возраст здоровья», способный снизить или повысить возрастную планку, по мнению экспертов. Характер и степень разнообразия в группе пожилых людей варьируются от страны к стране и внутри них. Наиболее очевидные различия связаны с гендерной, этнической или племенной принадлежностью, местом жительства (городским или сельским), экономическим положением, состоянием здоровья и функциональных способностей, а также с уровнем образования, культурной и ментальной особенностью, экологией и климатическими условиями.

Рейтинги сравнения мировых держав по продолжительности жизни населения в 2019 г. сформированы в 4 возрастных диапазона (рисунок 1).

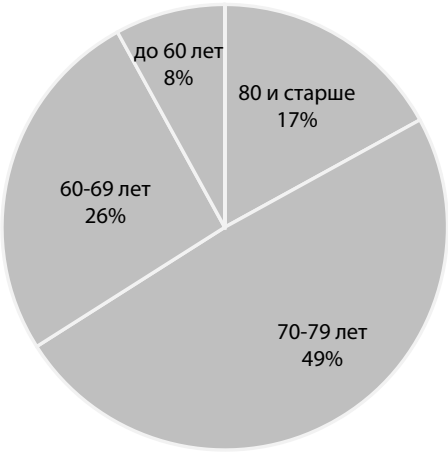

Рис. 1. *Средняя продолжительность жизни в странах мира (рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни. Гуманитарная энциклопедия: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2019 (последняя редакция: 27.12.2019). URL: https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info (дата обращения: 10.05.2020))*

Как видно из диаграммы на рисунке 1, в большинстве стран средняя продолжительность жизни колеблется в интервале от 70 до 80 лет, причем это европейские страны, страны Южной и Северной Америки, Ближнего Востока, Азии, постсоветские страны. В диапазоне от 60 до 70 лет расположились страны Океании и часть африканских стран.

Лидируют в рейтинге продолжительности жизни страны Европы, Гонконг, Япония, Сингапур.

Закрывают рейтинговые позиции африканские страны, средний индекс продолжительности жизни которых не достиг официальной границы старения.

Определим основные критерии, по которым можно дать оценку продолжительности жизни. ВОЗ определяет продолжительность жизни уровнем здравоохранения, климатическими условиями и экологией; по мнению ООН (доклад об ИРЧП), на продолжительность жизни также влияют уровень обеспеченности населения (ВНД на душу населения) и безопасность [3].

На самом деле, данный феномен имеет более глубокую и во многом глобальную основу. Продолжительность жизни — это синтез физиологических и социальных особенностей личности и степени ее индивидуального восприятия благополучия.

Так, считается, что здоровье и долголетие современного человека на 10 % зависит от здравоохранения, на 20 % — от генетики, на 20 % — от экологии и состояния окружающей среды, на 60 % — от образа и стиля

жизни[1]. Есть еще одно важное условие здорового долголетия — уровень образования и культуры, которые дают необходимую гигиеническую и медицинскую грамотность, воспитанность каждому человеку.

Не случайно в качестве критериев, оценивающих уровень продолжительности жизни, зачастую используют показатели качества жизни, полученные по результатам опроса населения, в том числе пожилых групп. Совместить официальную статистику и результаты социологических опросов попытались эксперты ООН.

Так, по средним характеристикам в течение всего жизненного цикла оценки состояния собственного здоровья у стран с разным уровнем дохода на душу населения уже после 60 лет разнятся на четверть [3].

Многие независимые информационные источники, например Economist Intelligence Unit, показывают прямое влияние качества жизни на рост данного показателя.

Существуют индексы восприятия индивидуального благополучия стран, которые применяют в своем докладе эксперты ООН [4]. Эти индексы рассчитаны на основании опросов респондентов по показателям, отражающим восприятие индивидами соответствующих измерений человеческого развития: качества медико-санитарной помощи, уровня жизни, личной защищенности, общей удовлетворенности жизнью.

Рассмотрим ключевые из них.

1. Удовлетворенность качеством медицинской помощи. Процент респондентов, которые ответили «удовлетворен/удовлетворена» на вопрос Всемирного опроса Гэллапа: «*Удовлетворены ли Вы или не удовлетворены доступностью качественной медико-санитарной помощи?*».

2. Удовлетворенность уровнем жизни. Процент респондентов, ответивших «удовлетворен/удовлетворена» на вопрос Всемирного опроса Гэллапа: «*Удовлетворены ли Вы или не удовлетворены Вашим уровнем жизни, всем, что Вы можете купить и сделать?*».

3. Ощущение безопасности. Процент респондентов, ответивших «да» на вопрос Всемирного опроса Гэллапа: «*Чувствуете ли вы себя в безопасности, когда прогуливаетесь в одиночестве ночью в городе или районе, в котором вы живете?*».

4. Удовлетворенность действиями по сохранению окружающей среды. Процент респондентов, которые ответили «удовлетворен/удовлетворена» на вопрос Всемирного опроса Гэллапа: «*Удовлетворены ли Вы или не удовлетворены усилиями по сохранению окружающей среды в Вашей стране?*».

Результаты данных опросов используем для характеристики продолжительности жизни и расчета показателя корреляции социально-экономических факторов с результативным показателем.

---

[1] Размещено на сайте ФБУЗ «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора.

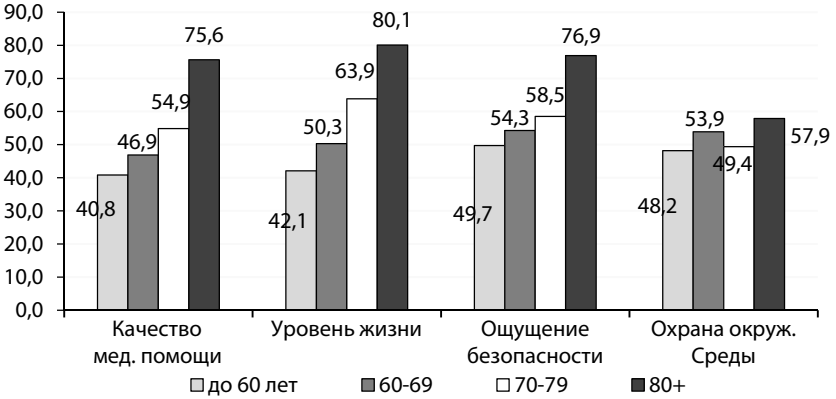

Рис. 2. *Индексы индивидуального благополучия в странах с различной продолжительностью жизни*

Оценка показателей производилась по 100-балльной шкале, а соотнесение итогов применялось к группировке стран по продолжительности жизни (рис. 2).

Попробуем соотнести наиболее значимые причины, влияющие на уровень долголетия в странах. Для этого воспользуемся методом корреляционного анализа и составим парные корреляции между значениями, определяющими качество медицинской помощи, уровня жизни, ощущения безопасности и охраны окружающей среды с продолжительностью жизни в этих странах.

Построение рядов подтверждает наличие корреляционной связи между определяющими факторами и результатом по всей совокупности, но в возрастных группах приоритеты меняются.

Так, наиболее важными факторами для долгожительства (старше 80 лет) являются уровень жизни, качество медицинской помощи и безопасность в стране проживания. Для категории 70–79 лет также важны возможности медицины, ощущение безопасности и материальное благополучие. Причем в обеих категориях уровень жизни стал определяющим для долгой и качественной жизни. Тем не менее, для граждан возрастной категории от 60 до 69 лет включительно приоритетами стали безопасность и хорошая экология места проживания. Такие же приоритеты у возрастной категории до 60 лет.

Как известно, показатели тесноты корреляционной зависимости можно использовать для решения таких задач, как:

1) определение необходимости изучения данного явления;
2) степень проявления связи в различных условиях;
3) определение величины влияния на результативный признак.

Наиболее простым вариантом расчета будет формула коэффициента корреляции знаков Фехнера:

$$K_{\Phi} = (N_a - N_b)/(N_a + N_b),$$

где N_a — число совпадений знаков, а N_b — число несовпадений знаков.

Коэффициент Фехнера может принимать различные значения в пределах от –1 до +1. Если знаки всех отклонений совпадут, то $N_b = 0$, и тогда показатель будет равен +1, что свидетельствует о возможном наличии прямой связи. Если же знаки всех отклонений будут разными, тогда $N_a = 0$, и коэффициент Фехнера будет равен –1, что дает основание предположить наличие обратной связи.

Линейный коэффициент корреляции принимает значения от –1 до +1.

Связи между признаками могут быть слабыми и сильными (тесными). Их критерии оцениваются по шкале Чеддока:

$0{,}1 < K_{\Phi} < 0{,}3$: слабая;

$0{,}3 < K_{\Phi} < 0{,}5$: умеренная;

$0{,}5 < K_{\Phi} < 0{,}7$: заметная;

$0{,}7 < K_{\Phi} < 0{,}9$: высокая;

$0{,}9 < K_{\Phi} < 1$: весьма высокая.

В качестве стандартного инструмента при общем сравнении уровня жизни в различных странах используется индекс развития человеческого капитала (ИРЧП). Попробуем определить связь данного показателя и продолжительности жизни [4].

Как видим из данных, приведенных в таблице 1, уровень ИРЧП и продолжительность жизни в странах находятся в прямой зависимости. В категории стран с высокой (80+) и низкой (до 60 лет) продолжительностью жизни такая зависимость выражена ярко, теснота связи между явлениями

Таблица 1

Наличие связи между индексом развитием человеческого капитала и продолжительностью жизни

Продолжительность жизни, лет	Количество стран в группе	Индекс развития человеческого потенциала	Коэф. Фехнера	Определение связи
80 +	30	Очень высокий	0,933	Очень высокая прямая
70–79	70	Высокий	0,572	Заметная прямая
60–69	40	Средний	0,571	Заметная прямая
до 60	11	Низкий	0,80	Высокая прямая

Таблица 2

Наличие и степень тесноты связи между факторными и результативными признаками по критериям ООН

Продолжительность жизни, лет	Качество мед. помощи	Уровень жизни	Ощущение безопасности	Охрана окруж. среды
80 +	0,075	0,478	0,027	0,027
70–79	0,236	0,468	0,149	0,149
60–69	0,371	0,375	0,391	-0,333

определяется как высокая и очень высокая. В странах, где средняя продолжительность жизни варьирует от 60 до 69 лет и от 70 до 79 лет, связь между показателями также заметна. Таким образом, ИРЧП как один из факторных показателей, способных оказывать влияние на продолжительность жизни, дает устойчивую характеристику данной зависимости, но, тем не менее, не полную, чтобы сделать окончательные выводы.

Данные опросов, проводимых экспертами ООН, также представим в форме парных корреляций и рассчитаем степень тесноты связи между явлениями, характеризующими качество медицинской помощи, уровень жизни, безопасность и условия окружающей среды.

В целом, между признаками существует прямая зависимость. Единственным исключением является группа стран с продолжительностью жизни от 60 до 69 лет (показатель охраны окружающей среды).

Наиболее заметна зависимость между уровнем жизни и ее продолжительностью, при этом для стран с высокой продолжительностью жизни этот признак наиболее значим, со снижением значимости фактора снижается и продолжительность жизни. Вместе с тем, в целом, влияние данного фактора оценивается как умеренное.

Еще менее значительным, по данным опросов, на продолжительность жизни является влияние факторов: качество оказания медицинской помощи, безопасность проживания и охрана окружающей среды.

Так, в странах с высокой продолжительностью жизни (80+) влияние всех трех показателей было весьма слабое, со снижением возраста это влияние усиливается от слабого до умеренного.

В целом, необходим детальный анализ, чтобы не допустить неумышленной стандартизации между разными странами. Проанализируем первую 10-ку лидеров по продолжительности жизни [4].

В расчет были приняты следующие критерии качества показателей:

— 10–39 — низкое качество;
— 40–69 — среднее качество;
— 70–99 — высокое качество.

По данным таблицы 3, наиболее высокими критериями качества обладают Швейцария и Сингапур.

Рассмотрим действующие в этих странах программы здравоохранения и поддержки населения старшего возраста.

Система здравоохранения большинства стран формируется, опираясь на три основных источника финансовых средств (бюджетные поступления, страховые взносы, частные средства), соответственно, и степень ее централизации либо децентрализации в странах будет различна[1].

[1] Мировая статистика здравоохранения, 2017 г.: мониторинг показателей здоровья в отношении Целей устойчивого развития // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://apps.who.int/iris/handle/10665/279717 (дата обращения: 10.05.2020). ISBN 9789244565483.

Таблица 3

Группировка стран с высокой продолжительностью жизни [4]

Страны	Качество мед. помощи	Уровень жизни	Ощущение безопасности	Охрана окруж. среды	Средняя продолжительность жизни
Гонконг, Китай	58	62	89	44	84,1
Япония	71	70	75	54	83,9
Швейцария	90	92	85	77	83,5
Испания	66	71	82	43	83,3
Сингапур	93	88	95	87	83,2
Италия	53	67	58	22	83,2
Исландия	78	87	84	46	82,9
Израиль	77	73	76	47	82,7
Франция	77	78	73	54	82,7
Швеция	77	92	75	68	82,6

В Сингапуре действует равнодоступная государственная и частная система, до 80 % первичных медицинских услуг и 20 % госпитализаций осуществляет частный сектор. Система обязательных медицинских индивидуальных накопительных счетов называется Medisave. Работающими гражданами производятся ежемесячные отчисления от своего заработка. Ресурсы счета могут быть использованы на лечение родственника и передаваться по наследству членам его семьи. Никогда не происходит их национализация государством. В свою очередь правительство учредило программу MediShield для покрытия затрат в случае непредвиденных болезней или длительной госпитализации. Данная система предоставляет дополнительные 1 500 сингапурских долларов при условии, что сам человек покрывает 20 % затрат. Для поддержки малоимущих граждан при оказании медицинских услуг правительство Сингапура создало фонд Medifund. Получение ресурсов из него возможно при доказательстве того, что доход меньше установленного минимума. Признанные одними из лучших в мире клиники в Сингапуре считают основным принципом своей работы предоставление широкого спектра медицинских услуг высочайшего качества[1]. На мировом уровне отмечается высокая техническая оснащенность сингапурских клиник, широко используются прогрессивные методы в биомедицине и передовых технологиях, палаты напоминают номера высококлассных отелей, клиники предусматривают наличие чрезвычайно компетентного штата медсестер. Важную роль играет уровень безопасности и надежности всей системы, контроль которой осуществляет специальная организация[2].

[1] Ministry of Health Singapore: URL: https://www.moh.gov.sg/ (дата обращения: 10.05.2020).

[2] Обзор передового зарубежного опыта развития здравоохранения // Официальный сайт Института имени Роберта Коха. URL: http://www.rki.de/EN/Home/homepage_node.html

По оценкам ВОЗ, швейцарская медицина считается одной из лучших в мире. Практически все медицинские услуги здесь оказываются в частном порядке, хотя возможность попасть на прием в госучреждении также имеется. На первичный прием граждане идут к семейному врачу, который в случае необходимости дает направление к узкому специалисту. И в том, и в другом случае очередей практически нет — время расписано заранее. Все жители и гости страны, пребывающие здесь дольше 3 месяцев, должны иметь медицинский полис — на детей это распространяется, начиная с 3 месяцев. Страхование проводится частными страховыми компаниями или больничными кассами — их в стране более 130, и конкуренция очень высокая. Большинство приобретает базовый полис — здесь предусмотрено покрытие медицинских услуг при несчастных случаях, прием узких специалистов, ведение беременности и роды, альтернативная медицина, реабилитация в послеоперационный период. Размер ежемесячных страховых платежей составляет 80–370 евро — такая разница возникает из-за разного состояния здоровья застрахованных лиц и широты перечня дополнительных услуг. Медицинское страхование в Швейцарии предусматривает обязательное страхование от несчастных случаев, такие полисы обязан предоставить работодатель. Один он оплачивает полностью (от несчастных случаев на рабочем месте), другой — пополам со страхуемым лицом [5].

Этот полис покрывает расходы на лечение во время отпусков и другого свободного от работы времени. Средства для оказания медицинских услуг поступают из 3-х основных источников: обязательное медицинское страхование, государственное финансирование (средства от уплаты налогов), другие виды социального страхования (от старости, от несчастного случая, военное, на случай потери трудоспособности). Компании, оказывающие обязательные страховые услуги, являются в некотором роде промышленными предприятиями и потому заинтересованы в своей рентабельности. Из-за этого они оплачивают только действительно работающие и экономически оправданные методы, которые описываются в медицинских и юридических справочниках. Страховые компании ОМС проводят регулярные аудиторские проверки, которые противодействуют «залечиванию» пациентов. Вероятность врачебной ошибки составляет, по данным ВОЗ, от 2 до 5 %[1].

На сегодняшний день в мире существуют три вида пенсионных систем, в основе которых лежат 2 принципа: накопительный и распределительный. Накопительная система реализуется путем создания денежного фонда, в котором аккумулируются финансовые средства, часть из которых расходуется на текущие пенсионные выплаты, а часть служит источником инвестиционных вложений. В основе распределительной системы лежит принцип перераспределения денежных средств путем получения налогов

(дата обращения: 10.05.2020).

[1] Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) / World Health Organization (WHO) http://apps.who.int/nha/database (дата обращения: 10.05.2020).

Таблица 4

Сравнение уровня расходов на здравоохранение и среднего размера пенсии в странах лидерах по продолжительности жизни*

Страны	Система здравоохранения	Расходы на здравоохранение от ВВП, %	Средний размер пенсии, долл. в месяц	Индекс качества жизни пожилого человека, в %**
Сингапур	Преимущественно частная	4,5	431	н.д.
Япония	Социально-страховая	10,9	717	80,8
Швейцария	Социально-страховая	12,2	874	90,1
Исландия	Бюджетная модель	8,3	1550	81,8
Израиль	Бюджетная модель	7,3	1350	70,1
Франция	Социально страховая	11,5	700	71,2
Швеция	Бюджетная модель	10,9	833	84,4

* По: Гуманитарный портал. URL: http://www.helpage.org/global-agewatch (дата обращения: 10.05.2020). ISSN 2310–1792.

** Рейтинг стран мира по показателю качества жизни пожилых людей. Гуманитарная энциклопедия: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020.

от работающих граждан и перечисления их на выплаты пенсионерам. Добровольное и частное пенсионное страхование сосредоточено в ведении негосударственных пенсионных фондов и частных финансовых организаций, которые формируют свои правила, положения и ответственность перед гражданами.

По данным отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, средняя продолжительность жизни в мире в 2019 г. составила 72 года[1]. С момента принятия Мадридского плана действий рост составил 6 лет.

Старение населения затрагивает буквально все стороны жизни человечества — экономические, социальные, психологические, моральные, приводит к росту демографической и экономической нагрузки на общество.

Правительству приходится решать задачи адаптации системы пенсионного обеспечения, медицинской помощи и в целом системы здравоохранения, требуются дополнительные ресурсы в сектор социального обеспечения и для развития профильной инфраструктуры.

Вместе с тем накопленные ресурсы, которыми располагает общество и государство, складываются, в том числе, за счет материальных и культурных благ, созданных трудом их предшественников, сегодняшних пенсионеров.

[1] Рейтинг стран по средней продолжительности жизни рассчитывается Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН, State of the world population) на основе статистических данных, получаемых от национальных институтов и международных организаций, которые аккумулируются в Отделе народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН.

В международной практике есть такое понятие, как демографический дивиденд. Речь идет о потенциале экономического роста, возникающего в результате изменений в возрастной структуре, когда доля населения трудоспособного возраста (15–64 года) больше, чем нетрудоспособного (до 14 и после 65 лет). В настоящее время все чаще говорят о втором демографическом дивиденде. Ситуация, когда население сосредоточено в старших трудоспособных возрастах в условиях более позднего выхода на пенсию, имеет большие возможности к накоплению активов [1].

Кроме того, накопленные пожилым населением активы при соответствующих гарантиях со стороны государства могут быть инвестированы в экономику как внутри страны, так и за рубежом, что способно привести к росту национальных доходов.

Таким образом, увеличение доли пожилых людей будет свидетельствовать не только об успехах в области здравоохранения, образования и социальной стабильности, но и станет драйвером экономического развития.

Список источников

1. Доклад Международной организации труда о последних событиях в области статистики труда и занятости // Статистическая комиссия. Сорок девятая сессия 6–9 марта 2018 года. URL: https://unstats.un.org/unsd/statcom/49th-session/documents/2018–18-Employment-R.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

2. Япония: проблемы занятости пожилых работников // Японские исследования. 2018. № 4. С. 60–77.

3. Всемирный доклад о старении и здоровье // Всемирная организация здравоохранения. 2016. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10 (дата обращения: 10.05.2020). ISBN 978–92–4–456504–9.

4. Индексы и индикаторы человеческого развития: обновленные статистические данные 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

5. *Максимова Л. В., Омельяновский В. В., Сура М. В.* Анализ систем здравоохранения ведущих зарубежных стран // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2014. № 1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sistem-zdravoohraneniya-veduschih-zarubezhnyh-stran (дата обращения: 10.05.2020).

Информация об авторе

Лопаева Валентина Александровна (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доцент кафедры ЭУММП, Институт экономики и управления ФГАУО ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: v.a.lopaeva@urfu.ru).

V. A. Lopaeva

Life Expectancy, Factors, World Experience

The article is devoted to the problems of population aging and the multiplicity of this phenomenon. Statistical data and results of sociological surveys of the population in the direction of human development and life expectancy are considered. The article shows the relationship between factorial and effective features, assesses the closeness of the relationship between the phenomena (used a comparison method, calculated the Fechner coefficient), and draws conclusions. Socio-economic factors that can influence changes in the rating of countries by life expectancy are analyzed, and various types

of health care and pension systems used in the leading countries are shown. It is suggested that the second demographic dividend may be used.

Keywords: problems of aging, health systems, life expectancy, perception of well-being, quality

Author

Lopaeva Valentina Aleksandrovna (Russia, Ekaterinburg) — candidate of economic Sciences, associate Professor EUMP, Institute of Economics and management of FGAOU IN «Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin», (620002, Ekaterinburg, Mira St., 19; e-mail: v.a.lopaeva@urfu.ru).

References

1. Report of the International labour organization on recent developments in labour and employment statistics, Statistical Commission Forty-ninth session 6–9 March 2018. URL: https://unstats.un.org/unsd/statcom/49th-session/documents/2018–18-Employment-R.pdf (accessed: 10.05.2020).

2. Japan: problems of employment of older workers. Japanese research. 2018. No. 4. Pp. 60–77.

3. World report on aging and health, WHO Library Cataloguing-in-Publication Data. 2016. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10 (accessed: 10.05.2020). ISBN 978–92–4–456504–9.

4. Human development Indices and indicators, updated statistics, 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (accessed: 10.05.2020).

5. Maksimova L. V., Omelyanovsky V. V., Sura M. V. Analysis of healthcare systems in leading foreign countries // Academy under the President of the Russian Federation, Ranepa. 2014. No. 1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sistem-zdravoohraneniya-veduschih-zarubezhnyh-stran (accessed: 10.05.2020).

УДК 332.1:314.14

М. Н. Макарова

ОЦЕНКА РЕСУРСООБЕСПЕЧЕННОСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ[1]

В статье рассматривается актуальная тема дифференциации ресурсообеспеченности здравоохранения в регионах России. На основе авторской методики оценки предложена типология регионов по критерию экстремальных (минимальными или максимальными) значений показателей ресурсов, а также определены детерминанты ресурсообеспеченности здравоохранения. Кроме того, автором выявлены потенциальные риски для каждой группы регионов и обозначены направления государственной политики по развитию здравоохранения в субъектах РФ.

Ключевые слова: здравоохранение, ресурсы, оценка, регионы, кластеризация

Введение

Одной из приоритетных задач социально-экономического развития России является повышение продолжительности жизни населения до 80 лет. Именно этот показатель является отражением уровня общественного здоровья, а его повышение неразрывно связано с развитием системы здравоохранения в стране.

Вместе с тем для России важным фактором здоровья населения является степень его региональной дифференциации, обусловленная обширной территорией страны и существенными различиями в уровне развития отдельных регионов. Подобные вопросы поднимались в ряде отечественных исследований. Пространственные различия в ресурсах системы здравоохранения изучены К. Н. Калашниковым [3], оценка влияние государственных расходов в сфере здравоохранения на дифференциацию здоровья населения проводилась К. А. Борисенковым [1], а факторы невозможности достижения целевых показателей и неэффективности использования бюджетных расходов на здравоохранения, возникающие в результате пространственных искажений, исследованы М. А. Грицко и Е. О. Колибиной [2]. Таким образом, региональная дифференциация развития здравоохранения являются актуальным направлением исследования.

Однако недостаточно оценить наличие и степень региональных различий. На наш взгляд, необходимо выявлять сильные и слабые стороны региональных систем здравоохранения, определять экстремальные значения во всем многообразии российских регионов, что позволит реализовать дифференцированных подход к определению региональных приоритетов политики развития сферы здравоохранения.

[1] © Макарова М. Н. Текст. 2020.

Данные и методы

Для оценки региональных различий в формировании ресурсообеспеченности системы здравоохранения нами использованы следующие относительные показатели: число коек (на 10 000 чел. населения), число врачей (на 10 000 чел. населения), число среднего медицинского персонала (на 10 000 чел. населения), расходы регионального бюджета на здравоохранение (на душу населения).

Для каждого анализируемого показателя рассматриваются среднее значение $\bar{x}$ и среднее квадратическое отклонение σ, позволяющие оценить устойчивость распределения показателя в территориальном разрезе (чем меньше σ, тем устойчивее показатель). Определение экстремальных значений осуществлялось следующим образом[1]:

а) выше $\bar{x} + \sigma$, т. е. наблюдаются экстремально высокие значения показателя в данных регионах, что может свидетельствовать, например, о сформированном избытке данного ресурса в регионе и риске вымывания его из соседних регионов, если речь идет о ресурсных показателях;

б) ниже $\bar{x} - \sigma$, т. е. наблюдаются экстремально низкие значения показателя в данных регионах, что в случае показателей ресурсов отражает острую нехватку данного ресурса в регионе по сравнению со средними значениями по стране и представляет существенный риск для социальной инфраструктуры региона в целом.

Результаты

За период 2005–2018 гг. показатели ресурсообеспеченности здравоохранения в целом по России имеют отрицательную динамику. Так, в результате оптимизации российской системы здравоохранения и приоритета амбулаторного лечения над стационарным обеспеченность койками в медицинских учреждения сократилась на 28 п. п., врачами — на 2 п. п., средним медицинским персоналом — на 6 п. п.; среднедушевое финансирование в постоянных ценах — на 4 п. п. (рисунок).

Вместе с тем одним из ключевых рисков для системы здравоохранения является не только снижение количественных показателей обеспеченности населения, но и их существенная дифференциация по регионам. Так, в 2018 г. коэффициент вариации для числа коек составил 16 %, для числа врачей — 18 %, для численности среднего медицинского персонала — 15 %, а для среднедушевых расходов консолидированных бюджетов — 184 %[2]. Несмотря на постепенное снижение вариации показателей

[1] Адаптирована методология ОЭСР по оценке здоровья населения различных стран и эффективности функционирования национальных систем здравоохранения. Источник: OECD (2019) Health at a Glance 2019: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. URL: https://www.oecd.org/health/health-systems/health-at-a-glance-19991312.htm (accessed: 11.04.2020).

[2] Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005–2018. М. : Росстат, 2006–2019. URL: http://gks.ru (дата обращения: 11.04.2020).

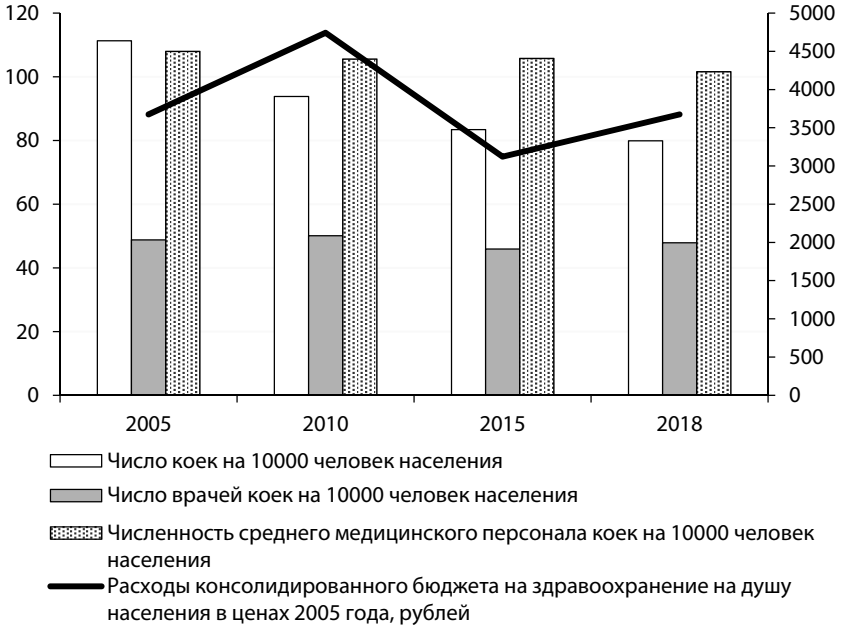

Рис. *Динамика показателей ресурсообеспечнности здравоохранения в России за 2005–2018 гг. (рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005–2018. М. : Росстат, 2006–2019. URL: http://gks.ru (дата обращения: 11.04.2020))*

здравоохранения, она остается достаточно значительной, особенно в плане формирования расходов консолидированных бюджетов в данной сфере.

Такой существенный разброс показателей ресурсообеспеченности здравоохранения в регионах позволяет выделить те регионы, значения показателей в которых носят экстремальный характер (максимальный или минимальный). Именно они несут риски дестабилизации национальной системы здравоохранения в целом, а значит, должны стать объектом пристального внимания исполнительных органов власти.

Результаты оценки представлены в таблице. Поскольку в сфере здравоохранения оценивается ресурсообеспеченность, то регионы с экстремально высокими значениями показателей ресурсов здравоохранения получили название «перенасыщенных», с экстремально низкими — «истощенных» в контексте наполненности указанными ресурсами.

Учитывая природно-климатические, расселенческие и социально-экономические особенности регионов, отнесенных к той или иной группе, полученное распределение можно интерпретировать следующим образом.

По показателю числа коек к «перенасыщенным» регионам относятся преимущественно регионы Дальнего Востока, Сибири и Севера,

Таблица

Распределение регионов по показателям ресурсообеспеченности здравоохранения в 2018 г.

Показатель	Перенасыщенные регионы	Истощенные регионы
Число коек (на 10 000 чел. населения)	Р. Коми, Р. Тыва, Саратовская, Иркутская, Томская, Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Магаданская, Сахалинская, Еврейская АО, Чукотский АО	Московская, г. Москва, Ленинградская, Р. Дагестан, Р. Ингушетия, Карачаево-Черкесская Р., Чеченская Р., Р. Татарстан, Тюменская без АО, Р. Хакасия
Число среднего медицинского персонала (на 10 000 чел. населения)	Р. Коми, Архангельская, Мурманская, Тюменская, ХМАО-Югра, ЯНАО, Р. Алтай, Р. Тыва, Р. Саха (Якутия), Магаданская, Сахалинский край, Чукотский АО	Московская, г. Москва, Краснодарский край, Ростовская, г. Севастополь, Р. Дагестан, Р. Ингушетия, Приморский край
Число врачей (на 10 000 чел. населения)	г. Москва, г. Санкт-Петербург, ХМАО-Югра, Томская, Р. Саха (Якутия), Хабаровский край, Амурская, Магаданская, Сахалинская, Чукотский АО	Владимирская, Костромская, Московская, Тамбовская, Тульская, Вологодская, Ленинградская, Псковская, Р. Адыгея, Карачаево-Черкесская Р., Чеченская Р., Р. Марий Эл, Курганская, Еврейская АО
Расходы регионального бюджета на здравоохранение (на душу населения)	а) Ненецкий АО, Псковская, ЯНАО, Магаданская, Сахалинская, Чукотский АО; б) г. Москва, Московская, Калининградская, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, ХМАО-Югра, Р. Алтай, Р. Саха (Якутия), Камчатский край	

что определяется особенностями расселения на данных территориях (низкая плотность населения, наличие отдаленных и труднодоступных территорий) и в данном случае представляет собой фактор, повышающий доступность медицинской помощи и качество жизни населения указанных регионов в целом. Среди «истощенных» регионов по данному показателю преимущественно территории европейской части России, а также Тюменская область без АО и Республика Хакасия. Во всех перечисленных регионах сохраняется риск низкой доступности медицинской помощи, требующей госпитализации, связанный со следующими факторами: во-первых, с более высокой и постоянно растущей плотностью населения при запаздывающих темпах развития мощностей медицинских

учреждений (Москва, Московская и Ленинградская области, Тюменская область без АО); во-вторых, недостатком финансирования на обновление устаревшего оборудования в относительно бедных регионах (республики Северного Кавказа, Республика Хакасия).

Схожая ситуация наблюдается по показателю численности среднего медицинского персонала. К «перенасыщенным» регионам относятся также регионы Дальнего Востока, Сибири и Севера, что определяется особенностями расселения на данных территориях (низкая плотность населения, наличие отдаленных и труднодоступных территорий), а повышенная обеспеченность данным ресурсом обеспечивает доступность медицинской помощи и приемлемое качество жизни. К «истощенным» регионам относятся: во-первых, с более высокой и постоянно растущей плотностью населения при сокращающейся численности среднего медицинского персонала (г. Москва, Московская область); во-вторых, бедные регионы (регионы Южного федерального округа, а также Приморский край), где недоступность медицинской помощи является следствием общей неблагоприятной социально-экономической ситуации и низкими зарплатами среднего медицинского персонала.

По показателю числа врачей среди «перенасыщенных» регионов можно выделить два типа. Во-первых, это регионы Дальнего Востока и Сибири, что определяется особенностями расселения на данных территориях (низкая плотность населения, наличие отдаленных и труднодоступных территорий) и в целом обеспечивает доступность медицинской помощи и качество жизни населения указанных регионов в целом при своевременном и достаточном финансировании сферы здравоохранения в этих регионах. Во-вторых, г. Москва и г. Санкт-Петербург, где сосредоточен инновационный и научный потенциал российского здравоохранения. Эти два региона представляют собой зону риска, т. к. вытягивают медицинский потенциал из соседних регионов за счет более высокой оплаты труда и более комфортных условий труда (этот эффект подтверждается составом «истощенных» регионов).

Для «истощенных» регионов по числу врачей основным риском является невозможность получения высококвалифицированной медицинской помощи по месту жительства. К данной категории относятся:

1) регионы, расположенные в непосредственной близости от точек максимума г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, — регионы Центрального и Северо-Западного федеральных округов соответственно. Таким образом, значительный недостаток квалифицированных медицинских кадров на данных территориях связан с менее привлекательными условиями труда (отрицательный агломерационный эффект); при этом в данных регионах создается высокий риск недоступности для населения квалифицированной медицинской помощи по месту проживания;

2) бедные регионы (республики Северного Кавказа, Республика Марий Эл, Курганская область, Еврейская АО), где недоступность

высококвалифицированной медицинской помощи является следствием общей неблагоприятной социально-экономической ситуации.

Расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение на душу населения являются наиболее дифференцированным среди всех анализируемых показателей ресурсов здравоохранения, более того, за последние годы разница между наиболее и наименее обеспеченными регионами увеличилась. В связи с особенностями распределения данного показателя нами предложены следующие группы регионов.

«Сверхнасыщенные» регионы (в три и более раз выше среднероссийского показателя) — северные и дальневосточные регионы с неблагоприятными климатическими условиями и низкой плотностью населения, требующие особых подходов в формировании ресурсов здравоохранения, в т. ч. сверхвысоких среднедушевых расходов консолидированных бюджетов, что позволяет выполнять нормативные показатели здравоохранения. Эти регионы представляют собой зону риска для национальной системы здравоохранения в случае недофинансирования их расходов.

После исключения из анализа «сверхнасыщенных» регионов проведена кластеризация остальных регионов. В случае бюджетных расходов на здравоохранение большинство регионов отнесено к группе со средними значениями. Несмотря на это, следует отметить ряд территорий с экстремальными значениями среднедушевых расходов консолидированных бюджетов.

В группу «перенасыщенных» регионов попали, во-первых, богатые регионы (г. Москва, г. Санкт-Петербург, а также ХМАО — Югра), во-вторых, регионы Северо-Западного федерального округа, Сибири и Дальнего Востока, повышенное финансирование здравоохранения в которых определяется особенностями расселения на данных территориях (низкая плотность населения, наличие отдаленных и труднодоступных территорий) или особенным статусом территории (Калининградская область, г. Севастополь). Основной риск для этих территорий — сокращение федеральной поддержки здравоохранения, что приведет к резкому ухудшению доступности и качества медицинских услуг в регионах. «Истощенных» регионов по показателю среднедушевых расходов консолидированных бюджетов на здравоохранение не обнаружено.

Таким образом, мы можем констатировать наличие существенной дифференциации российских регионов по уровню ресурсообеспеченности здравоохранения. В этом смысле особыми регионами с экстремальными (минимальными или максимальными) показателями ресурсов здравоохранения являются:

1) регионы Севера, Сибири и Дальнего Востока с суровыми климатическими условиями, особенностями системы расселения (низкая плотность населения, наличие удаленных населенных пунктов) и формирования рынка труда для приоритетных добывающих отраслей (преимущественно вахтовый метод);

2) регионы, отличающиеся специфической демографической ситуацией: Северный Кавказ (высокая продолжительность жизни, преобладание молодого населения), Центральная Россия (старение населения, отток молодежи);

3) регионы, притягивающие население из соседних территорий за счет более высокого уровня дохода и качества жизни, рискующие не обеспечить доступность медицинской помощи из-за запаздывающих темпов развития инфраструктуры и недостаточной ресурсообеспеченности здравоохранения.

При разработке мер государственной политики в данной сфере необходимо обращать внимание именно на регионы с экстремальными (минимальными или максимальными) показателями ресурсов в контексте тех рисков, которые они несут для отдельных территорий или национальной системы здравоохранения в целом.

Благодарность

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18–010–01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Список источников

1. *Грицко М. А., Колибина Е. О.* Пространственные деформации результативности системы здравоохранения // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 107–121.

2. *Борисенкова К. А.* Исследование региональных различий в государственных расходов на здравоохранение, оказывающих влияние на среднюю продолжительность жизни населения // Экономика России в современных условиях: пути инновационного развития и повышения конкурентоспособности: сб. труд. конф. СПб. : Экон. ун-т, 2017. С. 52–56.

3. *Калашников К. Н.* Ресурсное обеспечение российского здравоохранения: проблемы территориальной дифференциации // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2015. № 1 (37). С. 72–87. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.5.

Информация об авторе

Макарова Мария Никитична (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

M. N. Makarova

Estimating Healthcare Resources in Russian Regions

The article deals with the actual topic of differentiation of healthcare resource availability in the regions of Russia. Based on the original assessment methodology, the author proposed a typology of regions based on the criterion of extreme (minimum or maximum) values of resource indicators and determinates of healthcare resource availability. In conclusion, the author identified the potential risks for each group of regions and outlined the directions of state policy for healthcare development in the regions of the Russian Federation.

Keywords: healthcare, resources, estimation, regions, clustering

Author

Makarova Maria Nikitichna (Russia, Ekaterinburg) — candidate of Economics, senior researcher, Institute of Economics the Urals branch of RAS (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya st., 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number № 18–010–01049.

References

1. Gritsko M. A., Kolibina E. O. Spatial deformations of health system performance // Spatial economics. 2013. No. 4. P. 107–121.

2. Borisenkova K. A. Study regional differences in public health expenditures that affect the life expectancy of the population // The Russian economy in modern context: ways of innovative development and competitiveness: collection work. Conf. / Under the editorship of E. A. Gorbashko. Saint Petersburg : EC. UN., 2017. P. 52–56.

3. Kalashnikov K. N. Resource provision of Russian healthcare: problems of territorial differentiation // Economic and social changes: factors, trends, forecast. 2015. No. 1 (37). P. 72–87. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.5.

УДК 331.5.024.5

А. С. Мельникова

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАНЯТОСТИ ЛИЦ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА НА РЫНКЕ ТРУДА[1]

Статья посвящена проблемам занятости лиц старшего возраста в современных условиях. Проанализирована пенсионная реформа с точки зрения защиты старшего поколения на рынке труда, выделены меры поддержки экономически активных предпенсионеров. Оценка занятости была проведена методом анализа данных сайта вакансий в региональном разрезе и учитывала изменения на рынке труда, связанные с условиями пандемии. Актуальность статьи связана с необходимостью изучения динамики занятости лиц старшего возраста, ее изменения в условиях повышения пенсионного возраста, а также влияния кризисной ситуации в стране.

Ключевые слова: пенсионная реформа, предпенсионеры, занятость, поддержка, трудоустройство, вакансии

Пенсионная реформа в России, которая началась в 2019 г., затронула множество сфер жизни людей старшего возраста. Основанием для реформы стал Федеральный закон № 350–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»[2]. Он предусматривает постепенное повышение пенсионного возраста за 10 лет (с 2019 по 2028 гг.). Закон говорит только о повышении пенсионного возраста без привязки его к увеличению доходов пенсионеров. Основанием был обозначен мировой опыт [2], который в основном включал опыт развитых стран с более высоким сроком дожития населения. Эксперты называют ряд возможных дополнительных причин повышения пенсионного возраста в России:

— высокая нагрузка на трудоспособное население;
— дефицит пенсионного фонда;
— применение в обосновании средней продолжительности жизни.

Следует учитывать, что пенсионная реформа существенно отражается на рынке труда, занятости, потребительском и семейном поведении. Все эти процессы усугубляются ситуацией пандемии в стране. На сегодняшний день Правительством РФ рассматривается введение некоторых льгот[3]

---

[1] © Мельникова А.С. Текст. 2020.

[2] Российская Федерация. Федеральный закон. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий : Федеральный закон № 350-ФЗ : [Принят Государственной Думой 27 сент. 2018 г. : Одобрен Советом Федерации 3 окт. 2018 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 08.05.2020).

[3] «Известия»: Минтруд предложил смягчить условия досрочного выхода на пенсию // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4349452 (дата обращения: 08.05.2020).

при выходе не пенсию граждан с учетом сложившейся ситуации в сфере занятости и доходов лиц предпенсионного возраста.

Одной из самых сложных и неоднозначных проблем, с которыми столкнулось в настоящее время общество, стала проблема занятости лиц старшего возраста. Наиболее актуально рассмотрение государственной защиты и практических проблем на примере не только пенсионеров, но и предпенсионеров. Это связано, с одной стороны, с постепенным ростом пенсионного возраста, с другой — преемственностью поколений в ближайшие годы. Вчерашний пенсионер становится сегодня предпенсионером и остается на рынке труда, сегодняшний трудоспособный гражданин становится предпенсионером, поэтому социальные проблемы на рынке труда для лиц старшего возраста затрагивают более широкий круг населения. К этому возрасту можно отнести уже лиц 40 лет и старше. Если раньше выход на пенсию у женщины 40 лет должен был произойти через 15 лет, то сегодня этот период составит 23 года. Это является основанием для существенного пересмотра своего поведения на рынке труда и изменения своих жизненных планов, включая демографическое поведение.

Права и обязанности пенсионеров в ходе реформы практически не претерпели изменений. К ним добавились льготы, предусмотренные для предпенсионеров:

1) предоставление 2-х оплачиваемых рабочих дней ежегодно для прохождения диспансеризации;

2) административная и уголовная ответственность работодателя за увольнение работников предпенсионного возраста или отказ в приеме на работу по причине возраста.

При более глубоком анализе трудового законодательства можно говорить только о предоставлении дней на диспансеризацию, к тому же не имеющего однозначного законодательного определения порядка прохождения такой диспансеризации. Поскольку ст. 3 ТК РФ гласит «Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста… не связанных с деловыми качествами работника». Увольнение или отказ от приема на работу пенсионера или предпенсионера уже попадает под эту статью по общему трудовому законодательству и, соответственно, не является дополнительной льготой.

Анализ перспектив занятости проводился автором при помощи анализа рынка труда для лиц старшего возраста популярного сайта вакансий «Зарплата.ру». Исходными данными выступило количество резюме для лиц 57 лет и старше, вакансий с возможностью трудоустройства пенсионеров. Такой подход был обусловлен запрещением дискриминации по возрасту и, соответственно, запретом строгого указания возраста. Таким образом, в выборку попали и пенсионеры, и предпенсионеры. Анализ был проведен

Таблица

Сводная таблица показателей на рынке труда для лиц старшего возраста

Показатель	Россия		г. Москва		Свердловская обл.	
	20.02.2020	08.05.2020	20.02.2020	08.05.2020	20.02.2020	08.05.2020
Вакансии, ед.	366	289	19	21	46	34
Резюме, ед.	52 248	100 116	13 448	25 640	6 113	11 717
Нагрузка РТ*	142,8	346,4	707,8	1 221,0	132,9	344,6
Прирост НРТ, %	X	142,7	X	72,5	X	159,3

* Нагрузка РТ (НРТ) рассчитана как количество резюме на одну вакансию.

по России в целом, по Москве и по Свердловской области для оценки тенденций на рынке труда. Еще одной задачей исследования было сравнение показателей занятости до пандемии в стране и в развитии кризиса, поэтому анализ был проведен 20.02.2020 г. и 08.05.2020 г. методом мониторинга.

Было выбрано 8 профессий, востребованных в большинстве регионов, включая рабочие специальности, служащих и руководителей. К таким профессиям были отнесены: технический директор, инженер, юрист, бухгалтер, секретарь, слесарь, водитель, охранник. В первой части исследования было посчитано количество вакансий по всем профессиям в территориальном разрезе для лиц старшего возраста и аналогично количество резюме по той же выборке. Срезы были проведены 20.02.2020 г. и 08.05.2020 г. Далее произведен расчет нагрузки на рынке труда лиц старшего возраста. Нагрузка была рассчитана как количество резюме на одну вакансию. Итогом произведен расчет изменения нагрузки в период до наступления кризиса на рынке труда и в развитии кризиса. Результаты представлены в таблице.

Расчет показывают низкую востребованность на рынке труда лиц старшего возраста. Заинтересованность работодателей практически отсутствует. Желание работать у пенсионеров и предпенсионеров, даже до полного вступления реформы, значительное. Можно отметить высокую экономическую активность и профессионализм лиц раннего пенсионного возраста (57–65 лет). Работодатель в сегодняшних социально-экономических условиях готов отказаться от подходящего претендента старшего возраста, поскольку это налагает на него дополнительные обязанности и ответственность, при этом не дает никаких льгот. В результате чего мы видим высокий разрыв между вакансиями и резюме. Также неблагоприятные показатели на официальном рынке труда могут говорить о высокой теневой занятости старшего поколения. Не получая доход от занятости или получая низкую пенсию, пожилые люди соглашаются на неофициальную работу или разовую подработку без оформления документов в силу низкого уровня жизни, т. е. вынужденно.

В феврале 2020 г. показатель нагрузки на рынок труда колеблется со 132,9 резюме на одну вакансию (Свердловская область) до 707,8 резюме

(г. Москва). Наименее заинтересованы в работе лиц старшего возраста работодатели Москвы. Возможно, это связано с постоянным притоком молодежи в столицу и пополнением рынка труда приезжими трудоспособного возраста. По состоянию на май ситуация усугубляется в связи с введением карантинных мер, переводом сотрудников на дистанционную работу или вынужденный прогул. Это привело к снижению активных рабочих мест. Дополнительным фактором выступило то, что по рекомендации Минтруда РФ лица старше 65 лет должны быть переведены на дистанционную работу и находиться в режиме самоизоляции. Перечисленные меры привели к тому, что работодатель стал еще меньше заинтересован в работе старшего поколения. В показателях нагрузки на рынок труда цифры увеличились от 344,6 резюме на одну вакансию (Свердловская область) до 1221 резюме (г. Москва). Относительная нагрузка на рынок труда для лиц старшего возраста увеличилась на 142,7 % в целом по России, на 72,5 % в г. Москва, на 159 % в Свердловской области.

В результате исследования можно констатировать сложную ситуацию на рынке труда лиц старшего возраста, которая усугубляется мерами самоизоляции, приостановкой отдельных отраслей, снижением экономической деятельности в целом. По мнению автора и других исследователей [1, 3, 4], пенсионная реформа столкнулась с большим количеством нерешенных проблем. Если ранее активизация этих проблем могла быть отложена в связи с постепенным увеличением пенсионного возраста, то кризисная ситуация на рынке труда уже сегодня обостряет их. Сложности в экономике и обществе связаны со следующими факторами:

— проблемы демографического поведения семей. Ранее молодые семьи могли рассчитывать на помощь бабушек и дедушек в воспитании детей, но повышение пенсионного возраста приведет к необходимости работать старшему поколению; это может послужить причиной негативных тенденций отложенных рождений или отказов от них;

— отказ работодателей от приема на работу лиц предпенсионного возраста в связи с ужесточением ответственности за их увольнение. Причиной отказа от приема при этом называется не возраст, а иные профессиональные качества;

— теневая занятость лиц старшего возраста из-за низкой востребованности на официальном рынке труда. Неофициальная занятость в этом случае связана с финансовыми проблемами и низким уровнем жизни;

— сложность трудоустройства молодежи, особенно выпускников, при занятии рабочих мест предпенсионерами. Это может нарушить естественное обновление кадров на предприятии;

— возможное влияние на продолжительность жизни — работа налагает более высокие нагрузки на физическое и психологическое состояние, что может негативно сказаться на здоровье старшего поколения;

— увеличение расходов фонда медицинского страхования на оплату листов нетрудоспособности лиц старшего поколения.

Сложившая ситуация показывает неподготовленность, слабое обоснование введенных пенсионных реформ и требует принятия действенных мер по защите труда лиц старшего возраста. Следует отметить, что на сегодняшний день в большинстве регионов пик кризисной ситуации не пройден, экономика и рынок труда находятся в стагнации. Предложенные Правительством РФ меры более раннего ухода на пенсию лиц старшего возраста, не нашедших работу, нивелирует обозначенные преимущества повышения пенсионного возраста, увеличивая нагрузку на трудоспособное население в сложный экономический период. Исследование требует дальнейшего мониторинга рынка труда лиц старшего возраста в случае продолжения кризисных изменений.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 19–010–00545 «Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость в России».

Список источников

1. *Бобков В. Н., Забелина О. В., Локтюхина Н. В.* Повышение пенсионного возраста в Российской Федерации: социально-трудовые последствия // Народонаселение. 2015. № 4. С. 93–106.

2. Российская Федерация. Консультации 2018 года в соответствии со статьей IV — пресс-релиз; доклад персонала, информационное приложение; дополнительная информация // Доклад МВФ по стране № 18/275 от сентября 2018 г. URL: file:///C:/Users/Science/Downloads/cr18275r.pdf (дата обращения: 08.05 2020).

3. *Кулькова И. А., Шарин В. И.* Типологизация прогнозируемых негативных последствий повышения пенсионного возраста в России / Экономика устойчивого развития. 2019. № 4 (40). С. 300–305.

4. *Тухтарова Е. Х., Кузьмин А. И., Неклюдова Н. П.* Социально-культурные факторы дожития лиц мужского и женского пола в экономически активном возрасте: региональный анализ // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 1. С. 109–122.

Информация об авторе

Мельникова Анна Сергеевна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доцент кафедры ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта 62; e-mail: anuta_kk@mail.ru).

A. S. Melnikova

Perspectives of Employment of Older Persons in the Job Market

Article is devoted to problems of employment of senior citizens in modern conditions. Pension reform in terms of protection of the senior generation in labor market is analysed, measures of support of economically active prepensioners are allocated. The assessment of employment was carried out by method of the analysis of data of the website of vacancies in a regional section and considered the changes in labor market connected with pandemic conditions. In general the analysis showed low interest of employers in employment of senior citizens. This trend was aggravated by the crisis changes which happened in labor market. Measures of the state support assume payments from social insurance fund and earlier retirement. These measures level effect of raising the retirement age and assume additional financial load of the budget and able-bodied population. It is possible to note also negative social consequences for society of a difficult situation in the sphere of employment of older persons. This change of demographic behavior of families, increase in a share of shadow employment, decrease

in the standard of living. The relevance of article is connected with need of studying of dynamics of employment of senior citizens, its changes in conditions of raising the retirement age and also influence of a crisis situation in the country.

Keywords: pension reform, prepensioners, employment, support, employment, vacancies

Author

Melnikova Anna Sergeevna (Russia, Ekaterinburg) — PhD, Associate Professor Ural State University of Economics (620144, Ekaterinburg, st. March 8, 62, e-mail: anuta_kk@mail.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number № 19–010–00545.

References

1. Bobkov V. N., Zabelina O. V., Loktyukhina N. V. Raising the retirement age in the Russian Federation: social and labor consequences // Population. 2015. No. 4. P. 93–106.

2. Report of the IMF about the country No. 18/275 of September, 2018. Date of the address on May 8, 2020.

3. Kulkova I. A., Sharin V. I. Tipologization of the predicted negative consequences of raising the retirement age in Russia / Economy of sustainable development. 2019. No. 4 (40). P. 300–305.

4. Tukhtarova E. H., Kuzmin A. I., Neklyudova N. P. Welfare factors of survival of persons men's and female at economically active age: regional analysis / Economy of the region. 2018. T. 14, No. 1. P. 109–122.

УДК 314.18

М. А. Новак, Е. И. Козлова

УЛУЧШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ ЗА СЧЕТ СНИЖЕНИЯ СМЕРТНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ (на примере Липецкой области)[1]

В статье проводится анализ сложившейся демографической обстановки в Липецкой области в рамках действующих целевых документов и имеющихся направлений по преодолению негативных тенденций. Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области за 2010–2018 гг. Использование дифференцированной демографической внутрирегиональной политики с акцентом на снижение уровня смертности в условиях сокращающегося воспроизводства населения позволит реализовать стратегические цели социально-экономического развития Липецкой области.

Ключевые слова: Липецкая область, демографическая ситуация, приоритеты в сфере демографии, смертность населения

Одним из основополагающих элементов достижения устойчивого развития региона является демографическое развитие территории. Главной характеристикой демографической ситуации выступает естественный прирост (убыль) населения, который зависит от рождаемости и смертности. В условиях снижения уровня рождаемости населения фактором влияния государственных органов власти является стремление снижения смертности.

Липецкая область является регионом с сокращающейся численностью населения. Как видно на рисунке 1, весь исследуемый период коэффициенты смертности превышали коэффициенты рождаемости, что отражалось в естественной убыли населения. В 2011–2012 гг. наблюдался рост коэффициента естественного прироста (убыли), прежде всего, за счет роста коэффициента рождаемости, что обусловлено началом действия программы материнского капитала. Действие этого эффекта продлилось до 2016 г., на протяжении этого периода удалось стабилизировать естественную убыль на уровне 3,7–3,9 человека на 1000 жителей. В 2017–2018 гг. резкое сокращение коэффициента рождаемости (несмотря на снижение коэффициента смертности) привело к падению коэффициента естественного прироста (убыли) до уровня 2010–2011 гг.[2]

Кризисные явления российской и мировой экономик, низкая миграционная привлекательность Липецкой области, снижение эффекта программ

---

[1] © Новак М. А., Козлова Е. И. Текст. 2020.

[2] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области. Демография. URL: https://lipstat.gks.ru/folder/34098?print=1 (дата обращения: 10.05.2020).

Рис. 1. *Динамика коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста (убыли) в Липецкой области за 2010–2018 гг., чел. на 1000 жителей*

по поддержке рождаемости — все это позволяет предположить, что не следует ожидать в ближайшее время роста рождаемости. Значит, повышение коэффициента естественного прироста (убыли) возможно только при условии снижения коэффициента смертности.

Согласно Стратегии социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 г. (далее — Стратегия), к целевым индикаторам относятся достижение коэффициента естественного прироста (убыли) на уровне (−3,1) человека на 1000 жителей и снижение коэффициента смертности до уровня 13,4 человека на 1000 жителей. Соответствующий коэффициент рождаемости должен быть на уровне 10,3 ‰, однако тенденция последних лет показывает, что при снижающемся фактическом уровне рождаемости (в 2019 г. — 8,7 ‰), необходимо обеспечение снижения смертности больше, чем до уровня 13,4 ‰[1].

В Стратегии социально-экономического развития Липецкой области в итоговом (SWOT) анализе улучшение демографической ситуации, в том числе за счет снижения уровня смертности, относится к возможностям региона (пункт 7), а высокий уровень смертности (пункт 8) — к слабым сторонам. В слабых сторонах также отмечается неравномерность в развитии экономического потенциала территорий области и обеспечивающей инфраструктуры (пункт 7), поэтому в общей направленности Стратегии выдвигается двуединая задача — повышение уровня и качества жизни населения при сокращении разрыва в уровне социально-экономического развития между муниципальными образованиями области.

Анализ соотношения текущих ключевых демографических показателей муниципальных образований Липецкой области и целевых

[1] Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период 2024 года. Закон Липецкой области от 19.12.2006 г. № 60-пс (в ред. Законов Липецкой области от 25.05.2009 № 264-ОЗ, от 14.12.2011 № 589-ОЗ, от 29.10.2018 № 213-ОЗ) : [Принят постановлением Липецкого областного Совета депутатов от 19 декабря 2006 г. N 60-пс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/872606764 (дата обращения: 10.05.2020).

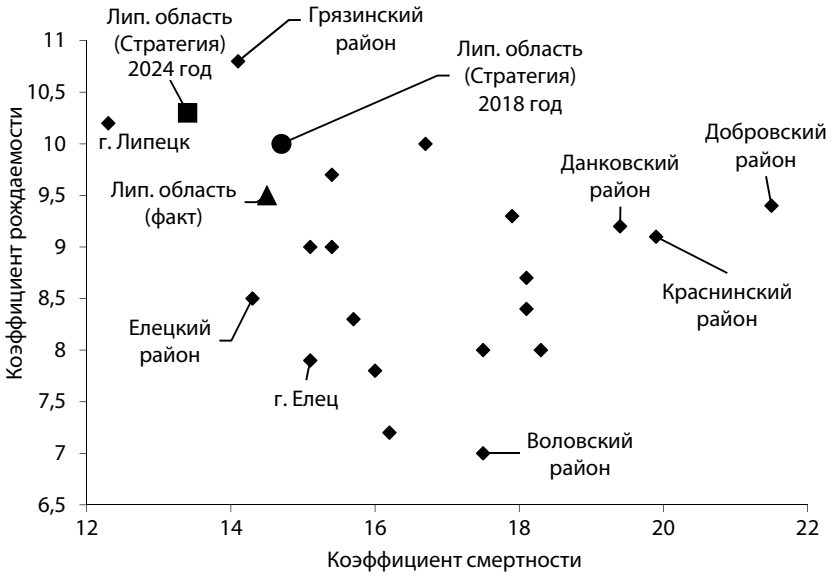

Рис. 2. *Соотношение коэффициентов рождаемости и коэффициентов смертности в муниципальных районах Липецкой области за 2018 г., чел. на 1000 жит.*

стратегических ориентиров на 2018 г. показывает их сильную дифференциацию (рис. 2). Достигнутый в 2018 г. среднерегиональный коэффициент рождаемости (отмечено треугольным маркером) хуже целевого значения на данный год (отмечено круглым маркером): 9,6 ‰ и 10,0 ‰ соответственно. Фактический среднерегиональный коэффициент смертности, напротив, лучше целевого показателя данного года: 14,6 ‰ и 14,7 ‰, соответственно. Оба текущих достигнутых коэффициента пока еще значительно меньше итоговых целевых индикаторов (квадратный маркер) на 2024 г.

Основной вклад в достигнутый уровень регионального коэффициента смертности внес только один муниципальный субъект Липецкой области из двадцати — город Липецк (12,3). В Липецке (областной центр, доля которого в общей численности населения региона составляет 44,5 % на 01.01.2019 г.), кроме того, уже сегодня показатель естественной убыли населения почти в два раза лучше целевого значения и составляет 2,1 человек на 1000 жителей.

В большинстве же муниципальных районов области сложившаяся демографическая ситуация может быть оценена как весьма неудовлетворительная. Очень низкие коэффициенты рождаемости имеют место в Воловском (7), Задонском (7,2), Измалковском (7,8) районах и в г. Елец (7,9). Очень высокий коэффициент смертности имеет место в Добровском районе (21,5). Высокие коэффициенты смертности сложились в 12-ти

муниципальных районах, в том числе в двух из них они приближаются к очень высокому уровню (в Краснинском районе — 19,9, в Данковском районе — 19,4), а в двух превышают уровень 18 ‰ (в Долгоруковском районе — 18,3, в Становлянском и Хлевенском районах — 18,1). Вследствие высокой смертности населения в четверти муниципальных субъектов области коэффициенты естественной убыли превысили среднерегиональный уровень в 2,5 и более раза: в Добровском районе (–12,1), в Краснинском районе (–10,8), в Данковском районе (–10,1), в Долгоруковском районе (–10,3), в Воловском районе (–10,5).

В Стратегии базовым годом для расчета индикаторов и показателей социально-экономического развития региона выступает 2005 г. Исходные характеристики региона по показателям смертности хорошо раскрывает исследование сотрудников ЦНИИОИЗ Росздрава, которое выявило, что в 2005 г. Липецкая область по показателю младенческой смертности на 100 тыс. родившихся живыми среди субъектов Центрального федерального округа имела 3-й показатель по мальчикам (1 029,8) и 9-й по девочкам (848,1); по показателю стандартизированного коэффициента смертности детей и подростков на 100 тыс. лиц в возрасте 1–19 лет по мальчикам — 3-й показатель (70,5), по девочкам — 13-й (49,5). При этом смертность за 1998–2005 г. по мальчикам в области снизилась (на –19,3), а по девочкам выросла (на +3,2). Динамика стандартизированного коэффициента смертности молодого трудоспособного населения на 100 тыс. лиц в возрасте 20–39 лет была растущей и по мужчинам (с 358,8 до 645,6), и по женщинам (с 88,6 до 164,3). Сходные высокие темпы роста показал стандартизированный коэффициент смертности старшего трудоспособного населения на 100 тыс. лиц в возрасте 40–59 лет: по мужчинам показатель вырос с 472,6 до 2 346,5; по женщинам — с 439,0 до 590,2. Рост стандартизированного коэффициента смертности пожилого населения на 100 тыс. лиц в возрасте 60 лет и старше был менее значительным: по мужчинам показатель вырос с 7 048,0 до 8 616,1; по женщинам — с 4 044,6 до 4 630,3. Но в целом, исследователи отметили, что с учетом неадекватно высокой проблемы детской и подростковой смертности по девочкам, Липецкая область обладает сравнительно пропорциональным возрастным профилем продолжительности жизни [1, 2].

Исследователи также на основе углубленного анализа основных причин смертности в регионе и динамики соответствующих стандартизированных коэффициентов смертности пришли к выводу, что Липецкая область может быть отнесена к числу стабильно благополучных территорий Центрального региона России с достаточно высокой продолжительностью жизни. Распределение возрастных групп населения Липецкой области по лидирующим причинам смертности выявило, что для населения молодого трудоспособного возраста в 2005 г. основной причиной смертности стала смертность от травм и отравлений; для населения старшего трудоспособного возраста — болезни системы кровообращения и новообразования

(у мужчин значительна также смертность от травм и отравлений), для населения старческих возрастов — болезни системы кровообращения и новообразования [2].

Существенный прорыв в снижении смертности по причинам болезней системы кровообращения в Липецкой области был достигнут в 2010–2015 гг.: стандартизированный коэффициент смертности снизился с 1051,3 до 564,6. Однако в 2016 г. был отмечен прирост смертности по этому классу заболеваний до 625,3 умерших на 100 тыс. чел.населения. И хотя в 2017 г. показатель показал снижение, в 2018 г. он опять вырос практически до уровня двухгодичной давности, составив 624,5. В процентном выражении не меняется также удельный вес смертности по причине новообразований (13 %)[1].

Вышеизложенное показывает, что при разработке региональной политики сокращения смертности важно использовать комплексный подход. Он должен включать как показатели, характеризующие распределение населения по основным причинам смертности и основным возрастам смертности, так и внутрирегиональное размещение населения. Такой подход позволит выделить приоритеты региональной политики снижения смертности. В действующей редакции Стратегии социально-экономического развития Липецкой области, по нашему мнению, выбранные меры снижения смертности носят не комплексный, а суженный характер. Так, хотя в угрозах итогового стратегического (SWOT) анализа акцентируется внимание на снижении численности населения трудоспособного возраста (пункт 3), в инструментах достижения целевых ориентиров четко прописаны только меры, касающиеся лиц пожилого возраста [3]. Картографирование использовано только в части экономической специализации муниципальных районов и городских округов.

Благодарность

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18–410–480003 «Влияние демографических и миграционных процессов на региональную систему занятости и валовой региональный продукт».

Список источников

1. *Иванова А. Е.* Проблемы смертности в регионах Центрального федерального округа. // Социальные аспекты здоровья населения. Информационно-аналитический вестник. 2008. № 1 (5). URL: http://vestnik.mednet.ru (дата обращения: 10.05.2020).

2. *Иванова А. Е., Семенова В. Г., Сабгайда Т. П., Евдокушкина Г. Н.* Проблемы и резервы снижения смертности в Липецкой области // Социальные аспекты здоровья населения. Информационно-аналитический вестник. 2008. № 1 (5). URL: http://vestnik.mednet.ru (дата обращения: 10.05.2020).

3. *Козлова Е. И., Новак М. А.* Отражение демографического фактора в региональных программах устойчивого развития (на примере Липецкой области) // Теоретическая и прикладная экономика. 2020. № 1. С. 64–79. DOI: 10.25136/2409–8647.2020.1.32374.

[1] Демографический ежегодник России. 2017. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm (дата обращения: 10.05.2020).

Информация об авторах

Новак Максим Андреевич (Россия, г. Липецк) — кандидат экономических наук, декан экономического факультета, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет» (398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30; e-mail: ferz235@mail.ru).

Козлова Елена Ивановна (Россия, г. Липецк) — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет» (398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30; e-mail: kozlova.e.i@kzlvs.com).

M. A. Novak, E. I. Kozlova

Improving the Demographic Situation in the Region by Reducing Mortality: Opportunities and Challenges (on the Example of the Lipetsk Region)

One of the fundamental elements of achieving sustainable development of the region is the demographic development of the territory. The main characteristic of the demographic situation is the natural increase (decrease) of the population, which depends on the birth rate and mortality. In the context of a decline in the population's birth rate, a factor of influence of state authorities is the desire to reduce mortality. This article analyzes the current demographic situation in the Lipetsk region within the framework of existing target documents and existing directions for overcoming negative trends. The information base of the study was the official statistical data of the Territorial agency of the Federal state statistics service for the Lipetsk region for 2010–2018. The use of differentiated demographic intra-regional policy with an emphasis on reducing the death rate in the context of declining population reproduction will allow us to implement the strategic goals of socio-economic development of the Lipetsk region.

Keyword: Lipetsk region, demographic situation, priorities in the field of demography, population mortality

Authors

Novak Maxim Andreevich (Russia, Lipetsk) — candidate of economic Sciences, Dean of the faculty of Economics, Lipetsk State Technical University (398055, Lipetsk, Moskovskaya str., 30, e-mail: ferz235@mail.ru).

Kozlova Elena Ivanovna (Russia, Lipetsk) — candidate of economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Lipetsk State Technical University (398055, Lipetsk, Moskovskaya str., 30, e-mail: kozlova.e.i@kzlvs.com).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 18–410–480003.

References

1. Strategy of socio-economic development of the Lipetsk region for the period 2024. Law of the Lipetsk region from 19.12.2006 № 60-PS (ed. Laws of the Lipetsk region from 25.05.2009 № 264-OZ, from 14.12.2011 № 589-OZ, from 29.10.2018 № 213-OZ).

2. Ivanova A. E. Problems of mortality in the regions of the Central Federal district. // Social aspects of public health. Informational and analytical Bulletin. 2008. № 1 (5). URL: http://vestnik.mednet.ru (accessed: 10.05.2020).

3. Ivanova A. E., Semenova V. G., Sabgayda T. P., Evdokushkina G. N. Problems and reserves of mortality reduction in the Lipetsk region // Social aspects of public health. Informational and analytical Bulletin. 2008. № 1 (5). URL: http://vestnik.mednet.ru (accessed: 10.05.2020).

4. Kozlova E. I., Novak M. A. The reflection of demographic factor in regional programs of sustainable development (on the example of Lipetsk Region) // Theoretical and Applied Economics. 2020. No. 1. Pp. 64–79. DOI: 10.25136/2409–8647.2020.1.32374.

УДК 332.1

А. Г. Оболенская

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ[1]

В рамках статьи предпринята попытка оценить потенциал развития одного из регионов Уральского макрорегиона — Свердловской области, с позиций государственного регулирования демографических показателей. Автором применен метод структурного анализа, на основании которого сделано заключение о наличии потенциала прорывного развития, но при условии своевременной корректировки региональной политики в отношении молодой семьи.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие территории, региональное управление, поддержка молодой семьи, социальная политика, экономические триггеры рождаемости

Объектом представленного в статье раздела исследования, которое ведется нами уже несколько лет, является региональная политика. В отдельных регионах и Российской Федерации в целом в настоящий период наиболее ярко выраженной демографической проблемой становится проблема молодой семьи, которая находится в ведении социальной, государственной политики. Сегодня в этой проблематике происходят структурные изменения, предопределенные динамикой общеэкономической ситуации, трансформацией социальной и общественной ситуации, что, безусловно, влечет за собой и значительную перестройку в институте семьи как в одной из уникальных подсистем государства в целом, способной эффективно реализовать характерные функции. На современном этапе именно молодая семья может стать драйвером развития территории [1, 8, 10].

В результате исследования актуальных трудов ученых-регионалистов и обществоведов [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11] мы рассматриваем молодую семью как основу демографического развития региона и его стабильного социально-экономического роста и повышения уровня жизни населения; сложную социальную систему, которая обладает своими уникальными признаками как социального института, так и малой социальной группы; социальную группу, члены которой объединены юридическими, брачными, родственными и социально-психологическими отношениями.

Для нашего исследования важно, что молодая семья участвует в социальном и биологическом воспроизводстве социума. Именно в семье формируется качественная основа регионального человеческого капитала, закладываются нормы, передаются традиции ведения хозяйства в территории.

Базой государственной политики в сфере поддержки молодой семьи являются многочисленные нормативно-правовые акты, одним из них

[1] © Оболенская А. Г. Текст. 2020.

Таблица 1

Социально-демографические показатели эффективности государственной политики в отношении молодых семей в Свердловской области

Показатель	Значение показателя по годам		
	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Количество молодых людей, состоящих в браке (пары)	213 137	216 312	217 589
Численность молодых семей в субъекте РФ (с учетом определения молодой семьи) (пары)	148 100	150 783	151 524
Количество молодых семей, в которых супруги разной национальности (пары)	15 149	15 900	15 963

является Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.». Главные цели — создание благоприятных условий для молодых семей, увеличение рождаемости, развитие ценностей семейной культуры и, несомненно, образа успешной и достойной молодой семьи, всесторонняя государственная поддержка молодых семей.

Для того чтобы реализовать вышеизложенные цели, необходимо воспитать в молодежной среде позитивное отношение к браку, сформировать образ благополучной молодой российской семьи, ориентировать семьи на рождение и воспитание нескольких детей и создать условия стимулирования рождения второго и последующих детей.

По состоянию на 2019 г. численность постоянного населения в Свердловской области составляет 4 329 341 чел., из них 654 748 тыс. чел. в возрасте от 14 до 30 лет, из них городское население составляет 71 %. В рамках анализа эффективности государственной политики в первую очередь необходимо дать полноценную характеристику социально-демографическим показателям (табл. 1).

Всего по данным официальной статистики на 2019 г. в Свердловской области зарегистрировано 217 589 семьей. Положительным фактором выступает то, что количество семей, в которых одному из супругов нет 35 лет, постепенно увеличивается. Многонациональность области ведет к тому, что порядка 15 963 молодых семей имеют миграционный состав — один из супругов не является русским. Следует отметить, что в большинстве это относится к мужской части населения, что говорит о негативной тенденции выбора русскими девушками мужей из числа представителей других национальностей. Как уже было отмечено выше, количество браков среди молодых представителей Свердловской области постоянно увеличивается. Динамика браков и разводов, показатели выборки представлены в таблице 2.

Как видно из представленной таблицы, количество браков имеет положительную тенденцию, в то время как количество разводов остается практически на одном уровне. В связи с тем, что к молодежи относится возрастная категория до 30 лет, то необходимо оценить количество браков, исходя из возраста молодоженов (рис. 1).

Таблица 2

Показатели браков и разводов молодых семей в Свердловской области

Показатель	Значение показателя по годам		
	2017 г.	**2018 г.**	**2019 г.**
Количество браков среди молодежи в субъекте РФ	32 942	30 366	31 358
Количество разводов среди молодежи в субъекте РФ	29 655	20 000	22 630

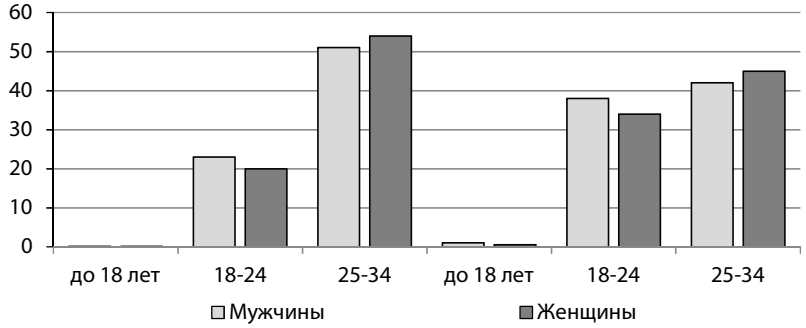

Рис. 1. *Динамика браков за 2017–2019 гг., исходя из возраста молодоженов*

Рассматривая данную динамику в возрастных группах 18–34 лет с 2017–2019 гг. прослеживается увеличение возраста заключения брака до 34 лет. Количество заключенных браков до 18 лет не превышает и 1 % на протяжении 3-х лет. Количество браков, в которых одному из супругов менее 25 лет, также стремительно снижается как среди мужчин, так и среди женщин. Можно сделать вывод, что в большинстве молодые люди не стремятся заключать брак в раннем возрасте. Согласно статистике на 2019 г., введен новый стандарт, где увеличился порог вступления в брак: как для девушек, так и для молодых людей он составляет 24–25 лет. Эти данные подтверждают и родильные дома, где впервые становятся мамами в 25 лет, и лишь 10 % жительниц родили первенцев до 25 лет; 45 % стали мамами в 25 и 36 % — в 40 лет. Динамику численности рождений представим в таблице 3.

Из представленной таблицы мы видим, что ежегодная динамика весьма обманчива. Так, общее число рождений в 2019 г. за год приросло почти на 10 % (с 40,124 тыс. чел. до 44,05 тыс. чел.). Однако, в сравнении с предыдущим годом, в 2019 г. общее число рождений к 2017 г. не только не выросло, но и снизилось почти на тысячу детей и составило 97,87 %. Также нелинейно изменялся показатель в отдельных возрастных категориях. До 20-летнего возраста детей стали рожать меньше на 9 %. В группе 20–24 года число рождений относительно 2017 г. в 2019 г. выросло только на 1 %. В группе 25–29 лет снизилось на 7,5 % и составило 93,57 % от 2017 г.

Таблица 3

Динамика рождений по возрастным группам в Свердловской области, чел.

Показатель	Значение показателя по годам						
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. к 2018 г.		2019 г. к 2017 г.	
				Δ абс., чел.	Δ отн., %	Δ абс., чел.	Δ отн., %
Всего рождений	45 007	40 124	44 050	3 926	109,78	–957	97,87
Детей, рожденных в молодых семьях	34 780	35 201	35610	409	101,16	830	102,39
До 20 лет	2 145	2 050	1 960	–90	95,61	–185	91,38
20–24 года	10 001	9 103	10 120	1 017	111,17	119	101,19
25–29 лет	25 274	20 410	23 650	3 240	115,87	–1 624	93,57
30–35 лет	7 578	8 561	8 320	–241	97,18	742	109,79

Обратное значение в последней возрастной категории молодых родителей 30–35 лет — прирост рождений в 2019 г. к 2017 г. составил почти 10 %. В целом, возраст рождения детей стремится к росту и все чаще составляет 25–29 и даже 30–35 лет. Постепенно уменьшается количество матерей в возрасте до 25 лет. Чтобы понять, по какой причине существует перевес, рассмотрим ниже таблицу 4, в которой определим уровень занятости молодого населения.

В аналитической таблице, составленной на основе данных федеральной статистики, видно, что наибольшая доля занятой молодежи регистрируется в категориях 25–29 и 30–35 лет по 39,88 и 43,76 % соответственно в 2017 г. и 44,92 % и 53,14 % в 2019 г. В связи с тем, что только к 30 годам молодежи удается реализоваться, решить финансовые проблемы, обзавестись жильем и стабильным заработком, появляется такая тенденция,

Таблица 4

Уровень занятости молодежи в Свердловской области, 2017–2019 гг., чел.

Категория молодежи	2017 г.	Доля возрастной группы,%	2018 г.	2019 г.	Доля возрастной группы	Отклонение	
						2019 г. к 2018 г., %	2019 г. к 2017 г., %
Занятые	28 335	100	26 145	25 415	100	97,21	89,69
До 20 лет	415	1,46	390	384	1,51	98,46	92,53
20–24 года	4220	14,89	4 115	4 108	16,16	99,83	97,35
25–29 лет	11 300	39,88	10 640	11 417	44,92	107,30	101,04
30–35 лет	12 400	43,76	11 000	13 506	53,14	122,78	108,92
Безработные	2008	100	1 957	2 036	100	104,04	101,39
До 20 лет	128	6,37	110	152	7,47	138,18	118,75
20–24 года	751	37,40	720	711	34,92	98,75	94,67
25–29 лет	612	30,48	610	653	32,07	107,05	106,70
30–35 лет	517	25,75	517	520	25,54	100,58	100,58

Таблица 5

Характеристика социально-экономического положения молодых семей в Свердловской области

Показатель	Значение показателей по годам			
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Отклонение 2019 г. к 2017 г.
Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.	32670	36787	39853	+7183
Среднемесячная реальная заработная плата (по отношению к аналогичному периоду), %	106,5	108,6	110,6	+4,1
Уровень реальных денежных доходов (по отношению к аналогичному периоду), %	103,2	104,4	106,5	+3,3
Уровень реальных располагаемых доходов (по отношению к аналогичному периоду), %	105,2	106,2	108,3	+3,1

что в большинстве случаев рождаемость перетекает в возрастную группу от 25 и выше. В результате множество молодых людей с высшим образованием уходит в низкоквалифицированную, малооплачиваемую сферу услуг, розничную торговлю, «офисную» работу, занимает другие рабочие места, где наличие высшего образования объективно не обязательно. Социально-экономическое положение молодых семей характеризуется такими факторами, как уровень заработной платы, уровень реальных доходов (таблица 5).

Как видно из представленной выше таблицы, в течение последних трех лет в Свердловской области, несмотря на увеличение размера номинальной заработной платы на 22 %, или 7,183 тыс. руб. и среднедушевых доходов, темпы прироста реальных денежных доходов молодых семей значительно ниже и составляют только около 3 % по реальной заработной плате, реальным денежным доходам и реальным располагаемым доходам (2,98 %), что негативно сказывается на социальной безопасности молодых семей.

Программа «Молодая семья» действует во многих регионах с 2008 г. Для участия в программе молодой семье необходимо соответствовать критериям и можно рассчитывать на безвозмездную материальную поддержку. Программой успели воспользоваться порядка 5 000 семей, и, несмотря на непростую экономическую обстановку, программа продолжает действовать на территории региона. Финансирование происходит за счет федерального, местного и внебюджетного источников. Полученные денежные средства, по данным Министерства финансов Свердловской области, можно направлять на достижение целей, представленных на рисунке 2. Субсидирование предоставляется в размере от 30 % до 35 % от стоимости жилья.

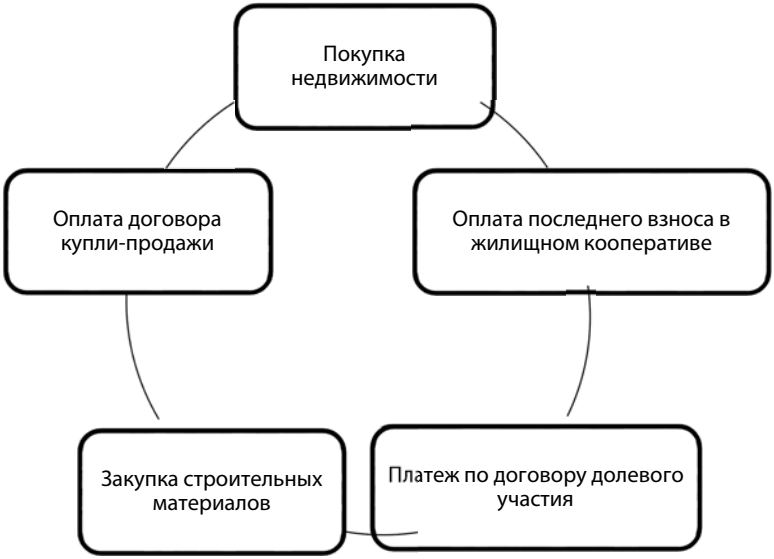

Рис. 2. *Выборка мероприятий по распределению полученных денежных средств*

Таким образом, необходимо в первую очередь воспитать в молодежной среде позитивное отношение к браку, сформировать образ благополучной молодой российской семьи, ориентировать семьи на рождение и воспитание нескольких детей. Чтобы снизить тенденцию рождения детей после 25 лет, властям необходимо создать условия, удовлетворяющие первоначальные потребности молодых семей, проработать меры по снижению разводов в Свердловской области.

Опыт других территорий в развитии молодой семьи представляет широкий спектр инструментов, которые можно использовать в деятельности государственной власти на территории Свердловской области. Негосударственные частные организации во взаимодействии с государственными институтами реализуют процессы комплексного поддержания ослабленного положения семей и предлагают пути решения в тех ситуациях, где молодая семья не имеет возможностей справиться с возникшей ситуацией. Многочисленные федеральные, региональные и местные программы помогают молодым семьям адаптироваться в социальной среде, но имеется низкая осведомленность о мерах поддержки и невысокая активность молодежи в поисках мер поддержки.

Список источников

1. *Анимица Е. Г., Новикова Н. В., Сухих В. А.* Качество жизни как комплексный показатель социального развития региона // Журнал экономической теории. 2009. № 1. С. 14–35.

2. *Верещагина А. В., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И.* Семья в формировании ценности доверия в молодежной среде современного российского города // Инженерный вестник.

2016. № 2. (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-v-formirovanii-tsennosti-doveriya-v-molodezhnoy-srede-sovremennogo-rossiyskogo-goroda (дата обращения: 10.05.2020).

3. *Волков Ю. В., Добреньков В. И., Кадарин Ф. Д., Савченко И. П., Шаповалов В. А.* Социология молодежи // Молодежь России, 2015. № 6. С. 11–18.

4. *Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И.* Социальное здоровье студенческой молодежи в условиях кризиса социальной справедливости: вызовы и угрозы безопасности России // Инженерный вестник. 2016. Т. 40, № 1. (40). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-zdorovie-studencheskoy-molodezhi-v-usloviyah-krizisa-sotsialnoy-spravedlivosti-vyzovy-i-ugrozy-bezopasnosti-rossii (дата обращения: 10.05.2020).

5. *Карманов М. Д.* Модели государственной политики в отношении семьи // Государственное управление, 2016. № 3. С. 13–21.

6. *Корнеева И. Л.* Семейное право. М. : Юрайт, 2016. 362 с.

7. *Мацковский М. С.* Молодая семья в большом городе. М. : Просвещение, 2018.

8. *Оболенская А. Г.* Перколяционное моделирование социально-экономического развития территории как профилактика организационного вандализма / Сборник Уральского экономического форума «Урал — драйвер неоиндустриального и инновационного развития России», 24–25 октября 2019 г. УрГЭУ, г. Екатеринбург, 2019.

9. *Перов Г. О.* Инновационные подходы в управлении социально- экономическим развитием российских семей // Социально-гуманитарные проблемы современной науки и пути их решения: Материалы V Всероссийской науч. конф., Челябинск, 2015.

10. *Сафаров Н. У.* Мировой опыт социальной защиты и борьбы с бедностью // Фундаментальные исследования. 2016. № 5. С. 634–639.

11. *Шаяхметова А. И.* Система социальной защиты населения как объект государственной политики: зарубежный опыт // Молодой ученый. 2017. № 34. С. 53–56.

Информация об авторе

Оболенская Алена Германовна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный университет (620014, Екатеринбург, ул. 8 марта, 62, 655; e-mail: a.obolenskaya@mail.ru).

A. G. Obolenskaya

Socio-Demographic Indicators of Public Policy Efficiency in Support of Young Families

The article attempts to assess the development potential of the Sverdlovsk region from the standpoint of state regulation of demographic indicators. Structural analysis applied. The need for flexible adjustment of regional policy in relation to a young family is found. The ability of young family members to overcome various risks depends on the degree of social security. The level of social security is formed closer to 25–30 years of age. This is due to decisions regarding a young family, which need to ensure stable work, purchase housing, give birth to children under the age of 25 years and above. We consider this a feature of the economic and social development of this region.

Keywords: territory socio-economic development, regional management, support for a young family, social policy, economic birth control triggers

Author

Obolenskaya Alena Germanovna (Russia, Ekaterinburg) — Ph.D., associate professor, Ural State University of Economics (620014, Ekaterinburg, 8 Marta st., 62, 655; e-mail: a.obolenskaya@mail.ru).

References

1. Animitsa E. G., Novikova N. V., Sukhikh V. A. Quality of life as a complex indicator of the social development of a region // Journal of Economic Theory. 2009. No. 1. P. 14–35.

2. Vereshchagin A. V., Gafiatulin N. Kh., Samygin S. I. Family formation of the value of trust in the youth environment of the modern Russian city // Engineering Bulletin, No. 2. 2016.

3. Volkov Yu. V., Dobrenkov V. I., Kadarin F. D., Savchenko I. P., Shapovalov V. A. Sociology of youth // Youth of Russia, 2015. No. 6. P. 11–18.

4. Gafiatulina N. Kh., Samygin S. I. Social health of students in a crisis of social justice: challenges and threats to Russia's security // Engineering Bulletin. 2016. V. 40, No. 1.

5. Karmanov M. D. Models of state policy in relation to the family // Public administration, 2016. No. 3. P. 13–21.

6. Korneeva I. L. Family law. M. : Yurayt, 2016. 362 p.

7. Matskovsky M. S. A young family in a big city. M. : Education, 2018.

8. Obolenskaya A. G. Percolation modeling of the socio-economic development of the territory as a organizational vandalism prevention. / Collection of the Ural Economic Forum «Ural — the driver of neo-industrial and innovative development of Russia», October 24–25, 2019 Ural State Economic University, Ekaterinburg, 2019.

9. Perov G. O. Innovative approaches in managing the socio-economic development of Russian families // Social and humanitarian problems of modern science and ways to solve them: Materials of the V All-Russian Scientific Conference, Chelyabinsk, 2015.

10. Safarov N. U. World experience of social protection and poverty alleviation // Fundamental research. 2016. No. 5. P. 634–639.

11. Shayakhmetova A. I. The system of the population social protection as an object of state policy: foreign experience // Young scientist. 2017. No. 34. P. 53–56.

УДК 314.7

В. В. Пациорковский

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ СРЕДНЕГО УРАЛА[1]

В статье рассмотрены особенности территориальной системы расселения Среднего Урала. Объект наблюдения — движение населения в сельской местности отдельных административно-территориальных и муниципальных образований Свердловской области в 2010–2018 гг. Всего описано 15 таких муниципальных образований. Сформулировано предложение, связанное с созданием на этой территории заповедника или национального парка. Вполне возможно, что такое развитие событий откроет путь реализации третьего приоритета программы «Стратегия–2030» Свердловской области, который предполагает обеспечение сбалансированного развития территории региона.

Ключевые слова: муниципальные образования, городские округа, муниципальные районы, населенные пункты, сельское население, движение населения

Все последние годы численность населения Среднего Урала медленно, но непрерывно сокращается. В 2018 г. убыль населения составила –0,2 %[2]. При этом как в естественном приросте смертность превышала рождаемость, так и в механическом движении населения число убывших превышало число прибывших. Общий коэффициент рождаемости составил 11,6 промилле, а смертности 13,5 промилле. В результате коэффициент естественного прирост оказался равен –1,9 промилле[3]. В то же время коэффициент миграционного прироста равнялся –3 на 10 000 населения[4].

Тем не менее, по численности населения регион пока еще остается пятым в стране. Скорее всего, предстоящая в текущем году перепись населения не внесет сюда свои коррективы. Ближайшие «преследователи» (Ростовская область и Республика Башкортостан) в последние годы имеют сходную тенденцию сокращения численности населения, а догнать стоящий на одно место впереди г. Санкт-Петербург просто нереально.

Указанное развитие событий представляет собой результат действия большой совокупности социальных, экономических и природных факторов как внутрирегиональных, так и внешних. Цель предлагаемой работы — привлечь внимание к влиянию исторически сложившихся особенностей территориальной системы расселения региона на происходящие изменения. Представляется, что заложенный в Стратегию социально-экономического развития региона до 2030 г. третий приоритет: «Территория для жизни и бизнеса — обеспечение сбалансированного развития территории

---

[1] © Пациорковский В. В. Текст. 2020.

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. М. : Росстат, 2019, С. 64.

[3] Там же, С. 66, 68 и 76.

[4] Там же, С. 92.

Свердловской области»[1], — привлекателен, но едва ли достижим в существующих условиях.

Базовая гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом: глубокая разбалансировка системы расселения на Среднем Урале служит одним из основных источников внутрирегионального движения населения. Его конечным результатом, в случае сохранения сложившегося положения вещей, может стать обезлюдение обширных территорий в Восточной и Северной частях региона или, как было принято говорить еще совсем недавно, в одноименных управленческих округах. Объект наблюдения — движение населения в сельской местности отдельных административно-территориальных и муниципальных образований Свердловской области в 2010–2018 гг.

В 2017 г. и 2019 г. на VIII и X Уральских демографических форумах нами были сделаны доклады, в которых под разным углом зрения рассматривалось движение населения муниципальных образований (МО) Среднего Урала в 2010–2018 гг. При этом, в одном случае, для целей анализа наблюдаемые МО были упорядочены по динамике перемен от максимальных значений утрат населения до минимальных и через ноль от минимального роста до максимума прироста численности населения [1]. В другом случае был выполнен анализ связи изменения численности населения МО первого уровня (городских округов — ГО и муниципальных районов — МР) в зависимости от их организационно-правовой формы [2].

В целом наблюдения показывают, что с позиций утраты населения в наиболее неблагоприятных условиях оказалось три группы МО. Одна из них — ГО, образованные в полностью сохранившихся границах бывшего административно–территориального района. Их примером могут служить Гаринский, Пышминский, Тавдинский и Туринский ГО. Сюда же следует отнести и три МР (Байкаловский, Слободо-Туринский и Таборинский). Вторая группа — ГО, образованные в результате разделения района на самостоятельные МО. Примерами здесь могут служить Ивдельский и Пелымский ГО. Наконец, третья группа — ГО, образованные на остатках бывших административных районов после отсечения от них городов — районных центров и придания последним больших административных территорий. Примерами здесь может служить ГО Алапаевское, Махнёво и Сосьвинский, от которых отсекли соответственно города Алапаевск и Серов. Всего сюда входят 14 муниципальных образований, занимающих немногим более половины площади региона (табл. 1).

В таблице 1 МО представлены в порядке сокращения потерь в них сельского населения (от максимума к минимуму) в наблюдаемый период (столбец 4). Подчеркнем, что предложенная выборка движения сельского населения касается только трех ранее выделенных групп МО. Она охватывает

[1] Стратегия-2030 // Официальный Интернет-ресурс Министерства экономики и территориального развития Свердловской области. URL: http://economy.midural.ru/content/strategiya-2030 (дата обращения: 24.03.2020).

Таблица 1

Динамика движения сельского населения в отдельных муниципальных образованиях Среднего Урала в 2010–2018 гг.

Муниципальные образования	2010 г., чел.	2018 г., чел.	2018 г. к 2010 г., в %	Плотность населения в 2010 г., чел./км²	Плотность населения в 2018 г., чел./км²
ГО Сосьвинский	8 712	5 640	–35,3	1,8	1,2
ГО Махнёво	3 672	2 741	–25,4	0,6	0,5
ГО Гаринский	2 432	1 869	–23,1	0,2	0,1
ГО Туринск	10 349	8 518	–17,7	1,4	1,1
ГО Тавда	6 885	5 686	–17,5	1,1	0,9
МР Таборинский	3 574	3 052	–14,6	0,3	0,26
МР Слободо-Туринский	15 091	12 974	– 14,0	5,6	4,7
ГО Тугулым	16 580	14 300	–13,8	4,9	4,3
ГО Ивдельский	6 744	5 825	–13,6	0,3	0,2
ГО Алапаевское	16 543	14 789	–11,5	3,2	2,9
ГО Талица	31 084	27 693	–10,9	6,9	6,2
ГО Пелым	795	712	–10,4	0,16	0,15
МР Байкаловский	16 294	15 096	–7,4	7,1	6,5
ГО Пышминский	10 808	9 691	–7,0	5,7	5,1
Всего	149 563	128 595	–14,1	1,6	1,4

Источник: База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В. В., Коленникова О. А., Симагин Ю. А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.

около четверти сельского населения региона. В наблюдаемых МО его суммарные потери в 2010–2018 гг. составили 14,1 %, а и без того низкая плотность сельского населения, составлявшая в 2010 г. 1,6 чел./км², в 2018 г. сократилась и составила 1,4 чел./км². Между тем средняя плотность населения в Свердловской области составляет на данный момент 22,2 чел./км².

Конечно, в регионе есть МО, которые демонстрируют совсем другие образцы движения сельского населения. К примеру, в наблюдаемый период МР Камышловский показал заметную прибавку сельского населения (+2,9 %). Сходная тенденция роста сельского населения наблюдается и в ряде ГО (Полевской, Ревда, Сухой Лог, Сысерть). В то же время МР Нижнесергинский, находящийся на юго-западе региона, терял сельское население (–15,7 %). Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что проблема не в селе и сельском населении как таковом, а в тех условиях жизни, в которых ему приходиться жить.

В рассматриваемый перечень МО попали и нашедшие отражение в народной мудрости жителей области места: «Три Свердловские дыры — Сосьва, Гари, Таборы»[1]. Собственно, Сосьвинский городской округ и демон-

[1] Сосьвинский городской округ // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/

стрирует самое глубокое сокращение численности сельского населения в наблюдаемый период. За ним следуют два других соседних городских округа: Махнёво и Гаринский.

Как видно на рисунке 1, эти МО сгрудились на северо-востоке региона. Они составляют ядро, к которому примыкают МО северной (ГО Ивдель, Пелым) и восточной частей региона (ГО Туринский, Тавдинский, МР Таборинский и другие по списку вплоть до МР Байкаловский и ГО Пышминскй, потерявших в наблюдаемый период 7,4 и 7,0 % сельского населения соответственно). Красная линия, отделяющая указанные в таблице 1 МО, пересекает всю область от ГО Ивдельский на севере до ГО Пышминский на юге, деля ее почти на две равные части по площади, но очень разные по численности населения и характеру его движения.

Исходно отличительными особенностями МО, которые оказались в правой части рисунка 1, являются: низкая численность населения, огромная территория, крайне слабый каркас системы расселения. Опыт показывает, что малые города, пгт и тем более села не могут держать такую огромную территорию и удовлетворять потребности населения в рабочих местах, бытовом и социальном обслуживании. Как следствие указанных обстоятельств такие МО являются лидерами по утрате населения. Наблюдения показывают, что в первую очередь они теряют как сельское население, так и сельские населенные пункты.

В результате в 2018 г. минимальный удельный вес сельского населения фиксировался в ГО Тавда (14,6 %), а максимальный (100 %) продолжал сохраняться в трех МР (Байкаловском, Слобода-Туринском и Таборинском), в которых вообще отсутствует городское население. При этом в 2019 г. в ГО Пелым в двух из четырех поселков оставалось по одному жителю, а поселок Нерпья был упразднен как потерявший население[1]. Сходная ситуация наблюдается и в других рассматриваемых МО.

Вместе с тем у этого процесса есть и свои ограничители. Их основу составляют непрерывные производства и различного рода спецобъекты федерального назначения. К примеру, в том же Пелыме костяк населения занят на железной дороге и компрессорных станциях, обслуживающих целый пучок газопроводов и нефтепроводов, идущих из Сибири в Европу, тогда как в Арктической зоне (НАО, ЯНАО) все эти работы уже выполняются вахтовым методом. Вполне возможно, что на севере Среднего Урала в этом нет какой-либо необходимости. К тому же здесь в соответствии со Стратегией развития железнодорожного транспорта должна пройти новая большая железнодорожная магистраль «Баренцкомур»[2]. Другое не ме-

Сосьвинский_городской_округ (дата обращения: 26.03.2020).

[1] Пелым (городской округ Пелым) // Википедия. URL: https://bitly.su/pdrV0a8j (дата обращения: 23.03.2020).

[2] Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года // Официальный Интернет-ресурс Министерства транспорта Российской Федерации. URL: https://www.mintrans.ru/documents/2/1010 (дата обращения: 23.03.2020).

Рис. 1. *Контурная карта муниципальных образований Свердловской области*
Примечание: Муниципальное деление Свердловской области (на 1 января 2017 г.): городские округа (ГО) и муниципальные районы. Обозначения: 1 — Волчанский ГО, 2 — Серовский ГО, 3 — ГО Красноуральск, 4 — Верхнесалдинский ГО, 5 — ГО ЗАТО Свободный, 6 — ГО «Нижняя Салда», 7 — МО г. Алапаевск, 8 — МО г. Ирбит, 9 — Кировградский ГО, 10 — Невьянский ГО, 11 — ГО Староуткинск, 12 — ГО Верхний Тагил, 13 — ГО Верх-Нейвинский, 14 — Новоуральский ГО, 15 — ГО Верхняя Пышма, 16 — ГО Среднеуральск, 17 — Берёзовский ГО, 18 — Малышевский ГО, 19 — ГО Рефтинский, 20 — Асбестовский ГО, 21 — Бисертский ГО, 22 — ГО Дегтярск, 23 — МО «город Екатеринбург», 24 — ГО Верхнее Дуброво, 25 — ГО Заречный, 26 — Белоярский ГО, 27 — МО «посёлок Уральский», 28 — Арамильский ГО.
Источник: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Административно_территориальное_деление_Свердловской _области (дата обращения: 27.03.2020)

нее важное обстоятельство, сдерживающее движение населения, состоит в том, что Гари, Ивдель, Сосьва в качестве градообразующей базы имеют учреждения ФСИН России. Их весьма специфический контингент требует к себе постоянного внимания кадрового и вольнонаемного персонала.

Для исторически промышленно развитого Среднего Урала с его большим числом городов, выросших вдоль «Каменного пояса», трудно понять, как урбанизация оставила нетронутой такую огромную территорию. Это тем более удивительно, что именно в этих местах началось завоевание Сибири. Независимо от того, как шел Ермак — по рекам Тагил, Тура и Тобол, или по рекам Пелым, Тавда и Тобол, он шел в Сибирь по этим местам.

Более того, известно, что основная часть этой территории, административно находясь в Свердловской области, географически уже относится к Сибири. Да и административно она была включена в состав области уже при Советской власти. Видимо, в этой истории и следует искать ответы, как могло случиться, что западная и центральная части Среднего Урала так разительно отличаются от его восточной и северной частей.

С середины XVI в. царская власть усилиями Строгановых заселяла эти места крестьянскими слободками, создавая укрепленные городки и остроги. И, несмотря на смену вектора развития в XVIII в., который выразился в формировании сначала Демидовыми Каменного пояса, а впоследствии и современного промышленно ориентированного Урала, в наблюдаемой местности сохранялись традиции острогов, бездорожья и сельского уклада жизни. К примеру, «Таборы — старинное поселение. Оно основано как острог князем-воеводой Петром Горчаковым в 1583 году. Долгое время Таборы являлись поселением каторжан. И зимой, и летом добирались сюда по реке. В дореволюционное время Таборы были центром волости в Туринском уезде Тобольской губернии, а в 1923 году назначены центром одноименного района в Ирбитском округе Уральской губернии. С 1934 года Таборы находятся в Свердловской области»[1].

Сходная судьба и у другого старинного села — Гари. «По указу пелымского воеводы Петра Никитина от 15 сентября 1622 года подьячий Путила Степанов отправился вверх по Тавде в урочище Гари с целью осмотреть и переписать пашенные земли (местного хлеба из-за сурового климата и болотистых мест вокруг Пелыма не хватало). В 1623 году в Гаринскую слободу было поселено 10 крестьян. Слобода расположилась на правом берегу реки Сосьва, где простиралась обширная возвышенность, которая была признана годной под пашню. К концу XVIII века, после подавления крестьянского восстания под предводительством Емельяна Пугачёва, началось интенсивное заселение Гаринской слободы. Позднее на месте Гаринской слободы возникло с. Гаринское»[2].

[1] Таборы. URL: https://tochka-na-karte.ru/Goroda-i-Gosudarstva/15208-Tabory.html (дата обращения: 27.03.2020).

[2] Гари // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гари (дата обращения: 27.03.2020).

И сегодня передвижение во многих МО этой местности продолжает оставаться довольно затруднительным. Например, расстояние Пелым — Гари по трассе составляет 432 км, а по прямой — 178 км, расстояние Гари — Туринск по трассе составляет 640 км, а по прямой — 173 км, расстояние Туринск — Таборы по трассе составляет 189 км, а по прямой — 73 км, а от Гари до Таборы расстояние по трассе составляет 822 км, тогда как по прямой — всего 162 км.

Около 500 лет люди рубили здесь лес, охотились, ловили рыбу и развивали сельское хозяйство. И теперь, судя по всему, природе надо дать около 100 лет спокойствия на воспроизводство тайги и ее обитателей. Создание на этой территории заповедника или национального парка вполне возможно откроет путь реализации третьего приоритета программы Стратегия–2030 Свердловской области[1].

Список источников

1. *Пациорковский В. В.* Движение населения муниципальных образований Среднего Урала в 2010–2016 гг. // Демографический потенциал стран ЕАЭС. VIII Уральский демографический форум. Т. 2. Екатеринбург : ИЭ Уральского отделения РАН, 2017. 556 с.

2. *Пациорковский В. В.* Изменение численности населения городских округов и муниципальных районов Свердловской области в 2010–2018 гг. // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. X Уральский демографический форум Международная научная конференция. Сборник статей. Т. 1. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2019. 434 с.

Информация об авторе

Пациорковский Валерий Валентинович (Россия, Москва) — доктор экон. наук, профессор, главный науч. сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект 32, e-mail: patsv@mail.ru).

V. V. Patsiorkovsky

Population Movement in the Rural Area of the Middle Urals

The article considers the features of the territorial settlement system of the Middle Urals. The object of observation is the movement of the population in rural areas of certain administrative-territorial and municipal entities of the Sverdlovsk region in 2010–2018. A total of 15 such municipalities are described. A proposal has been formulated related to the creation of a reserve or a National Park on this territory. It is possible that such a development of events will open the way for the third priority of the "Strategy–2030" Program of the Sverdlovsk region, which assumes a balanced development of the region.

Keywords: municipalities, urban districts, municipal districts settlements, rural population, population movement

Author

Patsiorkovsky Valery Valentinovich (Russia, Moscow) — doctor of economics, professor, chief of science, Institute of socio-economic population problems of the FRSC RAS (117218, Moscow, Nakhimovsky Ave., 32; e-mail: patsv@mail.ru).

[1] Стратегия-2030 // Официальный Интернет-ресурс Министерства экономики и территориального развития Свердловской области. URL: http://economy.midural.ru/content/strategiya-2030 (дата обращения: 24.03.2020).

References

1. Patsiorkovsky V. V. The population movement of the municipalities of the Middle Urals in 2010–2016 // Demographic potential of the EAEU countries. VIII Ural Demographic Forum. Vol. 2. Yekaterinburg : IE of the Ural Branch of the RAS, 2017. 556 p.

2. Patsiorkovsky V. V. Change in the population of urban districts and municipal districts of the Sverdlovsk region in 2010–2018 // Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region. X Ural Demographic Forum International Scientific Conference. Digest of articles. Vol. 1. Yekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019. 434 p.

УДК 331.101.262: 316.365.2

Д. Г. Саитова

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПРОНАТАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПОДХОДЫ[1]

В статье предложена методика оценки предлагаемых мер пронаталистской политики на этапе их анонсирования и до момента перехода на этап реализации. Такой подход позволяет совершенствовать процедурные аспекты процесса реализации пронаталистской политики. Органы власти, ответственные за ее реализацию, должны быть адаптивны к современной информационной среде и работать, ориентируясь на оценку их деятельности со стороны населения. В статье предпринята попытка оценить мнение населения о распространении права на получение материнского капитала при рождении первого ребенка.

Ключевые слова: пронаталистская политика, оценка эффективности, удовлетворенность населения, родительский труд, материнский капитал, социальные сети

В условиях спада российской и мировой экономики, ограниченности финансовых ресурсов еще острее возникает вопрос оценки эффективности (в первую очередь — экономической) тех мер, которые принимаются государством для поддержки семьи и повышения рождаемости. Актуализируются проблемы оптимальности соотношения затраченных средств и полученных эффектов от реализации пронаталистской политики, соответствия мер запросам и потребностям семьи и общества, в особенности — настоящих и потенциальных получателей этих мер. В январе 2020 г. в Послании Федеральному Собранию Президент РФ анонсировал меры поддержки семьи, ориентированные на повышение уровня жизни семей с детьми и рождаемости: создание новых мест в яслях, ежемесячные выплаты на детей в возрасте от трех до семи лет включительно, право на получение материнского капитала при рождении первого ребенка и на дополнительные средства к материнскому капиталу при рождении второго ребенка, механизм социального контракта и др.[2]

На реализацию новых мер по программе материнского капитала только в 2020 г. запланировано увеличение расходов бюджета Пенсионного фонда почти на 112 млрд руб., в 2022 г. эта сумма должна вырасти более чем в два раза и составить 282,7 млрд руб.[3] Такой уровень расходов сопоставим с размером расходов на отдельные федеральные проекты,

[1] © Саитова Д. Г. Текст. 2020.

[2] Послание Президента Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582 (дата обращения: 05.05.2020).

[3] Материнский капитал: новое // Официальный сайт Пенсионного фонда Российской Федерации. URL: http://www.pfrf.ru/branches/moscow/news~ 2020/03/10/201308 (дата обращения: 02.05.2020).

например, «Современная школа» [1] или «Спорт — норма жизни»[2]. Новые меры по программе материнского капитала, как и мероприятия национального проекта «Демография», направлены на повышение, в первую очередь, количественных результатов, но при этом, что немаловажно, затрагивают и отдельные качественные результаты родительского труда[3].

Отметим, что новые меры пронаталистской политики по программе материнского капитала введены относительно недавно и действуют меньше полугода, что, на первый взгляд, пока не позволяет оценить эффективность затрат на их реализацию и полученный от этого эффект. Однако мы считаем, что уже сегодня можно сделать оперативный срез и первые оценки эффективности этих мер, а также оценить, каким образом возможно адаптировать реализацию пронаталистской политики к запросам получателей мер поддержки и улучшить их внедрение. На наш взгляд, предложенный в статье концептуальный подход можно применять для оценки одного из критериев эффективности мер пронаталистской политики.

В современной научной литературе по государственному и муниципальному управлению видам эффективности управления и их оценке традиционно уделяется большое внимание. Существует огромное количество подходов к оценке эффективности государственного управления.

Понятие «эффективность» выработано традиционной экономической наукой и означает соотношение затрат и результатов деятельности. «Экономическая эффективность всегда есть отношение между эффектом (результатом) производства и источниками, факторами, средствами его созидания» [7]. Различают также социальную эффективность, которую не всегда можно оценить с помощью количественных методов. Согласно П. И. Романовой, Е. Р. Ярской-Смирновой применительно к социальной эффективности показатели можно объединить в следующие группы: потребность в услугах, доступность услуг, коммуникативная эффективность социального учреждения, а также экономичность услуг, целесообразность расходов, целевое расходование средств [6]. Группа показателей коммуникативной эффективности привлекла наше особое внимание в процессе разработки подхода к оценке эффективности мер пронаталистской политики.

---

[1] Паспорт национального проекта «Образование»: Протокол президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 N 16// Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (дата обращения: 02.05.2020).

[2] Паспорт национального проекта «Демография»: Протокол президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 N 16 // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/ (дата обращения: 02.05.2020).

[3] Паспорт национального проекта «Демография»: Протокол президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 N 16 // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/ (дата обращения: 02.05.2020).

В своей работе Н. Б. Ворошилов предпринимает попытку обобщить все существующие научные подходы к оценке эффективности в пять основных групп и приходит к выводу, что формирующаяся система оценки эффективности государственного и муниципального управления в Российской Федерации объединяет большую часть подходов к оценке эффективности [3]. На практике в России оценивается эффективность деятельности не только отдельных работников органов государственной власти по показателям выполнения ими своих функций, плана деятельности и уровня исполнительской дисциплины, но и эффективность деятельности органов исполнительной власти в целом, для оценки которой разработаны KPI или перечень показателей для оценки эффективности их деятельности[1]. По нашему мнению, необходимо отдельно разработать перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов власти, ответственных за реализацию пронаталистской политики. Критически важно определить целевые показатели, а именно результаты родительского труда, на достижение которых направлена пронаталистская политика. При этом необходимо оценивать не только количественные результаты родительского труда на перинатальной стадии (например, уровень рождаемости или младенческой смертности), но и качественные результаты на последующих стадиях родительского труда вплоть до инкорпоративной [5], и соотнести их с повышением расходов на новые меры пронаталистской политики.

В настоящее время для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ Указом Президента утвержден перечень показателей, мониторинг которых ведется на постоянной основе. Отдельные показатели из утвержденного Указом Президента перечня характеризуют результаты родительского труда на уровне субъектов Российской Федерации. На уровне домохозяйства в методику учета результатов родительского труда могут быть заложены разработанные нами показатели, отражающие формирование результатов родительского труда [1]. Показатели результатов родительского труда дифференцированы на медицинские и социальные. К группе медицинских показателей относятся те, которые характеризуют физическое и психическое здоровье как элементы человеческого капитала, а к группе социальных — показатели, связанные с полученным образованием и приобретенными знаниями, умениями и навыками в ходе социальной жизнедеятельности [1]. Указанные группы показателей также можно выделить при оценке результатов родительского труда на уровне субъекта Российской Федерации.

Сравнение показателей эффективности, содержащихся в Указе Президента «Об оценке эффективности деятельности высших должностных

[1] Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 апреля 2019 г. N 193 // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323451/ (дата обращения: 02.05.2020).

лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», принятом в 2019 г.[1], и в Указе Президента «Об оценке эффективности органов государственной власти субъектов РФ», принятом в 2007 г.[2], позволяет проанализировать развитие тех показателей, которые связаны с демографической политикой в целом и пронаталистской политикой в частности, и сделать следующие выводы:

1) среди демографических показателей в Указе 2019 г. появились такие показатели, как «Естественный прирост», «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении», при этом был исключен показатель, предполагающий дифференциацию смертности по группам населения (младенческая, детская, материнская, в трудоспособном возрасте и др.), который является более информативным, чем общий показатель смертности;

2) среди показателей, которые мы относим к медицинским показателям физического здоровья, из перечня в Указе Президента 2019 г. был исключен «Удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности учащихся государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений»;

3) из перечня в Указе Президента 2019 г. был исключен показатель, который мы относим к группе медицинских показателей психического здоровья «Доля преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в общем числе зарегистрированных преступлений».

Вместе с тем, в Указе Президента РФ от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» вместо показателя «Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ», который присутствовал в аналогичных Указах Президента 2012[3] и 2017 гг.[4], появился такой качественный

[1] Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 25 апреля 2019 г. N 193 // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323451/ (дата обращения: 02.05.2020).

[2] Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 июня 2007 N 825 (ред. от 13 мая 2010) // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69366/ (дата обращения: 02.05.2020).

[3] Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 года N 1199 (ред. от 16 января 2015) // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134290/ (дата обращения: 02.05.2020).

[4] Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 14 ноября 2017 г. N 548 //

показатель, как «Уровень доверия к власти (Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации)». Однако среди качественных показателей оценки социальной эффективности более информативными являются показатель «Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ», а также следующие качественные показатели: «Удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ, в том числе их информационной открытостью (процент от числа опрошенных)»; «Удовлетворенность населения качеством образования (процент от числа опрошенных)»; «Оценка вовлеченности населения в занятия физической культурой и спортом (процент от числа опрошенных)»; «Удовлетворенность населения медицинской помощью (процент от числа опрошенных)» и другие, использование которых в настоящее время не предусмотрено.

Показатель оценки населением деятельности органов власти является по своей сути универсальным индикатором, который можно использовать для оценки деятельности органов власти в различных сферах общественной жизни. Однако существенный недостаток этого показателя состоит в том, что его достаточно сложно измерить. Для этого необходимо разработать методику исследования, определенный инструментарий, организовать, провести и обработать результаты прикладных социологических исследований. Современные технологии позволяют нам собрать и проанализировать оценки населения, используя открытые источники информации, в первую очередь, социальные сети.

По данным исследования «Российский медиаландшафт — 2020», которое проводилось «Левада-центром» в марте 2020 г. еще до введения режима самоизоляции, 39 % респондентов чаще всего узнают новости из социальных сетей [3]. Отметим, что по этому показателю социальные сети уже опередили Интернет-СМИ. Одновременно с этим, современные системы мониторинга социальных сетей позволяют по ключевым словам анализировать и обобщать огромные массивы данных. Кроме того, растущая популярность формата онлайн-трансляций и видеообращений в социальных сетях позволяет в режиме реального времени оценить мнение зрителей онлайн-трансляции по количеству просмотров, отметок «мне нравится» и комментариев.

Совокупность этих факторов позволяет анализировать мнения и оценки населения не только по итогам ежедневного мониторинга массива данных социальных сетей в течение определенного периода времени, но и на стадии анонсирования отдельных мер государственной политики. Таким образом, по нашему мнению, в перечень показателей для оценки эффективности мер пронаталистской политики необходимо также

Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282702/ (дата обращения: 02.05.2020).

включить показатели, которые позволяют провести первые оценочные процедуры сразу после внедрения или анонсирования новых мер пронаталистской политики. В данном случае население оценивает не результаты уже принятых решений, а предлагаемые меры на уровне коммуникации, идеи или предложения. Особенность публичного дискурса должностных лиц и представителей органов государственной власти, в отличие от политических деятелей, состоит в том, что озвученные решения должны быть доведены до стадии реализации. Так, анализ эффективности мер пронаталисткой политики по оценкам населения должен осуществляться на двух уровнях:

1) на уровне коммуникаций с использованием социальных сетей;
2) на уровне реализации с помощью прикладных социологических исследований.

Для оценки удовлетворенности населения новыми мерами пронаталистской политики на уровне коммуникаций предлагаем использовать следующую двухэтапную методику. Первый срез мнений и оценок граждан можно получить, анализируя комментарии под новостями или онлайн-трансляциями, анонсирующими новую меру государственной поддержки рождаемости, в социальных сетях. На втором этапе комментарии и оценки пользователей можно сгруппировать по территории, полу, возрасту, наличию детей и уровню образования. Все эти параметры уже широко используются в социальных сетях для анализа целевой аудитории и настройки таргетированной рекламной кампании.

На практике мы проводили исследование комментариев под онлайн-трансляцией Послания Президента РФ Федеральному Собранию в январе 2020 г. В качестве гипотезы был выдвинуто предположение о том, что новые меры пронаталистской политики вызовут только положительные отзывы у пользователей социальных сетей. Выборка комментариев для исследования формировалась из числа комментариев к онлайн-трансляции в самом многочисленном по количеству подписчиков официальном сообществе информационного агентства «Новости»[1] в популярной среди российских пользователей социальной сети «Вконтакте» [3]. Всего онлайн-трансляцию посмотрели 168 931 пользователь и оставили под ней 476 комментариев, из которых 106 комментариев не относились к теме трансляции. Среди оставшихся 370 комментариев только 26,0 % пользователей однозначно одобрили предложенные меры пронаталистской политики. На рисунке представлена поляризация мнений пользователей о новых мерах пронаталистской политики.

28,1 % комментариев содержали нейтральные оценки: в целом пользователи высказывали одобрение, вместе с тем указав на то, что этих мер недостаточно и предложив иные, более актуальные, на их взгляд, меры поддержки семьи или совершенствование механизма реализации этих

[1] Путин о материнском капитале от 15 января 2020 г. // Официальное сообщество РИА «Новости». URL: https://vk.com/ria (дата обращения: 15.03.2020).

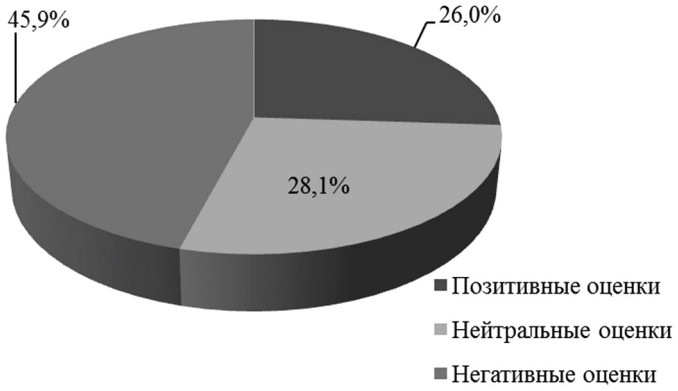

Рис. *Поляризация мнений пользователей о новых мерах пронаталистской политики*

мер. Относительно совершенствования механизма реализации новой пронаталистской политики пользователи, в частности, предлагали: усилить контроль целевого расходования материнского капитала; упростить процедуру оформления материнского капитала; размещать средства материнского капитала на депозите до достижения ребенком возраста 18 лет, чтобы он мог самостоятельно им воспользоваться. 45,9 % пользователей высказали отрицательное отношение к новым мерам пронаталистской политики, утверждая, что новые выплаты приведут к повышению рождаемости в семьях с низким уровнем дохода, где люди не будут ориентированы на повышение качества результатов родительского труда. Также часть пользователей, которые уже имеют детей, но при этом не входят в перечень получателей новых мер государственной поддержки семьи, усмотрели дискриминационную составляющую в такой политике, указывая на то, что на всех стадиях родительского труда требуется затрачивать дополнительные ресурсы на воспитание и образование детей.

В результате использования предложенной методики оценки эффективности новых мер пронаталистской политики на уровне коммуникаций удалось получить мнения и оценки пользователей — реальных граждан, которые имеют высокий уровень интереса к этой теме. Часть предложений указывает на актуальность для населения других мер поддержки, которые можно в дальнейшем проработать и, по возможности, внедрить, также отдельные высказанные пользователями замечания к процедуре реализации мер позволяют оперативно ее усовершенствовать, адаптировать к современным реалиям. Анализируя данные социальных сетей для их дальнейшего использования с целью совершенствования государственной политики, на наш взгляд, уместно сказать об адаптивной эффективности как ведущей составляющей эффективности государственного управления. Адаптивная эффективность, по мнению М. В. Ивановой, отражает,

насколько государственный аппарат готов использовать инновационные технологии и механизмы в разработке и реализации государственной политики в изменяющихся условиях и зависит:

— от качества действующей системы образования в стране;

— информационной инфраструктуры;

— политической воли (запроса государства на прозрачность своей деятельности) [4].

Не в полной мере понятно, является ли «адаптивная эффективность» авторским термином. Если да, то, на наш взгляд, к описанной ситуации лучше применять термин «эффективная адаптация» государственного аппарата к существующей информационной среде и оценкам населения. Эффективная и быстрая реорганизация работы органов власти, ответственных за реализацию пронаталистской политики, может стать критически важной в условиях, когда оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ выступает одним из критериев эффективности их деятельности.

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6)

Список источников

1. *Багирова А. П., Быкова Д. Г.* Оценка результатов родительского труда: методические принципы и система показателей // Экономический анализ: теория и практика. ИД «Финансы и кредит». 2015. № 27 (426). С. 2–13.

2. *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиаландшафт–2020 // Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады «Левада Центр». URL: https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020/ (дата обращения: 02.05.2020).

3. *Ворошилов Н. В.* Эффективность муниципального управления: сущность и подходы к оценке // Проблемы развития территории. 2015. № 3 (77). С. 143–159.

4. *Иванова М. В.* Информационная открытость органов власти как фактор роста эффективности государственного управления // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2013. № 7 (66). С. 12–17.

5. *Илышев А. М., Багирова А. П.* Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека. М. : Финансы и статистика, 2010. 304 с.

6. *Романова П. И., Ярская-Смирнова Е. Р.* Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения. М. : Московский общественный научный фонд, 2007. 234 с.

7. *Чепурин М. Н., Киселева Е. А.* Курс экономической теории. Киров : «АСА», 1994. 752 с.

Информация об авторе

Саитова Дарья Георгиевна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экон. наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: bykovadarya91@gmail.com).

D. G. Saitova

Estimation of the Pronatalism Measures' Effeciency: Relevance and Approaches

The paper proposes a methodology for evaluating the efficiency of new measures of pronatalism at the stage of their announcement and before the implementation stage. It makes possible to improve the procedural aspects of pronatalism implementation. The authorities responsible for its implementation should adapt to the modern information environment and focus on the assessment of their activities by the population. The paper attempts to evaluate the opinion of the population on the extension of the right to receive maternity capital at the birth of the first child.

Keywords: pronatalism, evaluation, people satisfaction, parental labor, maternal capital, social media

Acknowledgments

The article is one of the outputs of the research project "Russian pro-natalist policy: resources, effects, optimization opportunities", supported by the Council on grants of the President of the Russian Federation, project no. NSh-2722.2020.6.

References

1. Bagirova A. P., Bykova D. G. Estimation of the parental labor results: methodic principles and indicators // Economic analysis: theory and practice. Publishing House «Finance and Credit». 2015. No. 27 (426). P. 2–13.

2. Volkov D., Goncharov S. Russian media landscape–2020 // The official website of the Yuri Levada Analytical Center "Levada Center". URL: https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020/ (accessed: 02.05.2020).

3. Voroshilov N. V. Efficiency of municipal management: the essence and approaches to assessment // Problems of the development of the territory. 2015. No. 3 (77). P. 143–159.

4. Ivanova M. V. "Information openness of government as a factor in the growth of public administration efficiency // INJECON Bulletin. Series: Economics. 2013. No. 7 (66). P. 12–17.

5. Ilyshev A. M., Bagirova A. P. Introduction to reproduction. The formation of the science of human reproduction. M. : Finance and statistics, 2010. 304 p.

6. Romanova P. I., Yarskaya-Smirnova E. R. Evaluation of the effectiveness of the institutions of social support of the population. M. : Moscow Public Science Foundation, 2007. 234 p.

7. Chepurin M. N., Kiseleva E. A. The course of economic theory. Kirov : "ASA", 1994. 752 p.

Author

Saitova Daria Georgievna (Russian Federation, Ekaterinburg) — Ph.D. in Economics, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, (620002, Ekaterinburg, Mira str., 19; e-mail: bykovadarya91@gmail.com).

УДК 910.3

М. Р. Сафиуллин

СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УФИМСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН[1]

На современном этапе городские агломерации приобретают все большее значение в обеспечении эффективного пространственного развития регионов России. В статье дан анализ и оценка изменений демографического потенциала Уфимской городской агломерации. Охарактеризована динамика абсолютной численности населения, рождаемости, смертности и миграции населения в разрезе муниципальных образований Уфимской агломерации за период с 2012 по 2018 гг. Динамика социоэкономического потенциала Уфимской агломерации рассмотрена на основе показателей сферы здравоохранения, занятости населения и безработицы, среднемесячной начисленной заработной платы, инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения по муниципальным образованиям. Определены особенности изменения социоэкономического и демографического потенциалов Уфимской агломерации. Выявлены тренды в социоэкономическом и демографическом развитии Уфимской агломерации, сформировавшиеся за период с 2012 по 2018 гг.

Ключевые слова: социоэкономический потенциал, демографический потенциал, агломерация, численность населения, миграция населения, тренды

Эффективное территориальное развитие городских агломераций предполагает долгосрочное стратегическое планирование экономики, социальной, транспортной, экологической, инженерной инфраструктур с оптимизацией землепользования, определением новых территорий для развития (размещения мест проживания, приложения труда и бизнеса) с учетом сложившейся и перспективной демографической ситуации. Анализ и оценка факторов эффективного территориального развития городских агломераций России в рыночных условиях является предметом современных научно-прикладных исследований [1, 2, 3, 5, 6].

Уфимская агломерация — крупнейшая в республике, включающая города Уфа и Благовещенск, а также Уфимский, Благовещенский, Иглинский, Кармаскалинский, Кушнаренковский, Чишминский, Нуримановский, Благоварский и Архангельский административные районы. Общая площадь агломерации составляет 12,4 тыс. км^2, или 8,7 % от общей площади республики. На 1 января 2019 г. на территории агломерации проживало 1 млн 473 тыс. чел., или 36,4 % от всего населения Республики Башкортостан (РБ). Ядром агломерации является город-миллионер Уфа, который развивается и функционирует в тесном взаимодействии с пригородной зоной и более отдаленными окружающими территориями. Периферийные участки пригородной зоны расположены от г. Уфа в среднем на 25–35 км, с наибольшей

[1] © Сафиуллин М. Р. Текст. 2020.

удаленностью от города в северном и восточном направлениях до 65 км. Изучению научно-прикладных проблем развития Уфимской агломераций России уделяется большое внимание [4, 7].

Центр агломерации Уфы обладает комплексом устойчивых конкурентных преимуществ по сравнению с другими городами республики:

— наибольшая концентрация населения;

— крупный транспортный узел;

— многофункциональный центр, представляющий собой связующее и главное звено в развитии социальной, экономической и политической жизни республики;

— концентрирует базовые предприятия многих отраслей промышленности, материально-технического обеспечения;

— сконцентрированы ведущие учреждения и организации здравоохранения, просвещения, высшего образования, науки, культуры, торговли и бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, пассажирского транспорта и связи.

Социальная сфера. По итогам 2018 г. на территории РБ насчитывается 1,2 млн пенсионеров. В Уфимской агломерации проживает 394 тыс. пенсионеров, или 1/3 часть всех пенсионеров республики. В городе Уфа проживает до 83 % всех пенсионеров Уфимской агломерации. Трендом является старение населения агломерации. Доля пенсионеров в общей численности населения агломерации увеличилась с 25,7 % в 2013 г. до 26,9 % в 2018 г. (табл. 1).

Увеличение численности пенсионеров в структуре населения Уфимской агломерации в перспективе может создать социальные проблемы в развитии. С одной стороны, старение населения, несомненно, приведет к сокращению численности трудоспособного населения. С другой стороны, старение населения неизбежно потребует роста социальных расходов в муниципальном и республиканском бюджетах.

В целом для Уфимской агломерации характерны высокие объемы строительства индивидуального жилья в Уфе и в муниципальных районах, граничащих с ней: в Уфимском и Иглинском районах. Высокие объемы ввода жилых домов, а также индивидуальное строительство объясняется высокой плотностью населения вокруг города-миллионера, более высокими доходами и желанием жителей г. Уфа иметь индивидуальное жилье в пригороде, что характеризует развитие процесса субурбанизации в агломерации.

Наименьшие значения показателя в 2019 г. по уровню безработицы зафиксированы в Уфимском, Благовещенском и Иглинском районах, а также в городе Уфа. Самый высокий уровень безработицы за весь период исследования наблюдался в Чишминском районе. Во всех МО, входящих в Уфимскую агломерацию, за исключением Чишминского и Кармаскалинского районов, отмечается значительное снижение уровня безработицы в 2019 г. по сравнению с 2013 г. (табл. 2).

Таблица 1

Численность пенсионеров в Уфимской агломерации (чел.)*

Районы	Значение показателей по годам					
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Уфа	283 133	287 109	294 289	298 174	301 234	306 016
Уфимский	15 880	16 595	17 637	18 547	19 486	20 489
Благовещенский	12 669	12 879	13 338	13 596	13 672	14 004
Иглинский	12 356	12 715	13 283	13 726	14 283	14 859
Кармаскалинский	12 972	13 182	13 397	13 769	14 051	14 283
Кушнаренковский	6 641	6 767	6 871	6 937	7 016	8 584
Чишминский	14 340	14 505	14 799	15 104	15 378	15 601
Итого	357 991	363 752	373 614	379 853	385 120	393 836

* Составлено автором по: [8].

Таблица 2

Уровень безработицы в Уфимской агломерации (в %)*

Районы	Значение показателей по годам						
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
г. Уфа	1,33	1,13	1,13	1,25	1,03	0,86	0,83
Уфимский район	0,98	1,15	1,04	1,11	0,75	0,70	0,63
Благовещенский район	0,99	0,96	0,81	0,99	0,85	0,80	0,75
Иглинский район	1,03	0,97	1,00	1,16	0,91	0,84	0,85
Кармаскалинский район	1,54	1,38	1,93	1,89	1,59	1,46	1,75
Кушнаренковский район	1,30	1,23	1,17	1,22	0,96	1,02	1,06
Чишминский район	2,04	2,27	1,99	1,98	2,10	2,02	2,22

* Составлено автором по: [8].

Численность безработных в Уфимской агломерации на 1 января 2019 г. составила 6 974 чел.: по сравнению с 2013 г. она сократилась на 2 438 чел., или на 25,9 %.

В РБ насчитывается 17,1 тыс. врачей и 44,1 тыс. сотрудников среднего медицинского персонала (2017). На территории Уфимской агломерации работают 10,1 тыс. врачей и 18,1 тыс. сотрудников среднего медицинского персонала, что составляет соответственно 59 % и 41 %. В последние годы в республике сложилась проблемная ситуация, связанная с дефицитом кадров в медицинской сфере. Нехватка врачей и среднего медицинского персонала отмечается в сельских районах республики. Во всех районах, входящих в состав Уфимской агломерации, данный показатель имеет отрицательную динамику. Его значение ниже среднереспубликанского значения во всех муниципальных районах агломерации, кроме города Уфа. В столице республики расположены больницы республиканского значения и специализированные медицинские центры. За счет этих учреждений в Уфе отмечается наибольшее количество больничных коек. Низкая обеспеченность койко-местом по итогам 2018 г. в Уфимской агломерации

отмечается в Кушнаренковском и Иглинском районах. Отставание от среднереспубликанского значения достигает двухкратного разрыва.

Обеспеченность населения врачами в Уфимской агломерации за период с 2013 по 2018 гг. во всех МО уменьшилась. Меньше всего врачей на 10 тыс. чел. населения в Иглинском, Благовещенском и Кармаскалинском районах — менее 20 врачей. Обеспеченность населения средним медицинским персоналом в РБ с 2015 г. также сокращается. В 2017 г. этот показатель в среднем по республике составлял 108,5 работника со средним медицинским образованием. В муниципальных районах Уфимской агломерации обеспеченность средним медицинским персоналом ниже, чем в среднем по республике, от 1,5 до 2,4 раза. Показатель выше среднереспубликанского значения имеет только г. Уфа (130,0).

Экономическая сфера. В 2018 г. на территории Уфимской агломерации работало свыше 357 тыс. чел., что составляет 32,6 % от всего работающего населения республики. За период с 2013 по 2018 гг. численность работников организаций в Уфимской агломерации (без учета субъектов малого предпринимательства) сократилась на 5,4 %.

Среди МО Уфимской агломерации наблюдается высокая дифференциация по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате. Самая высокая среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2018 г. зафиксирована в г. Уфа (46,5 тыс. руб.) и в Уфимском районе (48,5 тыс. руб.). В остальных МО среднемесячная номинальная начисленная заработная плата составляет от 27,1 тыс. руб. (Кушнаренковский район) до 38,7 тыс. руб. (Благовещенский район).

Ключевым показателем, характеризующим экономическое развитие территории, является объем инвестиционных вложений. Инвестиции в основной капитал, использованные предприятиями и организациями, в расчете на душу населения МО, входящих в Уфимскую агломерацию, существенно различаются. Наибольший объем инвестиций в расчете на душу населения характерен для г. Уфа и Уфимского района. Наименьшее значение показателя — в Кушнаренковском и Иглинском районах. Разница между наибольшим и наименьшим объемом инвестиций в расчете на душу населения в МО достигает до 15,7 раза. В целом динамика инвестиций в основной капитал нестабильная: в МО в разные периоды наблюдается как резкий рост, так и падение объемов инвестиционных вложений. В основном это определяется реализацией инвестиционных проектов на территории МО.

Демографический потенциал. Территориальная концентрация населения республики в Уфимской агломерации возросла с 34,3 % в 2012 г. до 36,4 % в 2018 г. За 2012–2018 гг. численность населения Уфимской агломерации увеличилась на 5,9 %. Прирост численности населения был характерен для Уфы (на 4,4 %) и сопредельных районов: Уфимского (33,2 %) и Иглинского (25,3 %). В остальных МО Уфимской агломерации численность населения сокращалась (табл. 3).

Таблица 3

Численность населения Уфимской агломерации (на 01.01.2020, чел.)*

Районы	Значение показателей по годам				
	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
г. Уфа	1 087 170	1 115 885	1 126 098	1 131 429	1 135 480
Уфимский район	71 565	79 785	87 798	91 403	95 353
Благовещенский район	50 057	49 754	49 380	49 265	49 020
Иглинский район	51 920	55 968	60 777	62 824	65 063
Кармаскалинский район	50 620	50 190	50 319	49 792	49 285
Кушнаренковский район	27 087	26 919	27 074	26 767	26 274
Чишминский район	52 538	53 071	52 607	54 179	52 325
Итого	1 390 957	1 431 572	1 454 053	1 465 659	1 472 800

* Составлено автором по: [8].

Таблица 4

Абсолютный естественный прирост (убыль) в Уфимской агломерации (чел.)*

Районы	Значение показателей по годам					
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
г. Уфа	4 741	5 178	5 207	5 480	2 294	1 527
Уфимский район	88	231	256	186	345	312
Благовещенский район	37	134	26	40	17	–63
Иглинский район	–7	18	–31	–49	17	–97
Кармаскалинский район	4	–16	–87	–110	–119	–56
Кушнаренковский район	–65	–33	–71	–96	–62	–60
Чишминский район	–17	–28	7	–42	–108	–72
Итого	4 781	5 484	5 307	5 409	2 384	1 491

* Составлено автором по: [8].

В целом по Уфимской агломерации наблюдается естественный прирост населения. При этом с 2013 по 2016 гг. происходил рост абсолютного показателя с 4 781 чел. до 5 409 чел., а к 2018 г. естественный прирост сократился до 1 491 чел. В 2018 г. естественная убыль наблюдалась во всех МО, за исключением Уфы и Уфимского района (табл. 4).

Негативной тенденцией в муниципальных образованиях Уфимской агломерации является существенное снижение коэффициента рождаемости за 2013–2018 гг. (за исключением Уфимского района). При этом практически все МО демонстрируют разнонаправленную динамику показателя за весь период исследования. Абсолютная смертность населения в Уфимской агломерации ежегодно составляет свыше 16 тыс. чел. Основная доля умерших приходится на г. Уфа (74,8 %). Значение коэффициента смертности выше среднереспубликанского уровня (12,4 %) в 2018 г. отмечалось в Кушнаренковском, Кармаскалинском, Благовещенском, Иглинском и Чишминском районах.

С 2013 г. на территорию Уфимской агломерации ежегодно прибывало более 50 тыс. человек. Лидером по числу прибывших мигрантов является

Таблица 5

Абсолютное сальдо миграционного прироста (+) или убыли (–) в Уфимской агломерации (чел.)*

Районы	Значение показателей по годам					
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
г. Уфа	14 724	4 072	337	–811	3 037	2 524
Уфимский район	4 163	3 738	5 107	2 465	3 260	3 638
Благовещенский район	–204	–270	–176	–264	–132	–182
Иглинский район	1 501	2 536	2 362	2 527	2 030	2 336
Кармаскалинский район	–448	30	173	153	–408	–451
Кушнаренковский район	–4	–66	213	109	–245	–433
Чишминский район	313	265	–345	–106	1 680	–1 782
Итого	20 045	10 305	7 671	4 073	9 222	5 650

* Составлено автором по: [8].

столица республики г. Уфа, куда ежегодно приезжают жить и работать свыше 30 тыс. человек (66,3 % в 2018 г. от всех прибывших в агломерацию). При этом более 65 % прибывших являются жителями административных районов РБ, расположенных за пределами агломерации. В 2018 г. по сравнению с 2013 г. наблюдается увеличение числа выехавших из МО Уфимской агломерации почти на 15 тыс. чел. (рост на 47,0 %). В целом для Уфимской агломерации за период 2013–2018 гг. характерен замедляющийся миграционный прирост населения (на 71,8 %).

Начиная с 2014 г., миграционный прирост населения характеризуется тенденцией сокращения. В 2018 г. миграционный прирост составил всего 5 650 чел. Положительный миграционный прирост отмечается в трех муниципальных образованиях: г. Уфа, Уфимском и Иглинском районах. Для остальных районов характерно отрицательное сальдо миграции (таблица 5).

Обострение геодемографической ситуации в Уфимской агломерации определяется снижением рождаемости населения, высокой смертностью населения и ее ростом, миграцией населения из административных районов агломерации в центр. Уфимская агломерация развивается по классическому сценарию: население переезжает из менее развитых населенных пунктов в более развитые в экономическом и социальном отношении населенные пункты и райцентры. В стратегии территориального социально-экономического развития Уфимской агломерации следует учитывать особенности и формирующиеся тренды в социоэкономическом и демографическом потенциалах.

Список источников

1. *Алексеева Е. Н.* Социологический анализ современных тенденций развития городских агломераций // Вестник МГУ. Сер.18. 2013. № 4. С. 135–150.

2. *Георгиева Т. П.* Агломерации в России: когда практика опережает теорию // Бюджет. 2016. № 4.

3. *Диков Я. А.* Тенденции развития городских агломераций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 7. С. 24–28.

4. Интегративное межтерриториальное взаимодействие в условиях экономических и политических вызовов // Под ред. Д.А.Гайнанова. Уфа : ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. 170 с.

5. *Оганисян А. С.* Развитие городских агломераций как центров инновационного, экономического, социального развития // Горизонты экономики. 2017. № 3 (36). С. 104–107.

6. Развитие городских агломераций: аналитический обзор. Выпуск 2. М. : МЭР РФ, 2017. 71 с.

7. *Сафиуллин Р. Г., Сафиуллина Р. М., Ибрагимова З. Ф.* Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 18–23.

8. Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2018. 277 с.

Информация об авторе

Сафиуллин Марат Радикович (Россия, г. Уфа) — кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Государственное автономное научное учреждение «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Кирова, 15; e-mail: marek1987@yandex.ru).

M. R. Safiullin

Analysis and Assessment of Socio-Economic Potential of the Ufa Agglomeration of the Republic of Bashkortostan

At the present stage, urban agglomerations are becoming increasingly important in ensuring the effective spatial development of the regions of Russia. The article provides an analysis and assessment of changes in the demographic potential of the Ufa urban agglomeration. The dynamics of absolute population, fertility, mortality and migration of the population in terms of municipalities of the Ufa agglomeration for the period from 2012 to 2018 are described. The dynamics of the socio-economic potential of the Ufa agglomeration is considered on the basis of indicators of the sphere of health care, employment and unemployment, average monthly accrued wages, investments in fixed assets per capita for municipal entities. The peculiarities of the change of socio-economic and demographic potentials of the Ufa agglomeration are defined. Trends in the socio-economic and demographic development of the Ufa agglomeration, formed during the period from 2012 to 2018, have been identified.

Keywords: socio-economic potential, demographic potential, agglomeration, population size, population migration, trends

Author

Safiullin Marat Radidovich (Russia, Ufa) — candidate of geographical sciences, senior researcher, State Autonomous Scientific Institution Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (450008, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kirov st., 15; e-mail: marek1987@yandex.ru).

References

1. Alexeeva E. N. Sociological analysis of modern trends in the development of urban agglomerations // Journal of Moscow State University. It is gray.18. 2013. No. 4, P. 135–150.

2. Georgieva T. J. Agglomerations in Russia: when practice is ahead of theory // Budget. 2016. № 4.

3. Dikov Y. A. Trends of urban agglomerations//Economics and business: theory and practice. 2017. № 7. P. 24–28.

4. Integrative inter-territorial interaction in conditions of economic and political challenges // Under Ed. D. A.Gainanov. Ufa : ISEI UNC RAS, 2016. 170 p.

5. Oganisyan A. S. Development of urban agglomerations as centers of innovative, economic, social development // Horizons of economy. 2017. № 3 (36). P.104–107.

6. Development of urban agglomerations: analytical review. Iss. 2. M. : IEG of the Russian Federation, 2017. 71 p.

7. Safiullin R. G., Safiullin R. M., Ibragimov Z. F. Territorial-structural transformation of millionaire city: theoretical approaches and methods // Regional studies. 2015. № 1 (47). P. 18–23.

8. Social and economic situation of municipal districts and urban districts of the Republic of Bashkortostan: statistical collection. Ufa : Bashkortostan, 2018. 277 p.

УДК 338.46

В. М. Седельников

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМАТЫ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ[1]

Цель статьи — рассмотреть основные особенности современных форматов заведений общественного питания в зависимости от посетителей и их ценностных ориентаций. Выделено три укрупненных сегмента рынка (премиум-сегмент, средний сегмент и эконом-сегмент) и соответствующие им подходы к формированию потребительской ценности.

Ключевые слова: ценностные ориентации, предприятия общественного питания, потребительские сообщества

В настоящее время особую актуальность в развитии потребительского рынка приобретают исследования, касающиеся сферы общественного питания. Во многом это связано с тем, что рынок общественного питания представляет собой комплекс, состоящий из двух направлений. Первое включает в себя торговлю продуктами питания, второе — оказание широкого спектра потребительских услуг. По степени развития рынка общественного питания можно говорить о социально-экономическом положении в регионе, т. к. по нему оценивается степень удовлетворенности потребностей населения и потенциал дальнейшего роста сопряженных с данным рынком отраслей и сфер региональной экономики — туризма, сельского хозяйства, промышленности.

Безусловно, кризисные явления 2008 г. и 2014–2016 гг. в российской экономике не могли не сказаться на рынке общественного питания. Снижение потребительской активности из-за обвала национальной валюты, подверженность влиянию геополитических факторов, зависимость от продуктов питания и ингредиентов, производимых за рубежом, значительно сократили долю посетителей заведений общественного питания в России. Вместе с тем категории потребителей, которые по-прежнему предпочитают посещать рестораны, кафе и бары, переквалифицировали свой спрос на заведения с более дешевым ассортиментом.

Однако, помимо аспектов внешней среды, существует множество тенденций, которые значительно видоизменяют ситуацию на рынке общественного питания. К таковым относятся «итальянизация» предприятий ресторанного бизнеса, мультиформатность и ценовая демократичность, сокращение количества ресторанов высокой кухни, активизация формата «еда на вынос», разработка меню полезной и здоровой пищи «*food slow*», рост внимания к отечественным поставщикам сырья и продукции [2]. Не случайно в настоящее время наблюдается значительная дифференциация

[1] © Седельников В. М. Текст. 2020.

Таблица

Формат предприятий общественного питания в зависимости от ценностных ориентаций потребительских сообществ

Формат предприятий	Особенности	Категории посетителей
Премиум-сегмент (Индивидуализированный подход, эксклюзивный сервис, широкий ассортимент блюд)		
Fine dining	Предприятия, которые классифицируются как премиальные, с большой винной картой, изысканными блюдами и дорогой мебелью. Также для них характерно поддержание высокого уровня сервисного обслуживания	Состоятельные российские клиенты, иностранные туристы
Slow Food	Предприятия, использующие в приготовлении блюд только экологически чистую продукцию (свежую, без консервантов и ГМО) и имеющие своей целью популяризацию здорового питания, сохранение региональной и традиционной кухни	
Средний сегмент (широкий ассортимент блюд, самообслуживание, высокая скорость обслуживания)		
Free flow	Предприятия, которые подразумевают наличие открытой кухни, приготовление блюд на глазах у посетителей и самообслуживание	Представители среднего класса, обеспеченные студенты
Casual Dining	Предприятия, которые предполагают свободную, непринужденную атмосферу. В таких заведениях обеспечивается обслуживание стола, за исключением шведского стола, имеется большой ассортимент алкогольных напитков	
Fast Casual	Предприятия, которые используют сетевой формат с возможным использованием франчайзинга, который отличают ограниченное меню, быстрота обслуживания, невысокая цена, демократичная атмосфера, стандартизация процессов, меню и деталей интерьера. Это средний вариант между фаст-фудом и демократичным рестораном	
Quick Restaurant Service	Предприятия, имеющие название ресторанов быстрого обслуживания, базирующиеся на качественных собственных полуфабрикатах. Особенностью этих ресторанов является то, что ассортимент продукции небольшой, но скорость обслуживания гораздо выше, чем в других заведениях	
Food court	Совокупность предприятий общественного питания, собранных в одном месте, как правило, в торговом центре	
Эконом-сегмент (массовый подход, самообслуживание, экономия денежных и временных затрат)		

Окончание табл.

Формат предприятий	Особенности	Категории посетителей
Street food	Предприятия, специализирующиеся преимущественно на монопродукте (блинчики, чебуреки, пирожки, гамбургеры, шаурма, хот-доги) и представляют собой небольшие павильоны на улицах с хорошей проходимостью	Потребители, пользующиеся услугами предприятий питания по месту учебы, работы, отдыха, социально-незащищенные слои населения, а также категории, предпочитающие перекус на ходу
Fast food	Предприятия, которые предполагают наличие ограниченного набора услуг и быстрое обслуживание, а также экономию за счет невысоких цен. Как правило, фаст-фуды используют полуфабрикаты, окончательная обработка или разогрев которых производятся непосредственно перед выдачей клиенту	
Drivethrow	Обслуживание клиентов, не выходящих из своих автомобилей	
Закусочные, городские столовые, буфеты при предприятиях, учебных заведениях, при лечебных и социальных учреждениях		

Источник: составлено автором на основе [3].

заведений общественного питания по категориям потребителей, что можно увидеть из таблицы.

Таким образом, существует три укрупненных сегмента рынка общественного питания в России (премиум-сегмент, средний сегмент и эконом-сегмент). Каждый из них отличается своими возможностями, потребностями и ценностными ориентациями. Для бизнеса же очень важно снижать издержки, связанные с производством продукции. Вместе с тем подходы к формированию потребительской ценности у разных сегментов значительно отличаются [1].

Так, премиум-сегмент можно удержать за счет вовлечения в процессы приготовления блюд, введения новых эксклюзивных услуг, формирования позитивного потребительского опыта, консультирования по здоровому питанию.

Средний сегмент, как правило, очень чувствителен к качественной коммуникационной составляющей, будь то специальные скидки и предложения, обратная связь и система лояльности, доставка еды и членство в клубных программах.

Наконец, эконом-сегмент проявляет внимание к особенностям приготовления блюд, их ценовой доступности, стандартизации и проработки рецептур, а также к постоянному обмену мнениями относительно потребительской удовлетворенности, особенно в формате заведений *fast food*.

В рамках дальнейших исследований целесообразно, на наш взгляд, проведение опроса среди посетителей предприятий общественного питания и владельцев данных заведений на предмет вовлеченности гостей ресторанов, баров и кафе в совместное создание ценностей и определение

наиболее эффективных с точки зрения взаимодействия коммуникационных каналов.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР для Лаборатории моделирования пространственного развития территорий ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2020 г. по теме «Методология моделирования пространственного развития макрорегионов в контексте обеспечения их экономической безопасности».

Список источников

1. *Корнова Г. Д., Мыльникова Е. В.* Классификация предприятий питания с учетом потребительской ценности // Управленец. 2012. № 3–8. С. 52–55.

2. *Кулькова В. Ю., Мансуров Э. М.* Региональные тренды развития ресторанного бизнеса в Республике Татарстан // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 7. С. 7–13.

3. *Протасова Л. Г.*, Тохириен Б. Анализ рынка и классификация предприятий общественного питания // Управленец. 2013. № 5. С. 55–57.

Информация об авторе

Седельников Владислав Михайлович (Россия, г. Екатеринбург) — младший научный сотрудник Лаборатории моделирования пространственного развития территорий, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: vms-1990@mail.ru).

V. M. Sedelnikov

Influence of Value Orientations of the Population on Modern Formats of Public Catering Enterprises

The purpose of this article is to consider the main features of modern formats of public catering establishments, depending on the attendance of visitors and their value orientations. Have been identified three enlarged market segments (premium segment, middle segment and economy segment) and the corresponding approaches to the formation of consumer value.

Keywords: value orientations, catering enterprises, consumer communities

Author

Sedelnikov Vladislav Mikhailovich (Russia, Ekaterinburg) — junior researcher, Laboratory of modeling of spatial development of territories, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: vms-1990@mail.ru).

Acknowledgments

The article was prepared in accordance with Research Plan for the Laboratory of Modeling the Spatial Development of Territories of the Federal State Budgetary Scientific Institution of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2020 on the topic «Methodology for modeling the spatial development of macroregions in the context of ensuring their economic security».

References

1. Kornova G. D., Mylnikova E. V. Classification of catering enterprises taking into account consumer value // Manager. 2012. № 3–8. P. 52–55.

2. Kulkova V. Yu., Mansurov E. M. Regional trends in the development of the restaurant business in the Republic of Tatarstan // Regional Economics: theory and practice. 2014. № 7. P. 7–13.

3. Protasova L. G., Tohirien B. Market analysis and classification of catering enterprises // Manager. 2013. № 5. P. 55–57.

УДК 314.88

Ю. А. Симагин

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСКЛАВНЫХ ПРИОРИТЕТНЫХ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ[1]

Рассмотрены демографические проблемы одной из групп приоритетных геостратегических территорий страны — эксклавных субъектов Российской Федерации, к которым относятся Калининградская область, Республика Крым и город Севастополь. Показаны отличия демографических характеристик эксклавных территорий от других приоритетных геостратегических территорий страны и России в целом. Выявлен вклад разных составляющих динамики численности населения (естественного прироста и миграций) в последние годы. Рассмотрены особенности динамики численности населения каждого из регионов, относящегося к эксклавным приоритетным геостратегическим территориям России. Анализ проведен на основе базы данных «Муниципальная Россия», что позволило выявить внутрирегиональную дифференциацию демографических процессов, которая в некоторых случаях является очень значительной и имеет разнонаправленные составляющие: естественный прирост сочетается с отрицательным сальдо миграций, а естественная убыль — с положительным миграционным сальдо. Показаны возможные направления решения существующих демографических проблем.

Ключевые слова: демографические проблемы, динамика численности населения, естественный прирост, миграции, приоритетные геостратегические территории России, эксклавы

В начале 2019 г. Правительство РФ утвердило документ под названием «Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» (далее — Стратегия)[2], который охватывает многие аспекты развития отдельных территорий страны, в том числе и демографические. В Стратегии выделено два типа территорий, для которых предполагается разработка программ приоритетного социально-экономического развития: 1) «перспективный центр экономического роста» — территория одного или нескольких муниципальных образований и (или) акватория, обладающие потенциалом для обеспечения значительного вклада в экономический рост Российской Федерации и/или ее субъекта; 2) «геостратегическая территория Российской Федерации» — территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности РФ, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности.

---

[1] © Симагин Ю. А. Текст. 2020.

[2] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://government.ru/docs/35733/ (дата обращения: 20.02.2020).

В свою очередь геостратегические территории страны разделены на приоритетные и приграничные. К последним отнесены все субъекты Российской Федерации, имеющие выход к сухопутным границам страны и нуждающиеся в особом контроле над функционированием экономики и социальной сферы, жизнедеятельностью населения, трансграничными потоками людей, товаров и услуг. Группы приграничных регионов выделены в соответствии с имеющимися политическими и экономическими отношениями России с соседними государствами Европейского союза, государствами Евразийского экономического союза и другими государствами.

К приоритетным геостратегическим территориям относится четыре группы субъектов Российской Федерации:

1) эксклавные территории: Республика Крым, город Севастополь, Калининградская область;

2) территории, расположенные на Северном Кавказе: республики Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия — Алания, Чеченская и Ставропольский край;

3) территории, находящиеся на Дальнем Востоке: республики Бурятия и Саха (Якутия), края Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский, области Амурская, Еврейская автономная, Магаданская, Сахалинская и Чукотский автономный округ;

4) территории, входящие в Арктическую зону России в соответствии с Указами Президента Российской Федерации[1][2].

В последнем случае в группу могут входить не субъекты Российской Федерации целиком, а отдельные муниципальные образования (МО). Например, из 20 МО Республики Коми в состав Арктической зоны России входит только один самый северный — городской округ Воркута.

В данной работе рассмотрены демографические проблемы эксклавных приоритетных геостратегических территорий России. В роли основного источника первичной информации и одновременно инструмента для исследования и анализа используется база данных «Муниципальная Россия»[3], в которую внесены данные (в основном демографического характера) по всем городским округам (ГО) и муниципальным районам (МР) России (2 353 единицы по состоянию на начало 2019 г.), в том числе расположенным на геостратегических территориях страны. Сведения в базе данных имеются с момента Всероссийской переписи населения в кон-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4d8e8206d56fc949d.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 года № 220 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905130027?index=1&rangeSize=1 (дата обращения: 26.02.2020).

[3] База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели Пациорковский В. В., Коленникова О. А., Симагин Ю. А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.

Таблица

Характеристики приоритетных геостратегических территорий России в 2018 г.

Приоритетные геостратегические территории	Число МО	Население, млн чел.	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., ‰	Динамика населения в 2010–2018 гг., %
Калининградская область	22	1,0	77,9	–0,1	6,1
Республика Крым	25	1,9	50,9	–3,2	–2,6
Город Севастополь	1	0,4	92,9	–1,2	13,6
Все эксклавы России	48	3,3	64,8	–1,9	1,2
Северный Кавказ	144	9,8	49,8	8,1	4,2
Дальний Восток	210	8,0	73,2	1,5	–1,5
Арктическая зона	66	2,4	87,9	2,5	–3,1
Все приоритетные геостратегические территории страны	468	23,5	63,9	3,9	1,0
Россия в целом	2353	146,8	74,1	–0,01	1,2

Источник: рассчитано автором по базе данных «Муниципальная Россия».

це 2010 г. до начала 2018 г., что позволяет выявить динамику численности населения за 7 лет с учетом таких составляющих, как естественный прирост населения и миграций. Проведение анализа на уровне МО позволяет лучше понять характер существующих проблем, внутрирегиональная дифференциация остроты которых может быть очень значительна [3]. Соответственно, можно наметить более эффективные пути решения проблем с учетом имеющихся внутрирегиональных особенностей.

В таблице показаны некоторые характеристики эксклавных приоритетных геостратегических территорий страны на уровне субъектов РФ в сравнении с соответствующими характеристиками других групп приоритетных геостратегических территорий России и страны в целом. Группа эксклавов по сравнению с другими группами приоритетных геостратегических территорий включает в себя меньше всего субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (МО), а также является относительно однородной по половозрастному и этническому составу жителей, что определяет близкие демографические характеристики населения этих территорий.

При этом по отдельным социально-экономическим характеристикам, значительно влияющим на демографические процессы, регионы группы могут иметь как сходные показатели, так и существенно отличаться друг от друга. В частности, по качеству жилья (доле аварийного жилья в общей площади жилищного фонда) Республика Крым, город Севастополь и Калининградская область входят в группу субъектов Российской

Федерации с наилучшими показателями [6]. В то же время при кластеризации регионов страны по качеству жизни населения в целом Республика Крым и город Севастополь оказываются в группе с низкими показателями качества жизни (в основном за счет низкого уровня доходов населения и значительного распространения бедности), тогда как Калининградская область имеет характеристики, близкие к среднероссийским [1].

Возможно, что по этой причине и демографические характеристики эксклавных регионов, вместе со сходствами, имеют определенные особенности, как это видно по данным таблицы. Общими являются естественная убыль населения (что во многом связано со старой возрастной структурой жителей) и положительное сальдо миграций, которое можно объяснить (если сравнивать с большинством регионов страны) благоприятными природно-климатическими условиями и развитой инфраструктурой. Соотношение «отрицательный естественный прирост / положительное сальдо миграций» является типичным для большинства западных и юго-западных регионов европейской части России [2], к которым относятся и эксклавные территории.

Итоговый результат динамики численности населения при одинаковой направленности демографических процессов оказывается различным. В Калининградской области, а также в Севастополе, миграционной прирост значительно перекрывает естественную убыль населения, что обуславливает рост численности населения темпами, которые за период 2010–2018 гг. в 5 и 11 раз соответственно превысили среднероссийские, т. е. в данном случае имеющаяся проблема (естественная убыль населения) компенсируется миграционным притоком, но не исчезает.

В Севастополе, как и в других МО России, где значительной частью жителей являются военнослужащие и члены их семей, динамика численности населения во многом связана с передислокацией воинских формирований. Для Севастополя положительное сальдо миграций в последние годы обусловили также его географическая близость и социальная связанность с территорией Украины, откуда в Россию после 2014 г. пошел массовый приток мигрантов. К тому же населенные пункты, в которых градообразующими являются преимущественно воинские части, как правило, отличаются молодым возрастным составом населения, что приводит к повышенной рождаемости, пониженной смертности и, соответственно, относительно благополучным показателям естественного прироста населения [5].

В Калининградской области прирост населения связан с интенсивным миграционным притоком «обычного гражданского» населения, в основном из других регионов России. В итоге здесь даже некоторые малые города (вместе с окружающими их территориями — в соответствии с современной системой административно-муниципального деления) отличаются очень быстрым ростом численности населения за период 2010–2018 гг., что для России является большой редкостью (если не считать

пристоличные Московскую и Ленинградскую области): ГО Гурьевский (+26 %), МР Светлогорский (+20 %), ГО Зеленоградский (+12 %). То есть в данных случаях наблюдался прирост 1,7 % и более в среднем ежегодно за фактически 7 лет с момента проведения переписи населения в конце 2010 г. до начала 2018 г., при этом естественный прирост населения в 2016 г. наблюдался только в МО Калининградской области из 22, т. е. менее чем в 20 %. По России в целом таких муниципалитетов было около 1/3 [4].

В Республике Крым положительное сальдо миграций перекрывает естественную убыль населения только в некоторых МО, расположенных на южном курортном побережье полуострова: Судак (+8 %), Алушта (+4 %) и другие. В большинстве МО, расположенных в степной аграрной части Крыма и удаленных от основных курортных центров, население сокращается не только за счет естественной убыли (несмотря на преобладание сельского населения, для которого обычно характерна повышенная рождаемость), но и за счет миграционного оттока. В итоге и общая численность населения в регионе сокращается. Аналогичную территориальную дифференциацию демографических процессов можно наблюдать в соседнем Краснодарском крае. Однако там общая численность региона населения растет — во многом за счет административного центра Краснодара (+19 % за 2010–2018 гг.), тогда как в административном центре Крыма Симферополе численность населения сокращается. Таким образом, именно Республику Крым среди эксклавных приоритетных геостратегических территорий России можно считать наиболее проблемным регионом с демографической точки зрения.

Сегодня, согласно Стратегии, основными направлениями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, характеризующимся эксклавным положением, являются:

1) обеспечение транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной безопасности;

2) обеспечение уровня жизни, сопоставимого (или выше) с уровнем жизни в Российской Федерации (для Калининградской области — сопоставимого (или выше) с уровнем жизни в приграничных странах Европейского Союза);

3) обеспечение темпов экономического роста, сопоставимых (или выше) с темпами экономического роста Российской Федерации (для Калининградской области — сопоставимого (или выше) с темпами экономического роста в приграничных странах Европейского Союза);

4) сохранение существующих особых режимов ведения предпринимательской деятельности.

В целом эксклавные приоритетные геостратегические территории характеризуются за период 2010–2018 г. динамикой численности населения, которая соответствует среднероссийской, но, чтобы ее хотя бы сохранить, скорее всего, потребуется принятие специальных мер по сокращению

естественной убыли населения, чего в настоящее время не предусмотрено. В частности, для сокращения смертности могут быть разработаны особые стандарты территориального размещения медицинских учреждений первичного звена с целью улучшения их доступности для населения. Для увеличения рождаемости возможно выделение земельных участков для индивидуального жилищного строительства после рождения второго ребенка (а не третьего, как в настоящее время по всей России). С точки зрения развития экономического обеспечения демографического развития необходимы специальные меры для поддержки туризма, курортного хозяйства и связанных с ними видов экономической деятельности — облегченная регистрация бизнеса, налоговые льготы для него в некурортный сезон и т. п. Такие меры могли бы быть внесены дополнительными пунктами в перечень существующих направлений развития эксклавных приоритетных геостратегических территорий России в «Стратегию пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» или приняты в качестве нормативных актов на уровне субъектов РФ при соответствующей корректировке федерального законодательства, касающегося перечисленных вопросов.

Список источников

1. *Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В.* Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 4. С. 17. DOI: 10.24411/1561–7785–2019–00035.

2. *Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д.* Муниципальные образования России со стабильной численностью населения // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 3. С. 47–65. DOI: 10.24411/1561–7785–2019–00026.

3. *Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д.* Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, Вып. 3. С. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589.

4. *Симагин Ю. А., Пациорковский В. В., Муртузалиева Д. Д.* Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 36–49. DOI: 10.24411/1561–7785–2018–21–4–04.

5. *Симагин Ю. А.* Динамика и особенности состава населения поселков городского типа России // Народонаселение. 2009. № 4. С. 84–92.

6. *Шнейдерман И. В., Гришанов В. И., Гузанова А. К., Ноздрина Н. Н.* Проблемы ветхого и аварийного жилья в России // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 4. С. 18–35. DOI: 10.24411/1561–7785–2019–0003510.24411/1561–7785–2019–00036.

Информация об авторе

Симагин Юрий Алексеевич (Россия, Москва) — кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: yas63@yandex.ru).

Yu. A. Simagin

Demographic Problems of Exclaves Priority Geostrategic Territories of Russia

Demographic problems of one of the groups of priority geostrategic territories of the country — exclave subjects of the Russian Federation, which include the Kaliningrad region, the Republic of

Crimea and the city of Sevastopol. The article shows differences in the demographic characteristics of exclave territories from other priority geostrategic territories of the country and Russia as a whole. The contribution of various components of population dynamics (natural growth and migration) in recent years has been revealed. Features of population dynamics of each of the regions belonging to the exclave priority geostrategic territories of Russia are considered. The analysis was carried out on the basis of the Municipal Russia database, which allowed us to identify intraregional differentiation of demographic processes, which in some cases is very significant and has multidirectional components: natural growth is combined with a negative migration balance, and natural decline — with a positive migration balance. Possible ways to solve existing demographic problems are shown.

Keywords: demographic problems, population dynamics, natural growth, migration, priority geostrategic territories of Russia, exclaves

Author

Simagin Yury Alekseyevich (Russia, Moscow) — cand. Sc. (Geogr.), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS (11721832, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32; e-mail: yas63@yandex.ru).

References

1. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Clustering of regions by indicators of quality of life and quality of population // Narodonaselenie. [Population]. 2019. Vol. 22, No. 4. P. 4–17. DOI: 0.24411/1561–7785–20119–00035.

2. Patsiorkovsky V. V., Simagin Yu. A., Murtuzalieva D. D. Russian municipalities with a stable population // Narodonaselenie [Population]. 2019. Vol. 22, No. 3: P. 47–65. DOI: 10.24411/1561–7785–2019–00026.

3. Patsiorkovsky V. V.; Simagin Yu. A.; Murtuzalieva D. D. The population dynamic in Russian municipal formations from 2010 to 2018 // Vestnik instituta sotziologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2019. Vol. 10, No. 3. P. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589.

4. Simagin Yu. A., Patsiorkovsky V. V., Murtuzalieva D. D. Differentiation of natural population growth in Russian municipalities // Narodonaselenie [Population]. 2018: Vol. 21, No. 4: P. 36–49. DOI: 10.24411/1561–7785–2018–21–4–04.

5. Simagin Yu. A. Dynamics and features of the population of urban-type settlements in Russia // Narodonaselenie [Population]. 209: No. 4: P. 84–92.

6. Schneiderman I. M., Grishanov V. I., Guzanova A. K., Nozdrina N. N. The problems of dilapidated and emergency housing in Russia // Narodonaselenie [Population]. 2019. Vol. 22, No. 4. P. 18–35. DOI: 0.24411/1561–7785–20119–00036.

УДК 369

А. К. Соловьев

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ[1]

Исследование посвящено проблеме регулирования условий формирования пенсионных прав участников системы государственного пенсионного страхования. В работе проанализированы факторы и условия, непосредственно и косвенно определяющие объем страховых и нестраховых прав различных категорий застрахованных лиц. Выявлены объективные риски инерционного развития пенсионной системы после пенсионных реформ 2015–2019 гг. Основное место уделено методам государственного регулирования условий развития пенсионной системы в целях обеспечения достойного уровня страховой пенсии для застрахованных лиц, которые выполняют требования страхового пенсионного законодательства. Исследование опирается на зарубежный опыт регулирования солидарно-распределительных пенсионных систем в условиях демографического старения населения в целях повышения уровня пенсионного обеспечения. Выводы и предложения исследования основаны на комплексном экономико-статистическом анализе функционирования распределительных компонентов системы обязательного пенсионного страхования Российской Федерации, как внутрисистемных, так и внешних по отношению к ней, которые оказывают влияние на развитие пенсионной системы. Обоснованы методические подходы к оценке условий формирования пенсионных прав в системе обязательного пенсионного страхования в целях достижения заданного уровня пенсионных прав, обеспечивающих достойное материальное обеспечение в старости.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионная реформа, пенсия, демографические факторы, государство

«Старение» населения традиционно рассматривается как фактор торможения роста экономики по причине «нагрузки на бизнес» в связи с увеличением числа иждивенцев в лице пенсионеров и других категорий нетрудоспособного населения. Одновременно увеличиваются расходы на финансирование государственных пенсионных обязательств [2, с. 55]. Международная практика государственного пенсионного обеспечения накопила богатый опыт решения данной проблемы, который в той или иной форме получил применение в нашей стране в процессе перестройки российской пенсионной системы на рыночно-страховые условия формирования пенсий.

На первом этапе в России апробировали обязательные формы пенсионных накоплений, которые за десятилетний период накопительного эксперимента наглядно показали негативные последствия как для госбюджета,

[1] © Соловьев А. К. Текст. 2020.

так и для каждого застрахованного лица, поскольку привели к существенной потере пенсионных прав.

Следующий эксперимент по адаптации к демографическому старению заключался в секвестировании уже сформированных пенсионных прав гражданам, которым назначена страховая пенсия — работающим пенсионерам. Однако, несмотря на ограничение пенсионных прав почти 10 млн работающих пенсионеров, из которых треть — это получатели досрочных пенсий, обеспечить сколько-нибудь существенную экономию бюджетных средств не удалось. Дополнительные ограничения были установлены для экономического механизма осовременивания пенсионных прав (путем индексации) для поддержания уровня жизни пенсионеров.

Наконец, использован самый простой инструмент экономии на пенсионных выплатах — повышение пенсионного возраста для всех категорий новых назначений страховых пенсий по старости. Однако при этом не удалось обеспечить учет многоукладности отечественной пенсионной системы, которая до сих пор несет в себе обязательства советского периода, многочисленных реформ за тридцатилетний период перестройки, что потребовало введения внеплановых льгот и привилегий целевым группам пенсионеров. В результате наряду с прямой экономией на сокращении числа новых назначений резко возросли расходы на льготные выплаты категориям граждан, «пострадавшим» от повышения возрастных границ.

Таким образом, проблема адаптации к демографическому старению населения все еще требует конструктивного решения, особенно с учетом долгосрочных последствий не только внутри самой пенсионной системы, но и в макроэкономике страны в целом и на рынке труда в частности.

Исследование автора показывает, что, с одной стороны, перечисленные методы адаптации к старению должны быть непосредственно увязаны с конкретными демографическими особенностями российского населения. С другой же стороны, трансформация внутри самой пенсионной системы должна опираться на изменения рынка труда, которые в свою очередь должны учитывать демографические особенности страны в целом и регионов в частности.

Рассмотрим особенности демографической структуры населения, которые определяют и непосредственно влияют на пенсионную систему.

Главная отличительная особенность демографических параметров отечественной пенсионной системы заключается в относительно низкой общей продолжительности жизни, относительно высокой ее региональной дифференциации, большом разрыве продолжительности жизни между женщинами и мужчинами (таблица 1). Однако все перечисленные особенности не получили отражение в экономических отношениях участников отечественной пенсионной системы. Наиболее наглядно гендерные различия проявляются в пенсионных возрастных группах населения.

В текущем столетии демографические характеристики пенсионной системы несколько улучшились по сравнению с последней четвертью

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни и вероятность дожить до общеустановленного пенсионного возраста в долгосрочной перспективе

Возраст, лет	Среднестатистическая продолжительность по РФ, лет	Абсолютный прирост 2018 г. к 2000 г., лет	Минимум/ максимум ОПЖ, лет	Относительный рост ОПЖ в 2018 г. к 2000 г.
Женщины				
0	78,4	5,38	71,16 / 84,06	1,075
55	26,4	3,61	22,81 / 31,25	1,160
60	22,3	3,28	19,10 / 26,71	1,176
65	19,6	2,96	15,82 / 22,43	1,197
Мужчины				
0	68,1	8,48	60,33 / 78,58	1,144
55	19,9	3,86	16,66 / 27,94	1,244
60	17,4	3,25	13,78 / 23,88	1,246
65	14,4	2,77	11,42 / 20,25	1,254

Таблица 2

Динамика продолжительности периода жизни мужчин и женщин пенсионного возраста

Категория населения	Значения показателей по годам						
	1896 г.	1926 г.	1958 г.	2000 г.	2012 г.	2015 г.	2019 г.
Мужчины в возрасте 60 лет	13,9	14,5	15,9	13,2	15,4	15,73	17,5
Женщины в возрасте 55 лет	17,2	20,7	24,2	22,5	25,0	25,36	26,7

прошлого века, однако в ретроспективе положительная динамика прослеживается менее отчетливо (таблица 2).

Анализ динамики продолжительности жизни по возрастам свидетельствует, что, несмотря на относительный прирост в старших группах, абсолютный рост продолжительности в старших группах значительно отстает от младших возрастов. При этом сохраняется глубокий разрыв продолжительности жизни мужчин и женщин, а в ретроспективном контексте этот разрыв заметно усиливается: в конце 19 в. — около 3 лет, в начале 21 в. — почти 10 лет. Современная государственная пенсионная система не только не учитывает отмеченные особенности демографии, но и усиливает их негативное влияние на условия формирования пенсионных прав застрахованных лиц и ее долгосрочную финансовую устойчивость [1, с. 60].

Демографические факторы, наряду с непосредственным влиянием на формирование пенсионных прав, оказывают не менее серьезное воздействие опосредованно через структуру занятости на рынке трудовых отношений. Наибольшие риски в период трудоспособного возраста испытывают возрастные группы младшего и старшего возрастов (до 25 лет

и старше 55 лет, в первую очередь — женщин). В этих возрастах занятость, включая неполную, приближается к 50 %. При этом следует обратить внимание, что даже возрастные группы трудоспособного населения 25–55 лет сохраняют резервы до 20 % от численности соответствующей возрастной группы.

С позиции формирования пенсионных прав граждан трудоспособных возрастов следует подчеркнуть, что для получения страховой пенсии в размере, соответствующем современному среднестатистическому уровню материального обеспечения пенсионера, продолжительность трудового стажа с получением среднестатистического заработка должна приближаться к 35 годам. Только при выполнении этих условий (средний стаж — 35 лет и средняя зарплата) застрахованное в пенсионной системе лицо может рассчитывать на размер пенсий, адекватный утраченному заработку. В случае невыполнения указанных условий будущий пенсионер оказывается в группе риска бедности.

Учитывая, что наиболее уязвимым элементом формирования пенсионных прав является низкая продолжительность жизни после назначения пенсии у мужчин, в расчетах сохранен установленный пенсионный возраст. Следует подчеркнуть, что даже при сохранении действующего уровня пенсионного возраста мужчины не могут реализовать более четверти накопленных пенсионных прав, поскольку для этого период дожития должен составлять 19,3 года. Для женщин при сокращении периода выплаты почти на четверть им необходимо увеличивать возраст назначения пенсии на шесть лет. Для женщин сохраняется серьезный недостаток трудового стажа: для формирования необходимого объема пенсионных прав они должны трудиться более 36 лет, в то время как среднегодовая продолжительность такого стажа не превышает в настоящее время 28–30 лет.

Таким образом, проблема пенсионного возраста как главного тормоза роста экономики не может рассматриваться в линейной зависимости от общей продолжительности жизни, а обязательно в непосредственной взаимосвязи с комплексом социально-трудовых факторов и макроэкономических условий.

В результате повышения пенсионного возраста уровень занятости вырастает в старших возрастных группах, близких к новому пенсионному возрасту, в наименьшей — в группах, отстоящих от нынешнего общеустановленного пенсионного возраста на 1–3 года. Одновременно происходит дополнительное сокращение занятости младших возрастных групп, которые в итоге не смогут обеспечить себе достойный уровень материального обеспечения [3, с. 149].

В результате исследования можно сделать вывод, что адаптация пенсионной системы к современной демографической динамике должна сопровождаться адекватными государственными мерами по регулированию макроэкономических и институциональных факторов.

Благодарность

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Список источников

1. *Гурвич Е. Т.* Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79.

2. *Соловьев А. К.* Пенсионные права застрахованных лиц. М. : Прометей, 2020. 326 с.

3. *Соловьев А. К.* Повышение пенсионного возраста и бюджетный дефицит: тактическая выгода и стратегические потери // Экономическая политика. 2016. № 2. С. 148–176.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович (Россия, г. Москва) — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист России, начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования, Пенсионный фонд Российской Федерации, (119991, г. Москва, ул. Шаболовка, 4; e-mail: sol26@100.pfr.ru).

A. K. Solovyov

Demographic Factors of State Management of the Development of the Russian Pension System

The research is devoted to the problem of regulating the conditions for the formation of pension rights of participants in the state pension insurance system. The paper analyzes the factors and conditions that directly and indirectly determine the scope of insurance and non-insurance rights of various categories of insured persons. Objective risks of inertial development of the pension system after the pension reforms of 2015–2019 have been identified. The main focus is on the methods of state regulation of the conditions for the development of the pension system in order to ensure a decent level of insurance pensions for insured persons who meet the requirements of the insurance pension legislation. The research is based on foreign experience in regulating solidary-distributive pension systems in the context of demographic aging of the population in order to increase the level of pension provision. The conclusions and proposals of the study are based on a comprehensive economic and statistical analysis of the functioning of the distribution component of the mandatory pension insurance system of the Russian Federation, both internal and external to it, which affect the development of the pension system. Methodological approaches to assessing the conditions for the formation of pension rights in the mandatory pension insurance system in order to achieve a given level of pension rights that provide decent material security in old age are substantiated.

Keywords: pension system, pension reform, pension, demographic factors, state

Author

Solovyov Arkadii Konstantinovich (Russia, Moscow) — doctor of economics, professor, honored economist of Russia, Head of the Department of actuarial and strategic planning, Pension fund of the Russian Federation (119991, Moscow, Shabolovka st., 4; e-mail: sol26@100.pfr.ru).

References

1. Gurvich E. T. Population aging and the threat of budget crisis / E. T. Gurvich, A. L. Kudrin // Economic issue. 2012. No. 3. P. 52–79.

2. Solovyov A. K. Pension rights of insured persons. M. : Prometheus, 2020. 326 p.

3. Solovyov A. K. Raising the retirement age and the budget deficit: tactical benefits and strategic losses // Economic policy. 2016. No. 2. P. 148–176.

УДК 314

А. В. Сулаберидзе, И. С. Арчвадзе

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАНДЕМИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ В ПЕРИОД ПОСТПАНДЕМИИ[1]

Целью данной статьи является оценка влияния COVID-19 на демографическое и экономическое развитие Грузии и некоторых наиболее инфицированных стран. Распространение пандемии во многом связано с миграцией, урбанизацией, возрастной структурой населения и другими демографическими факторами. В статье рассмотрены государственные меры по борьбе с кризисом, вызванным коронавирусом.

Ключевые слова: пандемия, демографические факторы, социальная безопасность, трансформация функции государства

Распространение COVID-19 частично связано с демографическими факторами — миграцией, численностью, плотностью населения и уровнем урбанизации, которые определяют темпы и степень распространения пандемии в стране, поскольку «импорт» пандемии в основном есть следствие перемещения по стране иностранных граждан, в первую очередь, туристов. Изначально эти люди (в том числе инфицированные) прибывают в основном в столицу страны и крупные города и являются первичным источником заражения местного населения. Внутренняя миграция способствует распространению вируса в других населенных пунктах страны. Уровень заражения пандемией в них, в свою очередь, определяется расстоянием между населенными пунктами, численностью и плотностью их населения.

Как представлено в таблице 1, плотность населения в среднем в мире составляет 59,9 чел. на 1 кв. км, но из-за неравномерной заселенности и демографических особенностей отдельных стран распространение пандемии произошло не во всех странах одновременно. В странах, которые владеют большими территориями и поэтому имеют низкую плотность населения, например, в США (36,2 чел. на 1 кв. км), в России (8,9 чел.), Бразилии (25,4 чел.) и других, пандемия распространена в основном в столицах и крупных городах с высокой плотностью населения. В свою очередь, страны с высокой плотностью населения: Япония (346,9 чел.), Китай (153,3 чел.), Италия (205,8 чел.), Германия (240,4 чел.), Франция (119,2 чел.) и др. не смогли избежать высокого уровня инфицирования. Кроме того, следует отметить, что города в этих странах расположены компактно и расстояние между ними невелико, а через них проходят туристические маршруты.

Можно сказать, что плотность населения Грузии (65,0 чел.) выше не только среднемирового уровня, но отстает от остальных стран Кавказского региона — Армении (104,1 чел.) и Азербайджана (122,2 чел.).

[1] © Сулаберидзе А. В., Арчвадзе И. С. Текст. 2020.

Таблица 1

Плотность населения (чел. на 1 кв. м), по оценке ООН, в некоторых странах с высокой степенью инфицированния и Грузии COVID-19 2020 г. (в %)

Страна	Значение показателей по годам				
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Мир	47,2	50,3	53,5	56,7	59,9
Грузия*	68,5	65,2	66,5	65,1	65,0
Армения	107,8	104,7	101,1	102,8	104,1
Азербайджан	98,3	103,3	109,3	116,4	122,7
Российская федерация	8,9	8,8	8,8	8,9	8,9
Китай	137,5	141,7	145,8	149,9	153,3
Япония	349,8	352,0	352,6	351,1	346,9
Бразилия	20,9	22,3	23,4	24,5	25,4
Италия	192,7	198,1	201,7	206,0	205,6
Испания	81,8	88,3	94,1	93,6	93,7
Франция	107,8	111,6	114,8	117,7	119,2
Германия	233,5	234,1	231,9	234,6	240,4
США	30,8	32,2	33,8	35,1	36,2

Источник: World Population Prospects 2019 (Оценка ООН) https://population.un.org/wpp/

* По данным Geostat https://www.geostat.ge/ka/modules/categories/41/mosakhleoba.

По нашему мнению, в дополнение к усилиям правительства плотность населения и ограниченные транспортные связи между территориями сыграли важную роль в степени распространения пандемии. В результате этого число инфицированных в Грузии за четыре месяца (на 22 июня 2020 г.) составило 911 чел., из них 14 — умерли, в то время как число инфицированных в Армении и Азербайджане — 21,0 тыс. и 13,2 тыс. чел., а число погибших — 245 и 139 соответственно.

Миграция по-прежнему является основным демографическим фактором распространения пандемии. Ранее из-за неразвитости транспортных средств требовалось много времени для перемещения между районами, что приводило к низкому уровню распространения вирусных инфекций в других регионах. В отличие от предыдущих веков, развитие транспортных средств значительно ускорило уровень распространения вирусов не только на большие расстояния (между странами), но и между континентами, и его основными распространителями стали международные мигранты и туристы [2].

Что касается внутренней миграции, то она является основным демографическим фактором распространения инфекции на территории страны, и ее приостановление зависит от комплекса и своевременности мер, принятых властями страны. Например, введение правительством Грузии в марте 2020 г. чрезвычайного положения, по примеру других стран, ограничивающего как международную, так и внутреннюю миграцию, фактически сократило миграционное сальдо страны до нуля. Существенную роль

Таблица 2

Структура возрастных групп населения Грузии и некоторых стран, граничащих с ней, а также с высоким уровнем заражения COVID-19 в 2020 г. (в %)

Страны	Всего, %	Значение показателей по возрасту				
		0–14 лет	15–64 лет	65+ лет	65–79 лет	80+ лет
Мир	100,0	25,4	65,2	9,3	7,5	1,9
Грузия	100,0	20,0	64,5	15,3	11,5	3,7
Армения	100,0	20,8	67,4	11,8	8,7	3,1
Азербайджан	100,0	23,5	69,7	6,7	5,4	1,3
Российская Федерация	100,0	18,4	66,1	15,5	11,6	3,9
Китай	100,0	17,7	70,3	12,0	10,1	1,8
Италия	100,0	13,0	63,7	23,3	15,8	7,5
Испания	100,0	14,4	65,6	20,0	13,7	6,3
Франция	100,0	17,7	61,6	20,8	14,6	6,2
Германия	100,0	14,0	64,4	21,7	14,7	7,0
США	100,0	18,4	65,0	16,6	12,7	4,0
Бразилия	100,0	12,4	59,2	28,4	19,4	9,0

Источник: World Population Prospects 2019 (Оценка ООН). URL: https://population.un.org/wpp/ (дата обращения: 01.07.2020).

сыграл карантин в районах, зараженных вирусом COVID-19 (Марнеули и Болниси), так же, как и в столице Грузии.

Пандемия может привести к серьезным последствиям в демографически стареющих странах, также она может привести к увеличению детской смертности из-за низкой иммунизации. По данным Всемирной организации здравоохранения, «основной мишенью» пандемии являются дети и люди пожилого, а также среднего возраста с хроническими заболеваниями. Сегодня некоторые страны, в том числе Грузия, ежедневно предоставляют статистическую информацию об общем количестве людей, инфицированных COVID-19, из них — выздоровевших и умерших, но делать далеко идущие заключения по ним, тем более основательные научные выводы, было бы неправильно. Во-первых, поскольку пандемия продолжается, статистика инфицированных отражает небольшой период, во-вторых, данные о протекании болезни не анализируются в половозрастном аспекте. Исходя из этого, мы проанализировали демографическую возрастную структуру и оценили риск заражения в Грузии и некоторых граничащих с ней странах с высоким уровнем заражения COVID-19 в 2020 г. (таблица 2).

Судя по данным таблицы 2, доля детей (0–14 лет) в мире (25,4 %) в 2,7 раза выше числа пожилых людей. Однако большинство детей находится в развивающихся и бедных странах, в то время как 65-летние и особенно те, кому за 80, живут в высокоразвитых странах, получая высокий уровень качества жизни, способствующий росту продолжительности жизни. В свою очередь, высокий уровень социально-экономического развития по сравнению с развивающимися странами является результатом неравного

перераспределения богатства в мире и может сыграть значительную роль в дифференцированном развитии инфекции COVID-19 между регионами и странами по всему миру.

В соответствии с данными ВОЗ риск заражения детей гипотетически в развивающихся и бедных странах должен быть выше, чем в развитых странах, а в развивающихся — среди пожилых людей. К сожалению, нам недоступна статистика инфицированных по полу и возрасту по отдельным странам, что не позволяет дать полноценную оценку заболеваемости вирусом и смертности населения в этом разрезе. Из-за этого мы вынуждены приводить сравнительные показатели потерь от коронавируса.

В Грузии и Армении по сравнению с Азербайджаном COVID-19 — от начала инфицирования по сегодняшний день в Грузии — в течение четырех месяцев зараженных и умерших зафиксировано намного меньше, чем в обеих соседних странах. Согласно последним данным (по состоянию на 22 июня 2020 г.), число инфицированных в Армении в 23,0 раза выше, чем в Грузии, а число умерших по этой причине в 26,6 раза. Аналогичные данные в Азербайджане превышают соответственно в 14,5 раза и в 11,5 раза показатели Грузии. Аналогичное положение наблюдается и при сравнении с другими странами. Так, по сравнению с Россией, на 1 000 жителей количество зараженных коронавирусом в Грузии меньше в 16,4 раза, а количество умерших — в 14,7 раза меньше; по отношению к США соответствующее «отставание» Грузии составляет, соотвтественно, 29,7 раза и 98,0 раз.

Вместе с этим, опасность COVID-19 зависит не только от состояния системы здравоохранения и политических мер в стране, но также от уровня управления и развития экономики страны. Эпидемия коронавируса показала, с одной стороны, полную нелепость либерального взгляда на всемогущество рынка и, с другой стороны, напротив — важность стабилизирующей и организующей функции социально-экономической роли государства.

Отмеченный кризис также показал неэффективность глобальной парадигмы спроса и предложения в сетях здравоохранения и частных клиник, которые оказались абсолютно неподготовленными перед лицом глобальной пандемии. Здравоохранение как рыночный продукт фактически провалилось, и это несмотря на то, что страны с развитой рыночной экономикой перенаправили значительную часть своего национального продукта на здравоохранение.

Кризис, вызванный коронавирусом, был основательно переоценен и фактически подорвал неолиберальное представление о всемогуществе рынка. Более того, некоторые радикально настроенные экономисты пошли еще дальше и сочли текущие процессы началом конца рыночной экономики. Если принимать во внимание его распространение, масштабы экономических потерь весьма впечатляют и с ними нельзя справиться на уровне корпораций — это подвластно государственной институции,

определяющей единое целенаправленное использование всех видов ресурсов и формирующее единое правило поведения граждан. [1]. Например, администрация Трампа планирует использовать около 2,3 трлн долл. против коронавируса[1], что составляет почти 11 % ВВП страны. Аналогичные меры принимаются в других странах. Например, в Австралии общая стоимость пакета налогово-бюджетных мер по преодолению кризиса, вызванного пандемией коронавируса, составляет 9,7 % национального продукта страны, 6,0 % — в Канаде, 4,9 % — в Японии, 3,4 % — в Казахстане, 2,5 % — в Великобритании и 2,0 % — в Чешской Республике. Причиной таких мер государств является значительный упадок экономики. Согласно данным Международного валютного фонда, ведущие страны мира не смогут восстановить уровень 2019 г. даже к 2021 г.[2]

Коронавирусный кризис и связанные с ним процессы в области медицины и экономики, логистики и управления в целом отчетливо показали нам, что:

1) во-первых, государственные учреждения должны быть сильными, адекватными и эффективными в своих действиях, с адекватным планом для разработки нескольких сценариев и соответствующим ресурсом для быстрого реагирования;

2) во-вторых, у государства должны быть достаточные резервы — как лекарственных препаратов и предметов первого потребления, так и продуктов питания, а также для чрезвычайных и нормальных условий, также государство должно существенно улучшить мониторинг формирования и использования этих резервов;

3) в-третьих, институциональная ответственность государства должна основываться на соответствующей институционально-организационной структуре, которая будет не только контролировать вышеперечисленное, но и станет органом превенции этих процессов, а в случае форс-мажорных обстоятельств — их управления и органом преодоления кризиса.

Эта ситуация значительно повысила роль и значение государств перед лицом экзистенциальных вызовов в результате коронавирусного кризиса и фактически привела к их «возрождению». Кризис однозначно подтвердил, что государство остается «кредитором последней надежды», потому что только оно способно противостоять кризисам — медицинскому, экономическому, социально-демографическому — для предотвращения неконтролируемого и масштабного экономического спада, перерождения рецессии в депрессию.

Государство с наступлением коронавирусной пандемии в кратчайшие сроки восстановило статус «первой скрипки» управления экономикой,

[1] Senate approves historic $2 trillion stimulus deal amid growing coronavirus fears // CNN. URL: https://edition.cnn.com/2020/03/25/politics/stimulus-senate-action-coronavirus/index.html (accessed: 26.03. 2020).

[2] IMF World Economic Outlook, April, 2020 // International monetary fund. URL: https://www.imf.org/en/Publications/FM (accessed: 10.05.2020).

продемонстрировав приостановку свободы бизнеса, товаров и людей, и пошло, в отличие от всех предыдущих кризисов, к преднамеренному сужению экономики; оно не отступило от того, что долгое время оставляло всю экономическую деятельность в состоянии неопределенности, надеясь на смутное объявление и обещание вернуться к нормальному ритму и образу жизни и связав процесс оживления экономики с эпидемиологическим пиком пандемии или выходом на плато.

Все это серьезно сказалось на идее всемогущества рынка и его репутации. На этом фоне стало очевидно, что государственная доля в экономике значительно укрепится в постпандемический период. На первый план выйдет создание рабочих мест, минимального гарантированного дохода, формирования единой интернеттехнологической инфраструктуры и вместо роста/спада экономики — вопрос стабилизации основных потребностей населения. Правительства должны будут апробировать различные модели для введения более отлаженных форм прогрессивных налогов и внедрения гарантированного базового дохода, тем более что в посткоронавирусный период существует высокая вероятность увеличения социального неравенства.

Однако, учитывая, что спрос на социальное обеспечение значительно возрастет по мере снижения спроса на рабочую силу, правительствам придется тратить больше средств на внутренние стабилизаторы — медицину, здравоохранение и социальную защиту, что сделает общественные отношения более гуманными, социальными и в классовом ключе сделают их, на наш взгляд, более социалистически окрашенными. Однако рост авторитета государства никогда не ограничивался увеличением внутренних функций страны. Оно также добилось значительных успехов в области международных отношений: национальные государства постепенно возвращаются к своим институциональным границам, надгосударственные аморфные структуры восстанавливают ранее «добровольно» переданные полномочия (например, страны ЕС).

В целом, необходимость в экономически и функционально сильном государстве обусловлена самой диалектикой жизни: экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, массовым обнищанием населения без соответствующих эффективных антикризисных мер, отсутствие «подушки безопасности» неизбежно вызовут социальный протест, турбулентные процессы в обществе. С другой стороны, только государство, в частности сильное, может решать такие проблемы как экономическими, так и административными методами.

Параллельно с этими позитивными тенденциями необходимо видеть некоторые угрозы, которые, тем не менее, могут привести к укреплению статуса и функций государства. Пандемия коронавируса фактически подтолкнула общественность к выбору: на одной чаше весов — права граждан, свобода членов общества и на второй — несанкционированное вмешательство, «вторжение» государства и его структур в частную жизнь семей

и личностей. Еще до пандемии правительство пыталось собрать как можно больше информации о своих гражданах. Стало очевидным, что личное пространство человека во всем мире, казалось, сжималось: страны, казалось, конкурировали друг с другом в разработке различных механизмов наблюдения.

Пандемия коронавируса развязала руки правительствам всех стран, и на фоне декларирования заботы о здоровье граждан они захотели получить полный карт-бланш на вторжение в личную жизнь людей и слежку за ними. Нынешняя ситуация позволяет правительству проверить эффективность различных технологий наблюдения за гражданами в «боевой» ситуации. Под предлогом борьбы с эпидемией в некоторых странах уже введены приложения к смартфонам, которые тотально отслеживают передвижения людей и контакты. Но примет ли большинство граждан молчанием покушение на большую часть своей свободы в формате борьбы с коронавирусом? Кажется, человечество подталкивается к цугцвангу: согласиться ограничить свободу на основные права, и на передвижения, право собраний, предпринимательскую деятельность и поддержание ее и т. д., либо, чтобы сохранить свои права — поступиться анонимностью личных данных.

Список источников

1. *Арчвадзе И.* Почему из-за коронавируса оказались в выгодном положении крупные финансовые бизнескорпорации и как диктуют свои условия государствам. “Тбилиселеби”. № 15. 6–12.04.2020 (на грузин. языке). URL: http://tbiliselebi.ge/index.php?newsid=268458279 (дата обращения: 01.07.2020).

2. *Сулаберидзе А., Сулаберидзе В., Шуштакашвили В.* Демографические факторы пандемии и самосохранительное поведение (на грузин. языке). // сборник материалов конференции «Modern economy, economic science and pandemic problems of economy: the challenges and ways of finding solution». С. 108–113. URL: http://ekonomisti.tsu.ge/doc/2020konf.saboloo.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

Информация об авторах

Сулаберидзе Автандил Владимирович (Грузия, Тбилиси) — доктор экономических наук, профессор, директор Института демографии и социологии. Государственный Университет Ильи (ИЛИАУНИ) (0162, Тбилиси, пр. Чолокашвили, 3/5; e-mail: sulaberidzeavtandil@gmail.com).

Арчвадзе Иосиф Сергеевич (Грузия, Тбилиси) — доктор экономики, профессор, исследователь Института демографии и социологии. Государственный университет Ильи (ИЛИАУНИ) (0162, Тбилиси, пр. Чолокашвили, 3/5; e-mail: daswreba@yahoo.com).

A. V. Sulaberidze, J. S. Archvadze

Demographic Aspects of a Pandemic and the Transformation of the Function of a State During the Post-Pandemic Period

The following article assesses, against the background of Georgia and some of the infected countries, the impact of the COVID-19 on the demographic and economic development. The outbreak of the pandemic is, in essence, determined by migration, level of urbanization, age structure and other demographic factors. The magnitude of the COVID-19 is dependent not only on the condition of health system and politics, but also on the level of economic management and development. The Corona Virus

epidemic has demonstrated the utter absurdity of the libertarian view with regard to the omnipotence of a market and the ensuing crisis has actually put an end to such a belief. As opposed to this, the crisis has manifested the importance of a stabilizing and organizing function of a state's social-economic role. Globally, the paradigm of demand and supply proved to be ineffective within the networks of healthcare and private hospitals. The healthcare, as a market product, in fact failed, despite the fact that the countries with developed market economy directed a significant portion of their national product toward healthcare. The size of losses is quite impressive and dealing with it is impossible on the level of corporations — it can only be achieved by a state which is an institution that determines the targeted use of all kinds of resources and regulates the behavior rules for its citizens.

Keywords: pandemic, demographic factors, migration, market, neoliberalism, transformation of a state's function

Authors

Sulaberidze Avtandil (Georgia, Tbilisi) — doctor of economics sains, professor, director of the Institute of Demography and Sociology of Ilia State University (0162, Tbilisi, etc. Cholokashvili 3/5; e-mail: sulaberidzeavtandil@gmail.com).

Archvadze Jozef (Georgia, Tbilisi) — doctor of economics, professor, researcher of the Institute of Demography and Sociology of Ilia State University (0162, Tbilisi, etc. Cholokashvili 3/5; e-mail: daswreba@yahoo.com).

References

1. Archvadze I. Why did large financial business corporations find themselves in an advantageous position because of the coronavirus and how states dictate their terms. "Tbiliselebi". No. 15. 6–12.04.2020 (in Georgian). URL: http://tbiliselebi.ge/index.php?newsid=268458279 (accessed: 01.07.2020).

2. Demographic factors of the pandemic and self-preservative behavior (in Georgian) // Conference proceedings «Modern economy, economic science and pandemic problems of economy: the challenges and ways of finding solution». P. 108–113. URL: http://ekonomisti.tsu.ge/doc/2020konf.saboloo.pdf (accessed: 01.07.2020).

УДК 331.526; 314.6

Н. М. Сурнина, А. А. Илюхин, С. В. Илюхина

МОТИВАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЁЖИ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ[1]

Рассмотрены результаты исследования социально-экономической мотивации и предпочтений молодого поколения российского социума. Цель исследования заключается в выявлении приоритетов молодого поколения, ценностных установок социально-демографического поведения. Исследование основано на данных, полученных в результате социологического исследования более 1 800 респондентов в возрасте от 18 до 21 лет. Выявлено более чем сорок социально-экономических проблем, которые волнуют современную молодежь, все они ранжированы по степени важности для исследуемой аудитории. Выделены и подробно проанализированы девять самых важных, определяющих социально-экономическую мотивацию и предпочтения молодого поколения. Полученные результаты позволяют объективно оценить и понять мотивацию и социальные предпочтения молодого поколения, могут использоваться для формирования научно обоснованной демографической политики.

Ключевые слова: социальная демография, теория поколений, мотивация молодежи, социально-экономические предпочтения молодежи, социально-экономические проблемы, приоритеты молодежи

Будущее любой страны ее демографическое развитие во многом зависит от подрастающего поколения. В социально-демографической науке разработана теория поколений, связанная с экономическими циклами, прежде всего это исследования Н. Хоув и В. Штрауса [2, 4, 5, 6]. В России также развивается данное направление, этим занимается RuGenerations — «российская школа Теории поколений»[2], исследователи которой выделяют четыре экономических цикла (примерно по 20 лет каждый), увязывая их со временами года. Таким образом, людей того или иного цикла объединяют схожее мировоззрение, особенности, стержневые ценности, миссия и судьба[3]. В таблице приведены результаты сделанной авторами статистической группировки населения России согласно теории поколений.

Из полученной структуры распределения населения на поколения заметно подтверждение официальных статистических данных о низкой рождаемости, которую власти страны пытаются всеми методами простимулировать на федеральном и территориальных уровнях, и достаточно

---

[1] © Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В. Текст. 2020.

[2] RuGenerations — российская школа Теории поколений. URL: https://rugenerations.su/ (дата обращения: 10.05.2020).

[3] Данная структура была рассчитана по официальным статистическим данным Росстата, актуальным на 1 января 2019 г. Всего населения в России 146,804 млн чел., из них 46,35 % — мужчин, 53,65 % — женщин (гендерная диспропорция сохраняется).

Таблица

Распределение численности населения России на пять поколений по полу и возрастным группам на 1 января 2019 г. (%)

Группировка населения России по возрасту согласно теории поколений (условно)	Удельный вес поколения в общей численности населения РФ	Удельный вес мужчин в данном поколении	Удельный вес женщин в данном поколении
0–14 лет (2003–2024 гг.): поколение *Z* (Зима)	17,42	51,29	48,71
14–31 год (1986–2003 гг.): поколение *Y* (Осень)	26,52	50,63	49,37
31–54 года (1963–1986 гг.): поколение *X* (Лето)	27,71	47,92	52,08
54–74 года (1943–1963 гг.): Бебибумеры (Весна)	19,34	41,73	58,27
74–94 года (1923–1943 гг.): Молчаливое поколение (Зима)	9,01	29,29	70,71

высокой смертности, с которой также пытаются бороться. Как мы видим по данным таблицы, поколения *Y* и *X* занимают практически поровну по 26–27 % в удельном весе населения страны и могут влиять на ее дальнейшую судьбу. Представителям каждого из этих поколений присущи свои особенности мировоззрения, ценности, взгляды на жизнь, у каждого своя миссия и судьба. На формирование личности оказывает влияние масса факторов: семья, ближайшее окружение, друзья, образование, профессиональная сфера [1]. Однако проблемы, которые могут касаться представителей только одного поколения, волнующие их вопросы, а также темы, которые их интересуют, на наш взгляд, могут рассказать о данном сегменте населения больше, чем официальная статистика.

Вокруг поколения *Y* (игрек) много споров и мифов: работодатели, например, считают, что у его представителей существуют завышенные ожидания, не подкрепленные реальными компетенциями. Однако если ситуацию рассмотреть со стороны работника, то возникает вопрос, почему он должен соглашаться на мизерную заработную плату, не отвечающую запросам и не обеспечивающую комфортную жизнь, а не прожиточный минимум? Ведь уровень развития общества, подчеркиваем, российского общества, весь подробно изложен на страницах Интернета в онлайн-доступе. Почему молодой и амбициозный человек должен хотеть меньше, чем ему предлагает существующий уровень развития цивилизации? Безусловно, доля правды в критике данного поколения есть, но мы на собственном опыте убедились в том, что при правильной мотивации и конкретно сформулированной постановке задачи представители поколения игрек чрезвычайно работоспособны и эффективны.

Авторами было проведено социально-экономическое исследование среди студенческой молодежи, перед выбранной аудиторией была

поставлена задача собрать статистику по интересующей их мотивационной и социальной тематике. В результате получен спектр из более чем сорока тем, которые волнуют современную молодежь[1]. Присвоив данным темам соответствующие ранги по степени уменьшения, мы проанализировали 9 наиболее важных тем (степень важности тематики определялась по количеству респондентов, принявших участие в опросах).

На первом месте стоит тема «Интернет и социальные сети», в которой участвовали 1 380 респондентов, из них 62,6 % признали собственную зависимость от социальных сетей и Интернета, остальные утверждают, что это не так. Большинство опрошенных имеют постоянную необходимость в Интернете, больше 50 % заходят в Интернет от скуки и 9 % только по учебе. При этом 35,3 % проводят в Интернете более 6-ти часов в день, равное количество людей ответили, что отводят от 3-х до 4-х и от 4-х до 5-ти часов каждый день — 29,4 %, 5,9 % проводят от 1-го до 2-х часов в день. При этом 100 % участников опроса считают, что важно постоянно заниматься саморазвитием. 83,9 % опрошенных хотели бы больше уделять времени саморазвитию и самопознанию, 16,1 % утверждают, что их «и так все устраивает».

Почти 68 % чувствуют зависимость от посещения Instagram. Также 91 % опрошенных считают, что «публикации блогеров/звезд в Instagram не соответствуют их реальной жизни». Несмотря на отсутствие в большинстве случаев честности и открытости в Instagram, 60 % опрошенных хотели бы «оказаться на месте известного блогера». Уровень доверия блогерам довольно высокий: 35,5 % опрошенных прислушиваются к их мнению и следуют их советам, 12,4 % делают это редко и 35 % считают «глупым верить тому, что пишут в сети».

На втором месте стоит тема, которая названа как «Труд, образование и безработица среди молодежи». В данном направлении приняли участие 1 120 респондентов, работают на момент опроса 55 %. Самыми популярными причинами безработицы среди молодежи, по мнению опрошенных, являются: 50 % — «не хватает опыта работы», 20 % — «мало вакансий с хорошей зарплатой», 17 % — «нет доверия к молодым специалистам», 13 % — нет свободных мест.

81,3 % опрошенных из числа студентов считают, что проблема трудоустройства молодых специалистов является актуальной на сегодняшний день. По окончании учебы 80,9 % планируют найти работу по своей специальности, 19,1 % не хотят работать по полученной специальности. При этом практически половине респондентов с выбором будущей профессии помогли определиться их родители. По мнению 63 % респондентов, местность (город или поселок) имеет влияние на качество образования. 81,1 %

[1] Студенты 2-го курса Института экономики УрГЭУ были организованы для проведения опросов с использованием социальных сетей под нашим научным руководством (годы рождения интервьюеров 1999–2002, поколение Y), было обследовано более 1800 респондентов.

опрашиваемых считают, что в образовательных учреждениях недостаточно творческой свободы, поскольку, по их мнению, «творчество является неотъемлемой частью человечества».

Попытки заработать стаж и подработать во время учебы порождают проблему трудоустройства студентов из-за несовпадений графиков у половины опрошенных. Среди молодых людей также была выявлена тенденция пожеланий работать фрилансерами и волонтерами.

Особенно проблема безработицы молодежи проявляется в малых городах Свердловской области (например, в г. Первоуральск — 81 % ответили о затруднениях при поиске работы, т. к. мало вакансий с хорошей заработной платой, 57 % опрошенных не работают по специальности, 31,3 % — что «трудно найти работу с хорошей зарплатой»). В связи с этим молодежь мигрирует, стремится к проживанию в больших городах, лишь 34 % остаются в своем городе, что вдвое меньше количества сменивших место проживания [3].

Третье место по значимости занимает тема «Экология». Данная проблема волнует практически 1 000 человек (именно столько молодых людей прошло опрос). Из них 74,4 % респондентов женского пола. Самыми серьезными экологическими проблемами 51 % опрошенных считают пластиковое загрязнение, 66 % — загрязнение почвы и воды, 11 % — промышленные отходы, по 53 % — загрязнение атмосферы и транспортные выхлопы. 85 % выделяют проблему глобального потепления, 58,9 % считают пагубной деятельность людей для окружающей среды. Далее, 78,6 % опрошенных считают, что уже видны изменения климата в связи с глобальным потеплением, 92 % считают, что природе наносит вред деятельность человека. Большинство респондентов (89 %) также отмечают, что загрязнение окружающей среды вредит их здоровью. 70 % опрошенных не сортируют мусор, но если бы рядом с их домом находились пункты разделения мусора, то 82 % готовы это делать. 59 % респондентов также стараются сократить потребление пластика, 29,9 % пока не задумывались об этом.

40 % опрошенных волнует распространение лесных пожаров и вырубки лесов, 83 % из них считают, что пожары происходят по вине человека, 62 % считают, что вырубка лесов оказывает негативное влияние на состояние экологии нашей страны и Свердловской области. Факт массового участия молодежи в данном исследовании указывает на их неравнодушие к проблемам планеты, страны и региона.

Четвертое место заняла тема «Спорт», в ней приняли участие 508 респондентов: 74,4 % ответили, что занимались спортом и занимаются до сих пор, при этом 90 % считают, что спортом нужно заниматься обязательно, «ведь это модно и актуально в 21 веке». 29,9 % заняты спортом 1–2 раза в неделю, 26,8 % — 3–4 раза в неделю, 20,6 % — ежедневно, 19,6 % не занимаются спортом. 52,9 % опрошенных занимаются фитнесом, 27,7 % — нет, а 19, 3 % хотят попробовать. 94,1 % респондентов считают, что фитнес полезен для здоровья, 1,7 % ответили отрицательно, 4,2 % не знают.

20 % опрошенных сказали, что полностью здоровы, у 80 % имеются те или иные проблемы со здоровьем.

На пятом месте стоит проблема «Вредные привычки у молодежи (наркотики, алкоголь и сигареты)»: в ней приняли участие 479 респондентов. 75 % никогда не употребляли наркотики, однако у 30 % опрошенных есть знакомые, употребляющие наркотики постоянно, а 32,3 % пробовали запрещенные вещества хотя бы раз. При этом 20,7 % считают, что зависимость появляется после первого приема, а 79,3 % утверждают, что после нескольких.

Почти 66 % респондентов пробовали алкоголь и употребляют его в настоящее время: 42,4 % пьют по праздникам, 36,4 % — пьют каждые выходные, 12,1 % — не нравится пить, 3 % не пробовали никогда. 28,6 % опрошенных ответили, что употребляют «из-за вкуса», 23,2 % — «от скуки», 19,6 % — в компании, 19,6 % — «для уверенности». Алкоголь в возрасте от 15 до 18 лет попробовали 32 %, 33 % — от 11 до 14 лет, 16 % — после 18 лет, 14 % — до 10 лет. 48,6 % курят сигареты, 48,4 % пробовали, но им не понравилось, 3 % курят кальян и электронные сигареты.

42,3 % респондентов ответили, что ведут здоровый образ жизни, 39,4 % — нет. 18,8 % больше 4 раз в неделю едят фаст-фуд, 46,9 % — иногда, 12,5 % — раз в неделю, 21,9 % — 2–4 раза в неделю. Слышали о бодипозитиве 81,9 %, 66,7 % относятся к нему нейтрально, 19,4 % — за него, 13,9 % — против бодипозитива. 72,2 % относятся нейтрально к людям, имеющим большой вес, 13,9 % — отрицательно, 13,9 % — положительно.

Азартными играми увлекались около 50 % опрошенных, из них 36,1 % играют сейчас. Среди опрошенных азартными людьми себя считают 25 %.

На шестом месте расположена тема «Цирк без животных» (428 респондентов): среди них 57,7 % — женщины, 42,3 % — мужчины, 66 % опрошенных в возрасте от 18 до 25 лет. Номера с животными необязательными считают 77,5 % респондентов, 53,8 % нравятся акробатические номера, 65 % видели жестокое обращение с животными в цирке, 82,5 % жалко цирковых животных, 62,5 % не будут водить своих детей в цирк, если там будут присутствовать номера с животными.

57,7 % беспокоятся о животных в цирке и 48,1 % — за запрет животных в цирке, 19,2 % не видят в этом ничего плохого, 32,7 % это безразлично. 73,1 % опрошенных считают, что животных не должно быть в цирке, а 26,9 % — что должно.

При этом 91,9 % отмечают, что знакомство с миром животных приносит пользу и выступают за контактные зоопарки, которые 52,9 % посещали больше одного раза, а 70 % считают, что контактные зоопарки приносят пользу.

На седьмом месте по значимости стоит тема «Общественный транспорт, транспортные проблемы» (370 респондентов): гендерная диспропорция сохраняется, возрастная структура превалирует доминантная — молодежь 18–25 лет. Ежедневно общественным транспортом пользуются

78,6 %, в основном это автобусы и трамваи — 50 %; 65 % тратят около полутора часов в день на передвижение. 64 % опрошенных отмечают проблему избытка людей в транспорте, 64,4 % предпочитают метро, 52,5 % опрошенных испытывают тревожные чувства в общественном транспорте, 84,2 % уступают места.

Данный опрос показал, что большинство опрошенных не устраивают цены на общественный транспорт, в отличие от расположения остановок. Общее качество транспорта является неплохим, но «есть к чему стремиться». 43 % ответили, что после Чемпионата мира по футболу 2018 г. улучшилась инфраструктура городов. 45.7 % считают, что увеличился поток туристов, однако 28,6 % считают, что ЧМ был «пустой тратой денег».

На восьмом месте расположена тема «Отдых в России или за границей»: заинтересовались ею 300 человек, из них 88,6 % — молодые люди 18–25 лет. 62,5 % путешествуют раз в год, 87 % только летом, 44,4 % бывают за границей раз в несколько лет, 95,3 % хотят чаще бывать за границей, 90,2 % привлекает за рубежом: сервис, еда, отели и т. п. Побывать за границей, а не путешествовать по России, предпочитают 55,8 %, в отличие от 27,9 %. Предпочитают активный/познавательный отдых — 65,9 %, а 57,1 % в 2019–2020 гг. «надеются куда-нибудь отправиться».

На девятом месте стоит проблема службы в армии. В опросе «Армия» приняли участие 201 человек. Из них 56 % — мужчины, 44 % — девушки. Практически 48 % ответили, что это «пустая трата времени», 38 % ответили, что «это долг каждого мужчины, который должен выполнить беспрекословно» и «хотели бы отслужить».

63,3 % не желают проходить военную службу, 23,3 % отслужили бы, но 54,2 % опрошенных «использовали бы возможность уклониться от армии», 30,5 % — нет. При этом 35 % оценивают армию хорошо, 46,7 % удовлетворительно, а 18,3 % неудовлетворительно. 14 % считают, что «армия учит ценить время, но служба должна быть по желанию».

По сути, мы обратились к молодежи с просьбой рассказать о себе, конечно, немного откорректировав их желания поговорить о зарождающихся нетрадиционных течениях и на одиозные темы. Главная особенность этого поколения — героизм и желание все улучшить, даже не зная, как, была подтверждена в процессе исследования. Если молодежь на первое место ставит социальные сети, может, стоит обратить внимание государственно-властным структурам на это: усилить рефрен звучания патриотического воспитания молодежи через социальные сети вместо навязчивой рекламы представителями псевдо-золотой молодежи и т. д. Как показало наше исследование, поколение *Y* интересуется всем, оно весьма деятельное, значит, его энергии необходимо придать нужный вектор развития, а не пускать на самотек. История повторяется, но один раз она выступает как трагедия, а другой раз как фарс, представители поколения игрек уже совершали революцию в нашей стране. Возможно, зная особенности этого поколения, необходимо не допустить, чтобы нашей

молодежью управляли извне и насаждали чуждые нашему российскому менталитету ценности.

У данного поколения присутствует страх перед террором и «неадекватными людьми в городской среде», они хотят, чтобы с ними считались и особенно хвалили, убеждены, что их везде ждут, уверены в себе и собственной непогрешимости, при этом не боятся критиковать. Возможно, немного поверхностны и теряют внимание, особенно к тому, что считают несущественным и неинтересным для себя. Но изменившийся темп, ритм современного общества, быстрая смена новостных декораций и внедрение в жизнь высокотехнологичных информационных гаджетов возможно требуют такого ультрабыстрого реагирования. При этом, конечно же, желательно думать о последствиях и принимать взвешенные решения, но во всем мире и во все времена человечество упорно предпочитает учиться на собственных ошибках. В целом проведенное исследование помогает объективно оценить и понять мотивацию и социальные предпочтения молодого поколения, что, безусловно, важно для формирования научно обоснованной демографической политики.

Список источников

1. *Илюхин А. А., Илюхина С. В.* Экономика счастья: роль, взгляды и оценки молодежи // Управленец. 2018. Т. 9, № 2. С. 12–17. DOI: 10.29141/2218–5003–2018–9–2–3.

2. *Портер М.* Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / Пер. с англ. 4-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2011. 453 с. ISBN 978–5–9614–1605–3.

3. *Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В.* Демографический ландшафт региона: факторы, динамика, тенденции, прогнозы // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 4 (72).

4. *Kahneman D.* Thinking, Fast and Slow. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2013.

5. *Howe N., Strauss W.* Millennials Go to College: Strategies for a New Generation on Campus (2nd ed.). Great Falls : LifeCourse Associates, 2008. ISBN 978–0–9712606–1–0.

6. *Howe N., Strauss W.* The Next Twenty Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve. Harvard Business Review. 2007. P. 41–52.

Информация об авторах

Сурнина Н. М. (Россия, Екатеринбург) — доктор экон. наук, профессор, Уральский государственный экономический университет (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: decane@usue.ru)

Илюхин А. А. (Россия, Екатеринбург) — кандидат экон. наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: iluhiaa@usue.ru).

Илюхина С. В. (Россия, Екатеринбург) — кандидат экон. наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: iluhiaa@usue.ru).

N. M. Surnina, A. A. Ilyukhin, S. V. Ilyukhina

Motivation and Socio-Economic Preferences of Young People as a Factor of Demographic Development

The results of the study of socio-economic motivation and preferences of the younger generation of Russian society are Considered. The purpose of the study is to identify the priorities of the younger

generation, value attitudes of socio-demographic behavior. The study is based on data obtained from a sociological survey of more than 1 800 respondents aged 18 to 21 years. Identified more than forty, socio-economic issues that concern the youth of today all they are ranked in order of importance for the study of the audience, selected and analyzed in detail the nine most important determinants of socio-economic, motivations and preferences of the younger generation. The results obtained allow us to objectively assess and understand the motivation and social preferences of the younger generation, and can be used to form a scientifically based demographic policy.

Keywords: social demography, theory of generations, motivation of youth, socio-economic preferences of youth, socio-economic problems, priorities of youth

Authors

Surnina N. M. (Russia, Ekaterinburg) — doctor of Economics, Professor, Ural state University of Economics (620144, Ekaterinburg, 8 Marta street/Narodnaya Volya, 62/45; e-mail: decane@usue.ru).

Ilyukhin A. A. (Russia, Ekaterinburg) — Ph. D. in Economics, associate Professor, Ural state University of Economics (620144, Ekaterinburg, 8 Marta street /Narodnaya Volya, 62/45; e-mail: iluhiaa@usue.ru).

Ilyukhina S. V. (Russia, Ekaterinburg) — candidate of Economics, associate Professor, Ural state University of Economics (620144, Ekaterinburg, 8 Marta street/Narodnaya Volya; e-mail: 62/45, iluhiaa@usue.ru).

References

1. Ilyukhin A. A., Ilyukhina S. V. Economics of happiness: the role, views and assessments of yout // Manageret. 2018. Vol. 9, No. 2. P. 12–17. DOI: 10.29141 / 2218–5003–2018–9–2–3.

2. Porter M. Competitive strategy: Methods of analyzing industries and competitors / Trans. from English. 4th ed. M. : Alpina publisher, 2011. 453 p. ISBN 978–5–9614–1605–3.

3. Surnina N. M., Ilyukhin A. A., Ilyukhina S. V. Demographic landscape of the region: factors, dynamics, trends, forecasts // Proceedings of the Ural state University of Economics. 2017. № 4 (72).

4. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2013.

5. Howe N., Strauss W. Millennials go to College: strategies for a new generation on campus (2nd ed.). Great Falls: life Cycle Partners, 2008. ISBN 978–0–9712606–1–0.

6. Howe N., Strauss W. The Next Twenty Years: Of Customer and Workforce Attitudes all Evolve. Harvard Business Review. 2007. P. 41–52.

УДК

Н. В. Тонких, Д. А. Антонов, Д. А. Семерикова

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ АКТИВНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН С МАЛОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ[1]

В статье раскрываются перспективные направления региональной политики в сфере регулирования женской занятости с учетом демографических приоритетов и задач обеспечения цифрового гендерного равенства. Региональные приоритеты определены на основе результатов социологического исследования, проведенного методом формализованного опроса женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет и проживающих на территории Свердловской области. Изучалась и оценивалась потребность женщин, воспитывающих детей в возрасте до трех лет, в профессиональном обучении для успешной адаптации на рынке труда. Разработка региональных программ профессионального обучения и переобучения женщин с малолетними детьми рассматривается как инфраструктурное условие реализации Национального проекта «Демография», цель которого — повышение рождаемости.

Ключевые слова: женская занятость, содействие занятости, рынок труда, трудоустройство женщин, демографическая политика, профессиональное обучение

Актуальность женского вопроса в процессах управления рынком труда в условиях развития инновационных и цифровых технологий не ослабевает, а напротив, усиливается. Исследователи отмечают существенные трансформационные сдвиги практически во всех сферах социо-экономики. Меняется структура занятости, появляются нестандартные формы трудовых отношений, в том числе дистанционные [4, с. 119; 6, с. 389]. Изменяется отношение к браку, к семье, возраст рождения первого ребенка существенно «постарел» [2, с. 9]. Роль современной женщины заключается в поиске гармоничного баланса между родительством и самореализацией на рынке труда [1, с. 151; 7, с. 115]. Большинство женщин сталкивается со схожими трудностями [5, с. 146]. В период ухода за малолетним ребенком женщина «выпадает» из стремительного потока изменений, ее знания и компетентность устаревают, ее стоимость и конкурентоспособность на рынке труда значительно снижаются [3, с. 250]. Государством на национальном уровне предусмотрен ряд проектов, направленных на поддержку рождаемости с одной стороны и на содействие женской занятости, предпринимательству — с другой[2].

---

[1] © Тонких Н. В., Антонов Д. А., Семерикова Д. А. Текст. 2020.

[2] Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: http://base.garant.ru/70170932/ (дата обращения: 10.05.2020).

В нашем регионе вопросам содействия занятости женщин через активные формы, через организацию и реализацию краткосрочных программ профессионального развития традиционно уделяется большое внимание. В рамках регионального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет на территории Свердловской области» было проведено исследование. В статье частично публикуются результаты совместного исследования, организаторами и разработчиками которого выступили Департамент по труду и занятости населения Свердловской области и коллектив Лаборатории по исследованию рынка труда кафедры Экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета. Лаборатория в настоящее время специализируется на исследованиях влияния дистанционной женской занятости на институт родительства.

С апреля по май 2019 г. было опрошено 639 женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет, находящихся в возрасте от 18 до 44 лет. Женщины зарегистрированы и проживают на территории Свердловской области. Выборка относится к районированному типу, представлена всеми муниципальными образованиями, входящими в состав области. Выборка структурирована в соответствии с данными статистики о численности женщин в разрезе территорий квотная. Опрос проводился специалистами центров занятости соответствующих территорий методом личного формализованного опроса. Опросник содержал 20 закрытых и открытых вопросов. В частности был задан вопрос в следующей формулировке: «Сообщите, пожалуйста, какой вид обучения и профессию/специальность Вы желали бы получить по направлению и за счет центра занятости?».

Полученные первичные данные после обработки анкет, отражающие профессиональные выборы женщин, были структурированы по областям профессиональной деятельности (по Общероссийскому классификатору), по образовательным программам ПО и ДПО. Далее было проведено сопоставление выборов респондентов со спросом на работников определенных профессий\квалификаций на региональном рынке труда из регионального банка вакансий, имеющегося в Департаменте по труду и занятости населения Свердловской области. Была использована статистика о количестве зарегистрированных вакантных рабочих мест и свободных должностей (вакансий), которые являлись (являются) местами возможного трудоустройства соискателей работы за период с 1 января 2019 г. по 1 июля 2019 г.

Данные о выборе женщинами-респондентами программ обучения профилям и направлениям образовательных программ показывают, что в переподготовке для реализации профессиональных планов нуждается большая часть опрошенных: в 1,6 раза больше по сравнению с потребностью в повышении квалификации. Данная ситуация может объясняться актуальностью для большей части женщин задачи сменить работу или вид профессиональной деятельности в связи с необходимостью выполнения

семейных обязанностей и/или для повышения профессиональной мобильности в условиях изменений рынка труда, а также возникшими новыми профессиональными устремлениями.

Анализ перечня профессий/квалификаций для обучения показывает достаточно широкий выбор респондентов, включающий профессии/квалификации всех основных сфер региональной экономики. Вместе с тем, женщины-участницы опроса отдали предпочтение профессиям/квалификациям, более соответствующим «женскому труду», тогда как профессии/квалификации технического профиля подготовки представлены в их выборах в меньшей степени. Незначительная часть проанкетированных женщин указала на необходимость получения дополнительных знаний и умений, которые позволили бы им быть более успешными и востребованными в той или иной области профессиональной деятельности и/или в бюджетной/внебюджетной организации: навыки управления в организации, предпринимательские компетенции, публичные выступления, таможенные операции и иное.

Сделанный профессиональный выбор программ обучения женщинами-респондентами в значительной степени адекватен спросу квалифицированных рабочих и специалистов на региональном рынке труда. По большинству профилей/направлений обучения в период проведения опроса имелись зарегистрированные в органах службы занятости населения Свердловской области свободные вакансии рабочих мест.

Однако опрошенная категория женщин включала женщин как состоящих в трудовых отношениях, так и женщин, не состоящих в трудовых отношениях или незанятых. Это обстоятельство потребует своего учета для обеспечения индивидуального подхода при уточнении профессиональных планов в процессе консультирования (профессиональной ориентации) женщин, воспитывающих малолетних детей, и, соответственно, при подборе вариантов образовательных программ, соответствующих состоянию занятости/незанятости, уровню имеющегося образования, опыту работы, выявленным образовательным дефицитам, семейным обстоятельствам и иному.

В целом, запрос женщин-участниц опроса на организацию обучения по программам ПО и ДПО в основном коррелирует со спросом на профессии/квалификации, востребованные региональным рынком труда. Этот запрос охватывает многие сферы труда и области профессиональной деятельности, что является важным фактором для развития системы непрерывного образования и обучения трудоспособного населения на территории Свердловской области.

Профессионально-квалификационная структура спроса традиционно является основанием для разработки, корректировки и совершенствования содержания, условий, технологий реализации образовательных программ ПО и ДПО образовательными организациями профессионального образования всех форм собственности, оказывающих образовательные

услуги на территории региона. Однако проведенный анализ показывает, что решение вопросов содействия занятости женщин, снижения структурной безработицы среди трудоспособного женского населения эффективнее реализовать путем организации профессионального консультирования, профессионального обучения и дополнительного профессионального образования на основе учета выявленного спроса женщин, воспитывающих малолетних детей. То есть необходимо ориентироваться не только на спрос рынка труда, но и на компетенции и квалификации женщин, являющихся работницами организаций или являющихся соискателями работы, актуально «увязывать» с ними профили/направления обучения.

В качестве инновационной идеи развития региональной политики в сфере содействия занятости женщин, воспитывающих малолетних детей, мы выдвигаем предложение, связанное с расширением дистанционных образовательных программ для жительниц средних и малых городов, сельских территорий. Предлагаем также расширять перечень образовательных программ по освоению информационно-коммуникационных технологий, что будет способствовать повышению цифровой грамотности женщин. Наряду с изложенным, необходимо подчеркнуть, что качество реализации образовательными организациями образовательных программ ПО и ДПО будет определять удовлетворенность прошедших обучение женщин полученной профессией/квалификацией, влиять на достижение ими новой трудовой занятости, способствовать их карьерному продвижению.

Список источников

1. *Кабайкина О. В., Сущенко О. А.* Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. Т. 23, № 3. С. 140–155.

2. *Калачикова О. Н., Груздева М. А.* Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). 12 с.

3. *Новосёлова Е. Н.* Женская трудовая занятость в условиях современности: совмещение семьи и работы // В сборнике: Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность сборник научных трудов. Иркутский государственный университет, Институт социальных наук; Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций, Общественная палата Иркутской области, Комиссия по науке и образованию. 2018. С. 248–252.

4. *Пеша А. В.* Влияние нестандартных форм занятости на физическое и психосоциальное здоровье женщин. Обзор исследований // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018. № 4 (64). С. 111–125.

5. *Шелест С. М.* Совмещение материнства с профессиональной деятельностью женщин // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 10 (10). С. 143–149.

6. *Bailey D. E., Kurland N. B.* A review of telework research: Findings, new directions, and lessons for the study of modern work // Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior. 2002. Vol. 23(4). P. 383–400.

7. *England K.* Mothers, wives, workers: The everyday lives of working mothers // Who will mind the baby. 1996. P. 109–122.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–010–00545 «Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость в России». Результаты исследования нашли практическое применение в реализации плана мероприятий регионального проекта Свердловской области «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет на территории Свердловской области» национального проекта «Демография».

Информация об авторах

Антонов Дмитрий Алексеевич (Россия, Екатеринбург) — директор Департамента по труду и занятости населения Свердловской области (620144, Екатеринбург, ул. Фурманова, д. 107; e-mail: dtzn@egov66.ru).

Тонких Наталья Владимировна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экон. наук, доцент кафедры Экономики труда и управления персоналом, ФБГОУ ВО Уральский государственный университет (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: nvvorob1@mail.ru).

Семерикова Дарья Андреевна (Россия, Екатеринбург) — студентка магистратуры кафедры Экономики труда и управления персоналом, ФБГОУ ВО Уральский государственный университет (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: dashas1996@bk.ru).

D. A. Antonov, N. V. Tonkikh, D. A. Semerikova

Request for Active Assistance Tools Employment of Women with Young Children in the Context Demographic Policy

The article reveals promising areas of regional policy in the field of regulation of female employment, taking into account demographic priorities and the tasks of ensuring digital gender equality. Regional priorities are determined on the basis of the results of a sociological study conducted by the method of a formalized survey of women with children under the age of three years living in the territory of the Sverdlovsk region. We studied and assessed the need for women raising children under the age of three in vocational training for successful adaptation to the labor market. The development of regional programs for vocational training and retraining of women with young children is considered as an infrastructural condition for the implementation of the National Project «Demography», the purpose of which is to increase the birth rate.

Keywords: female employment, employment promotion, labor market, women's employment, demographic policy, vocational training

Authors

Antonov Dmitry Alekseevich (Russia, Ekaterinburg) — director of the Department for Labor and Employment of the Sverdlovsk Region (620144, Ekaterinburg, Furmanova St., 107; e-mail: dtzn@egov66.ru).

Tonkikh Natalia Vladimirovna (Russia, Ekaterinburg) — candidate of sience, associate professor of Labour economics and personal management department, Ural State University of Economics (620219, Yekaterinburg, 8th of March Str., 62); senior research associate of Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: nvvorob1@mail.ru).

Semerikova Daria Andreevna (Russia, Ekaterinburg) — Master's student of Labour economics and personal management department, Ural State University of Economics (620219, Ekaterinburg, 8th of March Str., 62; e-mail: dashas1996@bk.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR and BRFBR, project number 19–010–00545.

References

1. Kabaykina O. V, Suschenko O. A Transformation of the role of women in modern society: in the family and at work // Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2017.Vol. 23, No. 3. P. 140–155.

2. Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A. Changes in the reproductive and marital population of Russia (based on the analysis of sample research by Rosstat) // Social space. 2018. No. 2 (14). 12 p.

3. Novosyolova E. N. Female labor employment in modern conditions: combining family and work // In the collection: Higher education, social sciences and national safety collection of scientific papers. Irkutsk State University, Institute of Social Sciences; Sociological Laboratory of Regional Problems and Innovations, Public Chamber of the Irkutsk Region, Commission on Science and Education. 2018. P. 248–252.

4. Pesha A. V. The influence of non-standard forms of employment on the physical and psychosocial health of women. Research Review // Bulletin of the Omsk University. Series: Economics. 2018. No. 4 (64). P. 111–125.

5. Shelest S. M. Combination of motherhood with the professional activity of women // Skiff. Student Science Issues. 2017. No. 10 (10). P. 143–149.

6. Bailey D. E., Kurland N. B. A review of telework research: Findings, new directions, and les-sons for the study of modern work // Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior. 2002. Vol. 23(4). P. 383–400.

7. England K. Mothers, wives, workers: The everyday lives of working mothers // Who will mind the baby. 1996. P. 109–122.

УДК 332.142.2

Е. А. Трушкова, М. Н. Макарова

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ПОНЯТИЕ И ФАКТОРЫ АСИММЕТРИИ[1]

В статье авторами предложено понятие социально-демографической асимметрии как характеристики процесса отклонений от параметров развития территориальных образований под воздействием факторов разной природы и силы воздействия, выделенных в работе на основе анализа научной литературы следующим образом: контрастность территориального развития («центр — периферия»), различия в ценностных ориентациях, потребностях населения, инфраструктурном развитии, поведенческие акты населения, демографическая ситуация, чрезмерные различия в уровнях бюджетной обеспеченности, возможности социального развития населения и их обеспеченность экономическим потенциалом территории и т. д. В работе использовались методы логического и сравнительного анализа, метод группировок. Результаты исследования могут быть использованы в развитии методического аппарата оценки социально-демографической асимметрии муниципальных образований.

Ключевые слова: социально-демографическая асимметрия, территориальные образования, поляризация пространства, трансформация, факторы асимметрии

Российское государство представляет собой асимметричную федерацию, представленную множеством территорий, разделенных как формально на административные единицы — субъекты федерации и входящие в них городские или сельские поселения, районы, округа, так и неформально определяемых — «центр — периферия», городские агломерации. Помимо этого асимметричность объясняется разными типами регионов, характеризуемых по признакам: темпам развития, отраслевой специализации, уровню урбанизации, стадиям хозяйственного освоения и т. д. Существенные различия регионов РФ объясняют неоднородность и несбалансированность входящих в их состав муниципальных образований. Помимо этого усиление межтерриториальных контрастов усугубляется бюджетной обеспеченностью регионального и местного развития, необходимых для поддержания качества жизни населения, их обеспечения основными социальными, культурными, образовательными, инфраструктурными благами.

На наш взгляд, особенно ярко проявляется социально-демографическая асимметрия территорий муниципальных образований, к примеру, если одни демонстрируют устойчивый рост численности населения, повышение качества человеческого капитала и трудовых ресурсов, стимулирующего экономический рост, другие — переживают отток населения,

[1] © Трушкова Е. А., Макарова М. Н. Текст. 2020.

снижение качества человеческого капитала и стагнацию социально-экономического развития в целом, способствуя впоследствии трансформации регионального пространства. Нерешенность данных задач усиливает процессы социального расслоения, поляризации ресурсов, деградации социальной сферы, изменения демографической структуры населения муниципальных образований, а также снижения ресурсных возможностей для развития экономики. В данной ситуации проблема исследования социально-демографической асимметрии территорий является актуальной и необходимой исследовательской задачей.

На сегодняшний момент, тем не менее, понятие социально-демографической асимметрии территориального развития мало изучено. В научной литературе социальная или демографическая составляющие отнесены либо к социальной и социально-экономической категории асимметрии, или демографический фактор относят к объективным факторам ассиметричного развития экономики (к примеру, в работах М.М. Чураковой, Л.Г. Зверевой, Т.Ю. Белозерской).

В нашем исследовании внимание сфокусировано на двух основных измерениях асимметрии — демографическом и социальном. Последнее может трактоваться достаточно широко и включать в себя различные аспекты: как собственно социальный, так и культурный, демографический, инфраструктурный. Одновременно социальный тип асимметрии является очень сложным процессом, связанным с особенностями проявления различий в жизнеобеспечении людей, социальной стратификации населения, развития их образовательного, культурного, профессионального, семейного потенциала на разных территориях, но и обусловленный, в том числе экономическими условиями их существования. Не случайно многими исследователями экономическая и социальная асимметрии рассматриваются как одно из проявлений асимметрии в целом. Демографические различия по критериям возраста, рождаемости, смертности, миграции населения и т. д. обусловлены процессами социального (экономического) развития территорий муниципальных образований. Исходя из этого, в работе под социально-демографической асимметрией понимается процесс, характеризующий степень отклонений от параметров развития территориальных образований под воздействием факторов разной природы и силы воздействия, которые усиливают различия между ними, тем самым обостряя в соответствующих социально-экономических и политических условиях нестабильность функционирования всей пространственной социальной системы региона и положения всех агентов, видоизменяя качественные и количественные характеристики протекания демографических процессов (численность, структура населения, рождаемость, смертность, миграция) и социального развития муниципальных образований, что в целом приводит усилению поляризованного развития региона.

Рассмотрим комплекс факторов, обуславливающих данный тип асимметричного развития.

1. Сложившиеся противоречия в выполнении органами власти функций государственного управления и планирования — «ведомственности» и «местничества» [3, с. 125]. Подобное разделение сохранилось из-за различий отраслевой специализации территорий, представляющих аграрный или отраслевой тип развития, а также возможности перераспределения ресурсов между центрами и периферриями. «Местничество», как правило, развивалось в аграрных территориях и подрывало основания для автономии акторов и институтов вообще, для муниципальной автономии в частности. «Ведомственность» являлась прерогативой индустриальных территорий, в которых преобладали нескольких крупных хозяйствующих субъектов, создавались условия автономии городских управленцев, а также происходило планомерное разделение на оси «город — село» или «центр — периферия». Это обстоятельство препятствовало автономии акторов и институтов, включая муниципальную автономию, а также определяло их зависимость от «центра». Ведомственность и местничество также определяют исторически сложившиеся различия по наличию факторов производства (труда, капитала, ресурсов) и эффективностью его использования [14, с. 40].

2. Контрастность территориального развития, связанная с пространственным разделением на центральные и периферийные территории, их существенные отличия [15], предполагающая специальную концентрацию финансовых, административно-управленческих, человеческих и других ресурсов [17, с. 20–21].

3. Различия в ценностных ориентациях [13, 8, 6] и реализации этнокультурных потребностей населения [15].

4. Уровень благосостояния территорий: неравенство доходов [25], уровень ожидаемой продолжительности жизни [24].

5. Инфраструктурное развитие — большие расстояния и неоднородность распределения инфраструктуры, сдерживающие развитие экономики на определенных территориях [14, с. 40], уровень развития социальной инфраструктуры [20, с. 307]; наличие (отсутствие) инфраструктурных объектов; уровень развития инфраструктуры в поселении, ее качественные характеристики; конфигурация транспортной сети, транспортная доступность [5, с. 63].

6. Возможность социального развития населения, обеспеченного экономическим потенциалом территории — различия в жизненных условиях индивидов и социальных групп, их неодинаковый доступ к экономическим, социальным, политическим, информационным и иным ресурсам и предопределенные этим разные возможности удовлетворения потребностей и интересов [12, с. 135]; уровни доходов, материального положения, состояния их здоровья, возможности получения образования, трудоустройства, жилищных условий населения, социальной стратификации, расходов, потреблении, уровне абсолютной бедности и обеспеченности товарами длительного пользования [7, 2]; качество и уровень жизни

населения; состояние системы образования, здравоохранения; социальная политика, бюджетная политика в части определенных расходов бюджета и др. [5, с. 63].

7. Поведенческие акты населения — мотивы трудовой миграции и выбор стратегии адаптации [18, с. 41–61; с. 719–728]. По словам С.В. Беликовой, порядок принятия решений или экономического выбора субъектом зависит от когнитивных процессов субъективного осмысления внешней среды, реального отражения поступающей информации. Однако, как уточняет автор, в условиях асимметричности информации может происходить усиление иррациональных детерминант экономического выбора, генерирующих дополнительные риски и неопределенность как для субъекта, так и для хозяйственной системы в целом [1, с. 9]. Э. Шилз отмечает, что «центр» является источником регуляции социального поведения, мотивации, образа жизни населения, а «периферия» — стороной, воспринимающей регулирующие воздействия [21].

8. Демографическая ситуация, демографический потенциал, структура населения [20, 5].

9. Чрезмерные различия в уровнях бюджетной обеспеченности между субъектами федеративного государства или муниципальными образованиями [19]; бюджетной децентрализации [22, 11], что приводит к невероятно высокой территориальной дифференциации уровня жизни населения основных социально-экономических параметров. По-прежнему сохраняется высокая несбалансированность потребностей и собственных финансовых ресурсов для реализации статусных полномочий органов власти субъектов РФ и муниципальных образований (ресурсной асимметрии) [11].

10. Проявление видов неопределенности [10]. Автор утверждает, что источником проявления того или иного вида асимметрии выступает неопределенность. Согласно современному экономическому словарю, неопределенность трактуется как «недостаточность сведений об условиях, в которых будет протекать экономическая деятельность, низкая степень предсказуемости, предвидения этих условий» [16, с. 206]. В исследовании Ю.Н. Лебедевой выделены политическая, конъюнктурная, ресурсная, технологическая, социальная, временная, информационная, институциональная неопределенности проявления асимметрии[1].

[1] Конъюнктурная неопределенность обусловлена изменениями объекта на национальном и глобальном уровнях хозяйствования, распространяющимися на уровень регионов и отдельных хозяйственных субъектов. Институциональная порождается несовпадением, запаздыванием или опережением формальных и неформальных ограничений и стимулов и механизмов как объектов регулирования; временная предполагает влияние ретроспективных, текущих и перспективных изменений на состояние объекта; ресурсная связана с нерациональным распределением и изменением потребностей под влиянием технологической неопределенности; политическая связана с изменением политических установок, определяющих функционирование хозяйственных субъектов.

11. Политико-управленческие — тип политико-территориального устройства, характер распределения властных и экономических полномочий, факторов, связанных с закрепленной системой административно-территориального деления и т. д. [17, с. 21; 20, с. 307].

12. Разница в пространственно-определенных переменных (пространственный), таких как, например, плотность населения и доход на душу населения [23, с. 1–19].

Анализируемые факторы имеют различную степень воздействия, могут быть взаимодополняемыми, а также носить прямой/косвенный или субъективный/объективный (внутренний и внешний) характер. Как правило, факторы косвенного воздействия являются малозаметными, воздействуя в течение длительного времени, но их влияние может быть также значимым в анализе.

Таким образом, исследование асимметрии на уровне муниципальных образований представляется необходимой исследовательской задачей. Это объясняется значимостью данных территориальных образований в повышении качества жизни и уровня благосостояния населения.

Благодарность

Исследование проводилось при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-821.2020.6 «Оценка социально-демографической асимметрии территориального развития в контексте трансформации регионального пространства».

Список источников

1. *Беликова С. В.* Экономический выбор хозяйствующего субъекта в условиях асимметрии информации: пространственный фактор: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.01 / С. В. Беликова. Владикавказ, 2017. 26 с.

2. *Беляева Л. А.* Материальное неравенство в современной России. Реальность и тенденции // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 29–41.

3. Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб. : Норма, 2008. 368 с.

4. *Горшков М. К.* Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20–31.

5. *Данилова М. Н., Елисеев А. М., Волчкова И. В., Уфимцева Е. В., Шадейко Н. Р., Подопригора Ю. В., Селиверстов А. А.* Методические подходы к оценке дифференциации в уровне социально-экономического развития муниципальных образований агломерации// Вопросы управления. 2017. № 2 (45). С. 57–69.

6. *Дулина Н. В., Овчар Н. А.* Социокультурное поле региона: методология и методика исследования // Социокультурное пространство региона: методология исследования: монография. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2011. 131 с.

7. *Зубаревич Н. В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М. : Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

8. *Каргаполова Е. В., Дулина Н. В., Миронова Ю. Г.* Трансформация региона как социокультурной территориальной общности (на примере Астраханской области) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4. № 3. С. 59–70.

9. *Лапин Н. И.* Социокультурный подход к изучению эволюции России и ее регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 15–40.

10. *Лебедева Ю. Н.* Теоретические подходы к классификации асимметрии информации как экономического феномена // Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2011. № 1 (18). С. 25–30.

11. *Малиновская О. В., Бровкина А. В.* Бюджетная децентрализация: состояние и особенности развития в Российской Федерации на современном этапе // Финансы и кредит. 2012. Т. 18. Вып. 15. С. 20–29.

12. *Меркулова Е. Ю.* Сглаживание асимметрии социально-экономического развития региона на основе формирования самодостаточных муниципальных территорий // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 11(33). С. 134–141.

13. *Немировский В. Г., Немировская А. В.* Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2010. 263 с.

14. *Нусратуллин И. В.* Межрегиональная асимметрия территорий с позиции неравновесного подхода // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 4 (138). 2017. С. 38–42.

15. *Полякова А. Г., Симарова И. С.* Региональное экономическое пространство и территориальное развитие: оценка действия сил связанности // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2014. № 2. С. 48–60.

16. *Райзберг Б. А.* Современный экономический словарь. М. : ИНФРА-М, 1997. 496 с.

17. *Рамазанова А. О., Велибекова Л. А.* Проблемы и пути решения социально-экономической асимметрии регионов // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2016. № 3. С. 20–24.

18. Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Под общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М. : Академия, 2009. 808 с.

19. *Хохлова Н. С., Иванько Г. В.* Асимметрия в системе государственного управления доходами и расходами бюджетов // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 3. С. 380–388.

20. *Чуракова М. М., Зверева Л. Г., Белозерская Т. Ю.* Об особенностях проявления различных видов асимметрии // Экономика устойчивого развития. 2015. № 2 (22). С. 306–311.

21. *Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

22. *Canaleta C. G., Pas-cual Arzoz P., Garate M. R.* Regional Economic Disparities and Decentralization. January 1, 2004. Vol: 41. Iss: 1. P. 71–94.

23. *Folmer H., Oosterhaven J.* Spatial inequalities and regional development: A framework // Spatial inequalities and regional development. Springer Netherlands. 1979. 258 p.

24. *Kakwani N.* Welfare measures: An international comparisons // Journal of Development Economics. 1981. Vol. 8. P. 21–45.

25. *Sen A.* Real national income // Review of Economic Studies. 1976. Vol. 43. P. 19–39.

Информация об авторах

Трушкова Екатерина Александровна (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат экон. наук, научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: trushkova_ea@inbox.ru).

Макарова Мария Никитична (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат экон. наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

E. A. Trushkova, M. N. Makarova

Socio-Demographic Asymmetry of Development of Territorial Educations: Concept and Factors of Asymmetry

In the article, the authors proposed the concept of socio-demographic asymmetry as characteristics of the process of deviations from the development parameters of territorial entities under the influence of factors of different nature and strength of influence, identified in the work on the basis of the analysis of scientific literature as follows: contrast of territorial development («center-periphery»), differences in value orientations, population needs, infrastructure development, behavioral acts of the population, demographic situation, excessive differences in level budget security, opportunities for social development of the population and to ensure the economic potential of the territory, etc. The work used the methods of logical and comparative analysis, the grouping method. The results of the study can be used in the development of the methodological apparatus for assessing the socio-demographic asymmetry of the development of municipalities.

Keywords: socio-demographic asymmetry, territorial formations, polarization of space, transformation, asymmetry factors

Authors

Trushkova Ekaterina Aleksandrovna (Russia, Ekaterinburg) — Ph.D., Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: trushkova_ea@inbox.ru).

Makarova Maria Nikitichna (Russia, Ekaterinburg) — Ph.D., Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR and BRFBR, project number MK-821.2020.6.

References

1. Belikova S. V. The economic choice of an economic entity in the conditions of asymmetry of information: spatial factor: abstract of the diss. ... candidate of Economics: 08.00.01 / S. V. Belikova. Vladikavkaz, 2017. 26 p.

2. Belyaeva L. A. Material inequality in modern Russia. Reality and trends // Sociological studies. 2007. No. 11. P. 29–41.

3. Gelman V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. Reform of local government in Russian cities, 1991–2006. St. Petersburg : Norma, 2008. 368 p.

4. Gorshkov M. K. Social inequalities as an object of sociological analysis // Sociological studies. 2014. No. 7. P. 20–31.

5. Danilova M. N., Eliseev A. M., Volchkova I. V., Ufimtseva E. V., Shadeiko N. R., Podoprigora Yu. V., Seliverstov A. A. Methodological approaches to the assessment of differentiation in the level of socio-economic development of municipalities of the agglomeration // Management Issues. 2017. No. 2 (45). P. 57–69.

6. Dulina N. V., Ovchar N. A. Sociocultural field of the region: methodology and research methodology // Sociocultural space of the region: research methodology. Volgograd : Volgograd Scientific Publishing House, 2011. 131 p.

7. Zubarevich N. V. Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. M. : Independent Institute for Social Policy, 2010. 160 p.

8. Kargapolova E. V., Dulina N. V., Mironova Yu. G. Transformation of the region as a socio-cultural territorial community (on the example of the Astrakhan region) // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2018. Vol. 4. No. 3. P. 59–70.

9. Lapin N. I. Sociocultural approach to the study of the evolution of Russia and its regions // Regions in Russia: sociocultural portraits of regions in the all-Russian context. M., 2009. P. 15–40.

10. Lebedeva Yu. N. Theoretical approaches to the classification of information asymmetry as an economic phenomenon // Volgograd State University. Series 3: economics. Ecology. 2011. No. 1 (18). P. 25–30.

11. Malinovskaya O. V., Brovkina A. V. Budget decentralization: the state and features of development in the Russian Federation at the present stage // Finance and credit. 2012. T. 18. Vol. 15. P. 20–29. P. 28.

12. Merkulova E. Yu. Smoothing the asymmetry of the socio-economic development of the region based on the formation of self-sufficient municipal territories // Socio-economic phenomena and processes. 2011. No. 11 (33). P. 134–141.

13. Nemirovsky V. G., Nemirovskaya A. V. Sociocultural portrait of the Krasnoyarsk Territory. Krasnoyarsk : Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 263 p.

14. Nusratullin I. V. Interregional asymmetry of territories from the perspective of a nonequilibrium approach // Economics and Management: Scientific and Practical Journal. 2017. No. 4 (138). P. 38–42.

15. Polyakova A. G., Simarova I. S. Regional economic space and territorial development: assessment of the action of the forces of connectedness // Vestnik UrFU. Series Economics and Management. 2014. No. 2. P. 48–60.

16. Raizberg B. A. Modern economic. — M. : INFRA-M, 1997. 496 p.

17. Ramazanova A. O., Velibekova L. A. Problems and solutions to the socio-economic asymmetry of regions // UEPS: management, economics, politics, sociology. 2016. No. 3. P. 20–24.

18. Regions of Russia: sociocultural portraits of regions in the all-Russian context / Ed.: N. I. Lapin, L. A. Belyaev. M. : Academy, 2009. 808 p.

19. Khokhlova N. S., Ivanko G. V. Asymmetry in the system of state management of budget revenues and expenditures // Bulletin of the Baikal State University. 2017. Vol. 27. No. 3. P. 380–388.

20. Churakova M. M., Zvereva L. G., Belozerskaya T. Yu. On the features of the manifestation of various types of asymmetry // Economics of sustainable development. 2015. No. 2 (22). P. 306–311.

21. Shills E. Society and societies: a macro-sociological approach / E. Shills // American Sociology: Perspectives, Problems, Methods. M . : Progress, 1972.

22. Canaleta C. G., Pas cual Arzoz P., Garate M. R. Regional Economic Disparities and Decentralization. January 1, 2004. Vol. 41. Iss. 1. P. 71–94.

23. Folmer H., Oosterhaven J. Spatial inequalities and regional development: A framework // Spatial inequalities and regional development. Springer Netherlands. 1979. 258 p.

24. Kakwani N. Welfare measures: An international comparisons // Journal of Development Economics. 1981. Vol. 8. P. 21–45.

25. Sen A. Real national income // Review of Economic Studies. 1976. Vol. 43. P. 19–39.

УДК: 331.52; 316.42

Е. А. Шамова

РЕАКЦИЯ РЫНКА ТРУДА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ НА ВВЕДЕНИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СВЯЗИ С ПАНДЕМИЕЙ COVID-19[1]

Исследование реакции региональных рынков труда на введение карантинных мероприятий, связанных с пандемией коронавируса, проведено с позиций оценки пандемии как одного из реализованных в настоящее время сценариев глобального вызова или угрозы. При этом анализ реализован на региональном уровне. Основной гипотезой, которая лежала в основании проведенного исследования, являлось подтверждение взаимосвязи генотипов территориального развития, разработанных автором в предыдущих исследованиях, связанных с моделированием кодов регионального развития, и имеющейся реакцией региональных рынков труда на глобальный фактор внешнего воздействия в виде карантинных мероприятий. В результате проведенного исследования данная гипотеза не подтвердилась в полной мере.

Ключевые слова: рынок труда, регион, глобальные угрозы и вызовы, пандемия COVID-19, генетический подход, коды территориального развития

Введение карантинных мероприятий, связанных с пандемией коронавируса, является примером реализации глобальной угрозы внешнего фактора, оказавшего влияние на все сферы развития экономики стран и отдельных регионов. Во многих странах были оценены последствия реализации процедур самоизоляции трудоспособного населения, внедрения удаленного режима работы, а также приостановки работы целого ряда отраслей. Были разработаны меры государственной поддержки наиболее пострадавшим от внедрения карантинных мероприятий отраслям. В России разработан «План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции»[2] и определены меры по обеспечению устойчивого развития экономики в связи с распространением новой коронавирусной инфекции[3]. Утвержден перечень отраслей, наиболее пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции[4], на основании которых

[1] © Шамова Е. А. Текст. 2020.

[2] План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, утвержденный Председателем Правительства РФ 17 марта 2020 г. URL: http://static.government.ru/media/files/vBHd4YRxpULCaUNNTFLVpPSZbMCIA2Zq.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики» URL: http://static.government.ru/media/files/kTj6vbMop2fN43iEZ16idfPSKriXYK5o.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 434 «Об

малый и средний бизнес может получить господдержку. Также утверждены меры поддержки для системообразующих организаций[1].

Исследованию схожести и различию подходов и внедренных мер по поддержке экономики во время пандемии COVID-19 в различных странах уже посвящено множество обзоров и исследований. Так, в очередном «Мониторинге экономической ситуации в России», выпускаемом Институтом экономической политики им. Е. Гайдара и РАНХиГС [1], из 203 страниц 21 страница посвящена исследованию международного опыта бюджетной поддержки экономики в условиях пандемии. Но основной особенностью данных исследований является исследование в разрезе отдельных стран. Значительно меньшее число исследований связано с анализом региональных процессов, происходящих в Российской Федерации в связи с пандемией коронавируса. На первое место выходят пока только сухие цифры и отчеты статистических показателей, которые не в полной мере отражают всю совокупность реакции региональных систем на внешние глобальные факторы воздействия.

В настоящей работе целью являлись исследования реакции региональных рынков труда на введение ограничительных карантинных мероприятий в связи с пандемией COVID-19. Рынок труда можно охарактеризовать как наиболее тесно связанный с происходящими процессами в силу своих особенностей: связь выставляемых вакансий и резюме с изменяющимися потребностями рынка, с появлением и закрытием предприятий и отраслей. Можно сказать, что рынок труда — «лакмусовая бумажка», быстро и адекватно отражающая проблемы и перспективы развития бизнеса. Кроме того, в «Плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции»[2] уделено первоочередное внимание анализу показателей, характеризующих изменения на рынке труда.

Теоретической базой исследования является моделирование базового кода развития экономики региона с учетом его генетического профиля, разрабатываемое авторским коллективом в рамках гранта РФФИ

утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 2020, 8 апреля, № 0001202004080046; 13 апреля, № 0001202004130036; 20 апреля, № 0001202004200010

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 10 мая 2020 г. № 651 «О мерах поддержки системообразующих организаций» URL: http://static.government.ru/media/files/WVWSfmz9yRwQRJZwEAR7PlJQKnfK0oi7.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

[2] План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, утвержденный Председателем Правительства РФ 17 марта 2020 г. URL: http://static.government.ru/media/files/vBHd4YRxpULCaUNNTFLVpPSZbMCIA2Zq.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

в последние годы. В рамках проведенных нами исследований была разработана и практически апробирована типология индустриальных регионов России, куда вошла основная двадцатка субъектов Федерации, суммарно производящих около 70 % товаров в стране [2]. Выделение регионов в определенную типологическую общность позволило обозначить различные генетические отличия регионального развития. Основной рабочей гипотезой этого исследования является подтверждение определенных нами территориальных генотипов на основании изучения реакции региональных рынков труда на глобальный фактор внешнего воздействия в лице карантинных мероприятий.

Базой исследования послужили социологические исследования Службы исследований HeadHunter[1][2]. Из-за высокой скорости происходящих изменений и необходимости базы сравнения мы не могли провести самостоятельный социологический опрос, отличающийся репрезентативностью и охватывающий все субъекты Федерации, поэтому был проведен обзор имеющихся исследований, находящихся в открытом доступе и отвечающих необходимым условиям для настоящего исследования. Данные соцопросов и Интерактивной карты Службы исследований HeadHunter подошли наилучшим образом. Во-первых, имеется единая методология оценки происходящих процессов на рынке труда в разрезе всех регионов Российской Федерации, во-вторых, данные предоставлены оперативно в разрезе ежемесячной информации. Таким образом, можно оперировать как статической информацией о сложившейся ситуации на региональных рынках труда на основании социологического опроса о поведении соискателей работы в последние десять лет в каждом отдельно взятом регионе, так и динамической информацией изменения поведения соискателей и работодателей в течение последних месяцев, когда были внедрены новые условия работы в связи с коронавирусной инфекцией. Для чистоты данных мы рассмотрели динамику за апрель 2020 г. Полученные данные сведены в таблицу.

На основании информации из социологических исследований, в которых респондентов, являющихся активными соискателями нового рабочего места, опрашивали об особенностях поиска работы в их регионе, нами был сформирован десятилетний индекс трудового рынка региона. Данный индекс показывает, какая доля опрошенных позитивно оценивает состояние трудового рынка региона. Чем ближе величина индекса к 1, тем оценки более позитивны, чем ближе к 0 — более негативны. Под позитивной оценкой нами понимаются три составляющие: во-первых, респондент не хочет переезжать из региона в другой регион ради поиска работы, во-вторых,

[1] Итоги десятилетия 2010–2019: результаты опроса соискателей // Служба исследований HeadHunter, 24 декабря 2019 г. URL: https://hhcdn.ru/file/16858415.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

[2] Интерактивная карта России // Служба исследований HeadHunter. URL: https://stats.hh.ru/map (дата обращения: 10.05.2020).

Таблица

Типология индустриальных регионов Российской Федерации и показатели функционирования региональных рынков труда

Субъекты Федерации	Тип*		Десятилетний индекс трудового рынка региона**	Реакция региона на COVID-19*** (динамика за месяц, апрель 2020)		
				прирост числа резюме, %	прирост числа вакансий, %	динамика конкуренции
г. Москва	I	производственно-финансовые центры	0,51	–7	–27	+2,6
г. Санкт-Петербург			0,57	–6	–27	+2,9
Московская обл.	II	экономически развитые регионы	0,51	–8	–11	+0,3
Ростовская обл.			0,50	–8	+9	–1,2
Нижегородская обл.			0,34	–8	–18	+0,8
Рес. Башкортостан			0,48	–10	–10	+0,1
Самарская обл.	III-1	индустриальные регионы	0,46	–8	–16	+0,9
Рес. Татарстан	III		0,60	–9	–20	+1,0
Омская обл.			0,39	–8	–8	0
Челябинская обл.			0,41	–7	–6	–0,1
Красноярский край			0,50	–9	+2	–0,6
Пермский край			0,41	–9	–17	+0,5
Свердловская обл.			0,56	–7	–15	+0,6
Тюменская обл. (без АО)			0,51	–9	–14	+0,5
Кемеровская обл.	III-2		0,31	–7	+17	–1,3
Иркутская обл.			0,62	–9	–2	–0,4
ХМАО-Югра	IV	регионы сырьевой специализации	0,60	–9	–11	+0,1
Краснодарский край	V	регионы агропромышленной специализации	0,54	–9	+11	–1,5

* Типология регионов авторская, принципы выделения регионов в отдельные типы в соответствии с уровнем социально-экономических кодов развития приведены в работе [2].

** Индекс рассчитан автором на основании данных соцопросов, проведенных Службой исследований HeadHunter (см.: Итоги десятилетия 2010–2019: результаты опроса соискателей // Служба исследований HeadHunter, 24 декабря 2019 г. URL: https://hhcdn.ru/file/16858415.pdf (дата обращения: 10.05.2020)).

*** Данные с Интерактивной карты России (см.: Интерактивная карта России // Служба исследований HeadHunter. URL: https://stats.hh.ru/map (дата обращения: 10.05.2020)).

респондент позитивно оценивает свою профессию и ищет работу по ней, не стремясь ее сменить, в-третьих, респондент позитивно оценивает свою профессию на ближайшее десятилетие, видя ее перспективной. В ряде регионов варьировался уровень трех составляющих данного индикатора, где-то профессия респондентов не позволяла им найти рабочее место, но место проживания они оценивали более положительно, где-то, напротив, территория оценивалась более негативно, чем занимаемая профессия. В индекс включался минимальный показатель из трех, то есть индекс — это ядро позитивно настроенных респондентов. Как видно из приведенных данных, основное число индустриально развитых регионов имеет индекс состояния рынка труда в пределах 0,5–0,6, т. е. половина респондентов и более не видят проблем в трудоустройстве ни с профессиональной, ни с территориальной точек зрения. Наиболее позитивные оценки рынка труда отмечены в ответах респондентов из регионов с сырьевой и сельскохозяйственной специализацией, а также финансовых центров страны. По полученным данным нельзя сказать, что рынок труда в регионах второй и третьей групп имеет одинаковые процессы. В ряде регионов ситуация оценивается респондентами позитивно, в ряде регионов даже лучше, чем в финансовых центрах страны, при этом позитивные и негативные оценки присутствуют как в специализированных, так и в диверсифицированных региональных производственных системах (Московская и Ростовская области, Республика Татарстан, Свердловская, Тюменская и Иркутская области, Красноярский край). Отдельно выделяется три региона: Кемеровская, Нижегородская и Омская области, где заметны серьезные проблемы в функционировании рынка труда.

В целом по стране на введение карантинных мероприятий в условиях распространения коронавирусной инфекции рынок труда отреагировал снижением обращений как в поиске новых мест работы, так и в поиске новых работников. В среднем и тот, и другой показатель снизились одинаково, на 8 % за апрель 2020 г. относительно предыдущего месяца. Но в разрезе регионов ситуация имеет свои особенности. Можно отметить, что поведение соискателей рабочих мест в целом одинаково и не имеет существенных различий относительно места проживания респондента: работники снизили количество обращений в поисках новых рабочих мест. Объяснением данного поведения являются психологические, а не рыночные факторы: люди в кризисное время не рискуют без необходимости. На первый взгляд, поведение работодателей отличается в различных регионах: видно, что в ряде регионов есть прирост вакансий от работодателей, но фактически во всех профессиях даже в этих регионах отмечается спад вакансий (кроме одной профессиональной области: медицина и фармацевтика). В регионах, где отмечался рост числа вакансий, рост вакансий в данной сфере деятельности огромный: в Кемеровской области он составил 445 % относительно марта 2020 г., в Красноярском крае — 247 %, в Краснодарском крае — 229 %, в Ростовской области — 212 %. Так, рынок

труда столкнулся с существенной нехваткой востребованных специалистов в связи с увеличившейся нагрузкой на сферу здравоохранения в период пандемии. В целом, исключив из общего числа вакансий сферу здравоохранения, по всем регионам наблюдается существенное снижение числа вакансий от работодателей, на 25–30 %., т. е. рынок труда в течение карантинных мероприятий впал в стагнацию. Выросла и конкуренция на рынке труда, измеряемая как отношение числа активных соискателей работы к числу актуальных вакансий.

В целом в настоящем исследовании выявлено, что глобальные вызовы и угрозы воздействуют на функционирование основных социально-экономических процессов равномерно на всю страну, а гипотеза о специфике генетического кода развития территорий не получила подтверждения в рамках данной статьи. При этом отметим, что карантинные мероприятия привели к стагнации на региональных рынках труда по всей стране, существенно повысив конкуренцию соискателей за новые рабочие места.

Исследование показало, что глобальные угрозы, примером которых являлся COVID-19, оказывают влияние на все регионы с одинаковым давлением, но при этом могут выявить специфические «болевые» точки региона, и поэтому регионы могут по-разному отреагировать на новые условия хозяйствования именно в этих точках.

В результате проведенного исследования мы рекомендуем при анализе ситуации на региональных рынках труда не пользоваться общими, усредняющими, показателями. Рынок труда необходимо анализировать по профессиональным сферам, вычленяя наиболее невостребованные профессии и, напротив, профессии, в которых сформировался дефицит квалифицированного персонала, и уже на основании этого разрабатывать стратегии государственного регулирования региональных рынков труда.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–010–00802.

Список источников

1. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития // Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Института Гайдара), РАНХиГС. URL: https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/10–04–2020-monitoring.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

2. *Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А., Ежова М. Г., Кириллова В. В.* Теоретические аспекты моделирования социально-экономического генотипа промышленных регионов РФ // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 1. С. 37–45.

Информация об авторе

Шамова Елена Алексеевна (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат экон. наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д.29; e-mail: heleneo@mail.ru).

E. A. Shamova

Labor Market Response of the Russian Regions to Introduce Restrictive Actions in Connection with the Covid-19 Pandemic

The study of the reaction of regional labor markets to the introduction of quarantine measures related to the coronavirus pandemic was carried out from the standpoint of assessing the pandemic as one of the currently implemented scenarios of a global challenge or threat. Moreover, the analysis was implemented at the regional level. The main hypothesis underlying the study was the confirmation of the relationship between the territorial development genotypes developed by the author in previous studies related to modeling regional development codes and the existing reaction of regional labor markets to the global external factor in the form of quarantine measures. As a result of the study, this hypothesis was not fully confirmed.

Keywords: labor market, region, global threats and challenges, COVID-19 pandemic

Author

Shamova Elena Alekseevna (Russia, Ekaterinburg) — candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya st., 29; e-mail: heleneo@mail.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 18–010–00802.

References

1. Monitoring the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development // Institute of Economic Policy named after E.T. Gaidar (Gaidar Institute), RANEPA. URL: https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/10–04–2020-monitoring.pdf (accessed: 10.05.2020).

2. Myslyakova Yu. G., Shamova E. A., Yezhova M. G., Kirillova V. V. Theoretical aspects of modeling the socio-economic genotype of industrial regions of the Russian Federation // Journal of Economic Theory. 2019. T. 16, No. 1. P. 37–45.

УДК 314.146:314.15

И. В. Шмарова

МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РОССИЙСКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ДИНАМИКА ОБЪЕМОВ И ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ИМИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ[1]

В статье анализируется динамика показателей, характеризующих государственные инвестиции в человеческий капитал детей, и материальное положение семей с детьми. Выявлено, что, несмотря на увеличение объемов государственных инвестиций в человеческий капитал детей в процессе реализации национальных проектов и программ, семьи все еще испытывают финансовые сложности. Наблюдается высокая дифференциация доходов в семьях с различным числом детей. Для ее снижения предложены различные формы дополнительной адресной материальной поддержки многодетных семей.

Ключевые слова: человеческий капитал, демографическая политика, доходы семьи, материальное положение семей с детьми

Реализуемая в России политика, ориентированная на формирование и развитие человеческого капитала, направлена на социальную поддержку семьи, материнства и детства. В конечном итоге она должна позволить решить существующие демографические проблемы, а также сформировать молодое конкурентоспособное поколение. Меры государственной поддержки семей с детьми отражены в Концепции демографического развития РФ до 2025 г.[2], Концепции государственной семейной политики в РФ до 2025 г.[3], национальных проектах «Демография», «Здравоохранение», «Образование» и др., а значимость их реализации неоднократно подчеркивалась Президентом РФ и органами государственной власти.

В отечественной и зарубежной литературе материальной форме поддержки семей с детьми уделяется большое внимание. Например, Анна-Кристин Абенд, Лаура ден Дулк пишут о значимости таких видов поддержки семей с детьми, как прямая государственная помощь, содействие сохранению рабочего места и эффективному совмещению семейных и трудовых обязанностей [1]. А. Калвидж, С. Оливетти и Б. Петронголо анализируют воздействие изменения государственных расходов на пособия по беременности и родам, пособия по уходу за ребенком, семейные пособия и т. д. на решение демографических проблем [2, 3]. Отечественные

---

[1] © Шмарова И. В. Текст. 2020.

[2] Концепции демографического развития РФ до 2025 г. Утв. Указом Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 ред. от 01.07.2014. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/7a46cb13de731db3333fcd77a4f7887e468287e3/ (дата обращения: 10.05.2020).

[3] Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 25 авг. 2014 г. №1618-р. URL: https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 10.05.2020).

исследователи, оценивая реализуемые государством меры поддержки семей с детьми, отмечают их положительное влияние, а также говорят о необходимости усиления ряда реализуемых мер. В частности, А.И. Щербаков, подчеркивая значимость государственной поддержки материнства, направленной на поощрение рождения каждого малыша, а также поддержки семей, в которых родился третий ребенок, излагает предложения по совершенствованию налоговых вычетов для семей с детьми [4]. Анализируя инструменты демографической политики, применяемые в регионах Приволжского федерального округа, А.Д. Гатин акцентирует внимание на проблеме дублирования функций различных министерств и ведомств, решающих сходные задачи [5]. В свою очередь О.А. Груздева поднимает вопросы о необходимости разработки адресных и приоритетных выплат, направленных не только на стимулирование рождаемости, но и на последующее развитие детей, увеличение объемов вложений в детские дошкольные учреждения, школы, поликлиники, больницы и др. [6].

Действительно, увеличение объемов инвестиций в образование, здравоохранение, развитие спорта и т. д. может свидетельствовать о заинтересованности государства в формировании и развитии человеческого капитала детей. Вместе с тем, ряд статистических показателей, публикуемых Росстатом, позволяет выделить проблемы, от решения которых будет зависеть успешность реализации программ формирования и развития человеческого капитала в России.

Целью работы явилось изучение динамики показателей, которые характеризуют государственные инвестиции в человеческий капитал детей, а также существующее материальное положение семей с детьми. Такое исследование является актуальным в условиях существующей социально-экономической ситуации и негативных демографических прогнозов.

Объем государственных инвестиций в развитие человеческого капитала детей равен сумме двух элементов: 1) объем затрат государства на обеспечение бесплатного для населения образования, здравоохранения, дополнительного развития детей и др.; 2) объем возмещаемых государством материальных затрат семьи, связанных с инвестициями в уход, воспитание, образование и социалиализацию ребенка (материнские и детские пособия, льготы и др.). К показателям, позволяющим характеризовать материальное положение семей с детьми, были отнесены:

— величина располагаемых ресурсов в среднем на члена домашнего хозяйства с детьми;

— доля детей в возрасте до 18 лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;

— дефицит денежных доходов малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 18 лет (в среднем на члена домохозяйства) и др.

Для проведения исследования мы использовали данные Федеральной службы государственной статистики, Федерального бюджета РФ, бюджетов

Таблица 1

Динамика объема выплаченных материнских и детских пособий населению РФ

Год	Материнские и детские пособия всего	в том числе					
		по беременности и родам	при рождении ребенка	по уходу за ребенком до 1,5 лет	ежемесячное пособие на ребенка	по уходу за детьми-инвалидами	другие, в т. ч. мат. капитал
2011	293 590	75 633	21 311	139 802	45 228	938	10678
2017	697 739	109 700	20 172	159 901	51 793	3 238	352 935
С учетом инфляции к уровню 2011 г.	452 733	71 180	13 089	103 753	33 606	2 101	229 005
Индекс роста	2,38	1,45	0,95	1,14	1,15	3,45	33,05
Индекс роста с учетом инфляции	1,54	0,94	0,61	0,74	0,74	2,24	21,45

Фонда социального страхования РФ и Федерального фонда обязательного медицинского страхования за период с 2011 по 2017 гг.

В процессе исследования были получены следующие результаты.

1. Объем выплаченных материнских и детских пособий в РФ за анализируемый период (2011–2017 гг.) увеличился более чем в 2 раза (при сравнении исходных данных). Одновременно, учет инфляционных изменений позволяет увидеть, что наблюдаемая динамика становится менее значимой (табл. 1).

В то же время более 50 % объема выплачиваемых пособий в 2017 г. приходится на выплаты, в число которых включен материнский капитал. Реализуемая с 2007 г. мера поддержки семей с детьми, согласно С.В. Кобылинской, М.М. Старосельцевой и др., стала одной из наиболее удачных мер социальной поддержки [7, 8]. По данным Росстата, в период 2011–2017 гг. государственный сертификат на материнский (семейный) капитал получили более 5 млн человек, при этом до 2016 г. наблюдался ежегодный прирост численности семей, реализующих право на получение данного вида помощи.

2. В период 2011–2017 гг. наблюдается увеличение объемов государственного финансирования в человеческий капитал детей (табл. 2). В частности, происходит увеличение государственных инвестиций на оказание высокотехнологичной медицинской помощи, связанной с репродуктивными технологиями; расходов на охрану здоровья детей; расходов на обеспечение образования детей; увеличение социальных выплат, включающих в себя оказание услуг (выполнение работ) организациями социального обслуживания семьи и детей, дополнительные меры поддержки семей, имеющих детей и т. д.

3. Вместе с тем, в 2011–2017 гг. наблюдаются негативные изменения по следующим показателям:

Таблица 2

Динамика инвестиций в человеческий капитал детей за 2011–2017 гг.

Показатели	2011 г.	2017 г.	Абсолютный прирост, млн руб.	Индекс роста
Инвестиции в человеческий капитал детей, финансируемые из федерального бюджета, млн руб.	446 114,2	935 204,1	489 089,9	2,1
С учетом инфляции к уровню 2011 г.	446 114,2	606 814,5	160 700,3	1,4
В том числе межбюджетные трансферты:				
Инвестиции в человеческий капитал детей, финансируемые из Фонда социального страхования РФ, млн руб.	353 554,6	532 518,9	178 964,3	1,5
С учетом инфляции к уровню 2011 г.	353 554,6	345 529,0	–8 025,6	1,0
Инвестиции в человеческий капитал детей, финансируемые из Федерального фонда обязательного медицинского страхования, млн руб.	18 000,0	18 081,4	81,4	1,0
С учетом инфляции к уровню 2011 г.	18 000,0	11 732,3	–6 267,7	0,7

— более чем на 6,1 % увеличилась доля детей в возрасте до 18 лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума[1];

— дефицит денежных доходов малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 18 лет (в среднем на одного члена домохозяйства) увеличился более чем на 70 %, и составил 3175 руб. в месяц в 2017 г.[2];

— численность детей в возрасте до 18 лет из отдельных категорий семей, имеющих право на получение мер социальной поддержки за счет средств бюджета, увеличилась более чем на 54 %. Столь существенное изменение показателя может быть обусловлено как расширением круга лиц, имеющих право на получение государственной помощи, так и ухудшением материального положения семей с детьми;

[1] Рассчитано по данным о доле детей в возрасте до 16 (18) лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 14.02.2020).

[2] Дефицит денежных доходов малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 18 лет. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 14.02.2020).

Таблица 3

Сопоставление величины располагаемых ресурсов на одного члена домохозяйства в семьях с детьми и домохозяйствах без детей

Год	Величина располагаемых ресурсов на одного члена домохозяйства в семьях, имеющих детей		Величина располагаемых ресурсов на одного члена домохозяйства, не имеющих детей	Сопоставление величины располагаемых ресурсов на одного члена домохозяйства в семьях с детьми и домохозяйствах без детей	
	один ребенок	три и более детей		один ребенок	три и более детей
2014	22351,8	11945,9	26137	0,86	0,46
2015	22502,20	12512,10	26430,2	0,85	0,47
2016	22112,50	13300,30	28175,8	0,78	0,47
2017	23593,30	13268,10	28848,1	0,82	0,46
2018	26689,70	15127,10	30592,2	0,87	0,49

— несмотря на положительную динамику показателей, характеризующих величину располагаемых ресурсов на одного члена семьи, наблюдается их значительная дифференциация между семьями, имеющими детей, и домохозяйствами без детей (табл. 3). Величина располагаемых ресурсов на одного члена домохозяйства в многодетных семьях в 2018 г. составила лишь 49 % от величины этого показателя в домохозяйствах без детей[1].

Результаты нашего исследования демонстрируют разнонаправленность тенденций, связанных с развитием человеческого капитала детей в РФ. С одной стороны, в процессе реализации национальных проектов и программ наблюдается увеличение объемов государственных инвестиций. С другой — оценка показателей, позволяющих в той или иной мере охарактеризовать материальное положение семей с детьми, выявила наличие проблем, от решения которых будет зависеть достижение целей и задач демографической политики. В частности, по нашему мнению, необходимо разрабатывать меры, направленные на снижение дифференциации доходов в семьях с различным числом детей. Это позволит многодетным родителям в большей степени инвестировать в развитие человеческого капитала своих детей. Одним из вариантов решения является предоставление дополнительной адресной материальной помощи многодетным семьям. Для ее обеспечения может быть предложено внедрение следующих мер: предоставление компенсации совершенных трат через территориальный орган социальной защиты населения; оформление рассрочки на приобретение товаров и услуг в кредитных организациях на специальных условиях; внедрение социального электронного кошелька (специализированного

[1] Рассчитано по данным о доходах, расходах и потреблении домашних хозяйств в 2018 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm (дата обращения: 14.02.2020).

программного обеспечения, позволяющего приобретать товары и услуги, необходимые для улучшения материального благосостояния и развития детей). Внедрение и реализация данных предложений позволит, по нашему мнению, положительно повлиять на демографическую динамику в РФ, а также окажет позитивное воздействие на качество человеческого капитала в долгосрочной перспективе.

Благодарность

Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

Список источников

1. *Abendroth A. K., Dulk L. D.* Support for the work-life balance in Europe: the impact of state, workplace and family support on work-life balance satisfaction // Work, employment and society. 2011. № 25(2). P. 234–256.

2. *Kalwij A.* The Impact of Family Policy Expenditure on Fertility in Western Europe // Demography. 2010. № 47(2). P. 503–519.

3. *Olivetti C., Petrongolo B.* The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries // Journal of Economic Perspectives, American Economic Association. 2017. №. 31(1). P.205–230.

4. *Щербаков А. И.* Повышение рождаемости — основная цель демографической политики России // Социально-трудовые исследования. 2019. № 3 (36). С. 143–152.

5. *Гатин А. Д.* Демографическая политика как инструмент накопления трудового потенциала региона // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 1. С. 54–57.

6. *Груздева О. А.* О «перезагрузке» демографической политики в России // Colloquium-journal. 2018. № 1–1 (12). С. 66–68.

7. *Кобылинская С. В.* Материнский (семейный) капитал как мера социальной поддержки государства //Аграрное и земельное право. 2018. № 7 (163). С. 120–125.

8. *Старосельцева М. М.* Материнский (семейный) капитал как способ обеспечения и защиты родительских прав // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2019. № 1. С. 33–36.

Информация об авторе

Шмарова Ирина Викторовна (Россия, Екатеринбург) — старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru).

I. V. Shmarova

Material Resources of the Russian Demographic Policy: Dynamics of Volumes and Security of Families with Children

The article analyzes the dynamics of indicators characterizing state investment in the human capital of children, and the material situation of families with children. It was revealed that, despite the increase in government investment in the human capital of children in the process of implementing national projects and programs, families still experience financial difficulties. There is a high income differentiation in families with a different number of children. To reduce it, various forms of additional targeted material support for large families have been proposed.

Keywords: human capital, demographic policy, family income, financial status of families with children

Author

Irina Shmarova (Russia, Ekaterinburg) — Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (620002, Ekaterinburg, Mira st., 19; e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru).

Acknowledgments

The article is one of the outputs of the research project "Russian pro-natalist policy: resources, effects, optimization opportunities", supported by the Council on grants of the President of the Russian Federation, project no. NSh-2722.2020.6.

References

1. Abendroth A. K., Dulk L. D. Support for the work-life balance in Europe: the impact of state, workplace and family support on work-life balance satisfaction // Work, employment and society. 2011. № 25(2). P. 234–256.

2. Kalwij A. The Impact of Family Policy Expenditure on Fertility in Western Europe // Demography. 2010. № 47(2). P. 503–519.

3. Olivetti C., Petrongolo B. The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-Income Countries // Journal of Economic Perspectives, American Economic Association. 2017. № 31(1). P.205–230.

4. Shcherbakov A. I. Increasing the birth rate — the main goal of demographic policy in Russia // Social and labor research. 2019. № 3 (36). P. 143–152.

5. Gatin A. D. Demographic policy as a tool for accumulating the labor potential of the region // Economics and business: theory and practice. 2019. № 1. P. 54–57.

6. Gruzdeva O. A. About the «reset» of demographic policy in Russia // Colloquium-journal. 2018. № 1–1 (12). P. 66–68.

7. Kobylinskaya S. V. Maternal (family) capital as a measure of social support of the state // Agrarian and land law. 2018. № 7 (163). P. 120–125.

8. Staroseltseva M. M. Maternal (family) capital as a way to ensure and protect parental rights // Bulletin of the Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2019. № 1. P. 33–36.

УДК 314.06

О. М. Шубат, А. П. Багирова

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРАРОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

В качестве одной из перспектив развития направления исследований родительского труда в статье обозначаются исследования прародительского труда. Основываясь на подходах, существующих в зарубежной демографии, а также на опыте изучения родительского труда в России, авторы анализируют динамику трех показателей: численности внуков в расчете на одного прародителя; численности прародителей, включенных в процесс прародительского труда; затраты времени на реализацию прародительского труда. Источником информации для исследования выступили данные официальной российской статистики за 2010–2018 гг. Результаты анализа показывают рост показателя числа внуков на одного прародителя и некоторое снижение активности свердловских бабушек в сфере прародительского труда. Изучение делегирования функций родительского труда прародителям востребовано наукой и практикой, а его результаты могут послужить основой для разработки новых эффективных решений в демографической сфере.

Ключевые слова: прародительство, прародительский труд, временные затраты на труд, Свердловская область, родительский труд

Эпидемиологическая ситуация в разных странах мира в феврале–марте 2020 г. привела к целому ряду последствий, которые повлияли на сложившиеся и казавшиеся устойчивыми повседневные практики населения. Существенные изменения были вызваны необходимостью вынужденного дистанционного обучения детей-школьников. В частности, родительский труд приобрел новые формы, усложнилось его содержание, сократилось число вовлеченных в него субъектов.

В обычной же ситуации круг родственников, вовлеченных в процесс заботы о детях, может быть весьма широким. Кроме того, он может иметь свои особенности в зависимости от региона, типа культуры и образа жизни. О младших детях могут заботиться старшие братья и сестры, более дальние родственники. Эта забота может осуществляться на постоянной (ежедневной) основе или периодически. Таким образом, реализация функций родительского труда его различными субъектами может различаться по целому кругу параметров, среди которых мы выделяем следующие:

1) набор функций, которые осуществляет тот или иной субъект труда в отношении ребенка (полный или неполный список родительских функций);

2) количество детей, о которых одновременно заботится взрослый (один, два или более);

[1] © Шубат О. М., Багирова А. П. Текст. 2020.

3) ситуации, при которых выполняются функции родительского труда (традиционные или, например, периоды болезни ребенка);

4) стимулы, способствующие к выполнению функций родительского труда;

5) мотивация выполнения функций родительского труда;

6) периодичность, с которой осуществляются эти функции (ежедневно или реже);

7) ежедневные затраты времени, в течение которого реализуются функции родительского труда (от 0 до 24 часов в сутки);

8) наличие и близость родственных связей с тем ребенком/детьми, в отношении которого реализуются функции родительского труда (непосредственно родители, бабушки и дедушки, родные братья и сестры, более дальние родственники).

Одной из перспективных тем в общем направлении исследований родительского труда представляется изучение специфики прародительского труда — труда бабушек и дедушек, осуществляемого в отношении их внуков.

В связи с этим нами предпринята попытка оценить динамику количества прародителей в Свердловской области, а также временные затраты на прародительский труд за 8-летний период на основе данных официальной российской статистики. Источниками информации выступили официальные статистические данные текущего учета населения и данные комплексного наблюдения условий жизни населения в 2011 г., 2014 г., 2016 г. и 2018 г[1]. Это обследование проводится Федеральной службой государственной статистики во всех регионах России. В процессе анализа использовались данные по двум показателям данного обследования:

— наличие в круге ежедневных занятий респондента такого занятия, как уход за детьми (вопрос «Входит ли в круг ваших ежедневных занятий уход за детьми, своими собственными или чужими (без оплаты)?»);

— количество часов в неделю, которые респондент проводит, ухаживая за детьми.

Поскольку в российской официальной статистике нет данных, позволяющих однозначно идентифицировать социально-демографические группы бабушек и дедушек как лиц, имеющих внуков, мы смоделировали интересующую нас группу на основе наиболее валидного индикатора — возраста респондента. При этом мы ориентировались на официальный статистический показатель среднего возраста матери при рождении детей. Это предопределило сужение объекта эмпирического исследования — в него были включены только предполагаемые бабушки. Поскольку в 2018 г. средний возраст матери при рождении детей составил 28,7 года [2], а в 1989 г. (предыдущее поколение матерей) — 25,5 года [3], в исследуемую совокупность мы отобрали женщин в возрасте 55 лет и старше.

[1] Комплексное наблюдение условий жизни населения. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 10.05.2020).

Таблица 1

Объем совокупности женщин — участников комплексного наблюдения условий жизни населения в возрасте 55 лет и старше в Свердловской области

Показатель	Значение показателя по годам			
	2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Число респондентов	32	139	141	130

В среднем, именно в этом возрасте российская женщина становится бабушкой. Объем интересующей нас обследованной совокупности по годам представлен в таблице 1.

Указанное число респондентов предопределило использование непараметрической статистики для анализа данных.

Отметим, что в период роста рождаемости (2000–2015 гг.) Свердловская область продемонстрировала более высокий воспроизводственный потенциал по сравнению с общероссийским, войдя в этот период с более низким уровнем СКР, и впоследствии область показала более высокие темпы его роста. Темпы падения рождаемости в 2016–2019 гг. в Свердловской области и Российской Федерации в целом были приблизительно одинаковыми (рис. 1).

Удельный вес детского населения в его общей численности увеличивался как в области, так и по стране в целом, причем областные показатели превышали общероссийские. Однако аналогичные закономерности были характерны и для лиц старше трудоспособного возраста (рис. 2).

Соотношение численности детей и пенсионеров в первом приближении можно рассматривать в качестве одного из ключевых показателей демографии прародительства — числа внуков у одного прародителя (бабушки или дедушки). На рисунке 3 отражена динамика этого показателя. Как следует из представленных данных, Свердловская область в последние

Рис. 1. *Суммарный коэффициент рождаемости (см.: Суммарный коэффициент рождаемости. ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/indicator/55407 (дата обращения: 10.05.2020))*

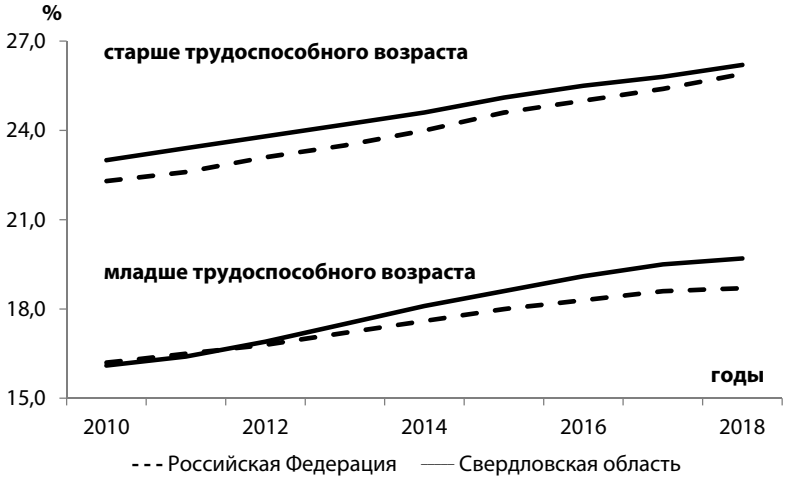

Рис. 2. *Удельный вес численности лиц младше и старше трудоспособного возраста в общей численности населения [1]*

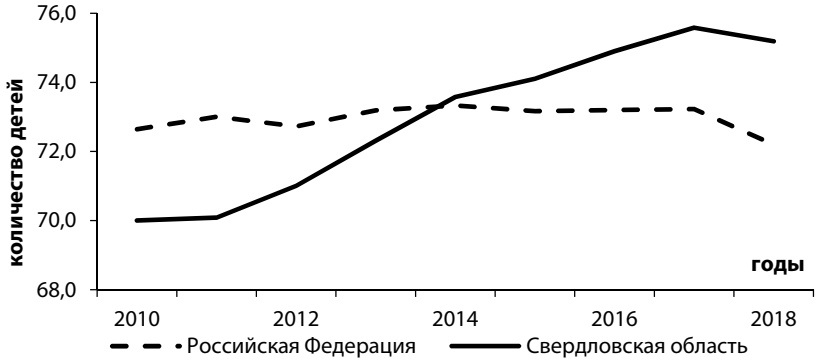

Рис. 3. *Количество детей на 100 человек пенсионного возраста (рассчитано по [1])*

годы показывала очевидную положительную динамику — число внуков у одного прародителя увеличивалось.

Тренды в динамике временных затрат на реализацию родительского труда пока не имеют строго аналитической формы. Однако можно выделить ряд особенностей (таблица 2):

а) диапазон этих временных затрат очень большой, свердловские бабушки имеют различающуюся степень включенности в родительский труд. Неоднородность исследуемой совокупности не позволяет ориентироваться на средние показатели — они не будут показывать типичную ситуацию с затратами времени свердловских бабушек на реализацию родительского

Таблица 2

Затраты времени на уход за детьми, часов в неделю

Показатель	Значение показателей по годам			
	2011 г.	**2014 г.**	**2016 г.**	**2018 г.**
Среднее	28,7	27,1	22,1	20,6
Минимум	2	2	2	2
Максимум	96	168	105	112
Коэффициент вариации, %	70	108	80	85
Медиана	24,5	15,0	18,0	15,0
67-й процентиль (2/3 опрошенных)	30	25	24	20

труда (коэффициенты вариации во все годы существенно превышали пороговое значение 33 %);

б) медианные значения, являющиеся в данной ситуации более эффективной характеристикой временных затрат, показывают их заметное снижение в период после 2011 г. Если в 2011 г. половина свердловских бабушек тратили на уход за внуками более 24,5 часов в неделю, то в последующие годы эта граница не превышала 15,0–18,0 часов;

в) тенденция снижения затрат времени более отчетливо прослеживается при анализе кумулятивных процентов распределения. В 2011 г. у трети свердловских бабушек временные затраты на родительский труд превышали 30 часов в неделю. Этот показатель снижался в последующие годы и в 2018 г. составлял только 20 часов в неделю.

Корреляционный анализ показал, что временные затраты свердловских бабушек на родительский труд не связаны с их возрастом (рис. 4).

Кроме того, временные затраты свердловских бабушек на родительский труд не различаются в городской и сельской местности. Статистические тесты на разницу медианных значений не подтвердили существенность различий (таблица 3 и таблица 4).

Доля бабушек, вовлеченных в родительский труд на ежедневной основе, в обследуемый период времени находилась в диапазоне от 16,9 %

Таблица 3

Частоты медианного теста на существенность различий

Количество часов в неделю, проводимых ухаживая за детьми		Тип населенного пункта	
		город	**сельская местность**
2011	> медианы	14	2
	<= медианы	14	2
2014	> медианы	50	18
	<= медианы	61	10
2016	> медианы	43	27
	<= медианы	54	17
2018	> медианы	46	13
	<= медианы	58	13

Таблица 4

Статистики медианного теста на существенность различий

Статистики		Значение показателей по годам			
		2011 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
N		32	139	141	130
Медиана		24,50	15,00	18,00	15,00
Хи-квадрат		0,000	3,313	3,513	0,279
ст. св.		1	1	1	1
Асимпт. Знч.		1,000	0,069	0,061	0,597
Поправка Йейтса на непрерывность	Хи-квадрат	0,286	2,587	2,865	0,095
	ст. св.	1	1	1	1
	Асимпт. Знч.	0,593	0,108	0,091	0,758

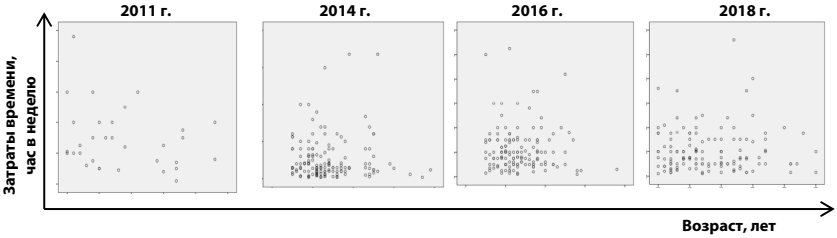

Рис. 4. *Затраты времени свердловских бабушек на прародительский труд в зависимости от возраста*

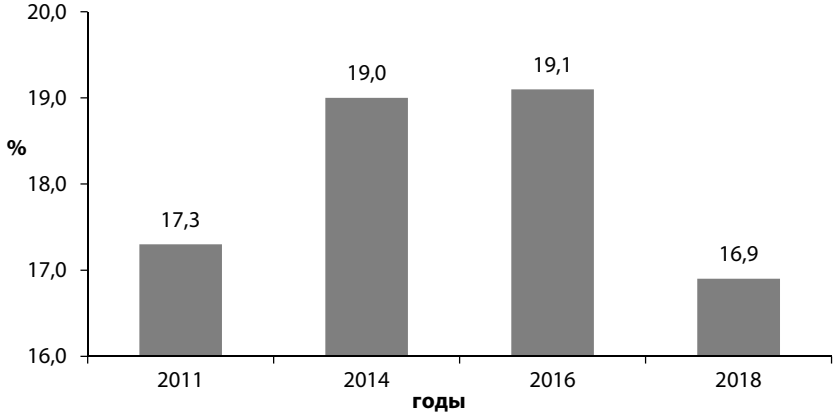

Рис. 5. *Удельный вес свердловских бабушек, вовлеченных в родительский труд на ежедневной основе, % от общего числа бабушек*

до 19,1 % и не имела однозначно выраженной тенденции к росту или снижению (рис. 5).

Таким образом, результаты нашего анализа позволили зафиксировать рост показателя числа внуков на одного прародителя в динамике с 2010

по 2018 гг. при некотором снижении активности свердловских бабушек в сфере прародительского труда. Этот труд выполняет целый спектр важных функций в обществе: от обеспечения возможности родителям быть полноценными участниками рынка труда до влияния на период активного долголетия прародителей. Следовательно, изучение этой формы делегирования функций родительского труда востребовано не только наукой, но и практикой и может послужить основой для разработки новых эффективных решений в демографической сфере.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00280.

Список источников

1. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2019 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 10.05.2020).

2. Средний возраст матери при рождении детей (лет) // Российский демографический ежегодник. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 10.05.2020).

3. Средний возраст матери при рождении детей (лет) // Российский демографический ежегодник. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B02_16/IssWWW.exe/Stg/d010/i010330r.htm (дата обращения: 10.05.2020).

Информация об авторах

Шубат Оксана Михайловна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Багирова Анна Петровна (Россия, Екатеринбург) — доктор экон. наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

O. M. Shubat, A. P. Bagirova

Dynamics of Indicators of Grandparental Labor in Sverdlovsk Region

We believe that one of the prospects for the development of the research area of parental labor is the research of grandparental labor. Based on the approaches that exist in foreign demography, as well as on the experience of studying parental labor in Russia, we analyze the dynamics of three indicators: the number of grandchildren per grandparent; the number of grandparents included in the process of grandparental labor; the time spent on the implementation of grandparental labor. The source of information for the study is data from official Russian statistics for 2010–2018. The results of the analysis show an increase in the number of grandchildren per grandparent and a slight decrease in the activity of Sverdlovsk grandmothers in the field of grandparental labor. The study of delegating the functions of parental labor to grandparents is in demand in science and practice, and its results can serve as a basis for the development of new effective solutions in the demographic sphere.

Keywords: grandparenting, grandparental labor, time spent on labor, Sverdlovsk region, parental labor

Authors

Shubat Oksana (Russian Federation, Ekaterinburg) — PhD in Economics, Assistant Professor, Ural Federal University (620002, Ekaterinburg, Mira str. 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Bagirova Anna (Russian Federation, Ekaterinburg) — Dr. Sc. (Economics), Professor, Ural Federal University (620002, Ekaterinburg, Mira str. 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR, project number 20–011–00280.

References

1. Russian regions. Socio-economic indicators. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (accessed: 10.05.2020).

2. Mean age of mothers at childbearing (years) // The Demographic Yearbook of Russia 2002. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (accessed: 10.05.2020).

3. Mean age of mothers at childbearing (years) // The Demographic Yearbook of Russia 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B02_16/IssWWW.exe/Stg/d010/i010330r.htm (accessed: 10.05.2020).

Научное издание

Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов

XI Уральский демографический форум
Международная научная конференция

Сборник статей

Том I

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол №3 от 30.06.2020 г. Рег. № 04 (№2 от 29.06.2020).

Редактор О. Л. Сафьянова.
Компьютерная верстка С. В. Кузовкой.

Подписано в печать 01.12.2020.
Формат 60x90 1/16. Бумага типографская. Печать офсетная
Усл. п. л. 17,6. Уч.-изд. л. 18.
Тираж 300 экз. Заказ № 16

Оригинал-макет подготовлен Институтом экономики УрО РАН
620014, Екатеринбург, ул. Московская 29

Отпечатано в типографии ООО «Юника»
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29